E43
250

В63

1918 ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ 1923

В4590/1

1-й экз. с. фонда

Е 43 250 1

С. С. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

355.23 (47)

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ.

СБОРНИК ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

М. Л. Белоцкого, И. Г. Клочко и Е. А. Шиловского.

С. Ф. № 7.

МОСКВА. 1923.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
Р. К. К. А.
верстал метранпаж
И. В. КИСЕЛЕВ
под наблюдением
И. Я. СЛОНИМСКОГО.

Главлит 16052. Тираж 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Приказ Реввоенсовета к пятилетию Военной Академии 1

Приказ Реввоенсовета о награждении Воен. Акад. орденом Красного Знамени 2

От Редакционной Коллегии 3

Речь тов. Троцкого 8 декабря 1918 г. на заседании открытия Воен. Акад. 5

Речь тов. Свердлова 8 декабря 1918 г. на заседании открытия Воен. Акад. 12

Георгий Чичерин.—Историческое значение Военной Академии 15

Н. Подвойский.—У колыбели Красного Генштаба 19

И. Вацетис.—К пятилетию Военной Академии Р.К.К.А. 27

А. Климович.—Основание Военной Академии 31

Эмилий Козловский.—Пять лет назад 41

М. Павлович.—К истории возникновения Академии 44

Ф. Костяев.—Первые дни 51

А. Снесарев.—Два года во главе Академии 53

В. Воронков.—Ускоренный курс 1919 года 62

Вл. Виленский (Сибиряков)—Накануне реформирования 66

Л. Печерский.—1921—1922 учебный год 70

П. Лебедев.—Задачи и методы 79

Р. Муклевич.—Академия после чистки 84

Е. Шиловский и В. Оберюхтин.—Пять учебных лет 101

А. Свечин.—Судьбы военной мысли 162

А. Верховский.—Тактика 169

Р. Циффер.—Постановка летней практики 178

С. Венцов.—История гражданской войны в Академии 183

Б. Горев.—Постановка и преподавание социально-экономических дисциплин 190

Борис Доливо-Добровольский.—Работа военного языкознания 197

Б. Абуков.—Восточный отдел Военной Академии 206

А. Де-Лазари.—Издательская деятельность Военной Академии 225

М. Захаров.—Эволюция хозяйственного быта 234

Стран.

Р. Муклевич.—Работа красных академиков в армии 248
М. Бойцов.—Академия на фронтах 256
С. Красовский.—Наши герои 266
Н. Какурин.—Состав профессуры за пять лет 271

Л. Маневич.—Пять лет партработы в стенах Академии 276
И. Косогов.—Очерк самодеятельности слушателей Военной Академии 282
М. Плотников.—Комплектование Военной Академии Р.К.К.А. 318

С. Белицкий.—К истории Военно-Научного Общества 343
И. Клочко.—Из дневника Военно-Научного Общества 352
К. Калиновский.—Современное состояние ВНО 371
И. Клочко.—Редакционно-издательская деятельность ВНО 383

Приложение 403

ПРИКАЗ

РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА С. С. С. Р.

8 декабря 1923 г. № 2656. г. Москва.

Сегодня, 8 декабря, Военная Академия РККА празднует свою пятилетнюю годовщину. Этот день достоен быть отмеченным не только в календаре армии, но и в календаре Республики.

Пять лет назад приказ Реввоенсовета призвал к жизни Красную Академию. Она строилась в исключительно трудных условиях, не унаследовав от прошлого ни аппарата управления, ни готового кадра профессуры, ни даже необходимого имущества. Все приходилось создавать заново в обстановке острой гражданской борьбы и тяжелых материальных невзгод.

Прошедшие годы были для Академии периодом величайшего напряжения. Они теснейшим образом переплетаются с жизнью Красной армии, с ее боевой работой, невзгодами, успехами, временными поражениями и конечной победой.

В эпоху великой гражданской борьбы слушатели Академии, а также часть нынешней профессуры, сочетая научно-учебную работу с боевой, мужественно боролись за Советскую Республику, что и было ознаменовано в свое время награждением орденом Красного Знамени как самой Академии в целом, так и значительной части ее личного состава.

Период наступившего затишья полон упорного труда, напряженных исканий и достижений. Стремясь проложить новые пути в научно-учебной работе, Военная Академия неуклонно продвигалась вперед по дороге живого творчества, единого с целями и задачами Красной армии.

Уже три волны красных военных работников высокой квалификации влились из Академии в ряды армии; три новых волны набираются сейчас сил, знаний и умения в Академии.

Впереди еще много работы. Надо совершенствоваться, идти вперед и вести за собой других.

Единство полей сражения в прошлом, общность целей и интересов связывают Военную Академию с трудящимися всех народов Союза и Красной армией.

Народы Советского Союза всегда с особым вниманием, заботой и любовью относились к своей Красной Академии, лаборатории организаторской военной мысли и практических достижений.

Горячо приветствуя Краснознаменную Военную Академию в день ее пятой годовщины, Реввоенсовет СССР благодарит ее за тяжелую и полезную службу и уверен в дальнейшей дружной и плодотворной работе всего ее состава для укрепления мощи нашего Союза и его Красной армии.

Председатель Реввоенсовета СССР Л. Троцкий.

ПРИКАЗ

РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ АРМИИ.

9 января 1922 года. № 4. г. Москва.

Награждается орденом Красного Знамени:

Военная Академия Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В минувшую гражданскую войну Военная Академия РККА, в лице своих слушателей, принимала самое деятельное участие в активной борьбе против многочисленных врагов Советской Республики.

В важные и ответственные моменты тяжелых боевых переживаний советской власти Красные Генштабисты, по призыву РВСР, вливались в действующие ряды Красной армии, и, находясь в ней на различных постах, своим молодым революционным порывом, неудержимой отвагой и работой до самозабвения вносили в дело защиты Революции тот могучий дух, ту живую силу, против которых не могли устоять самые упорные враги Республики.

Ярким свидетелем воинской доблести, проявленной слушателями Академии на ратном поле, является то обстоятельство, что 33% их состава награждены высокой революционной наградой—орденом Красного Знамени или представлены к этой награде.

Слава их—слава Военной Академии, воспитывающей верных сынов Революции и культивирующей в них те революционно-боевые заветы, которыми должен быть силен Красный Генштабист.

Заместитель Председателя Революционного Военного Совета Республики **Э. Склянский.**

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики **С. Каменев.**

При составлении настоящего юбилейного сборника Редакционная Коллегия поставлена была в крайне трудное положение: дать ли официальную летопись пятилетней жизни и деятельности Академии, так сказать, административный отчет на основе точных исторических документов, ограничиться ли воспоминаниями лиц, организаций и учреждений, принимавших участие в ее строительстве и жизни, или же сочетать то и другое?

Остановиться на первом решении Редколлегия не могла:

во-первых, потому, что рамки официальной истории ни в какой мере не охватили-бы подлинной академической жизни, основной фарватер которой неизменно отражал влияние органов слушательской самодеятельности, часто не оставлявших по себе официальных документов;

во-вторых, потому, что тщательная проверка материалов и дополнение их со стороны лиц, зачастую находящихся вне пределов Москвы, потребовали бы значительно большего времени, чем 2-х-месячный срок, предоставленный в распоряжение редакции.

Второе решение также не могло быть принято целиком, так как неизбежная в таком случае тенденциозность освещения основных моментов потребовала бы от редакции многочисленных примечаний, чтобы не поставить читателя перед неразрешимым вопросом: какое же освещение отражает действительное лицо Академии?

Нежелание обратить книгу в полемический сборник и соблазн дать и исторический обзор, и исторические воспоминания усугублялись еще и тем, что Академия не выпустила до сих пор ни одной книжки (если не считать маленького сборника по поводу 2-хлетия), которая бы послужила и костяком истории Академии, и отразила бы идейную эволюцию как в области ее научной деятельности, так и в содержании работы других многочисленных органов, неизменно влиявших на формирование идейного облика всего академического организма.

Редакция избрала последний путь, сохранив за собою право установления общей программы сборника, фактичности материала и соответствующей редакционной обработки.

В сборнике нашли поэтому место часто противоположные точки зрения как на судьбу военно-научной мысли, так и на методы преподавания; здесь же в достаточной мере отразилась и работа самодеятельных сил Академии, хотя не в такой полноте, как это следовало бы.

Редакция не стремилась к примирению различных взглядов, наоборот, она предоставляла полную возможность их наиболее четкому выявлению.

Нельзя не отметить, что главными факторами достижений Академии за минувшие пять лет были:

1. Исключительно плодотворная деятельность создателей Академии, их внимание к ней и твердое постоянное идейное руководство ее работой. Среди них почетное место принадлежит как ЦКРКП вообще, так и тов. Троцкому в частности.

2. Настойчивая организаторская военно-научная работа коллектива творческих сил всех работников Академии (администрации и профессуры).

3. Инициатива, активная самодеятельность и революционная энергия слушательских масс и их органов, особенно: ячейки РКП, ВНО и друг.

Взаимодействие этих созидательных сил на всех фронтах академической подготовки, — раз навсегда отринули отжившие, старые формы, претворив нынешнюю Академию в научно-практическую лабораторию для всестороннего коллективного проявления, созревания и расцвета современной военно-научной мысли.

Довольно большой размер сборника об'ясняется характером его содержания; но рассчет на то, что этим первым шагом мы освобождаем последующие сборники как от излишнего материала, так и от пестрящего разнообразия, позволил нам в отношении об'ема быть более щедрыми.

Редакционная Коллегия.

Речь тов. Троцкого

8 декабря 1918 г. на торжественном заседании открытия Военной Академии.

Товарищи преподаватели, слушатели академии и гости! Позвольте поздравить слушателей, преподавателей и, в лице гостей, всех граждан Советской Республики с открытием Военной Академии—высшего военного учебного заведения Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Академия возникает слишком поздно. Мы хотели открыть ее раньше, потому что в рядах военного ведомства и правительственной власти в целом не было, разумеется, ни на один миг сомнения относительно необходимости для армии высшего военного учебного заведения. Большинству, если не всем, известны обстоятельства, которые тормозили и, в известный момент, помешали возобновлению занятий в Военной Академии. Только теперь, более года после октябрьского переворота, мы получили возможность собраться здесь, чтобы вместе отметить торжественный день открытия высшего учебного военного заведения Рабоче-Крестьянской России.

Прежде всего я хотел бы устранить одно недоразумение, которое часто связывается с вопросом об армии и о военном искусстве. Есть такой предрассудок или, по крайней мере, такая внешняя форма предрассудка, не всегда искренняя, будто армия, наука войны, искусство войны и учреждения войны могут стоять вне политики. Это неверно. Этого не было никогда. Этого нет нигде, и этого никогда нигде не будет. Один из самых больших теоретиков военного дела, немец Клаузевитц, писал, что „война есть продолжение политики только другими средствами“. Другими словами, и война есть политика, осуществляемая при помощи суровых средств железа и крови. И это верно. Война есть политика, армия есть орудие этой политики. Академия есть необ-

ходимое учреждение для армии, стало быть, для политики. Суть дела в том, что в эпохи, когда учреждения и идеи переходят преемственно от поколения к поколению, и когда живущие не видят перелома, переворота, в такие эпохи политика незаметна, как воздух. Старая армия была—тут нет ничьей индивидуальной вины,—здесь, среди нас, среди преподавателей много лиц, которые все время работали в старой армии; и я не сомневаюсь, и никто из вас не имеет основания сомневаться в том, что они работали с самыми лучшими намерениями, добросовестно, но, в силу об'ективных исторических условий, старая армия, ее старые учреждения, в том числе и учебные и ученые, были орудием той политики, которую вели тогдашние господствующие классы. Это была тоже политика—политика монархическая, дворянская, бюрократическая, которая соединилась в последние десятилетия с политикой капиталистической. Мы пережили глубочайший переворот, один из самых могущественных переворотов, какой когда-либо знала человеческая история. И, если до недавнего времени у кой-кого могла быть мысль или надежда, или опасения, что этот переворот явился случайностью или результатом нашего отечественного варварства (нам бросали этот упрек с Запада), то теперь, после переворота в Германии, где колесо судьбы еще не остановилось, и где оно вращается в том же направлении, в каком вращалось колесо русской истории, после переворота в Австро-Венгрии и после тех первых явлений революции, какие мы наблюдаем в странах более западных, для каждого мыслящего человека, хотя бы он в своем прошлом не принадлежал к революционной партии, ясно, что мы вступили в новую полосу мировой истории, где все события движутся по однородным законам в разной национальной среде. Германия только догоняет нас в отношении путей и форм революционного развития и быстро догонит. Затем очередь Франции, Англии и других капиталистических стран. Всюду политика изменяется, социальный организм изменяется, новые господствующие классы появляются на сцене, классы, которые временно берут в свои руки господство для того, чтобы уничтожить всякое развитие классов и всякое классовое господство. И вот мы живем в тот момент переходного периода, когда старые господствующие классы, те классы, которые эксплоатировали массы, опрокинуты или опрокидываются, когда новые господствующие трудовые классы забирают в свои руки государственную систему, чтобы уничтожить самые основы классового господства и чтобы превратить общество в один планомерно организованный коллектив, который работает, произво-

Торжественное заседание открытия Военной Академии 8-го декабря 1918 года.

дит, обороняет себя на артельных товарищеских или коммунистических началах.

Ясно, что в такой период армия должна перестроиться, должна выравняться по фронту с теми классами, которые взяли в свои руки господство. Ясно, что Академия, как высшее духовное учреждение этой армии, должна равняться по фронту со всей рабоче-крестьянской Красной Армией. Она должна отбросить, насколько это допустается самым существом вопроса, внешний академизм, то, с чем связывается представление о педантизме, о схоластике, о рутине, о всяком мандаринстве, очистить от скорлупы и шелухи самое ядро военного познания, ядро, которое должно, особенно теперь, когда мы находимся под палкой международной военной необходимости, иметь непосредственно и глубоко утилитарный характер, т.-е. мы должны учиться, чтобы немедленно же учить других и применять все на деле. Мы вынуждены оборонятся; мы хотим обороняться хорошо, т.-е. с наибольшей экономией сил, средств и крови нашей рабоче-крестьянской Красной армии. Правда, наше положение не может быть названо легким, но если мы оглянемся на эти четыре слишком года мировой войны, то мы должны придти к выводу, что история изменила мировое соотношение скорее к нашей выгоде, чем к невыгоде. В мировой войне мы потерпели ужасающее поражение. Всем ясно теперь, что это поражение определялось тремя основными причинами. Во-первых, — нашей технической отсталостью. Военная техника есть только производственная от всей хозяйственной мощи страны. Мы были экономически и технически более отсталыми. В первый период войны это не было так заметно потому, что мы имели возможность запастись известным количеством необходимых в классовом обществе смертоносных орудий техники, но, чем больше война затягивалась, чем больше материальных средств войны изнашивалось, чем больше требований пред'являлось к хозяйственному организму страны, тем более обнаруживалась наша экономическая отсталость, а стало быть, и слабость. Вторая причина—это человеческий состав армии, ее солдатская масса.

Многомиллионный русский крестьянин, придавленный царизмом, невежеством, нуждою, был лишен той инициативы и личной предприимчивости, которые неразрывно связаны с новыми методами войны, порожденными новою мировою техникой. Крестьянину, взятому из села, со старыми предрассудками, без всякого навыка личной инициативы было трудно разбираться в условиях

нынешней войны. Он героически умирал, погибал, но он оказывался слабее, как военная индивидуальность.

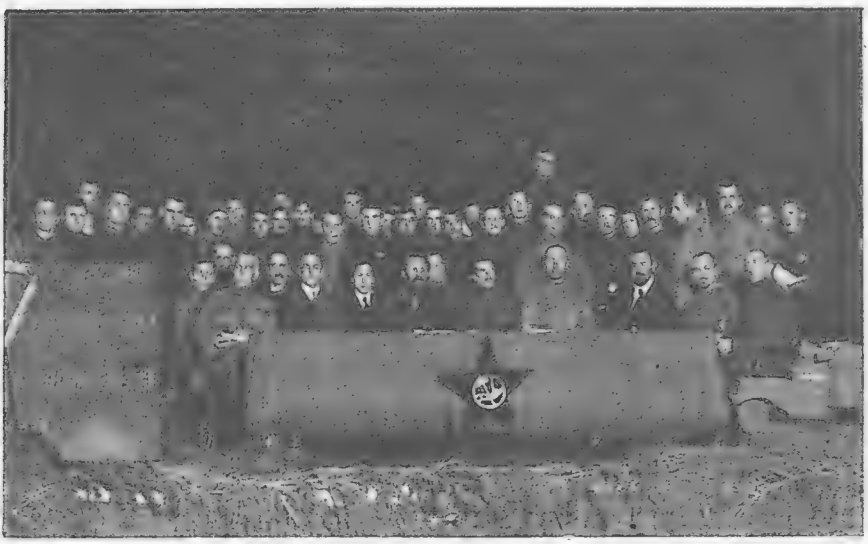
И, наконец, в третьих, командный состав, на который и по праву, и без права ложилась ответственность в глазах солдатской массы за все неудачи, за все кровопролития, не приводившие к цели, и за все унижения. Именно потому, что это был командный состав, и именно потому, что этот командный состав во всем своем прошлом был тесно связан с теми господствующими классами, которые, в сознании рядовой солдатской массы, держали в своих руках судьбы страны, привели ее к войне и дали ужасающее поражение. Отсюда тот страшный раскол между солдатской массой и командным составом, раскол, который, в известные моменты революции, принимал такие драматические, кровавые, всем известные формы.

Если мы теперь спросим себя, какие изменения в эти три фактора внесли последние события, опять события последних лет и месяцев, то мы должны будем признать, что по первому вопросу, о технике, мы, конечно, не стали сильнее или могущественнее. Но все страны стали неизмеримо слабее. Организм германской техники является несравненным, неподражаемым даже для самых европейских стран, но из этого совершенного организма, или, вернее, механизма, только достаточно вырвать то или другое звено, чтобы он пришел в полное расстройство. Там не хватает тех или других ценных металлов, там не хватает топлива, там не хватает бензина, в разных странах не хватает разного, а стало быть и военная промышленность приходит в расстройство.

В Германии это обнаруживается уже катастрофически. Завтра это обнаружится во Франции и в Англии, а затем и в Америке, во всех странах. Следовательно, мы все подравнялись по линии бедности, по линии истощения.

Теперь в отношении солдатской массы и испытания войны со всеми ее бедствиями и унижениями. Прежде всего, колоссальная встряска революции пробудила человеческую личность в самом загнанном, затравленном и неграмотном крестьянине. Разумеется, люди непривычные к революции и ее психологии, не переживавшие предварительно идейно то, что перед ними развернулось физически, материально, могли с известным ужасом, если только не с отвращением, глядеть на тот разгул и произвол анархии, который наблюдался на поверхности революционных событий. Но в этом разгуле, в явлениях самых отрицательных, когда вчерашний раб—солдат, попавший в вагон I класса, срывал бархатную обшивку себе на портянки, в этом вандаль-

ском проявлении все же было пробуждение личности. Этот загнанный, затравленный русский крестьянин, которого били по физиономии, которого ругали самыми последними словами, попал в первый раз, может быть, в вагон I класса, увидал бархат, а у него в сапогах были вонючие онучи, он сорвал бархат и сказал, что и он имеет право на кусок хорошего сукна или бархата. На второй, на третий день, месяц или год, нет, месяц, он понял безобразие расхищения народного достояния, но пробужденная личность, индивидуальность, не номер такой-то, а человеческая личность, в нем уже остались навсегда. Задача—ввести ее в рамки коллектива, заставить ее почувствовать себя не номером, не ра-



Празднование первой годовщины Военной Академии.

бом, как раньше, и не только Ивановым и Петровым, но Ивановым — личностью, раз, и в то же время частью общенародного коллектива без рабов и без хозяев,—два. Вот задача широкого воспитания в широком смысле слова. И в этом отношении мы, несомненно, сделали огромный шаг вперед. Не только пролетариат городов, и широкие слои многомиллионного крестьянства совершенно переродились за этот период. Когда-то один французский революционер, Баусси, сказал, что за 6 лет французской революции народ французский накопил больше опыта, чем в другой период за 6 столетий.

Карл Маркс говорит, что революция—это локомотив истории. И это так. За этот период, несмотря ни на грубость, ни на

предрассудки, ни на темноту и невежество русского крестьянства, оно в первую голову переродилось внутренно и стало способно к гораздо большей инициативе и самостоятельности; и когда окончательно впитаются уроки истории, народ, который был унижен в течение столетий, совершит могущественный прыжок вперед и станет вровень, а, может быть, и впереди многих других народов.

Вопрос о командном составе есть третий и самый больной еще до настоящего момента вопрос. Здесь, на этом собрании сегодняшних и будущих академиков, мы можем отойти на известное расстояние от событий с тем об'ективизмом, которого мы себе не позволяем и не имеем права позволять в революционной борьбе, можем дать себе психологический отчет в том, как и почему широкие круги старого офицерства не пошли и не захотели пойти в ряды рабочей и крестьянской армии. Там были такие, которые продавали себя, но были, несомненно, и честные люди. К этому замечанию относятся мои слова об об'ективизме... Были и честные люди, но по своей психологии, по навыкам, взглядам и суждениям, они развивались в определенную историческую формацию, в которой не могло быть никаких дальнейших перемен, и они проявили известную цельность. Были другие, которые сумели понять (это, разумеется, более высокий тип), что тут не причуды банды темных людей и не произвол какой-либо отдельной партии, а глубокий, можно сказать, геологический сдвиг социальных основ жизни, что против него бороться при помощи проклятий или белогвардейского мятежа есть самое жалкое и постыдное донкихотство, в лучшем случае. Но было много таких, которые оказались неспособными подчиняться духу новой эпохи. Они шли в ряды рабоче-крестьянской Красной армии, как агенты наших врагов. Может быть, и сейчас остался некоторый процент таких. Но были высшие, которые поняли, что страна наша поднимается на некоторую более высокую ступень из тех болот и крови, куда она была ввергнута испытаниями и униженнями этой ужасающей войны. Но таких оказалось мало.

Мы начали создавать новый командный состав из среды рабочих и крестьян. Этот новый командный состав пока еще крайне недостаточен количественно и крайне недостаточен качественно, ибо у нас нет из этой новый среды командиров, красных офицеров с высшим образованием.

Заполнить этот пробел и является задачею настоящей академии. Если задача создания и сформирования солдат и командиров имеет двусторонний характер—характер воспитания сол-

дат и командиров и характер обучения, то мы должны сказать, что и здесь исторический переворот, весь этот социальный сдвиг работы социального воспитания в высшей степени облегчит и работу военного воспитания в том числе, ибо не нужно быть коммунистом и старым революционером, чтобы понять теперь, во всяком случае, то, что старая система воспитания, та, которая нашла свое классическое выражение в Германии и там же потерпела классический крах, сводилась к тому, чтобы из рядов угнетенных классов, трудящихся классов, извлечь миллионы и воспитать их так, чтобы они поддерживали государственный строй, поддерживающий и закрепляющий их собственное угнетение. Вот в чем была трудность старого военного воспитания. Это была сложная социальная дрессировка, она отнимала много времени, внимания и сил. Наше социальное воспитание, и военное в том числе (я говорю о нашем в смысле нашей эпохи) состоит в том, чтобы заставить каждого рабочего, солдата и крестьянина понимать тот коллектив, который обслуживает его собственные интересы, и только его интересы. Наше преимущество в том, что нам нечего скрывать от рабочего и крестьянина, нечего скрывать, что все ошибки нашего строя, все ошибки этого режима—есть ошибки господства рабочих и крестьян. У нас плохо распределяется продовольствие не потому, чтобы буржуазия, или дворянство, или царь это продовольствие прибирали к рукам, а потому, что крестьяне и рабочие не научились его распределять, как следует быть. Отсюда вывод: учитесь. У нас военное снабжение поставлено не так, как надо быть. Прорех много везде и всюду. Мы слишком мало обличаем их в печати. Как раз в разговоре с председателем Высшей Военной Инспекции я настаивал на том, чтобы выводить нам на свет божий, за ушко да на солнышко, все прорехи, все недочеты нашего механизма, ибо нам нечего скрывать от тех классов, которые сейчас призваны господствовать, от трудящихся классов. В этом состоит огромное преимущество того положения, в котором находится нынешний командир. Если он потребует суровой дисциплины,—он обязан ее потребовать,—если он поднимает в этом смысле свой голос, никто не посмеет сказать, что этого он требует в интересах дворян, царя. Он скажет, что поставлен Всероссийской Советской властью, осуществляемой, как в высшем своем органе, во всероссийском с'езде рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; это есть колоссальный нравственный авторитет, которого не имеет, по сравнению с нашим новым русским офицером, ни один офицер в мире.

Я начал с того, что Академия не может быть вне политики. Задача Академии — заставить тот офицерский состав, который пройдет чрез ряды этой Академии, понять характер новых условий, природы новых классов и той новой армии, которая им служит. И для этих новых классов, для этой новой армии учесть и применить все те выводы военной науки и техники, которые можно извлечь из современной войны.

Специалисты очистили и освободили программу Академии от чисто „академического“ старья, хлама. Нам незачем изучать теперь, в эти небольшие периоды, какие нам дает история, решение вопросов войны греков и римлян и средних веков. Мы имеем теперь такую эпоху 4-х летней войны, в которой все, что было во всех странах, во всех эпохах, у всех наций, нашло свое применение; где люди летали над облаками, с одной стороны, и где они как кроты, как троглодиты, забирались в пещеры, грязные подземелья траншей. Все полюсы, все противоречия взаимоистребления народов нашли здесь свое выражение и применение, и если Академия захочет—а она захочет,—сможет и сумеет—а она сможет и сумеет—мобилизовать этот материал последней войны, и вооружить практическими выводами наш командный состав, то этим сослужит величайшую практическую службу. Мало того, именно потому, что это будет Академия, освобожденная от педантизма, рутины и мандаринства, так как она не зарождалась в звездных пространствах, а под влиянием непосредственного толчка, практики и внутренней потребности. Такая потребность есть. Она неотразима. Мы обязаны оборонять нашу страну, ставшую честной трудовой рабочей и крестьянской страной. Мы обязаны ее оборонять от всякого насилия и всяких попыток подавления. Воля к такой обороне есть у широких масс русского народа. Это воля рабочего класса и крестьянства. И инициатива этих классов, их сознание, их предприимчивость стали несомненно выше. Им не хватает во многих случаях лишь военного руководства. В лице здесь присутствующих, поздравляю снова Советскую Россию с этим торжественным актом открытия нашего высшего учебного заведения.

Да здравствует Военная Академия Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Да здравствует сама Рабоче-Крестьянская Красная армия. Ура! (Громкие крики „ура“. Бурные аплодисменты).

Речь тов. Свердлова

на торжественном заседании открытия Академии 8-го декабря 1918 года.

Товарищи, с особенно горячим чувством приветствую я Вас, слушателей новой Академии генерального штаба от имени Центрального Исполнительного Комитета (аплодисменты).

Никогда еще наша страна не переживала такого серьезного момента, какой переживаем мы в настоящее время, и если многие из Вас вместе с нами в Октябрьские дни бились за победы рабочего класса, если мы вместе с Вами в Октябрьские дни поднимали наше знамя за скорейшее осуществление лозунгов братства всех трудящихся всего мира, если мы тогда поднимали наше знамя за скорейшее осуществление всеобщего мира, то сейчас нам можно бороться за этот мир только путем создания своей рабочей крестьянской Красной армии. Только тогда, когда мы можем здесь в Советской России создать сплоченную красную армию из рабочих и крестьян, только тогда, когда мы сможем дать этой красной армии коммунистический пролетарский командный состав, отдельные представители которого вышли из среды самого рабочего класса, отдельные представители которого сами веруют в то великое учение коммунизма, в которое веруем и мы, отдельные представители которого являются нашими идейными товарищами, такими же членами коммунистической партии, как и мы, только при этих условиях, когда мы создадим такой командный состав, мы завершим, мы закончим построение нашей Красной армии. До сих пор мы создавали инструкторские курсы, до сих пор мы выпускали красноармейских офицеров десятками и сотнями, но у нас не было своих ученых офицеров, генштабистов, офицеров-генштабистов коммунистов. Но сейчас, когда мы присутствуем при открытии новой Академии генерального штаба мы можем смело сказать, что мы

завершаем создание коммунистической рабоче-крестьянской Красной армии. Помните, товарищи, на Вас лежит великая ответственность перед всем рабочим классом не только России, но и всего мира. Наша страна первая подняла знамя социальной революции, впервые в большой стране установилось господство рабочих и крестьян, и если полчища империалистов разных стран до сих пор продолжают свое гнусное наступление на нас, то это только потому, что сознают, что отсюда из России пожар социалистической революции распространяется по всему миру, мы принуждены создавать армию, могущую дать отпор империалистическим бандам с одной стороны и с другой стороны армию, могущую показать рабочим других стран, как рабочие, взявшие власть в свои руки, отстаивают свою власть от всяческих нападений.

Мы должны пройти, как можно скорее, как можно полнее, ту военную и учебную школу, которую предстоит Вам пройти. Вы должны вновь явиться в ту красную армию, из рядов которой вы вышли, с которой вы спаяны кровью. Все те знания, которые почерпнете здесь, Вы должны будете перенести в армию, чтобы Вы, коммунисты-генштабисты, могли создавать ее действительно боеспособной и крепкой, могущей не только отстаивать свои границы, но и разносить социалистическую революцию по всему миру. (Аплодисменты).

Историческое значение Военной Академии Р. К. К. А.

Георгий Чичерин.

Реформистское крыло старого Интернационала отличалось одновременно и самым бесцеремонным оппортунизмом, и самой крайней мечтательностью и склонностью к иллюзиям. Как раз у наиболее честных, идейных представителей реформистского течения эта двойственность выражалась особенно сильно. Ни у кого, пожалуй, она не выражалась так ярко, как у гиганта реформистского социализма Жореса. Его усилия в его парламентской деятельности были больше всего направлены на то, чтобы поддержать несколько более левого буржуазного министра против несколько более правого, чтобы отстоять несколько менее вредный для масс закон против несколько более вредного. Выборная тактика его приверженцев заключалась в том, чтобы соединиться с несколько менее опасным буржуазным кандидатом, против несколько более опасного. Но в то же время глубоко честный, восторженный, и из ряда вон талантливый, идейный деятель Жорес постоянно пре-

давался самым беспочвенным иллюзиям на счет возможности достижения его идейных целей, при существующем общественном строе и обстановке. Он произносил действительно великолепные, проникнутые глубочайшей искренностью речи о справедливости и о благе народа, и он никогда не отказывался от мечты о достижении этих прекрасных целей путем великолепных парламентских речей, путем убеждения своих политических противников, путем воздействия на более левых из буржуазных политиков.

Одной из его прекрасных иллюзий была его программа создания новой армии. Его книга о новой армии рисовала чрезвычайно смелую картину всеобщего народного вооружения, превращения всего вооруженного народа в единую национальную армию, передачи таким образом самим народным массам того политического могущества, которое дается военной силой. Сам народ, имеющий в своих руках военную силу, сам народ, слившийся воедино с армией — вот его смелая мечта, которую он предлагал к исполнению в своей известной книге. Он воображал себе, что при капиталистическом строе можно путем убеждения и путем парламентских речей достигнуть такого коренного преобразования, как передача военного могущества в руки организованных народных масс.

Однако, в этой бочке меда была ложка дегтя, превращавшая в ничто эти смелые мечтания. Кто будет командовать всенародной армией, организованными вооруженными народными массами? Кто может командовать, как не тот, кто обладает необходимой подготовкой, т.-е. образованием. И вот, к вооруженному организованному народу присоединялся командный состав из людей с образованием, т.-е. из буржуазии. Представители буржуазных профессий должны были также отбывать всенародную воинскую повинность, как и другие, с тем различием, что они, как носители образования, должны были занимать командные должности. Организованные народные массы получали в свои руки вооруженную силу, но они оставались под командой организованной буржуазии.

Все это было весьма блестяще мотивировано. Командовать армией есть сложное дело, требующее громадных познаний. Военные специалисты, однако, недостаточны по своей численности, чтобы одни командовать вооруженным народом. Другие элементы командного состава—это те, которые не обладают специальной научной военной подготовкой, но которые могут служить подсобным элементом благодаря своей общеобразовательной

подготовке. Последняя является необходимостью. Таким образом, сохранение командования в руках буржуазии оказывается вполне мотивированным. И действительно, господствующий класс захватил в свои руки не только государственную власть и материальное могущество, не только средства производства и все блага жизни, но и умственную культуру, могучее орудие образования. В казавшейся неприступной цитадели господствующего класса одно из главных мест занимали фортификации умственной культуры. Неуч должен был подчиняться власти образованного, образование же было монополией господствующего класса. И в том главнейшем орудии материального господства, которое представляет собой армия, командование было обусловлено образованием, т.-е. было неот'емлемой привиллегией господствующих классов.

Рабоче-крестьянская революция вырвала у буржуазии эту привиллегию одновременно со всеми другими привиллегиями. Она открыла самым широким массам трудящихся путь также и к образованию. Эта прежняя привиллегия буржуазии должна принадлежать трудящимся. И прежде всего, раньше всего прочего, рабоче-крестьянская революция вырвала у своих врагов привиллегию командования армией.

Этими историческими предпосылками обусловливается громадное, не имеющее прецедента значение нашей Красной Военной Академии. Это есть одно из главнейших и сильнейших звеньев всей системы власти трудящихся. Рожденная в боевом огне, в период геройской защиты от наступавших отовсюду внешних врагов и контр-революционеров, наша Красная Военная Академия остается одной из главнейших сил власти трудящихся и их защиты от нападения.

Современная война—есть война техники, специальных знаний и сложной специальной подготовки. Республика трудящихся не может противостоять бесчисленным врагам без военной защиты, а военная защита против вооруженных, всей современной техникой, врагов обусловливается всей полнотой громадной, сложной специальной подготовки. Колониальные народы проявляли величайшие чудеса героизма в своей борьбе против европейских завоевателей, но оказывались бессильны против европейской техники. Обладание этой техникой есть элементарное, необходимейшее условие нашей военной защиты.

Товарищи, отдавшие свои силы работе в стенах нашей Красной Военной Академии, должны ясно сознавать, какой великой привиллегией они обладают, и какая великая задача на них воз-

ложена. Кому много дано, с того много и спросится. Самый высокий уровень, во всех отношениях, должен быть минимальным требованием для наших товарищей в Военной Академии.

За пять лет своего существования Военная Академия РККА создала уже традицию. Новым поколениям питомцев Красной Военной Академии уже легче втягиваться в ее требования, чем первым пионерам, которые им предшествовали. Память об этих первых пионерах останется навсегда особенно дорогой Республике Трудящихся. Пусть это гордое знамя, которое товарищи первых лет с доблестью пронесли через величайшие испытания, остается твердо и незыблемо в руках дальнейших поколений питомцев Академии. Республика трудящихся одарила их своим доверием. На них возложена одна из главнейших задач Республики. На них положилась Республика трудящихся. С твердой надеждой и бодростью мы смотрим вперед и ждем великих достижений от будущих судеб нашей Красной Военной Академии.

Георгий Чичерин.

У колыбели Красного Генштаба.

Н. И. Подвойский,
один из организаторов В. А.

Идея Академии красного генерального штаба родилась из практики организационной военной работы пролетариата и опыта первых месяцев войны рабочих и крестьян за существование и независимость РСФСР.

Вслед за взятием Зимнего дворца 25 Октября 1917 года рабоче-крестьянскому фронту пришлось сразу же развернуться в Москве против юнкеров и белогвардейщины и одновременно выдвинуться на Пулковские высоты для обороны Петербурга от брошенных на него Керенским казачьих войск под командованием генерала Краснова.

Укрепив в Москве власть Советов, сразив Керенского, казаков и поднятое в это время в самом Петербурге эсерами и меньшевиками против пролетариата восстание юнкеров и георгиевцев, революционный фронт потянулся боем Красной гвардии через контр-революционно мятежившие губернии центра на Юг и Восток, на Украину, Дон, Урал.

Рабоче-крестьянский строй рождался в муках на лезвии классовой войны внутри страны, на острие империалистического бешенства к нему извне, с Запада, под жерлами пушек, направленных на него германскими генералами.

Война с контр-революцией покрыла республику Советов сетью добровольческих Советских гарнизонов.

Надвигающиеся на РСФСР грозы империализма связали воедино Советские гарнизоны, и 15 января 1918 года закрепили

декретом Совнаркома общереспубликанскую организацию Красной армии из сознающих свой долг перед пролетарской революцией рабочих и крестьян.

Поход полков немецкого империализма на Петербург продиктовал РСФСР масштаб и характер рабоче-крестьянской вооруженной силы, способной противостоять империализму: повинность для каждого трудящегося защищать РСФСР от врагов, всеобщность для этого военного обучения и необходимость создания военно-подготовленного кадра красных командиров Красной армии.

Пролетарская революция для войны считала только десятками революционных офицеров.

Бряцание оружием немецких генералов в Брест-Литовске при переговорах Советской власти о мире, создало Всероссийскую коллегию по организации, формированию и управлению Красной армии.

Издёвка германского империализма над жаждой мира русского рабочего и крестьянина подняла работу Всероссийской коллегии по сколачиванию кадров военно-революционных организаторов, инструкторов и командиров до лихорадочной фронтовой поспешности.

Гроза империализма наэлектризовала первых эмиссаров Всероссийской коллегии. Заряженные идеологией социалистической революционной армии, неся с собой принципы организации Красной армии, эмиссары коллегии, появляясь в качестве руководителей организации Красной армии и руководителей ее боевыми действиями в важнейших пунктах РСФСР, строят при исполкомах Советов Военные отделы, делают их аппаратами организации и обучения Красной армии, выбирают из рядов рабочих и крестьян командиров и через них крепят вооруженную мощь рабочих и крестьян.

Навстречу лихорадочной работе центра—Всероссийской коллегии, та же работа по созданию органов и сил обороны пролетарских революционных завоеваний развертывается по инициативе местных военных организаций большевиков, Ревкомов и Советов.

Организация Красной армии растет, растут военные отделы, растут батальоны, полки Красной армии и сразу же идут на врагов. Организационная и командная работа требуют квалифицированных сил. Все уголки и все фронты РСФСР нуждаются в ней.

Петербург и, впоследствии, Москва осаждаются требованиями с мест на организаторов, инструкторов, командиров и штабных работников для Красной армии. Их в резерве пролетарской революции нет. Создаются наспех организаторские, инструкторские и командные курсы, где все поспешнее и поспешнее готовятся пролетарские командные курсы Красной армии.

Энтузиазмом, революционным вдохновением началось созидание Красной армии. Но устройство армии, подготовка ее к боям, командование в боях требовали системы, знания, опыта.

Всему нашему революционному военному фронту недоставало военной квалификации. А органической работой военного строительства ежедневно и, можно сказать, ежечасно выдвигались все новые и новые задачи как в центре—в Всероссийской коллегии, так и на местах—в военных отделах и штабах.

У Всероссийской коллегии рядом с непосредственным руководством работой по формированию Красной армии, строились в ряд работы: установление и введение в Советскую государственную организацию единой централизованной системы военных органов управления; выработка, на основании опыта последней империалистической войны и практики начавшейся гражданской войны, новых штатов войсковых частей; выработка новых уставов армии; выработка наставлений и руководств по политическому воспитанию армии. Всероссийской коллегии предстояло из практики революции и опыта империалистической войны соткать канву новой военной системы, выковать звенья организации армии, выработать способ превращения рабоче-крестьянской вооруженной силы в победную силу, установить основы ее устройства, нащупать элементы ее тактики.

На местах стояли задачи: введение военного управления в Советскую систему местного государственного управления; выработка способов подбора боевого состава армии из добровольцев рабочих и крестьян; превращение этого сырого материала в боевые части армии; военное устройство, снабжение и обучение их.

Каждый штаб, и прежде всего штаб Всероссийской коллегии, каждый военный отдел, являясь руководителем сложнейшей, при тогдашней обстановке, и важнейшей работы для существования и независимости РСФСР, в одно и то же время был и лабораторией, переваривавшей опыт организационной и боевой практики каждой частицы будущей грозной рабоче-крестьянской силы и опытной школой для самих работников штабов, военных отделов и Всероссийской коллегии.

Численности нашего революционного командного состава, военной квалификации у наших кадров, сил нашей молодой армии хватило на то, чтобы в первых схватках победить гайдамаков на Украине, Каледина на Дону, Дутова на Урале. Но такой квалификации при всем революционном энтузиазме, героизме и упорстве в борьбе рабочего класса было недостаточно для борьбы с надвигающимся на РСФСР империализмом.

Завесившись в начале 1918 г. вооруженной завесой с Запада и Юга, под прикрытием этой завесы РСФСР сосредотачивает свое внимание, все средства и силы на том, чтобы сила пролетариата не поддалась силе империализма. Так заканчивается первый период новой военной истории России.

Основной вывод первого периода существования Советской власти говорил о том, что пролетариату и крестьянству предстоит внутри страны жесточайшая и длительная гражданская война и многие войны за свою независимость с врагами извне. Второй вывод говорил, что успехи дальнейшего строительства Красной армии и успехи наших войн будут всецело зависеть от степени характера и роли участия авангарда рабочего класса в устройстве, организации, воспитании, управлении и командовании Красной армии и степени участия в войне всего рабочего класса.

Эти выводы выдвинули военное строительство РСФСР в голову нашей государственной работы, а вопрос о создании из рабочих и крестьян командного костяка молодой Красной армии и верхушки управления ею поставили кардинальнейшим вопросом успешного военного строительства и побед РСФСР.

Настал момент, когда сделалось необходимым сосредоточить и собрать в одно место лучших революционных военных организаторов и командиров для повышения их военных знаний, для проработки, анализа и освещения их организационного и боевого опыта, для формулирования выводов революционной военной практики и противопоставления этих выводов доктринерству, рутине и педантизму консервативной военной мысли, реакционным идеям, методам, формам и системам консервативного генералитета. И в результате такой лабораторной научной работы—подготовить отобранных революционной борьбой вождей молодой Красной армии к высшему командованию с тем, чтобы в их руках сосредоточить фактическое управление всеми вооруженными силами республики.

Практика нашей военной работы в первые пять месяцев существования РСФСР привела нас к идее Академии красного генерального штаба.

Проводниками этой идеи в жизнь и созидателями Академии красного генерального штаба явились первые организаторы и руководители нашей Красной армии—революционное офицерство и революционные солдаты бывшей царской армии, воспитанные и закаленные в военной организации большевиков, под ее руко-

водством получившие боевое революционное крещение, под ее руководством проделавшие замечательный этап пролетарского военного строительства—создание Красной гвардии, от нее перенесшие в Красную армию основные элементы пролетарского военного строительства и революционной пролетарской тактики.

Первым в этом ряду стал и фактически явился первым каменщиком красного генштаба тов. Ф. П. Никонов. Член Военной организации большевиков, тов. Никонов стоял во главе штаба Всероссийской коллегии, а в момент наступления на Петроград немецких войск в феврале 1918 г.—во главе штаба Псковского боевого сектора.

Тов. Никонов по своему положению в качестве начальника штаба Всероссийской коллегии по организации Красной армии, сосредоточил в себе важнейший и коллосальнейший опыт, проделанный революционными военными работниками в тылу и на фронтах.

В итогах первого периода нашей военной истории выводы относительно дальнейшей нашей организационной и боевой военной практики вернувшегося с Псковского фронта тов. Никонова совпали с выводами Всероссийской коллегии в важнейшем в то время вопросе, в вопросе необходимости солидной штабной подготовки для военной верхушки рабочего класса и крестьянства, той верхушки, на которую Советская власть возложит военное строительство и управление Красной армии.

В итогах первого периода, на пороге второго периода нашей революционной военной истории, в обмене мнениями и опытом, созрела мысль создать Академию красного генштаба, которая бы явилась, с одной стороны, верхушкой подготовляемых краткосрочных курсов красного низшего и среднего комсостава, с другой,—фундаментом для этих курсов, поставляя им революционный преподавательский состав [1]), с третьей,—поставщиком для Красной армии высшего командного и штабного состава для создания авторитетного революционного управления всеми штабами и частями армии и, с четвертой,—лабораторией новых выводов и революционных идей в военном деле.

В соответствии с этими мыслями, задачи Академии Красного генштаба сводились тогда: во-первых к сбору в Академию всех самородков, выдвинутых на командные должности революцией; во-вторых, к тщательному лабораторному изучению и освещению

[1]) Впоследствии эта мысль воплотилась в создании военно-педагогической академии.

военно-революционного опыта этих самородков; в третьих, к теоретическому обоснованию вытекающих из этого опыта выводов и проведению их в практику нашего военного дела; в четвертых к расширению и углублению общей и политической подготовки выдвинутых революцией из рабочей и крестьянской гущи военных организаторов и руководителей; всесторонняя подготовка их к высшему командованию и высшей штабной работе; в пятых, к созданию научного ядра, способного противопоставлять военной схоластике, рутине, педантизму генералитета царской армии идеи и теории, вытекающие из практики революционных войн и нашей гражданской войны, а также из лучших образцов военного искусства последних империалистических войн.

Ф. П. Никонов,
автор проекта организации В. А. и первый ее слушатель.

Тов. Никонову выпала честь составить первую записку об организации Академии Красного генштаба. А бывшему тогда начальником Латышской дивизии И. И. Вацетису выпала честь подкрепить эту записку своими соображениями.

4—6 апреля 1918 г. записка об организации Академии была рассмотрена в ряде комиссий, всю тяжесть работ которых вынесли на своих плечах будущие красные генштабисты—автор записки о революционной Академии—т. Никонов, т. Янсон, а также т. Дзевялтовский И. Л., т. Яншевский В. А. и несколько профессоров старой академии генштаба.

В комиссиях были проработаны основные вопросы организации и программы Академии. После этого на т. Никонова особыми директивами была возложена миссия поставить аппарат бывшей царской Академии генштаба, к тому времени эвакуированной в Екатеринбург, на службу рабоче-крестьянской Красной армии.

Чехословацкое наступление и так называемая „учредиловская“—эсеро-меншевистская контр-революция в Сибири, на Урале и в Поволжье помешали тогда создать Академию Красного ген-

штаба. Почти сразу же по приезде в Екатеринбург, тов. Никонову, вместо работы по реорганизации Академии, пришлось стать на фронт, а Академии эвакуироваться в Казань, где она была захвачена чехословаками.

Старая Академия генштаба погибла, не оставив новой Академии никакого наследства, кроме части прежней своей профессуры, созданного ею старого состава генштаба, рутины военной мысли, архи-консервативных военных теорий и практики, борьба с которыми должна была стать первой и важнейшей обязанностью Академии революционного генштаба.

Организация революционной Академии была насильственно прервана. Ее удалось снова открыть лишь в ноябре 1918 г. Но время перерыва в создании Академии не пропало даром. Идея Академии за это время прошла через лабораторию марксизма, подкрепилась всей революционной практикой второго периода нашей военной истории. Идея Академии нашла за это время своих теоретиков, спаяв вокруг себя ядро коммунистов. В этом ядре главную роль играли т.т. Павлович, М. П., Горин-Галкин, Вл. Ф., Рейснер, М. А., Б. И. Рейнштейн, Радек и Юдовский.

Это ядро со всей возможной в тот напряженный момент тщательностью и вниманием проработало теоретические предпосылки будущих программ и методологии важнейших дисциплин, необходимых красному генштабисту. Через это ядро прошли важнейшие организационные принципы. В дальнейшем руководящим ядром коммунистов была проделана важнейшая для Академии красного генштаба работа подбора и соответственная обработка профессорского состава. Этому руководящему коммунистическому ядру Академия обязана не только наличием в составе ее профессуры таких военных знатоков, как проф. Василий Федорович Новицкий, С. М. Шейдеман, А. А. Свечин, Н. А. Сулейман, проф. Лукирский и др. Еще более она обязана ему тем, что эти профессора умело были приближены к Советским идеям в военном строительстве, этими идеями были сплочены, в процессе работы переломили себя и, образовав основное профессорское ядро Академии, дружно вынесли на своих плечах, несмотря на тягчайшие материальные и прочие неблагоприятные условия для научной работы, всю тяжесть первоначальной деятельности Академии. Большую помощь в этой работе оказала Высшая Военно-Морская Инспекция.

Захват старой Академии чехословаками продлил подготовительный период для организации ее и этим дал возможность перенести посредством печати и непосредственного общения идею

Академии Красного генштаба в среду всего революционного командного состава; углубить ее, популяризировать и привлечь к ней общую симпатию молодого революционного командного состава молодой Красной армии, на каждом шагу чувствовавшего свою военную неподготовленность.

Как только Красная армия разгромила чехословаков на Волге и Урале и во главе военного командования всеми вооруженными силами республики оказался революционер в военном деле, большой самородок, талант в стратегии, И. И. Вацетис, нуждавшийся в таких же, как он сам, самородках, возможно лучше подготовленных,—Академия красного генштаба на подготовленном базисе 24 ноября 1918 г. уверенно подняла свой стяг и стала во главу революционного военного строительства.

Военная передышка после разгрома чехословаков, непосредственная заинтересованность и революционный подход Главнокомандующего всеми вооруженными силами РСФСР к образованию Красного генштаба, удачно выбранный для созидательного периода начальник Академии бывший генерал А. И. Климович и комиссар тов. И. И. Козловский, самоотверженно отдавшиеся воплощению в жизнь идеи Красного генштаба, обеспечили хорошее начало и ближайшее будущее Академии.

Работоспособность организационной комиссии по созданию Академии, душой которой был несомненно автор первой записки о революционной Академии генштаба т. Никонов, председателем А. И. Климович, активнейшими работниками И. И. Козловский, Н. С. Беляев, Н. А. Сулейман и управделами Академии т. Яковлев, с'умела сделать все возможное для укрепления фундамента Академии и тем подвела здоровые устои под Академию.

Проработка военными коммунистическими теоретиками идеологических предпосылок для военной научной работы в Академии заложила марксистские основы для самостоятельной военно-научной работы слушателей Академии и подготовила путь для переработки программ старой Академии генштаба.

Систематические совещания профессуры, коммунистических военных теоретиков, революционных военных практиков и слушателей Академии до и после открытия Академии, установив практику совместной творческой работы коммунистов с профессорами, подготовили фундамент творческой работы профессоров и слушателей Академии.

На этом фундаменте в Академии была заложена конференция профессоров с участием слушателей, которой обязан успех живой научной работы первого периода Академии.

Непосредственное участие И. И. Вацетиса в выработке военных программ новой Академии, разрешение самим верховным командованием важнейших организационных вопросов Академии значительно приблизило программы и организацию Академии к требованиям и потребностям гражданской войны.

Значение Академии в глазах революционного командного состава возложило на Академию обязанности быть революционным военным гегемоном в теории и на практике. Основы этой гегемонии руководящее коммунистическое ядро Академии заложило в организации ячейки революционного Военно-Научного общества, военного клуба, в организации ячейки связи со всем революционным командным составом Красной армии и слушателями красных военных курсов.

Н. Подвойский.

К пятилетию Военной Академии Р. К. К.А.

(Страничка из воспоминаний).

Проф. И. И. Вацетис,
один из организаторов
Военной Академии.

Красная Военная Академия Р.К.К.А. родилась из революционной бури, подобно тому, как и Красная Армия. К осени 1918 года молодая РСФСР была окружена со всех сторон врагами: как войсками контр-революции, так и иностранных держав. Советской России пришлось взяться за оружие снова и на этот раз воевать против всего старого мира.

Если рассмотреть по боевым участкам наш тогдашний круговой фронт, то мы найдем на нем представителей всех наций старого и нового света: англичан, сербов, французов, американцев, чехов, словаков, японцев, турок, румын, поляков, немцев и финнов.

Как сто лет тому назад на Бородинском поле русский народ стоял перед двунадесятьязычным врагом, так и осенью 1918 года на огромном круговом фронте появились враждебные пушки этих же хищников.

Как тогда, сто лет тому назад, Россию отстоял русский мужик, добровольно предавая свою хату огню вместе с добром и скарбом, также и в 1918 году рабочий и крестьянин великой жертвой своей жизнью и добром шел на ратное поле, чтобы исполнить волю своего вождя тов. Ленина и стать в ряды той трехмиллионной армии, которую должен был создать пролетариат, чтобы раздавить своих многочисленных врагов.

Вожди пролетариата понимали, что перед РСФСР стояла суровая и грандиозная военная действительность и что от партизанщины пора перейти к красному регулярству. Нужна была армия регулярная и единая по своей революционной идеологии снизу до верху, от красного солдата до красного вождя.

Пролетариат должен был выделить из своей среды командный состав, которому он мог бы доверить себя и судьбу своего военного дела в настоящем и в будущем. Железная логика вещей требовала, чтобы во главе революционной армии стояли революционные вожди.

Такие соображения заставили меня, как стоявшего тогда во главе вооруженных сил, которые тогда создавались, приняться за создание Красной Военной Академии.

Нижеследующий случай ускорил осуществление этой меры и рассеял всякие сомнения на счет ее целесообразности.

В то время существовала Военная Академия в Екатеринбурге, но в виду приближения чехословаков она эвакуировалась в Казань и расположилась в Коммерческом училище.

4-го августа, когда чехословаки и войска учредиловцев подходили к Казани, выяснилось, что в Казани в формируемых частях не хватает командного состава и штабных работников.

Я решил использовать для этой цели Военную Академию. Приехав в Коммерческое училище, я об'яснил построенным в зале слушателям наше тяжелое положение и предложил желающим сражаться за Советскую власть выступить вперед.

К моему великому удивлению выступили вперед только пять или шесть человек. Остальные слушатели и профессура уклонились.

Этим фактом старая Военная Академия подписала свой смертный приговор, ибо, в лице этого факта, она показала, что она воспитана на идеологии, совершенно непригодной для Советской России и в обстановке того времени являлась бесполезным балластом.

Я позвал начальника Академии Андогского и сказал ему, что его Академия считается распущенной и может расходиться во все стороны.

Старая Военная Академия также прекратила свое существование, как все остальное в старой России, отжившее свой век. От старой Военной Академии остались лишь тысяча томов военно-научных сочинений, ожидающих свою очередь, когда Красная профессура повытряхнет из них также отжившую свой век императорско-королевскую идеологию, а полезное содержимое сделает достоянием для пролетарской армии.

Решено было открыть Красную Военную Академию в Москве с трехлетним курсом и на началах новой программы обучения и пополнить ее слушательским составом из числа партийных и непартийных, на фронте доказавших свою преданность Советской России.

Работа закипела и в сравнительно короткий срок (около $1^1/_2$ месяцев), удалось справиться с поставленной задачей настолько, что 8 декабря 1918 года могло состояться открытие новой Красной Военной Академии РККА.

Первым начальником Красной Академии был тов. Климович, бывший генерал-лейтенант генштаба, а управделами тов. Яковлев, бывший генерал-майор генштаба.

Назначение было сделано экспромтом, но оно пало на действительно подходящих людей, которые, при содействии энергичного комиссара Академии тов. Козловского, справились с делом блестяще.

Как все прочее, касавшееся организации Красной Армии, так и дело создания Красной Военной Академии встретило самую энергичную поддержку со стороны вождя Красной Армии тов. Троцкого.

Однако, недолго пришлось учиться Красной Академии.

Через четыре месяца необходимость заставила лучших из слушательского состава в числе 40 человек отправить на Восточный фронт, сильно развалившийся тогда; часть слушателей поступила в штабы, часть приняла командные должности. Позднее были отправлены слушатели также на остальные фронты, а в 1920 году целиком два старших курса влились в армии, наступавшие на Варшаву и действовавшие против армии генерала Врангеля. Вместе с слушателями была отправлена и часть профессорского состава.

В 1921 году все слушатели, оставшиеся в живых, снова вернулись в Академию, где и закончили курс наук.

Из этого краткого очерка мы видим, что Красная Военная Академия вплотную стояла с Красной армией на боевых позициях и в тех блестящих успехах, которые совершила Красная

армия, наша Красная Военная Академия внесла много труда принесла большую пользу; посылаемые ею на фронты слушатели были теми, которые внесли в Красную армию порыв молодой просвещенной энергии и завоевали доверие красноармейца к своим штабам.

И. Вацетис.

Основание Военной Академии

А. К. Климович,
первый начальник Военной Академии.

К моменту основания нынешней Военной Академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии бывшая Академия генерального штаба дореволюционного времени, переведенная в 1918 г. из Петрограда в Екатеринбург, в период чехо-словацкого восстания, эвакуировалась сначала в Казань, а затем и далее на восток. Весь инвентарь, учебные пособия, богатейшая библиотека, большая часть профессуры, учебного и административного персонала и слушателей оказались в руках наших врагов. В пределах Советской России от отлично оборудованной дореволюционной Академии генерального штаба не осталось и следа, за исключением нескольких профессоров и 2—3 слушателей.

Разгоревшаяся к этому времени гражданская война, в связи с созданием фронтов и необходимостью перейти к планомерной и более организованной борьбе с нашими противниками, выдвинула в числе других неотложных вопросов также и вопрос о подготовке необходимого контингента для Красной армии командного и штабного состава с высшим военным образованием, в котором ощущалась острая потребность.

В сентябре 1918 г., в бытность мою военруком в Козловском уездном военном комиссариате, я был вызван в Арзамас в распоряжение бывшего главнокомандующего всеми вооруженными силами России тов. И. И. Вацетиса, который предложил мне приступить к формированию и организации совершенно заново Ака-

демии генерального штаба, которая отвечала бы принципам и потребностям Красной армии, при чем тогда же мне было указано, что от старой Академии не сохранилось решительно ничего и что новую Академию приходилось строить, так сказать, буквально на пустом месте.

В сознании огромной трудности и ответственности возложенной на меня задачи, которая осложнялась еще краткостью срока, назначенного для выполнения ее, ибо Академию надо было создать в месячный срок, и обнадеженный мощной поддержкой главнокомандующего и РВСР, я приступил к порученному мне делу.

7 октября 1918 г. состоялся приказ РВСР о моем назначении начальником вновь формируемой Академии генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии, при чем руководство самим формированием возлагалось на бывшего в то время главным комиссаром военно-учебных заведений тов. Дзевялтовского.

Немедленно по издании упомянутого приказа, при ГУВУЗ'е была учреждена Организационная Комиссия по созданию Академии, под председательством начальника ГУВУЗ'а В. П. Муратова. В эту Комиссию членом вошел я, бывш. слушатель Академии т. Ф. П. Никонов и несколько ответственных сотрудников ГУВУЗ'а.

Первым ближайшим моим помощником в начатой работе был генерального штаба А. А. Яковлев, в качестве управляющего делами Академии, назначенный в мое распоряжение для занятия этой должности еще в городе Арзамасе. Подыскание потребного на первое время штата остальных сотрудников учебно-административного и хозяйственного персонала не представляло особых затруднений, так как на учете ГУВУЗ'а в то время было значительное число кандидатов с соответствующим стажем для занятия различных должностей по военно-учебному ведомству. Наиболее необходимые на первых порах сотрудники скоро нашлись и энергично взялись за дело.

Труднее обстояло дело с подысканием потребного числа профессоров и преподавателей. Все же на сделанные предложения откликнулось значительное число высококвалифицированных лиц, с большим научным и педагогическим стажем, и в короткий срок почти все кафедры были замещены. Удалось также подыскать и необходимый штат специалистов для руководства практическими работами слушателей.

В деле подыскания необходимой профессуры большую помощь оказала редакция издававшегося в то время журнала

„Военное Дело", в помещении коей, за отсутствием пока собственного академического помещения, происходили первое время весьма частые конференционные совещания по вопросам приглашения профессоров, организации занятий в Академии и др.

Можно сказать, что в середине октября 1918 года Академия уже имела потребный штат профессуры и сотрудников, и подготовительная организационная работа по созданию Академии пошла полным ходом. Все горячо принялись за дело.

В октябре в качестве комиссара Академии был назначен тов. Э. И. Козловский, что еще более усилило темп работы. Вскоре, уже в разгар занятий, в Академию был назначен еще второй комиссар т. В. Н. Залесский. Между обоими комиссарами функции были распределены таким образом, что тов. Е. И. Козловский ведал административно-хозяйственной частью, а т. В. Н. Залесский учебно-политической. Впоследствии для управления Академией был создан академический совет, в составе начальника и обоих комиссаров Академии, в котором председательствовал начальник Академии.

Одновременно с изданием приказа РВСР о сформировании Академии Всероссийским Главным штабом был сделан наряд о командировании из частей Красной армии потребного числа желающих лиц в качестве слушателей на сокращенный курс Академии. Кроме того, ГУВУЗ'ом было опубликовано в „Известиях Наркомвоен" и др. газетах об'явление об открытии Академии генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии и об условиях поступления в таковую для желающих. От поступающих требовался военный стаж, главным образом активная боевая работа в Красной армии, достаточное общее развитие и знания, примерно, в об'еме средних учебных заведений. Кроме того, каждый поступающий обязывался представить партийные или советские рекомендации. Слушатели вызывались в Академию к 1-му ноября 1918 года.

В ожидании прибытия слушателей продолжалась лихорадочная работа по формированию Академии. В этот период был разработан проект штатов Академии на 300 слушателей и отпущены авансом кредиты на наиболее неотложные расходы.

Весь канцелярский аппарат Академии, к тому времени еще не доведенный до полного штата, временно работал в помещении ГУВУЗ'а, так как специального помещения для Академии отведено еще не было. Вопрос о потребном для Академии здании стоял очень остро. Первоначально для этой цели намечалось здание бывш. Английского клуба по Тверской улице. Но здание

это было признано по своей ветхости непригодным под Академию и было передано в распоряжение Комитета по Охране Памятников Искусств и Старины для устройства в нем музея. Других зданий пока намечено не было. Приходилось вести по всей Москве тщательные поиски для подыскания подходящего дома. После усиленных разведок, производившихся мною лично совместно с комиссаром, было намечено несколько подходящих домов. Но все хлопоты об отводе хотя бы одного из них для Академии оказывались тщетными. Наконец, совершенно случайно внимание наше было обращено на здание Охотничьего Клуба,— бывш. дворец графа Шереметева, — по Воздвиженке. После детального ознакомления с этим зданием оно было признано соответствующим для размещения в нем Академии. Но тут, как и в других подобных случаях, пришлось столкнуться с весьма серьезным препятствием: все здание Охотничьего Клуба было занято Управлением Неокладными Сборами. Наркомфин категорически отказался освободить помещение. После нескончаемой волокиты и целого ряда ходатайств упомянутое управление дало свое согласие выехать из Клуба, но при условии, если для него будет отведено другое соответствующее помещение. Ничего другого не оставалось, как подыскать такое помещение. После беготни и рыскания по всей Москве в течение нескольких дней, нужное помещение было найдено и под давлением сверху Управление Неокладными Сборами в первых числах ноября начало туда перебираться, освободив сначала только несколько комнат во втором этаже здания Клуба.

В освобожденных комнатах разместился наличный учебный и административно-хозяйственный аппараты Академии. Между тем начали уже прибывать слушатели. Нужны были помещения для аудитории, для библиотеки, для практических занятий, для столовой и пр. Немало трудов стоило добиться полного освобождения всего здания Клуба. Наконец, в течение первой половины ноября все здание Клуба перешло в распоряжение Академии. К 15 ноября уже умелись все нужные помещения для канцелярии, учебной части, аудитории, хозяйственной части, библиотеки, столовой и пр.

Необходимо отметить, что в деле отвода здания Охотничьего Клуба под Академию, как и в разрешении многих других вопросов, связанных с созданием Академии, весьма активную помощь оказал Оперативный Отдел Штаба РВСР., возглавляемый тов. Араловым.

Инстит. Красн. Профес

В виду остроты в Москве жилищного вопроса, чтобы обеспечить прибывающих слушателей квартирами, пришлось подыскать отдельное для них помещение и организовать общежитие. В результате возбужденных по этому вопросу ходатайств, под общежитие было предоставлено РВСР здание по Лесному переулку, против храма Христа-Спасителя.

Благодаря дружной, энергичной и самоотверженной работе всех сотрудников Академии в короткий срок удалось оборудовать все помещение Академии и общежития необходимым инвентарем. Таким образом в концу ноября в Академии имелись уже довольно удовлетворительно обставленные помещения для всех аппаратов Академии.

С самого начала формирования Академии предметом особого внимания был вопрос об организации академической библиотеки. Так как от библиотеки дореволюционной Академии не осталось ни одного тома, ибо таковая целиком была увезена на восток, то библиотеку, как и все, пришлось также создавать совершенно заново. Некоторое количество книг военного содержания, нужных для Академии, удалось добыть при содействии ГУВУЗ'а из библиотек, оставшихся от военных училищ и кадетских корпусов дореволюционного времени. Многое удалось приобрести на деньги. Но в общем до января 1919 г. библиотека была очень бедна. Недоставало самых необходимых изданий как для работ профессуры, так и для самостоятельных занятий слушателей. Правда, много книг поступило в библиотечный фонд из библиотеки бывшего Охотничьего Клуба, но эти книги были большей частью или общего научного содержания, или представляли беллетристику и не имели большой ценности для Академии.

Одновременно с добыванием нужных книг из всевозможных источников, мною было возбуждено ходатайство перед Всероглавштабом о передаче в ведение Академии библиотеки бывш. Главного Управления Генерального Штаба, значительная часть коей была перевезена из Петрограда в Москву и за неимением помещения лежала без употребления в закупоренных ящиках.

По получении согласия Всероглавштаба на передачу этой библиотеки в мое распоряжение, таковая была немедленно перевезена в помещение Академии. Вместе с библиотекой в распоряжение Академии поступило два сотрудника, работавшие при библиотеке.

Теснота академического помещения не позволяла надлежащим образом разместить библиотеку. В виду этого пришлось

отвоевывать для нее дополнительное помещение. После настойчивых стараний удалось добиться отвода северного крыла здания клуба, выходящего на Шереметевский переулок, где размещалось в то время Управление Водным Транспортом. Отвод этого помещения дал возможность разместить в нем библиотеку и расположить с большим удобством канцелярский и учебный аппараты Академии.

В январе было закончено оборудование библиотеки необходимым вспомогательным инвентарем, устроен читальный зал, установлен порядок пользования книгами, для чего были изданы особые правила, и библиотека начала функционировать нормально. Таким образом, в январе 1919 г. Академия уже располагала, хотя и не полным, но все же сравнительно большим библиочечным фондом, которым могли пользоваться профессора и слушатели.

Параллельно с формированием библиотеки шла усиленная работа по обеспечению Академии учебными пособиями, топографическими картами, приборами, разного рода моделями и чертежными принадлежностями. Имущество этого рода было частично получено из существовавшего в то время Центрального Склада Учебных Пособий, частично из ГУВУЗ'а, частично было приобретено на рынке.

Немедленно по сформировании учебного аппарата, было приступлено к составлению учебного плана. В основу плана был положен цикл дисциплин, указанных в основном приказе РВСР для сокращенного курса Академии. План был рассчитан на 1 год и обнимал собою зимний период, в течение которого должны были читаться слушателям лекции и вестись практические занятия, и летний период для ведения исключительно полевых практических занятий.

Учебный план был детально рассмотрен в конференции Академии с представителями от слушателей и после окончательного его одобрения начал проводиться в жизнь.

Для чтения лекций как по военным, так и общественно-политическим предметам и ведения практических занятий были приглашены лучшие научные и педагогические силы и военные специалисты гор. Москвы. По каждому предмету, вошедшему в учебный план, были разработаны программы и по рассмотрении их конференцией Академии были отпечатаны и розданы слушателям и преподавателям.

Для практических занятий по тактике, топографии и военной администрации были составлены краткие наставления и в отпечатанном виде розданы руководителям и слушателям.

В первых числах ноября начали с'езжаться слушатели. При поступлении каждый слушатель проходил через мандатную комиссию при Академии в целях определения соответствия его в политическом отношении для зачисления слушателем Академии. Слушатели, признанные соответствующими для принятия в Академию, направлялись в общую комиссию, где им производилось испытание в знании военных и общеобразовательных предметов, а также поверка их практической военной подготовки и общего развития.

Немедленно по прибытии слушателей, впредь до начала нормальных занятий, с ними были организованы предварительные внеплановые занятия и эпизодические лекции и беседы по военным предметам, как-то: по тактике, топографии и по истории военного искусства. Такие занятия продолжались до конца ноября. Можно считать, что более или менее нормально, согласно принятого плана и по расписаниям, занятия начались только в конце ноября, когда с'ехалось в Академию более 100 слушателей.

Занятия начинались ежедневно с 10 часов и заканчивались к 17 часам, с перерывом в 1 час на обед, который подавался в столовой в здании Академии.

Ежедневно на чтение лекций отводилось 4 академических часа и 2 часа на практические занятия по тактике, военной топографии и военной администрации. Впоследствии, уже в течение курса, число часов на лекции было сокращено до 3, а число часов на практические занятия увеличено до 3 часов.

Так как в числе слушателей было много лиц, не имевших достаточной подготовки по математике, что препятствовало им следить за курсом, то для них были организованы факультативные занятия в вечернее время. Кроме того, были введены вечерние занятия для слушателей, желающих изучать новые языки, английский, французский и немецкий.

Для зимних практических занятий все слушатели были разбиты на группы, примерно по 10 человек в группе. Занятиями в каждой группе руководил соответствующий военный специалист. Занятия в 2—3 группах об'единяли старшие руководители, которые руководствовались указаниями конференции и начальника Академии.

Основным методом преподавания был принят метод лекционный. Уже в течение курса, в разгар занятий, многократно обсуждался в конференции вопрос о введении метода прикладного, и хотя попытки в этом направлении и делались, все же в течение первого года ввести его не удалось.

Для практических работ по тактике и военной администрации руководителями каждой группы давались задания примерно на дивизию. Решения разрабатывались всеми слушателями по указаниям руководителя и под наблюдением старшего руководителя. Одновременно руководителем сообщались слушателям необходимые теоретические сведения, знание коих было необходимо для правильного понимания и выполнения заданной работы. Первые задачи имели характер показной, а последующие, как решаемые уже самостоятельно слушателями—отчетный.

Практические работы по топографии состояли преимущественно в чтении планов и карт, вычерчивании рельефа местности по моделям, в составлении отчетных карточек, увеличении участков карты и т. п.

С началом занятий в Академии был поднят вопрос об обеспечении слушателей необходимыми учебниками и руководствами, которых совершенно не было. Если кое-какие книги и удалось достать, то они большей частью устарели и не отвечали ни современным требованиям военно-научной мысли, ни духу новой Академии. Необходимо было составить и издать новые учебники.

С этой целью лекции каждого профессора и преподавателя стенографировались и затем печатались и литографировались. Для исполнения этих работ удалось в распоряжение Академии получить типографию. Все изданные лекции оплачивались авторским гонораром из специально отпущенных для сего сумм. Благодаря такой мере уже в течение первой половины 1919 года было издано значительное число учебников, что в огромной мере облегчило слушателям их занятия и подготовку к предстоящим зачетам.

Хотя уже в конце ноября 1918 года занятия в Академии вошли более или менее в нормальную колею, но официального открытия Академии еще не было, и таковое было назначено на 8 декабря. В этот день состоялось торжественное заседание под председательством Главного Комиссара Военно-Учебных Заведений тов. Дзевялтовского, при участии Председателя В. Ц. И. К. тов. Свердлова, Председателя Р. В. С. Р. т. Троцкого, Председателя Московского Совета т. Каменева, Командующего войсками Московского военного Округа тов. Муралова, Командующего 4-й армией т. Берзина и многих других лиц. После обычных приветствий участниками совещания были всесторонне очерчены стоящие перед Академией задачи по подготовке красных генштабистов и предстоящая последним высокая и ответственная

роль в деле укрепления мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

После официального открытия Академии, пути и направление ее деятельности определились более четко, и работа внутри ее пошла еще увереннее и бодрее, охватывая одновременно и область занятий по подготовке слушателей и область организационную, так как многое до сих пор было создано наспех и требовало пересмотра, усовершенствования и углубления. В этой последней области продолжали вести усиленную работу учебно-административный аппарат, конференция, комфракция и совет Академии.

Спустя несколько мясяцев после начала занятий последовало экстренное распоряжение о досрочном выпуске 30 слушателей для назначения в штабы Красной Армии. Из числа всех слушателей Академии, на основании отзывов руководителей и других, имевшихся в Академии данных, было избрано 30 человек, наиболее успевающих, с которыми были организованы особые занятия, имевшие целью ознакомить их с предстоящей им на первых порах в штабах деятельностью. После месячного срока слушатели были командированы на фронт.

Так как штат слушателей не был окончательно заполнен даже к февралю 1919 г., то от Всероглавштаба последовало распоряжение открыть при Академии дополнительное отделение, на которое было командировано около 150 слушателей. Таким образом, при Академии образовалось два отделения: основное и параллельное. Первое отделение предполагалось выпустить досрочно после полевых практических занятий, второму отделению предстояло пройти годичный сокращенный курс. Учебный план для обоих отделений был принят один и тот же. Необходимо сказать, что слушатели параллельного отделения очутились в более благоприятных условиях, ибо ко времени их прибытия учебная и внутренняя жизнь в Академии уже наладилась и многие недоделки и недостатки, имевшие место в начале учебного года при ведении занятий с основным отделением, к этому времени были устранены и изжиты. Занятия на параллельном отделении приняли более планомерный, твердый и определенный характер. Кроме того, и контингент поступивших на это отделение лиц был более однообразный, с бо́льшим военным и общеобразовательным стажем, на что было обращено внимание при приеме слушателей. Это обстоятельство значительно облегчало слушателям прохождение курса и организацию с ними занятий.

Перед выходом в поле на практические занятия, при Академии был организован клуб с соответствующими секциями. В числе последних наиболее видное место заняла секция военно-научная, которая впоследствии превратилась в В. Н. О. В самом начале своего возникновения секция эта вынуждена была всю свою энергию направить на организацию аппарата для военно-научной работы, почему в этот период своего существования какими-либо серьезными научными докладами или трудами она проявить себя еще не успела. Но те принципы, которые были положены в основу предстоящей работы, привлечение квалифицированных военных специалистов и талантливой молодежи из слушателей, деловой характер, настойчивость и энтузиазм, с которыми секция начала свою работу, служили верным залогом будущих успехов, как это и оказалось впоследствии на самом деле

Для полевых практических работ все слушатели, учебно-административный персонал и штатные преподаватели Академии во главе с начальником и комиссарами Академии были размещены лагерем в бараках на Ходынском поле. Для приватных руководителей были установлены специальные срочные рейсы на трамвае и на грузовом автомобиле. Продовольствие всего постоянного и переменного составов Академии было организовано также в лагере.

Полевые практические работы состояли: по топографии — в исполнении полуинструментальной и глазомерной с'емок; по тактике — в решении на местности задач на различные случаи боевых действий небольших отрядов всех родов войск. Первые работы по топографии и тактике имели характер показной и исполнялись под непосредственным руководством и по указаниям руководителя, последующие—являлись отчетными и исполнялись самостоятельно слушателями лишь под наблюдением руководителя.

Перед выходом в лагери и в течение летнего периода производились занятия по обучению слушателей верховой езде. Занятия эти велись под руководством штатного инструктора верховой езды. Для этой цели удалось получить в распоряжение Академии от Главного Управления Коннозаводства около 20 отличных лошадей. Хотя эти занятия первое время и не имели систематического характера, все же большинству слушателей удалось пройти вполне удовлетворительную школу верховой езды.

В конце учебного года со слушателями основного отделения была организована двусторонняя военная игра в широком мас-

штабе, которая дала возможность слушателям составить представление о крупных боевых операциях в целом и закрепить приобретенные ими в течение курса теоретические знания.

Перед выпуском все слушатели основного отделения должны были сдать зачеты по всем главнейшим военным предметам. Зачеты сдавались перед специально организованными для каждого предмета комиссиями. Оценка производилась отметками: „удовлетворительно“ и „неудовлетворительно“. Кроме того, для оценки успехов слушателей принимались во внимание заключения руководителей по практическим работам зимним и летним. После этого на всех слушателей были составлены Советом Академии окончательные аттестации, которые затем были направлены по месту командирования слушателей по выпуске их из Академии.

Досрочный выпуск слушателей основного отделения завершился торжественным заседанием Академии под председательством т. Смилги, при участии многих представителей партийных, советских и военных организаций. На заседании присутствовал также и т. Ленин, который в своем напутственном приветствии, обращенном к выпускным слушателям, указал на предстоящую им, как красным генштабистам, ответственную роль в деле защиты завоеваний Октябрьской Революции и на многообъемлющую и трудную работу в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии по укреплению ее мощи и направлению к дальнейшим победам труда над капиталом.

Под впечатлением напутственных слов великого вождя Пролетерской Революции и проникнутые твердым сознанием важности предстоящих им задач на боевом революционном пути, выпускные слушатели вскоре начали разъезжаться на фронт. В Академии по их отъезде осталось лишь одно параллельное отделение, в котором продолжались занятия нормальным порядком.

Под влиянием имевшегося уже опыта, а также в виду последовавшего разрешения многих ходатайств и осуществления различных мероприятий по улучшению внутреннего порядка и обеспечения всем необходимым, учебное дело в Академии продолжало заметно совершенствоваться.

Но в июле месяце 1919 г. я получил новое ответственное назначение и должен был отправиться на фронт, а в должность начальника Академии вступил т. А. Е. Снесарев.

Таким образом, на мою долю выпала почетная роль организатора Военной Академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии и высокая честь быть первым ее начальником. Если принять во

внимание, что Академию пришлось создавать совершенно заново, так как от до-революционной академии в то время не осталось буквально ни следа; что созидательная работа производилась при невероятно трудных условиях 1918 года, нужно притти к выводу, что в течение истекшего пятилетнего периода существования Академии была проделана колоссальная работа, создавшая тот фундамент, на котором Академия уже могла дальше без особых затруднений развиваться и крепнуть.

Полученные результаты в деле создания Академии могли быть достигнуты в столь короткий срок лишь благодаря дружной и энергичной работе всех сотрудников и профессуры Академии, отнесшихся к своему делу с редким усердием, добросовестностью и верою в успех.

Необходимость создания Академии совершенно заново, притом в весьма короткий срок, при крайне трудных условиях 1918 г., а также досрочные выпуски повлияли на то, что многое в Академии было создано наспех и, конечно, требовало усовершенствования. К этой стороне работы оказалось возможным подойти лишь постепенно, по мере того, как накоплялся опыт и позволяли обстоятельства. И хотя ко временм моего от'езда на фронт уже была создана Академия на довольно прочном фундаменте и в ней кипела усиленная работа, все же воздвигнутое наскоро здание военной науки далеко еще не было закончено и, оставаясь все в лесах, требовало достройки и отделки. Но эта работа выпала на долю моего преемника тов. А. Е. Снесарева. „Feci, quod potui, faciant meliora potentes".

А. Климович.

Пять лет назад.

Насколько мне помнится, пять лет тому назад, в 1918 году 15 октября я был назначен комиссаром Академии с указанием, что все более подробные справки я могу получить у Главного Комиссара Военно-Учебных Заведений т. Дзевялтовского. Приехав к нему, я узнал, что самой Академии еще не существует, но имеется начальник Академии тов. Климович, канцелярия которого находится в здании Управления Военно-Учебных Заведений, и что на меня с т. Климовичем возлагается боевое задание организовать Военную Академию с тем, чтобы она не позже 15-го ноября начала бы функционировать. С этим поручением я и отпра-

вился к т. Климовичу, которого застал в небольшой комнатушке, сидящим за маленьким столиком и ведущим с кем-то разговоры. Познакомившись с ним, в беседе, я выяснил, что вся Академия пока заключается лишь в этой комнатушке и в 3-х или 4-х сотрудниках, им уже приглашенных, что при нем до моего назначения состоял врид. комиссара т. Никонов, а также имеется несколько намеченных для Академии профессоров. В это время не было еще ни кредитов, открытых на организационные нужды, ни помещения, где Академия могла бы развернуть свою деятельность, ни полного профессорского состава.

В первую очередь мною с начальником были поставлены перед собою следующие практические задачи: добиться возможно скорейшего отпуска средств на организационные расходы, подыскать соответствующее здание под Академию и выработать учебный план; одновременно подготавливался проект приказа Р.В.С.Р. по штабам фронтов и округов о командировании в Академию на основной курс определенного числа преданных, стойких, имеющих революционный и боевой стаж товарищей. В это же время велись переговоры с профессорами как в Москве, Петрограде, так и в других городах с предложением им перевестись на службу во вновь организованную Академию.

т. Э. Козловский,
первый комиссар В. А.

Помню, как мы с т. Климовичем, не имея никаких передвижных средств, ходили пешком по городу Москве осматривать соответствующие для Академии помещения, или же хлопотать в комиссариатах по делам организуемой Академии. Как-то в начале организационного периода узнали, что приехал с фронта главнокомандующий тов. Вацетис, и решили обратиться к нему с просьбой об отпуске некоторой суммы на организационные расходы впредь до получения нами по представленной смете. Наша просьба оказалась удачной и тов. Вацетис, тут же у себя в вагоне, отсчитал нам довольно крупную сумму, которая сразу дала возможность более быстро продвинуть организационную работу и приобрести учебные пособия, канцелярские принадлежности и инвентарь.

В результате наших поисков нам удалось найти здание под Академию на Воздвиженке, б. Охотничьего Клуба, которое в то время занималось Управлением Неокладных Сборов, эвакуированным из Петрограда. Нашли помещение, куда переселить это Управление, и при помощи члена Реввоенсовета тов. Аралова в конце-концов здание быв. Охотничьего Клуба мы заняли под Академию. К 1-му ноября стали прибывать командированные с фронтов слушатели. Были организованы две комиссии: мандатная под моим председательством, и комиссия по проверке общего развития, боевого стажа и военных знаний — под председательством начальника Академии, бывш. генерала, тов. Климовича, при чем из более 500 командированных были приняты мандатной комиссией лишь около 200 человек, остальным было отказано, как неимеющим достаточно большого революционного стажа. Принятые мандатной комиссией почти без исключения все были пропущены через комиссию т. Климовича и окончательно зачислены слушателями Академии на основной курс.

Помню, что на Октябрьских торжествах Академия уже участвовала как самостоятельная единица, идя на парад во главе курсантов военно-учебных заведений, а в конце ноября организационная работа была настолько закончена, что приступили к нормальным занятиям. 8-го же декабря имели возможность устроить оффициальное открытие Академии, которую с утверждения Реввоенсовета Республики назвали „Академией Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии".

В 1920 году, в июне месяце, когда Ц. К. Р. К. П. меня направил на Польский фронт, т.-е. к моменту моего ухода из Академии, последняя уже имела два курса с более полным профессорским и преподавательским составом, Восточное отделение, более или менее достаточное количество учебных пособий, широкую библиотеку, перевезенную из Петрограда, три общежития для слушателей, хорошие передвижные средства и, главное, революционно-боевой стаж, так как силою необходимости, на летние периоды большинство слушателей, по приказу Реввоенсовета Республики, командировались на боевые фронты, на практические занятия, откуда многие возвращались осенью с орденом Красного Знамени на груди за боевые заслуги.

Так, в неимоверно тяжелых условиях, но при непосредственном руководстве Российской Коммунистической Партии и поддержке широких рабочих и крестьянских масс, организовалась первая в мире рабоче-крестьянская Военная Академия, постепенно развивая и расширяя свою деятельность.

А теперь, ко дню 5-тилетия своего существования Академия уже вполне оформилась, имеет свои традиции и выпущенных, окончивших курс, слушателей, которые занимают ответственные командные посты в Красной Армии.

Бывший комиссар Академии
Эмилий Козловский.

К истории возникновения Академии.

(Воспоминания).

Впервые о необходимости создания Военной Академии Красной армии я слушал от тов. Николая Ильича Подвойского, который и был идейным отцом этого учреждения, сыгравшего такую роль в деле организации обороны рабоче-крестьянской страны. В апреле 1918 г. тов. Подвойский собрал вокруг себя небольшой кружок товарищей, в который, насколько мне помнится, входили, кроме меня, профессор М. Рейснер, а впоследствии т. Горин (Галкин), Владимир Филипыч.

Весь апрель месяц прошел в совещаниях, на которых вырабатывались основные положения организации Академии, а также руководящие указания для составления программ. В основу программ были намечены лекции, которые бы научили слушателей с марксистской точки зрения разбираться в вопросах стратегии, тактики и организации военных сил.

Работа распалась на работу идеологического порядка и организационного. 2-ю работу осуществляло несколько членов военной организации, работавшие под руководством тов. Никонова.

Первая задача организаторов заключалось в том, чтобы определить, в каком городе должна находиться будущая Военная Академия, и провести все подготовительные работы.

Идеологическая работа потребовала предварительного освещения целого ряда вопросов, которые стали бы ясны профессорской и слушательской головке будущей Академии.

Эту задачу лучше всего могла выполнить печать. С этой целью решено было начать издание сборников по военным вопросам, в которых приняла бы участие и военная молодежь наряду с нами. Эту идею удалось осуществить изданием первого сборника: „Революционная война“, в котором была помещена руководящая статья т. Подвойского, и дано марксистское напра-

вление Академии Генерального Штаба. Мною были в этом сборнике помещены две статьи: одна статья о материалистическом подходе к явлениям войны и вторая о взгляде на военное дело Энгельса. В этом же номере были помещены статьи М. Рейснера, Белицкого, Егорова, Мордвинкина, Коллонтай, Никулищева, Бабина и Петренко. 2-ой номер этого сборника погиб во время печатания при занятии Киева белыми.

Почетные слушатели Военной Академии.

М. Павлович (Вельтман).

Карл Радек.

Наряду с этим, работа идеологического порядка вылилась осенью 1918 г. в целый ряд совещаний с намеченными в Академию кандидатами. Целый ряд совещаний, на которые привлекались многие наши товарищи, частью военные, частью невоенные, главным образом из работников высшей военно-морской инспекции, председателем коей был т. Подвойский. Эти заседания происходили в помещении высшей военной инспекции в кабинете т. Подвойского, на Большой Никитской, 52. Я очень усердно посещал эти заседания и принимал на себя без отказа целый ряд поручений т. Подвойского по составлению программ, и был очень тронут, когда однажды в поощрение за мои „старания и усердие“ получил от т. Подвойского „из собственных рук“, в виде почетной награды, солдатскую папаху и кожаную куртку, что по тем временам являлось весьма ценным и полезным подарком, пригодившимся мне впоследствии на фронте.

В результате этих совещаний у нас самих,—которые никогда раньше не помышляли о руководстве самым высшим, острым и ответственным военным учреждением, от правильной постановки которого во всех странах зависят техника и организация военного дела и обороны страны, откуда исходят все идеи военного дела, методы военной работы и т. д.—составилось ясное представление о том, что из себя должна представлять наша Академия Красного Штаба. А после того, как выработалось ясное представление у нас самих, для нас открылась непосредственная возможность влиять и на организацию Академии и на ход занятий и работ в ней. Обычными участниками этих совещаний были т. Горин (из высшей военной инспекции), т. Данилов, Симон Иоффе, Ягода, Рейснер.

Впоследствии эти совещания были расширены и в них принимали участие наиболее видные военные работники, находившиеся в Москве и приезжавшие с фронта. В числе последних помню т. Берзина, которого потом я встречал в Харькове в качестве члена Рев. Воен. Совета на Украине.

Таким образом, было создано целое научное течение, послужившее фундаментом не только для нашей Академии, но и для всей Красной армии. Плоды этой работы удалось воплотить в жизнь только осенью 1918 г., так как начатая реорганизация старой академии, эвакуированной в Екатеринбург, была прервана под ударами чехо-словацкого наступления. Осенью 1918 г., как только было подыскано помещение для Академии, туда были перенесены наши совещания и с этого времени вся наша идеологическая лаборатория функционировала там. Мне пришлось тогда вместе с тов. Подвойским принять участие в отвоевании одного из лучших помещений в Москве, бывшего Охотничьего Клуба на Воздвиженке 6, вытеснив оттуда какое-то финансовое учреждение. В этом клубе первое время нам приходилось обсуждать и разрабатывать свои военные проекты в присутствии медведей, волков и прочих охотничьих трофеев сиятельных князей и графов. Высшую инспекцию мы оставляли с большим сожалением.

Там к нашим услугам были материалы, рисующие непосредственно состояние нашего военного дела и подсказывающие, на основании практики, чего именно недоставало в его организации и на что следовало бы обратить внимание при разработке программ, планов и при постановке занятий и работ в Академии. Особенно большую помощь нам всем, практически не соприкасавшимся еще непосредственно с военной работой,

принесли, помню, два доклада, подготовленные коммунистическими работниками высшей военной инспекции, один—рисующий положение нашей армии с организационной стороны, а другой—ее боевую деятельность.

На Воздвиженке, в Охотничьем Клубе, нашим штабом была сперва небольшая комната на 3-м этаже с низким потолком, вход в которую оберегали чучела хищных зверей. Над нашими головами висели орлы, соколы, коршуны и другие пернатые хищники.

В этой комнате сперва собиралось на совещания человек по 20. Потом совещания эти становились все более и более многолюдными. Тут в жарких спорах в переполненной народом комнате, где было столько дыму, что, кажется, можно было топор повесить, рождались, получали дальнейшее развитие новые идеи.

Обычно собрание открывал т. Подвойский, который в своих докладах намечал много идей, казавшихся тогда многим профессорам, впоследствии признавшим эти идеи, ересью. Так, помню, как в одном из своих докладов т. Подвойский обстоятельно развивал мысль, что армия, наука войны не могут стоять вне политики и что никогда этого не было, что армия и Академия в прошлом были орудием буржуазной и дворянской политики, а теперь должны стать орудием политики пролетарской. Много останавливался Подвойский и на необходимости устранить из будущей Академии всякий обскурантизм, схоластику, рутину.

Когда, несколько лет спустя, я прочел, как всегда замечательно глубокий по содержанию и блестящий по форме, как всегда оригинальный доклад т. Троцкого на оффициальном открытии Академии в октябре 1918 г., в этом докладе я встретил много интересных мыслей, которые напомнили мне об аналогичных идеях, отстаиваемых т. Подвойским в его выступлениях в нашем кружке. Одинаковые классовые интересы, одинаковый образ мыслей, принадлежность к одной и той же партии, рождали не только одинаковые мысли, но, порой, и тождественную формулировку.

Много споров возбуждал у нас вопрос, нужно ли в Академии изучать подробно историю Суворовских подходов, Наполеоновских войн, походов Александра Македонского. Помнится мне, как я в одной речи предлагал изучать военную историю с периода не раньше войны 1861—1866 г., войны между Северными и Южными штатами, а всей военной истории предшествующих эпох посвятить самое минимальное внимание, не более одной, двух лекций, причем настаивал на особой важности изучения

опыта мировой войны 1914—1918 г. и, в частности, на уделении особого внимания роли военной промышленности в победах и поражениях воюющих сторон. Эти тезисы вызывали сильные возражения, причем некоторые оппоненты никак не могли согласиться с мыслью о необходимости сокращения курса по истории Суворовских и Наполеоновских походов, а тем более с „парадоксальной идеей", как выразился один из профессоров, о необходимости минимального внимания к этим великим военным эпопеям, без тщательного углубления и изучения которых невозможно-де стать „водителем" войск.

На эти совещания приглашались также военные авторитеты и, в частности, будущие профессора Академии. Скоро эти совещания пришлось перевести вниз, в первый этаж, в более просторное помещение, а впоследствии они уже устраивались в зале. В результате этих совещаний, кроме подработки идеологической стороны дела будущей Академии, а также и основ ее программ, мы подошли к идее необходимости сделать из Академии не только высший учебный центр, но также и центр популяризации военных идей и знаний. Исходя из этой мысли, мы подошли к идее необходимости сразу же создать при организуемой Военной Академии Военно-Научное общество и клуб. Начало Военно-Научному обществу и клубу тогда было положено несколькими докладами и публичными лекциями, но напряженная работа непосредственно учебного порядка и усиленнейшие занятия в Академии, а также недостаток сил отложили правильное функционирование этих важнейших для военного дела двух начинаний на два года.

Красной Академии чрезвычайно посчастливилось, что в то время главнокомандующим Красной армии был т. Вацетис, И. И. Этот чрезвычайно даровитый самородок, сам рвушийся к знанию, бойкотируемый завидующими его звезде прежними генштабистами, главнокомандующими и т. д., став главнокомандующим, сознавал всю необходимость образования молодого кадра новых генштабистов и потому отдавал созданию Академии много внимания. Он дал много ценных указаний по программным и организационным вопросам и, насколько возможно было, создавал условия для организации и укрепления Академии.

Наиболее интересным из организационных вопросов был вопрос подбора профессоров, а также выработки условий приема слушателей. Конечно, труднейшим из этих вопросов был первый. С одной стороны, надо было подобрать авторитетнейших военных работников, приемлемых, с другой стороны, для слуша-

телей. В то время эти требования обычно не совпадали. Многие военные авторитеты частью враждебно, частью скептически, относились к большевистским затеям создать надлежащую армию на основе большевистских идей и потому или саботировали, или были индефферентны к делу создания рабоче-крестьянской армии. Те же военные, которые шли на нашу работу, сплошь и рядом являлись совершенно не импонирующими нашим военным работникам. Приходилось, при выборе профессоров, часто вести длиннейшие дискуссии с такими желательными для военной Академии лицами, как Свечин, разбивать их специфические взгляды на военные вопросы, бороться со всей рутиной, накопленной старой военной наукой и мыслью, и, таким образом, проводить целую сложную систему обработки военных специалистов, чтобы сделать их приемлемыми профессорами для советской высшей военной школы и для нового революционного контингента слушателей. В результате этих дискуссий и этой длительной, кропотливой, но благодарной работы, для нас самих становились более ясными и более углубленными многие вопросы и постепенно выявлялось и отбиралось то первое ядро профессоров Военной Академии, которое надолго стало фундаментом нашего высшего военно-учебного заведения.

Во всей этой работе исключительно благотворную роль играл начальник Академии, бывший генерал Климович. Решившись отдать себя „военной большевистской работе", как тогда называли нашу работу, он, обладая чрезвычайно благодарным характером, тактом, уживчивостью, без ложного тщеславия, сразу понял, какое значение для новой Академии имеют политические работники и те идеи, на которых закладывалась Академия. Нельзя не вспомнить с благодарностью честную, не за страх, а за совесть, службу т. Климовича нашим идеям и его помощь нам. Тов. Климович сразу же сумел установить самые товарищеские отношения и с комиссаром, и со всеми организаторами и практическими работниками, построившими Академию. Его и пионера-академика, тов. Никонова, можно было встретить буквально на всех совещаниях и работах, относящихся к Академии. Т.т. Климович и Никонов разрабатывали военный и технический материал для наших работ, составляли списки военных специалистов, которых необходимо было пригласить в Академию, вели с ними предварительные переговоры и все время являлись связующим звеном между нами и кругами старых военных специалистов.

Начались лекции. Роль марксистской пушки, по выражению т. Подвойского, была возложена на меня. Конечно, я знал,

что эта задача превышает мои силы, но кому-то же надо было начинать. Я должен был своими лекциями наметить общее направление и общую формулировку марксистского подхода ко всем явлениям, изучаемым военными дисциплинами. На первую и на последующие мои лекции пришел весь профессорский состав Академии и после первой же лекции началась беспрерывная дискуссия между нами и военными специалистами, с другой стороны; в среде последних образовалось несколько группировок: группировались около Свечина, около профессора Борисова и около Климовича.

В результате дискуссий, в которых принимали участие Подвойский, Рейснер, Горин, а из слушателей т.т. Ахов, Никонов, Белицкий, Симон Иоффе, Подгорецкий и др., долгое время спустя, многие из профессоров сумели в большевистских идеях найти ту действенную силу, которая навсегда закрепила их на нашей научной работе, на службе у Советской власти, в рядах Красной Армии.

Первые же месяцы занятий показали все недочеты в программах и планах, и с этого начался второй творческий период в Академии. В этой работе уже начали принимать участие и слушатели Академии. Самодеятельность слушателей в вопросах организации и программы окрашивает всю деятельность Академии. В этот период творческая деятельность профессоров, с одной стороны, самодеятельность слушателей, с другой, создали лучшие традиции и несокрушимые основы, которые сохранили и развивали Академию до той славной годовщины, которая позволяет нам с гордостью оглянуться на дни ее рождения и ее детства.

Мих. Павлович.

Первые дни.

С самых первых дней своего существования Советская власть очень бережно отнеслась к носителю технической и духовной мощи армии—это к генеральному штабу. Последний не только был сохранен, но и получил известное превалирующее значение во всех мероприятиях новой власти по военному ведомству. Коснулось это и Академии генштаба, которая с наступившей в 1918 г. стихийной мобилизацией русской армии не была упразднена и была призвана к работе на новых началах. Последовавшее затем наступление немецких армий с продви-

жением их вглубь России, выступление чехо-словаков и начавшаяся с середины 1918 г. интервенция произвели окончательный поворот в военной политике Советской власти, выразившегося в выработке основных положений организации Красной армии и наряду с нею и военно-учебные заведения, во главе которых была поставлена Академия генштаба.

Неожиданная гибель старой академии в Екатеринбурге, захваченная чехо-словаками, нанесла, конечно, серьезный урон вновь создаваемой Красной армии, лишившейся готового аппарата для подготовки генштаба. Но это не остановило военных деятелей того времени, были приняты меры к немедленному созданию новой Красной Академии генштаба и уже 7 октября 1918 года последовал об этом приказ Реввоенсовета Республики.

Новая Академия создавалась на демократических началах с широким доступом в нее военных с минимальным образовательным цензом. Этим путем предполагалось в Академию привлечь наиболее активный элемент с образовавшихся уже фронтов, имеющий революционные заслуги. Академия должна была дать этим лицам не только высшее военное, но и широкое общее образование, причем особенное внимание было обращено на социальные науки. Наряду с трехгодичным курсом Академии должны были быть открыты и ускоренные (одногодичные) курсы, программа которых была значительно сокращена и доведена до минимума.

Существование одногодичных курсов обусловливалось огромным недостатком не только генштаба, но и вообще командного состава, а состояние тогдашней Советской России, как укрепленного лагеря, повелительно требовало новых формирований и образования новых фронтов, армий и т. д. Достаточно указать, что в сентябре на службе в Красной армии на четырех фронтах находилось не более 100 бывших офицеров генштаба, а для пополнения всех важнейших вакансий генштаба нужно было по крайней мере 400—500 чел.

Впоследствии надобность в ускоренной подготовке и выпуске отпала, ибо рядом мероприятий военного ведомства число генштаба возросло к концу 1918 и началу 1919 г. до 300—350 ч., и Академия могла провести в жизнь полную трехгодичную программу обучения.

Создание Академии происходило при непомерно тяжелой обстановке в условиях внутренней разрухи и гражданской войны. Долгое время не было помещения, учебников, пособий и профессуры. Помещение Охотничьего клуба (Воздвиженка 6) было

получено с большим трудом в ноябре, т.-е. почти $1^1/_2$ мес. спустя после приказа о сформировании Академии. Пособия собирались повсюду по одной, по две книги, так как академическая библиотека осталась в Екатеринбурге, а новых пособий издавать было пока некому. Из старых профессоров Академии осталось немного, 3—4 человека; пришлось приглашать профессоров из лиц, прежде занимавшихся где-либо педагогической военной деятельностью или из военных деятелей-практиков, которые прошли серьезный стаж в последней империалистической войне.

Наконец, очень сложно стоял вопрос о подчинении Академии. Главное Командование считало необходимым иметь Академию в непосредственном своем подчинении и тем приблизить ее больше к фронтам. Но переезд Главного Командования из Москвы воспрепятствовал осуществлению этой меры, и Академия была подчинена сначала Главному Начальнику Воен. учебных заведений, а потом Начальнику Главного штаба. Благоприятное разрешение этот вопрос получил только с 1921 г. после слияния Главного Штаба с Полевым штабом.

Первый год Академии прошел в лишениях и испытаниях. Учеба протекала в неотопленном помещении, питание было недостаточное; лекции слушались урывками. Многие слушатели не выдерживали этих лишений и возвращались на фронт.

Только на второй год академическая жизнь сделалась более нормальной, помещение было приведено в порядок, профессура сорганизована, появились новые пособия; материальное положение значительно улучшилось.

С каждым годом положение Академии улучшалось и трудные минуты оставались позади, пока Академия не дошла до современного благополучия. Тернистый путь пройден.

Пятая годовщина Академии должна оправдать надежды тех, кто сумел в свое время сначала сохранить Академию, а потом воссоздать ее в новом виде, как основного проводника военной науки и военного дела в массы Красной армии.

Ф. Костяев.

Два года во главе Академии.

(Воспоминания).

В июле месяце 1919 г. совершенно неожиданно последовало назначение меня начальником Академии Генерального Штаба, теперешней Военной Академии РККА. Я был в это время в Смоленске и, получив телеграмму, тотчас же выехал в Москву. До этого момента я почти не знал о существовании Академии, а еще менее об ее характере, об'еме преподаваемых наук, о составе профессоров. Прибыв в Москву, я застал Академию в лагере на Ходынке, при чем полевые занятия были на исходе: топографические давно были кончены, заканчивались полевые работы по тактике, и цикл занятий предстояло завершить осмотром материальной части артиллерии, обзором радио-станции, поездкой в школу маскировки и т. п. Тут я впервые познакомился со слушателями; их было два курса, носивших наименование ускоренного и параллельного; потом они слились в один и в качестве общего дополнительного курса они и кончили Академию летом 1922 года.

А. Е. Снесарев.

Это была группа, очень пестрая по составу, степени развития, по отношению к делу, крайне разно одетая; казалось, Академия еще не успела их об'единить, ободнообразить, наложить на них какой-либо однообразный колорит; но что-то было в них общее, что, правда, трудно поддавалось определению; этим общим была причудливая смесь активности, простора, непосредственности, искренности шагов и слов, шумливости... Это были „в буре рожденные", как их определял один из наблюдателей.

Мне было ясно с первых же шагов, что эти „буревестники" создадут для меня, как начальника, довольно сложную обстановку, и что мне придется не мало поломать голову, чтобы установить с ними нужные и полезные для дела отношения. Это оказалось много легче, чем думалось вначале. Как люди револю-

ционной практики они еще до стен Академии, естественно, получили определенные уклоны и вкус ко внесению новых горизонтов, иных приемов, к широкой критике старого; в этом было по отношению к Академии свое хорошее и нужное, но в этом коренилась и возможность пересолов, риск ненужного разрушения. Я готов был идти по путям замены плохого старого хорошим новым, даже сомнительного прежнего, хотя бы также сомнительным новым; но я не мог поступиться хорошим и определенно необходимым прошлым в пользу еще не испытанного хотя бы обольстительного грядущего.

На первых же шагах мне пришлось в беседе со слушателями коснуться так называемого „прикладного метода". Это была довольно нервная тема, интерес к которой в духовном обиходе Академии держался очень долго, почти все время моего в ней начальствования. Вопрос понимался не всеми одинаково, но суть его сводилась к таким пожеланиям: 1) к практическому, но строго современному уклону как теоретических, так и практических занятий; 2) к постоянному сопряжению—по духу, содержанию и даже по времени—читаемого с кафедры с практическими занятиями и 3) к развитию в слушателях самодеятельности и творчества. Как принцип, это было разумно и не вызывало сомнений, но на практике пожелания могли реализироваться в форме таких крайностей, которых надо было избегать. Военное дело—дело глубоко практическое, и чисто теоретические фантазии (шаблоны, схематизация правил, принципы, как рецепты и т. д.) для него только пагубны; однако, сложность содержания наук в Академии, необходимость научного подхода и обширность предметов лишали возможности ограничиться лишь показными способами, иллюстрацией частных случаев и т. п., как это с успехом применяется в низших и средних школах. Сверх того, сопряжение кафедры с практическими занятиями могло стеснить и затормозить кафедру; практические занятия, обычно, вплотную приноравливаются к слушателям и идут или быстрым темпом, или вялым, оттеняют или одно положение или другое, в зависимости от подготовки, успешности усвоения и отношения к делу слушателей,—здесь слабая группа задерживает более сильные, не успевающий слушатель в группе задерживает всю группу. Нельзя кафедру ставить в зависимость от наиболее слабой партии, а тем менее—от наиболее слабого (может быть, небрежного или ленивого) слушателя... И в первом (методологическая сторона), и в этом случае была опасность снизить Академию до степени простой, грубо ремесленной школы.

Конечно, отбросить из военной истории сказания об ассирийских или египетских походах или повесть о боевых успехах Тимура, к тому же столь несовершенную, какой она была, или удалить из предметов преподавания астрономию или геодезию, а это все также вытекало из требований прикладного метода, — делом было нетрудным, и это было выполнено без всяких возражений.

Такова была точка зрения, какую я провел при первом же ознакомлении со слушателями и при первом с ними собеседовании.

При переезде в город пришлось на первых же шагах ознакомиться с программой Академии; эта программа набросана была широкими штрихами, и оставалось лишь подумать о том, как ее осуществить... Было ясно, что она повторяла собой те пожелания молодой группы профессоров старой Академии, которая когда-то тщетно старалась провести в последней свои „младотурецкие [1]) тенденции. Я не во всем приветствовал эту почти слепую копировку Высшей Французской Школы, но программа заключала в себе много действительно интересного, да она одна и могла быть проведена при переживаемой Академией обстановке. В программе я нашел даже „философию войны“, предмет, лично для меня очень интересный, но я имел достаточно прозорливости, чтобы с места же усумниться в возможности проведения этого курса. И действительно, в Академии до последних дней не было сказано с кафедры систематического слова на военно-философскую тему, хотя подобные вопросы бесспорно интересовали учащуюся молодежь. О последнем говорит то обстоятельство, что академическое Военно-Научное Общество выдвигало для докладов вопросы о „военной науке“, о „принципах“ и т. п., и я думаю, со мной согласятся, что вечера, посвященные этим темам, вышли наиболее оживленными, интересными и плодотворными.

С чувством большого облегчения я констатировал, что во главе научно-учебного хода работ в Академии находится конференция профессоров и что она, несмотря на бурные месяцы протекшей жизни Академии, сохранила за собой и дирижерство, и авторитетность. Лично меня это устраивало потому, что снимало с плеч наиболее тяжкую ношу по управлению Академией. Я ясно сознавал, что некоторые дисциплины Академии мне были знакомы только в более или менее приличном ракурсе, в других

---

[1]) Эту группу, возглавляемую Н. Н. Головиным, прозвали „младотурками“.

я был слишком суб'ективен... словом, я не был настолько научно широк и уравновешен, чтобы единолично, на свой страх и риск руководить научно-учебным делом. Но в вопросе о конференции была и теневая сторона: профессора нередко набирались случайно, без должной проверки и ценза. Может быть, в эту пору иначе и нельзя было поступать: приходилось брать тот духовный капитал, который был под рукой, не пред'являя к нему особых требований; но, повидимому, в тенденции пролегал и иной, скорее политический уклон мысли смотреть на профессорское звание, как на какую-то старого типа привиллегию, которая при новом строе жизни должна быть вычеркнута и навсегда забыта. Как результат, профессорский состав был в значительной мере неоднороден, но наличность конференции и единство школы (для большинства старая Академия Ген. Штаба) достаточно сглаживали пестроту обликов, и нужное единство взглядов и направления достигалось без особых усилий.

Как новшество для меня, на заседании конференции присутствовали представители от слушателей. Я слышал, что это не проходило без некоторых осложнений, и заседания конференции не всегда завершались намеченными заключениями или решениями, но я, повидимому, застал обстановку в этом отношении нашедшей уже свой естественный исход, и за мое время я не помню случая, который заставил-бы меня особенно пожалеть об этом новом порядке вещей. Конечно, в нем были свои и хорошие, и дурные стороны, как и во всяком человеческом учреждении или акте; мне, например, казалось, что представители не всегда сохраняли строгую преемственность в своих главных устремлениях, не всегда удачно отражали мнение большинства, как, по крайней мере, я понимал его в некоторых случаях; профессора не всегда охотно шли на выяснение тех вопросов, которые они привыкли толковать с кафедры в тоне dixi; иногда заметно отмалчивались даже при наличности очень жгучей и интересной темы, но за всем тем общее собеседование проходило гладко и успешно, не выходя из рамок доброжелательного и взаимно выдержанного отношения.

Основная мысль—ближе подойти к молодежи и постигнуть эту сложную, для меня столь новую, группу людей—побудила меня остановиться на системе „открытых дверей". Двери моего кабинета и моей квартиры были открыты для всех и во всякое время; у меня не было ни назначенных часов, ни промежуточных контролирующих инстанций. Очередь блюли сами желающие меня видеть, соблюдая должную тишину и распорядок. Мне ни

разу не приходилось пожалеть о таком, на первый взгляд неудобном, способе сношений.

Скоро предстояло набирать новый состав слушателей. Программу испытаний приходилось приноравливать к обстановке, т.-е. сделать ее относительно скромной. Было ясно, что от идущих в Академию нельзя было требовать многого: пережитая или переживаемая ими нервная обстановка, отсутствие книг и возможности учиться заставляли их позабыть и то, что они знали из нужной книжной мудрости. Центр тяжести испытаний перенесен был на „общее развитие“,—термин, просторный для ошибок, но оказавшийся единственно целесообразным. Фактически от испытания в языках пришлось отказаться полностью, также от экзамена по топографии и даже, что было значительно тяжелее, от проверки по военным уставам. Даже в математике, строго говоря, полностью отметалась тригонометрия, и значительные хвосты отсекались у алгебры с геометрией... В конце концов это не оказалось особенно страшным. Состав поступающих, хотя и несколько спокойнее первой волны, был не менее активен, предприимчив и усерден и входил в „науку“ довольно бодрыми и успешными шагами. К тому же ряд мер—дополнительные занятия с желающими, напр., по математике, обязательные зачеты по уставам к новому году и т. п.—удачно восполнял недочеты снисходительных испытаний.

Начался новый учебный год с двумя курсами—старшим, в который влились ускоренный и параллельный курсы, и вновь принятый—младший. Программа оставалась прежняя, но в ней практикой жизни создались провалы. „Философия войны“, официально намеченная, фактически не читалась. „Психология войны“ переживала не мало испытаний и была прочитана только небольшой частью. „Военная география“ снизилась до ряда эпизодических лекций и т. д. На все были свои крупные и мелкие причины, о которых едва ли интересно распространяться. Во всяком случае, существенное читалось, а некоторые дисциплины как в теоретическом, так и в их практическом русле протекали с особой удачливостью.

Но учебный год 1919—1920 памятен нам не своей учебной, а своей хозяйственной-бытовой обстановкой. Мы подошли к зиме слабо вооруженными, и она нас захватила как-бы невзначай. Лежала ли эта неудача в общей обстановке, или тут были виной личные чьи-то просмотры, теперь мне сказать трудно. Уже в августе становилось ясным, что в Академии на зиму дров будет мало. Попытки купить дрова с надежным запасом не уда-

вались, проба добыть дрова личным трудом Академии оказалось делом поверхностным и непрочным. И этот дровяной голод сказался самым тяжким фактором, давившим жизнь Академии в длинный ряд холодных месяцев. Вообще это были дни холода и испытаний во всей Москве; не миновала их и Академия. Мне памятны многие жуткие картины, когда закутанные в шубы, с шапками на головах и в валенках слушатели старались окоченелыми пальцами выводить топографические штрихи или что-то записывать за профессором. Соблюсти аудиториальную дисциплину при этой обстановке было немыслимо. В темных комнатах, благодаря замерзшим окнам, приходилось держать свет почти круглые сутки. Бедность в дровах доходила до того, что иногда (правда, это было в единичных случаях) нельзя было приготовить обеда. В Академии было темно, холодно, неуютно. Это были тяжелые, незабываемые дни.

С этим холодом спаривалось еще очень бедное питание. От сплошной мясной пищи приходилось отказываться, назначая для нее не более 3—4 дней в неделю, а в остальные—довольствуясь воблой. Пшеничная каша, державшаяся изнурительно долгое время, доводила некоторых до такого состояния, что они не только есть,—не могли ее видеть. Нужно ли говорить, что указанные холод и убогую пищу должны были со слушателями делить и преподаватели с их семьями.

Болезненность слушателей возросла до угрожающих размеров, появилась цинга.

Были пущены в ход все усилия, чтобы поправить обстановку. Стали на путь командировок в разные районы России за мукой, маслом, салом, фруктами (Туркестан). Командировки приходилось выполнять собственными рессурсами, часто отвлекая слушателей целыми группами от их занятий — и на довольно долгое время. Было не мало недоразумений при самом дележе благ. Но все это были вещи второстепенного порядка, и ими пришлось поступиться в пользу главного: поднять во что бы то ни стало питание слушателей.

Только к марту месяцу дело как-будто стало крепче и в смысле дров, и в смысле питания; к тому же весна со своим теплом принесла большую помощь общим усилиям... испытание миновало. Зима была в прошлом. В Академии, отогретой и накормленной, началась эра оживления, подтяжки, возврата к норме.

Но как ни мрачна была пережитая зима, она в нас не оставила тягучего осадка, не убила энергии и не придавила на-

строений. Лекции и занятия не прекращались. Наша „конюшенная“, как острили, обстановка ни одной минуты не переставала быть храмом науки. Если чертежи царапала посиневшая рука и царапала неудачно, то чертеж все же получался, и идея его не гасла от дуновения холода. Профессорами не один раз подчеркивалось, что и в „конюшне“ ни любознательность, ни бодрость духа не покидали учащихся, и работа шла вперед неослабно и даже с под'емом.

Весна принесла с собой оживление на фронтах, и старший класс был позван на боевую работу. Это вызвало определенный пересмотр программы, ускоренный темп экзаменов и сокращенное прохождение полевых занятий. Весной старшие покинули Академию. Младший класс продолжал свои работы более или менее нормальным темпом.

Следующий учебный год прошел уже при значительно более нормальных условиях. Предстояла работа по организации дополнительного курса и проведению в жизнь идеи, к этому времени оформленной и определившейся, — о Восточном отделе Академии. Дополнительный курс возник как-то сам собой. Никто на нем не настаивал, никто против него и не возражал. У меня задержалось в памяти, что возникновение этого курса вышло чисто домашним делом Академии. Постепенно прибывали слушатели старшего класса, и хотя некоторые из них оставались в долгу перед Академией, т.-е. не зачитали ряд предметов, но большая часть была готова и о ч е н ь х о т е л а продолжать образование. Дополнительный курс являлся хорошим исходом, и он возник тихо и естественно. За образец взяты были нормы старой Академии, да и темы (по военной истории) даны были почти старые, так как мировая война не представляла еще обработанных эпизодов, а гражданская была только на переломе. Прибывшие с фронтов, отдохнувшие от старой учебы, взялись за темы с исключительным рвением. Это уже были теперь не те разные, непохожие друг на друга члены когда-то пестрой группы, какими они были год назад: об'единенные боевым опытом, вторым годом ученья и пережитыми невзгодами, они представляли из себя уже значительно более однородную группу по языку, военному кругозору, интересу, даже внешности.

Что касается Восточного отдела, то он возник благодаря тесному кружку ориенталистов, давно пытавшихся оживить дело востоковедения, обдумавших его организацию и в конце концов нашедших приют в стенах Академии Генерального Штаба. Один из творцов этой мысли, бывший генерал-майор Давлетчин, пред-

назначавшийся в начальники Восточного отдела, умер чуть ли не в день осуществления своей заветной мысли.

Второй год оставил в моих воспоминаниях гораздо меньший прослед, чем первый. Это был год спокойный и протекший нормально. К приемным экзаменам можно было пред'являть уже более строгие требования, если и не в содержании программы, то в процессе самого экзамена, хотя считаясь с годом приема, в этом отношении еще нельзя было делать слишком резких скачков. Новая волна слушателей, т.-е, третья по счету, если считать ускоренных и параллельных за одну, носила уже несколько иной колорит—она была более однородна, спокойна, легче и послушнее влегала в русло работы.

В области учебного плана, если и не было каких-либо резких перемен, произведен был ряд ценных поправок и дополнений. Военная география обрела своих профессоров и заняла свое почти утерянное ею место: начались, пока эпизодического характера, лекции по гражданской войне; улучшен и расширен был картографический материал, росла и систематизировалась слушателями библиотека; практические занятия и их завершение—военная игра—были разработаны заблаговременно и с возможной тщательностью... Академию не тревожили командировками, и она могла уже прочно и спокойно заниматься своим делом.

Что касается до хозяйственно-бытовой стороны, то она, если и не подошла еще к своему последующему идеалу, то уже резко отличалась от таковой предыдущего года.

Уже с ранней осени мы начали запасаться дровами и всю зиму мы оставались в тепле. Точно также и в смысле питания мы были более чем в приличном состоянии. Нам удалось занять привиллегированное положение среди общих питомцев Москвы; кроме того, мы продолжали помогать себе посылками слушателей, на этот раз более организованными и удачными. Слушатели, бывшие во время лета в боевых и политических командировках, завязали на местах знакомства, и это принесло свою большую пользу: с одной стороны, мы с большим искусством могли наметить районы, где можно отыскать продовольствие, а с другой—нам время от времени стали присылать „подарки".

Были еще просчеты, которых пока мы не в силах были побороть. Наличность трех курсов и Восточного отдела в одном здании, недостаточно для этого емком, вызывала большую скученность и тесноту; в одном зале нам приходилось и учиться и столоваться; смена этих периодов проявлялась в шумливом перетаскивании скамеек, в топоте и гаме; для докладов на до-

полнительном курсе приходилось пользоваться всеми углами и закоулками, какие только можно было отыскать, включая мой кабинет и случайные комнатушки. Этот шум и переполнение, в виду вечерних занятий и заседаний, не прекращались круглые сутки,—здание не отдыхало.

Плохо еще обстояло дело с нашей одеждой. Эта сторона еще не была урегулирована, и мы были одеты случайно и непрочно; и тут нам помогали „подарки", но они притекали невзначай, спорадически.

Но все это были пустяки; это была легко переносимая и скоро забываемая мелочь по сравнению с мрачными картинами предшествующего года. Мы считали себя в норме, и академическая жизнь катилась по прочным и спокойным рельсам.

Среди удач в учебной работе мне особенно хочется подчеркнуть достижения дополнительного курса. Наши слушатели, перешедшие на дорогу самодеятельного труда, были неузнаваемы: оживлены, любознательны, энергичны. Вся польза и естественная привлекательность личной самостоятельной работы были блестяще при этом иллюстрированы. Характерно, что многие из них, на фоне личной проверки, самоэкзамена, должны были заново проштудировать все эти стратегии, тактики, артиллерию или те или иные их отделы, мимо которых они прошли когда-то, оттолкнувшись поверхностной зачетной зубрежкой. После третьей темы это были уже квалифицированные военные определенного облика и силы, готовые для любой практической стези военного дела.

В своих воспоминаниях я коснулся лишь того общего, что выделялось в двух годах жизни Академии, как что-то крупное и яркое. Я умышленно не спускался до подробностей, чтобы не нарушить общего фона; пусть о подробностях скажут другие. Два года, о которых я говорю, были годами утряски, волнений и проб, годами постройки и создания норм. Первый год был полон испытаний, тревог и сомнений; второй год был спокойнее, но еще имел немало недочетов и недоделок. Работу двух этих годов назовем если не фундаментом—он был заложен другими,—то первым этажем, пусть нескладным и некрасивым, но на этом этаже уже много легче было возводить последующие, да без него, может быть, их нельзя было бы возвести.

А. Снесарев.

Ускоренный курс 1919 года.

(*Воспоминания*).

В первых числах ноября 1918 г. в газете „Известия ВЦИК“ было помещено об'явление об открытии в текущем году Академии Генерального Штаба в Москве [1]).

В этом же об'явлении указывались условия и сроки приема. В условиях приема основными требованиями были: удовлетворительные политические характеристики (достаточно двух партийных работников) и общая подготовка, достаточная для усвоения проходимого в Академии цикла наук.

Такие расплывчатые требования обусловили впоследствии в процессе курса многие ненормальности, речь о которых будет ниже.

Указанное выше об'явление в газете и было, насколько помнится, единственным мероприятием [2]) по части укомплектования Академии слушателями.

В двадцатых числах ноября 1918 г. в стены Академии, поместившейся тогда в здании б. Охотничьего Клуба по Воздвиженке, стали прибывать желающие поступить в Академию.

В качестве испытательно-поверочного аппарата для определения степени соответствия поступающих в Академию, были созданы две комиссии: мандатная и общеобразовательная. В состав комиссий были включены представители вновь поступающих, по одному в каждую.

Мандатная комиссия останавливала свое главное внимание на политической благонадежности поступающих, при чем не обусловливала [3]) обязательность не только боевого, но и вообще военного стажа испытуемого, для которого считалось достаточным активное участие в революционном строительстве. Среди поступивших были левые социалисты-революционеры, максималисты и значительное число беспартийных.

---

[1]) Бывшая Николаевская Академия, будучи эвакуирована в Казань, попала к Колчаку и только несколько преданных Советской власти слушателей не последовали за белогвардейским составом Академии и остались в рядах Красной Армии.

[2]) За неимением у автора фактических материалов, цифровых данных он привести не может.

[3]) Автор ошибается, так как в целях укомплектования Академии, по армии был отдан соответствующий приказ.

Прим. редакции.

Общеобразовательная комиссия не играла существенной роли и в оценке соответствия поступающих ее заключения, повидимому, большого значения не имели.

В приказах Академии о группе поступающих, принятых в Академию, были две графы:

1) „принимаются, как имеющие революционный стаж“ и

2) „принимаются, как имеющие боевой и революционный стаж“.

Слушатели, в большинстве, жили по частным квартирам и лишь для некоторых, не имевших в городе квартир, было отведено помещение в здании Академии. Однако, это помещение вскоре не стало удовлетворять своими размерами, так как число желающих жить в общежитии стало расти. Об'ясняется это тем, что в зиму 1918—19 г.г. редкие дома в Москве имели возможность отапливать свои помещения, а в общежитии Академии этот вопрос обстоял благополучно; имелись дрова и температура поддерживалась не ниже 11—12 градусов. Мне лично пришлось покинуть частную квартиру и поселиться в общежитии только потому, что температура в моей квартире угрожающим для жизни образом спустилась ниже нуля. В конце декабря для слушателей Академии было „отвоевано“ общежитие в Лесном переулке, где были размещены как семейные, так и холостые слушатели более или менее удовлетворительно. Часть же слушателей осталась все же на частных квартирах. Впоследствии было отведено еще одно общежитие для слушателей, когда Лесное не стало удовлетворять вместимостью увеличившемуся контингенту слушателей.

Довольствие слушателей было организовано при Академии, при чем слушателям давалось: утром—завтрак (чай), в полдень—обед (весьма скудный из тогдашнего полуголодного пайка) и вечером—ужин (также скудный и совершенно недостаточный). Слушатели состояли на „привиллегированном“ курсантском пайке и получали ежедневно по два фунта хлеба, по восемь золотников сахара; однако, этого было недостаточно при той затрате энергии и продолжительности труда слушателя, речь о которых будет ниже.

Неудовлетворительная организация хозяйственной части понудила слушателей на проявление самодеятельности и инициативы и в Академии появился контрольный аппарат в виде дежурных по кухне и наблюдающих за хозяйством (нечто в роде ячейки РКИ). Эти мероприятия устранили некоторые недочеты в хозяйственном аппарате Академии, но изжить царившую в них

бюрократическую волокиту, длиннейшие очереди в продцейхгаузе, в денежной части и т. п. не могли.

С учебной частью дело обстояло не лучше.

Почти никаких пособий по проходимому в Академии курсу учебная часть не имела. Библиотека была неорганизована и лишь в начале 1919 г. начала функционировать, снабжая слушателей какой угодно старой охотничьей литературой (Академии досталась „по наследству" библиотека Охотничьего Клуба), но добыть в ней нужную слушателю литературу было нельзя. Читаемые в Академии лекции записывались стенографическим образом, но лишь в марте и апреле месяце слушатели стали получать первые оттиски начал всех лекций. Благодаря этому слушатели вынуждались к беготне и поискам (включительно до поездок в Питер в склад Березовского) за какими нибудь пособиями, а также к ведению записей во время лекций. Все это вместе взятое усложняло подготовку слушателей, а если к тому же принять во внимание отсутствие у слушателей свободного времени, то и отвлекало его часто бесполезно от прямых занятий.

День слушателя был таков:

с 10 до 14 часов—лекции,
„ 14 „ 15 „ —обед,
„ 15 „ 19 „ —практические занятия,
„ 19 „ 20 „ —ужин и
„ 20 „ 22 „ —лекции [1])

Итого в сутки более 10 часов умственного труда в стенах Академии и если к этому прибавить работу слушателя на дому по выполнению заданий по практическим занятиям, то получится вполне ясная картина крайней перегрузки слушателя.

Читались в Академии лекции по следующим военным предметам: тактика пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, снабжения и прикладная техника артиллерии история военного искусства, стратегия, служба генерального штаба, администрация, фортификация и топография. Из общественных наук слу-

[1]) Вечерние лекции были три раза в неделю. В „свободные" вечера слушатель бывал на докладах в „аудитории военного дела" и не реже раза в неделю на заседаниях ячейки Академии и московского городского района РКП.

шателям были прочитаны лекции т. Павловичем „Основы империалистической политики“ и Рейснером „Основы конституции РСФСР“. Эпизодические посещения Академии Бухариным сопровождались его лекциями по историческому материализму.

Здесь необходимо отметить то обстоятельство, которое вытекает само собой из разношерстности состава слушателей Академии по степени подготовки. Некоторые слушатели, не бывшие в армии и не имевшие военной подготовки, не были готовы к восприятию военного дела, а некоторые, по слабости своего общего развития, нуждались в популяризации сведений, излагаемых профессурой в лекциях. Несмотря на то, что профессура приноравливала свои лекции к простейшему изложению, в своей популярности часто достигавших многих брошюр ротных красноармейских библиотек, все же частично слушатели покидали Академию из-за трудности усвоить преподаваемый цикл военных знаний.

Практические занятия в этом отношении были гораздо более приемлемы и вызывали у слушателей больший интерес, нежели лекции, и было бы лучше, если бы тогда половину лекционных часов заменили практическими занятиями. Вопрос этот слушателями тогда же поднимался, но был оставлен открытым, так как у профессуры на этот счет было свое мнение.

Выше мною указывалось, что в среде слушателей был не малый процент левых социалистов-революционеров, максималистов и беспартийных, однако, наибольшую внутреннюю спайку и организованность, как и надо было ожидать, проявили коммунисты, которые и взяли на себя руководящую роль в общественной жизни и воспитании слушательской массы в Академии. Роль ячейки РКП этим не ограничилась и она в силу создавшихся условий взяла на себя роль и контрольно-хозяйственного аппарата, а также имела сильное влияние на постановку и ход учебной жизни Академии. В этой последней своей деятельности ячейка всегда наталкивалась на сопротивление профессуры, а с ней и начальства академии, но все же своей деятельностью добилась значительного улучшения учебной жизни Академии.

Вот в каких условиях и обстановке училась, работала и накопляла необходимые знания первая группа слушателей в течение первых месяцев существования Академии. В процессе учебы выяснялись все ненормальности и недочеты и в процессе же учебы они устранялись. Здесь особо надо подчеркнуть, что все слушатели в целом проявили высокую сознательность, и в деле учебы, как и впоследствии на боевых фронтах, оправдали надежды, возлагавшиеся на них пролетарской властью.

Отпраздновав 8-го декабря 1918 года свое открытие (на торжестве открытия присутствовал и выступал с речью т. Яков Свердлов—ПредВЦИК), уже в первых числах апреля 1919 года Академия получила требование главкома дать группу слушателей, наиболее подготовленных, для отправки на фронт против Колчака, и в несколько дней эта группа первых красных генштабистов была сформирована, проверена в своих знаниях, полученных в столь короткий промежуток времени, и брошена на ответственнейший боевой участок Республики, где эта группа принесла громадную и неоценимую пользу и боевой практикой закрепила теоретический багаж, полученный в стенах первой в мире Красной Академии.

В. Воронков.

Накануне реформирования.

(Страничка из воспоминаний Политкома АГШ).

Полтора учебных года, проведенных мною в Академии Генерального Штаба, в качестве политического комиссара последней, являются одной из интереснейших страниц в моей довольно разнообразной политической работе.

Попал я в политкомы АГШ совершенно неожиданно для самого себя. Это было в 1921 году. Я только-что возвратился с Дальнего-Востока, где был дипломатическим уполномоченным РСФСР, когда мне предложили пойти в Академию Г. Ш. Пришлось пойти.

Пришел я в АГШ в тот момент, когда она переживала, если так можно выразиться, период кризиса роста. В течение предшествовавших лет она складывалась стихийно, без надлежащего руководства и строго обдуманного плана. Оторванная, в значительной степени, от жизни наших высших советских и партийных органов и слабо связанная с высшим командованием, АГШ оказалась фактически предоставленной группе военных специалистов, которые, будучи чужды опыту новой Красной Армии, не могли создать чего-либо нового, а старались сделать АГШ похожей на старую „Николаевскую Академию“, питомцами которой они сами являлись.

Численно состав профессуры в АГШ был значителен, достигая почти ста человек, но качественно, за очень немногими исключениями, вся профессорская масса заставляла желать очень

многого. И это вполне понятно, если припомнить, что АГШ складывалась в период острой гражданской войны, когда значительная часть старой профессуры, или даже просто старых генштабистов, оказалась по другую сторону баррикады—у белых, и на долю АГШ остался случайный состав генштабистов, который и образовал основной кадр профессоров и преподавателей красной АГШ.

В основной своей массе профессура очень грешила отсутствием и непониманием опыта гражданской войны, равно как и непониманием тех новых требований, которые пред'являла к АГШ рабоче-крестьянская Красная армия. Но порой мне казалось, что среди военной профессуры АГШ было не только непонимание новых задач и требований, но и общая отсталость военной мысли; не воспринимался не только опыт гражданской войны, но и империалистической, непосредственными участниками которой большинство профессуры являлось.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Возможно, что для об'яснения этого нужно искать причины в том тупике, в котором, по существу, все время находилась русская военная наука, всегда характеризовавшаяся у нас отсутствием системы и единства, что с большой наглядностью выявилось в момент империалистической войны 1914—1918 г.г.

Однако, приводя все эти соображения, я не хочу сказать, что среди профессуры АГШ моего времени не было достойных всяческого уважения военных ученых. Конечно, они были. К числу таких нужно отнести В. Ф. Новицкого, упорно работавшего над опытом империалистической войны, Незнамова, Величко, Свечина, Снесарева и ряд других профессоров, которые достойны были уважения, несмотря на некоторые недостатки.

Основным недостатком этих уважаемых профессоров был консерватизм мысли. Этот консерватизм был так глубок и упорен, что эта, казалось бы, наилучшая часть профессуры не только не смогла подняться до понимания новых задач, стоящих перед АГШ, но, наоборот, как мне пришлось убедиться в дальнейшем,

именно эта группа оказалась наиболее упорной в отстаивании старых позиций, когда встал вопрос о реформе АГШ.

Но профессура была только частью личного состава АГШ; другой частью являлась слушательская масса Академии — те красные командиры, которые пришли в стены АГШ для того, чтобы приобщиться к источнику военной научной мудрости и затем вновь пойти в Красную Армию для приложения своих знаний на многочисленных фронтах.

Всего в АГШ имелось свыше 400 человек слушателей, которые были командированными с фронтов и, следовательно, имели уже значительный опыт гражданской войны. В своем огромном большинстве это были коммунисты, почти наполовину выходцы из рабоче-крестьянской среды. Все это имело свои плюсы и минусы. Минусом являлась малая подготовленность основной слушательской массы к тем отвлеченным курсам, которые читались в АГШ. Плюсом была высокая степень политического сознания и дисциплинированности слушателей, которые смотрели на АГШ не с точки зрения дипломов и преимуществ, а как на храм военной науки.

Но само собою разумеется, что несоответствие между малой подготовленностью основной слушательской массы и учебным планом, созданным старой профессурой, должно было сказаться. Профессура, не желая учитывать реальную действительность, пыталась создать из АГШ копию старой Николаевской Академии с ее программами и курсами. Слушательская масса, не имея возможности оспорить лекционную схоластику, требовала жизненного подхода к преподаванию, замены лекционного метода преподавания прикладным, равно как и пересмотра всего учебного плана для соответствующей увязки его с требованием жизни.

И действительно, то, что в АГШ называлось учебным планом, являлось, по существу, мало продуманным нагромождением курсов, которые могли читать военные специалисты, так или иначе оказавшиеся в Москве.

Не удивительно, что предо мною, как политическим комиссаром, встала задача вплотную подойти именно к этой стороне дела. Нужно было обратить внимание на учебную часть Академии и поставить вопрос о выработке учебного плана АГШ. Казалось, что стоит обратить на это внимание профессуры, и необходимая работа будет проделана. Но это только казалось. В действительности, именно здесь пришлось столкнуться с тем консерватизмом профессуры, о котором я говорил выше. Конференция профессоров и преподавателей АГШ отнюдь не была на-

строена пересматривать систему преподавания, ибо считала, что лучшего придумать нельзя.

Убедившись в невозможности что-либо сделать при помощи профессуры, я обратил свое внимание на слушательскую массу и решил подготовить план реформы АГШ при помощи органов самодеятельности слушателей. Именно к этому моменту удалось достигнуть довольно положительных результатов в деле внутренней организации слушательской массы. На ряду с политической работой среди слушателей, которая велась т. н. бюро фракции (бюро ячейки), создалось Военно-Научное общество, ставящее своей задачей изучение опыта гражданской войны и т. н. учком (учебная комиссия) при бюро фракции, которая должна была явиться органом связи между учебной частью АГШ и курсовыми организациями слушательской массы, с одной стороны, и бюро фракции, с другой.

Однако, учкому пришлось выйти далеко за рамки органа технической связи и превратиться в орган слушательской самодеятельности, который сыграл большую роль в деле подготовки переформирования АГШ в Военную Академию. Конечно, главной причиной в этом отношении были общие условия, но немалую роль сыграл и самый состав учкома того времени. В учкоме тогда подобрались в высшей степени толковые ребята: Венцов-Кранц, Белицкий, Циффер и ряд других слушателей, людей способных и начитанных. Начав с ряда коррективов к учебным планам АГШ, они подошли к пересмотру всех программ, а затем и к выработке общего учебного плана АГШ, положив в основу соображения, заимствованные из лучших программ и планов европейских военных академий.

На мою долю выпала задача координировать всю эту чрезвычайно полезную работу слушателей с РВСР и высшим командованием. Но, как и следовало ожидать, в процессе этой работы пришлось столкнуться с профессурой, которая отнюдь не желала сдать свои позиции без боя. Поэтому, чем ближе мы приближались к окончанию работы, связанной с выработкой нового учебного плана, тем острее становились взаимоотношения с профессурой, тем больше было различных теоретических споров, которые уже выходили за стены АГШ и становились предметом обсуждения в военных кругах. Однако, вопрос о реформе АГШ назрел. Кустарничать больше нельзя было. Нельзя было оставлять АГШ в том положении, в каком она находилась до этого момента. Красная Армия переходила на новые рельсы правильной организации. АГШ должна была сделать то же.

Все это, вместе взятое, заставило ускорить вопрос о реорганизации АГШ в Военную Академию. Вопрос был поставлен перед РВСР, которому был мною представлен новый учебный план, выработанный учкомом. Этот план был положен в основу реформ АГШ, и последняя постановлением РВСР была переименована в Военную Академию Р.-К. Красной Армии.

Вл. Виленский-Сибиряков.

1921—22 учебный год.

(Страничка воспоминаний).

В конце августа 1921 года, несколько дней спустя после моего вступления в должность, начался с'езд желавших поступить в Академию. Один из них, как-то в беседе со мной, сказал: „нас, фронтовиков, особенно поражает здесь то, что ни один академик не пройдет мимо начальника или комиссара, не толкнувши его в бок". Это замечание чрезвычайно метко схватывает суть взаимоотношений внутри Академии в то время. Академия Генерального Штаба, переименованная незадолго до того в Военную Академию, не обнаруживала никаких признаков военного учебного заведения. Главными, чтобы не сказать единственными хозяевами, были слушательские организации.

Приведу только два факта. Прибывший в мое распоряжение товарищ должен был обратиться к председателю группы содействия РКИ (слушателю Академии) для того, чтобы получить обед в столовой Академии. Секретарь бюро фракции РКП (так называлась ячейка РКП Академии) руководил отводом помещений новоприбывающим кандидатам и слушателям.

Существовавший тогда административный аппарат был численно чрезвычайно слаб, и, несмотря на произведенную весной 1921 года смену лиц, все же не смог охватить сразу всей работы. Слушатели усиленно занимались „самодеятельным" администрированием.

То же было и в учебном отделе. Единственный проект учебного плана на 1921/22 год, существовавший в августе 1921 года был выработан „учком'ом", т.-е. комиссией из слушателей Академии. Этот план мне и передал мой предшественник, тов. Виленский. Учебный отдел такого проекта еще не имел. Не потому, конечно, что он не предусмотрел этого. Отнюдь нет.

Учебный план обсуждался и весьма солидное количество часов в тогдашнем академическом парламенте—Конференции. Происходили, как мне передавали, словесные турниры между „стариками“ и „младотурками“, но ничего удовлетворительного из этого не получилось. И вот почему.

На одном из своих апрельских заседаний Революционный Военный Совет Республики весьма подробно и внимательно занялся вопросами Академии. Решения этого заседания положили начало новой эре в жизни Академии.

Была установлена оторванность Академии от жизни фронтов. Состав профессуры и руководителей Академии, не насчитывавший в своих рядах почти ни одного практического работника Красной Армии, было постановлено освежить целым рядом лиц, выдвинутых командзапом Тухачевским, который и был назначен Начальником Академии. Своими решениями РВСР пред'явил Академии такие ясные требования, что никакая конференция, существовавшая до приказа РВСР от 11 сентября 1921 года, удовлетворительного плана разработать не могла.

Л. Печерский.

Надвигался новый учебный год. С'ехалось около семисот желающих поступить в Академию. Начали собираться к началу занятий слушатели старшего и дополнительного курсов.

Академия задыхалась от недостатка, как учебных, так и жилых помещений.

Расширение площади под Академию, усиление административного аппарата и реформа всей академической учебы—таковы те требования, которые пред'явила нам жизнь и РВСР к началу 1921/22 учебного года.

Первым встал перед нами вопрос о приеме. Много споров было вокруг этого вопроса.

Кого принимать? Допускать ли к испытаниям беспартийных? Какие требования пред'являть к прошедшим мандатную комиссию? Сколько человек принять?

Началась тихая борьба между представителями слушателей и мною—представителем администрации Академии,—как любили подчеркивать слушатели. Принцип у нас был один и тот же: необходимо создать коммуниста-генштабиста. Шел только спор об отдельных индивидуумах. Были запрошены указания РВСР, который и приказал не закрывать дверей заслуженным беспартийным командирам. И только в конце 1921 года, после конференции ячеек Высших Военных Учебных Заведений, на которой тов. Троцкий в блестящей диалектической форме поставил этот вопрос, он нашел свое решение.

Один из выступавших на конференции (т. Островский) стал доказывать всю важность „надежности" по сравнению с „компетентностью". „Эта постановка вопроса", сказал тов. Троцкий (цитирую на память) „напоминает мне одно место из другого Островского. Что лучше, спрашивает он, иметь и потерять, или ждать и не дождаться? Так ставить вопрос нельзя. Верно то, что ключ к входным воротам в Академию должна держать в своих руках партия. И в каждый данный момент партия будет более или менее широко открывать эти ворота беспартийным, а может и совсем захлопнет их".

После этой конференции этот вопрос больше не поднимался.

Какие же требования пред'являть к поступающим и сколько их принять?

С'ехалось, если я не ошибаюсь, около 700 человек [1]). Здесь были представлены все классы, все школы и все фронты. Подавляющее большинство были коммунисты из рабочих, крестьян и интеллигенции.

Первый набор, после ликвидации всех фронтов, собрал массу весьма ценного боевого материала. Но огромная часть не обладала достаточной подготовкой, представляя в то же время огромный боевой опыт.

Выход из этого положения был уже заранее намечен РВСР, который приказал существовавшую Высшую Школу Штабной Службы превратить в подготовительный курс, т.-е. военный рабфак. Мы создали его. Было принято около полутораста рабочих и крестьян. Это были несомненно боевые командиры, но с общим образованием максимум в пределах городского, а чаще и сельского училища. Они были полны жажды знания, но их

[1]) У меня нет под рукой никаких материалов. Привожу все цифры по памяти.

нельзя было оторвать от военной жизни, их нельзя было отправлять на рабфак гражданский. Так был создан новый курс, который сыграл определенную роль в дальнейшей истории Академии.

На младший курс было зачислено около двухсот слушателей. Генштабистов, в старом смысле слова, мы больше не готовили, ибо это сословие внутри военного ведомства ждало своего упразднения со дня на день.

Военная Академия должна лишь давать высшее военное образование. Чем больше народу с высшим образованием армия будет насчитывать, тем лучше, так рассуждали мы с тов. Тухачевским, представляя проект штатов РВСР. Была создана Академия в 800 слушателей.

На очередь встал самый важный—учебный вопрос. Как поставить учебное дело для того, чтобы не было того „абсентеизма", того „воздержания" от посещения лекций, а отчасти и практических занятий, которыми так страдала Академия.

Учебная дисциплина отсутствовала. Все меры наших предшественников, вплоть до выставления часового у дверей Академии для того, чтоб никого не выпускать, не помогали. А между тем отсутствие учебной дисциплины было первопричиной всякой иной недисциплинированности.

Вся та „самодеятельность", которая так пышно расцвела в Академии, имела свои корни в недостатках постановки учебного дела. Не о субъективных недостатках того или иного начальника Академии или преподавателя ее идет здесь речь, я имею в виду основной ее недостаток: оторванность от жизни Красной армии и гражданской войны.

„Вечные" истины военной науки—вот программа всего академического курса до 1921—22 года. Привить их всем слушателям Академии—основная задача методики преподавания первых трех лет существования Академии.

Могло ли это увлечь красных академиков? Пусть они мало подготовлены были в общеобразовательном отношении, но они являлись в Академию с поля гражданской войны. То не были проведшие несколько лет в царской казарме подпоручики, поручики и штабс-капитаны. На руках многих из них еще свежи были следы молота и серпа, который они выпустили из рук только лишь в бурные дни рабоче-крестьянского восстания 17 года. У многих из них еще не совсем зажили свежие раны, нанесенные им их классовыми врагами на полях Сибири, Украины, Крыма и Кубани.

И эту молодежь, пришедшую учиться, как побеждать без лишних потерь всех классовых врагов Советской власти, пытались увлечь классическими примерами „времен Геродота“. И когда? В 1919 и 1920 годах еще. В то время, когда шли упорные бои под Царицыном, Ростовом, Харьковом, Киевом и Варшавой.

Конечно, эта попытка с „негодными средствами“ могла и должна была кончиться протестом против этого насилия „над живой жизнью“. Сперва этот протест выражался только в „пассивном сопротивлении“—не ходили на занятия.

Затем наиболее активная часть слушателей делает попытку восполнить пробелы программы Академии. Преодолеть инерцию такого огромного тела, как Академия, оказывается не так-то легко, и „Красная гвардия“ генштаба прорывает фронт старой Академии созданием Военно-Научного Общества при Военной Академии по изучению опыта гражданской и мировой войны.

Одновременно с этим идет борьба „за общественное мнение“. Это было весной 1921 года. РВСР реагировал на все это упомянутым выше постановлением.

Тов. Тухачевский, вновь назначенный Начальник Академии, прибыл в начале сентября.

Приступить к реорганизации учебного дела можно было только „распустив“ академический парламент, т.-е. лишив конференцию права решающего голоса. Это было сделано приказом Реввоенсовета Республики от 11 сентября 1921 года.

О том, как была проведена реорганизация военно-учебной части, расскажет, вероятно, подробно сам тов. Тухачевский. Я хочу остановиться на цикле социально-экономических наук.

До 1921/22 учебного года так называемые „политические“ предметы читались специально по субботам. Уже это одно проводило известную грань между „военными“ и „невоенными“ предметами. В результате, лекции по субботам посещались ничтожным количеством слушателей. Зачетов по этим предметам не было. Читалась, правда, и политическая экономия, и исторический материализм, и история РКП, и Советская Конституция, и многое другое. Но все эти предметы были обязательны, кка будто только для коммунистической части Академии.

Для этой же части слушателей была организована партшкола по образцу того времени: проходилась программа партии, устав, „Азбука Коммунизма“ и т. п.

В 1921—22 году мы об'явили весь цикл социально-экономических предметов обще обязательным. Было установлено расписание лекций и практических занятий, согласно которого почти ежедневно читался тот или иной предмет из этого цикла, а однажды в неделю проводились двухчасовые практические занятия. Последние были впервые организованы следующим образом.

Все слушатели были разбиты по своей подготовке на три ступени.

Слушатели с одинаковой подготовкой разбивались на группы из десяти человек приблизительно. Во главе каждой группы стоял руководитель. Сперва руководители были набраны из вполне подготовленных слушателей Академии, и это рассматривалось как партийная работа. Опыт показал однако, что и вполне подготовленные слушатели эти свои партийные обязанности выполняют весьма нерегулярно. Были приглашены руководители из среды слушателей Социалистической Академии, Института Красной Профессуры и Лекторского отдела Свердловского Комуниверситета.

В группах первой ступени проходилась рефератным методом „Азбука Коммунизма". Группы второй ступени проходили основы политической экономии и исторического материализма. Наконец, группы третьей ступени изучали „Капитал", „Анти Дюринга" или Историю рабочего движения в Европе.

Наладить всю эту огромную работу удалось только в течение второго полугодия. В следующем учебном году намечалось согласование лекций с практическими занятиями.

Дополнительному курсу было предложено, кроме трех тем, положенных им по военным предметам, сдать четвертую тему социально-экономического характера. Был составлен список тем, которые и разбирались слушателями.

Вся эта система налаживалась с большим трудом. Разбить 800 слушателей Академии на группы, хотя бы приблизительно одинаково подготовленые—дело далеко не простое. Кроме того, требовалось огромное помещение для более или менее спокойных занятий. К концу года все эти трудности были настолько преодолены, что можно было уже учесть результаты всей проделанной работы. Расценка их была вполне удовлетворительна.

В течение 1921/22 г.г. мы провели первый зачет по историческому материализму. Таких зачетов до тех пор вообще не было.

Кстати о зачетах. По словам старожилов Академии, в 1920 г. еще, зачеты проводились так, что профессора ловили слушате-

лей или наоборот, и где-нибудь в углу сдавался зачет. В 1921—22 году мы ввели определенный порядок. Зачеты сдавались публично, с соблюдением известного внешнего порядка. Сдавший дважды неудовлетворительно один и тот же зачет, в редких случаях допускался в третий раз, а в большинстве отчислялся от Академии.

Однако этому естественному и законному отбору слушателей мешало слишком „снисходительное“, слишком „бесстрастное“ отношение профессуры к испытуемым. Борьбу с этим начали вести наши предшественники. Ощутительные результаты эта долгая и упорная борьба дала только вместе с реорганизацией всей внутренней жизни Академии.

Так постепенно прививалась учебная дисциплина. И не только слушателям, но и профессуре. Неоднократно приходилось делать замечания и некоторым преподавателям, не отличавшимся особенной аккуратностью. Нельзя было требовать дисциплинированности от обучающихся, если ею не отличались обучающие.

На основе этой, пока еще зачаточной, учебной дисциплины, можно было приступить к наведению прочих порядков. Этому способствовало и то, что к концу 1921 года удалось получить, наконец, добавочное помещение на Пречистенке под Академию и на Ваганьковском переулке огромный дом под общежитие.

Если самодеятельность слушателей в области учебы вызывалась об'ективными условиями оторванности Академии от живых интересов фронта, то чрезмерная самодеятельность в области административно-хозяйственной об'яснялась исключительно тяжелыми условиями жизни слушательской массы.

Ограниченность общереспубликанских материальных ресурсов остро ощущалась слушателями Академии.

В большинстве своем малоподготовленные в смысле общего образования, слушатели прежде всего нуждались в удовлетворительной обстановке для того, чтобы успешно усваивать академический курс. Часто приходилось поражаться, наблюдая, с каким упорством и невероятным напряжением работали некоторые слушатели из рабочих и крестьян. Неудивительно, если они хватались за всякое средство, которое, по их мнению, могло облегчить их тяжелое положение.

Если слаб академический аппарат, надо ему помочь. Таков естественный ход мыслей слушателей. При немногочисленном чиновничьем аппарате, роль слушателей была, конечно, гораздо больше, чем они сами вначале этого хотели. В конце концов создалось то положение, о котором я уже говорил выше.

Порядок в Военной Академии, и притом военный порядок, мог быть налажен только при условии такого усиления и улучшения административного состава управления Академии, при котором могла быть создана и обеспечена хотя бы относительно благоприятная для слушателей обстановка.

Этого мы отчасти добились к началу второго полугодия.

К этому времени начальником Академии был назначен тов. Геккер. Тов. Тухачевский вновь вступил в командование Западным фронтом.

Сами слушатели, во всяком случае известная часть (в особенности младший курс), сознавали необходимость разгрузиться от излишних посторонних занятий. На одном из заседаний органов самодеятельности, совместно с начальником Академии, они предложили упразднить некоторые „комиссии“. Так приступлено было к упорядочению внутренних взаимоотношений. От дежурного у дверей аудиторий, не дававшего мешать слушанию лекций, — к дежурному по Академии, рапортующему начальнику Академии при его появлении, так вводилась постепенно дисциплина в 1921/22 учебном году.

Намечавшееся налаживание внутреннего порядка и постепенное освобождение слушателей от „неслушательских“ функций должно было привести также к оживлению партийной жизни среди членов ячейки РКП.

До сих пор почти все внимание всех партийных собраний было поглощено вопросами внутриакадемическими. Академия насчитывала столько „органов“ самодеятельности (учком, комбыт, кварткомиссия, группа содействия РКИ, правление клуба, правление кооператива и т. д.), что не было ни одного собрания, на котором не отчитывалось бы то или иное правление, та или иная комиссия.

Несомненно, при слабой налаженности аппарата, слушатели, в силу об'ективных причин, должны были очень чутко и внимательно следить за работой каждой из упомянутых коллегий.

Работа в них бесспорно развивала в слушателях инстинкты и навыки общественности, но все это делалось в ущерб чисто партийной работе. Если занятия в социально-экономических кружках могли отчасти рассматриваться как партработа внутри Академии, то вне Академии вела интенсивную партийную работу очень незначительная часть всей ячейки.

Правда, перегруженность слушателей учебной работой не позволяла широко провести прикрепление всей массы членов к рабочим ячейкам. Опыт, проделанный в начале учебного года,

подтвердил это. Однако надо признать недостаточным суррогатом партийной работы — посещение общих собраний, на которых, правда, выступали с докладами и тов. Радек, и тов. Павлович, и тов. Рязанов и др.

Это и было констатировано комиссией Ц.К.Р.К.П., произведшей обследование Академии весной 1922 года.

Найти среднюю линию между этими двумя крайностями— такова была задача ячейки Академии в следующем учебном году.

К концу года все резче и резче выступал вопрос о целесообразности существующей организации Академии.

Целый ряд фактов свидетельствовал о том, что дальше Академии так жить нельзя.

Разбухшая до огромных размеров, пестрая по своему составу, с точки зрения подготовки, боевого опыта и общего развития, Академия нуждалась в какой-то радикальной реорганизации для того, чтобы действительно стать лабораторией „красного генштаба".

В своих докладах РВСР мы выдвинули в первую очередь вопрос о сокращении численного состава Академии. Средства Республики, наличный состав педагогического персонала и нужды Красной армии позволяли содержать Академию только в сокращенном составе. Конечно, чем больше армия насчитывает командиров с высшим военным образованием, тем лучше, но мы при существовавшем положении не давали и не в силах были дать слушателям все то, что необходимо для высшего образования.

Надо было во что бы то ни стало произвести отбор лучшей части слушательского состава.

Были назначены специальные комиссии, состав которых был подобран с чрезвычайной тщательностью из наиболее авторитетных партийных и военных работников, и эта мучительная работа была закончена к середине сентября 1922 года. Было сделано много ошибок в этой огромной работе, как в смысле недостаточной чистки (например, Тертов), так и наоборот. Но это было неизбежно. Две дальнейшие комиссии исправили их. В результате этой работы, был подготовлен фундамент для дальнейшего существования действительно Военной Академии. По нашему мнению, что мы своевременно и докладывали РВСР, процесс реорганизации Академии мог закончиться только лишь к 1923/24 учебному году.

В результате постепенной реорганизации в течение всего учебного года и той чистки, которая была проведена летом

1922 года, Академия, правда, не стала „старой Академией“, когда слушатели опасались попасть на глаза Баева (управделами), все же она сделала крупный шаг вперед.

По заверениям профессуры, никогда до того Академия так не работала, как весной и летом 1922 года. Учебная и прочая дисциплина были уже настолько привиты, что признаки „Запорожской Сечи“ почти исчезли.

* * *

Размеры статьи не позволили мне подробно остановиться еще на одном выдающемся явлении в жизни Академии, Военно-Научном Обществе. То была краса и гордость Академии. И вполне справедливо. Мне пришлось случайно слышать мнение одного старого немецкого офицера генерального штаба: „Я давно не читал такой свежей, интересной, животрепещущей военной литературы, как ваша „Красная армия“, сказал он об органе ВНО при Академии.

В другом духе, но не менее интересен был „Военный Зарубежник“, издававшийся ВНО. В этом отношении Академия стояла высоко в 1921/22 году.

Следовало бы еще остановиться на крупной работе, проводившейся на Восточном отделе и подготовительном курсе, но об этом напишет, вероятно, кто-либо другой.

Л. Печерский.

Задачи и методы.

Пять лет прожито. Срок и очень большой, и очень короткий. Большой — потому-что это первые пять лет Красной Академии; короткий — потому-что впереди, несомненно, предстоит еще много этих пятилетий. Но эти будущие годы не только не сотрут значения прожитых уже первых пяти лет, но даже и не уменьшат его.

В эти первые годы Академия рождалась, искала свои пути, прокладывала их, болела, лечилась, закладывала свой фундамент. Закончила ли она этот начальный строительный период своей жизни? Думаю, что не закончила. В эти годы много сделано, еще больше пережито, но до конца строительной работы еще далеко. Тех, кто вздумает упрекнуть нас за то, что за пять лет жизни мы не поспели, не сумели прочно устроиться, попросим

вспомнить, что за годы были эти наши первые пять лет. Напомним им только два обстоятельства: первое—это то, что Красная Академия не только строила свою жизнь, но и принимала активнейшее участие, преимущественно в лице своего слушательского состава, в горячей революционной борьбе; второе же то, что при создании Академии оказалось неизбежным лить молодое вино в старые меха; новых не было и создать их было не из чего. Не будем больше оправдываться. В конечном счете, суть ведь не в том, осудят нас или похвалят, а в том, что мы не закончили нашего строительства, что мы еще на строительных путях, и что, следовательно, важнейшим вопросом переживаемого Академией периода ее жизни является отыскание верных путей, коротко и твердо ведущих к цели. Цели же ясны и формулируются просто: нам нужны красные командиры и штабные работники высокой квалификации и военное искусство (для желающих — наука), отвечающее сегодняшним и завтрашним, а не вчерашним условиям борьбы.

Но насколько ясны цели, настолько темны пути к ним. Много коллективного труда придется потратить на отыскание верных из них; неизбежно не раз еще будем сбиваться с правильной дороги и снова возвращаться на нее, но в конечном счете, конечно, найдем их. Дело лишь во времени, и чтобы сократить время этих исканий, попробуем поставить на них основные вехи.

Первой из этих вех я бы поставил „работу мысли“, или работу над мышлением. Поясню, что под этим я разумею. Никакое знание, никакие технические навыки не помогут нам отвечать на выдвигаемые жизнью вопросы, если в нас не будет самостоятельной, живой мысли, если не будет развито, систематизировано, обострено и углублено наше мышление, если мы не сделаем для себя органической потребностью подход к каждому предстоящему нам делу не иначе, как с уяснения себе цели его и анализа обстановки. Боюсь, что мне на это ответят тем, что это само собою разумеется, и что об этом не стоит и говорить. К сожалению, стоит и даже очень. Мои наблюдения привели к несомненному для меня выводу, что гораздо чаще встречаешь у людей обратный подход к предстоящему делу. Начинают с вопроса о том, как сделать и притом само это „как“ не выводят из изучения обстановки, в которой придется действовать, а ищут рецепта в памяти, в образцах, в указаниях уставов и справочников.

Выдвигая, таким образом, на первое место развитие мысли и систематизацию мышления, я рядом с этой вехой поставил бы

другую—борьбу с дилетантизмом. Нет ничего легче, как, увлекшись развитием самостоятельного мышления, впасть в легковесное и плоское дилетантство, потому что путь к нему легок и красочен. Бороться же с этим грехом возможно только накоплением серьезных знаний, расширением и углублением своего образования. Этим и определяется следующая веха—накопление знаний, расширение и углубление образования.

Я умышленно ставлю рядом слова знание и образование, чтобы было яснее, о какого рода знаниях я говорю. Меня относительно мало интересует, какое количество отдельных фактов, цифр, дат, формул запечатлеется в памяти слушателя; но мне кажется важным, чтобы до его мозгов дошли сведения о всех достижениях человечества в изучаемых им вопросах, а в нужных случаях и сведения о путях, какими человечество дошло до своих конечных достижений. При этом необходимо, чтобы эти сведения были восприняты молодыми мозгами не механически, а органически, если можно так выразиться; они должны слиться во-едино с его мыслью, не уничтожая ее самобытности и свободы, но давая ей ту базу, которая застрахует ее от поверхности, легкости и безответственности, свойственные невежеству. Словом, речь идет о таком накоплении нужных знаний, которое называется образованием.

П. П. Лебедев,
Начальник Академии.

Но было бы великим заблуждением, если бы это образование мы ограничили одной областью узко военных знаний. Такое об'ужение вопроса было бы ошибочным даже в отдаленные примитивные времена. В настоящую же сложную эпоху нелепость такого ограничения очевидна для всякого. Только на низших ступенях военного дела, на которых оно не выходит за пределы уменья механического применения оружия, может не чувство-

ваться необходимость в образовании, выходящем за рамки военной специализации. Все-же те, кто будет призван к делу управления, планирования, не смогут обойтись без более широкого образования, в особенности без образования в области политико-экономических знаний. Эти соображения ставят новую веху на наших путях—образование, не только узко-военное, а и общее и в особенности в политико-экономической области.

Развитие мысли, знание и образование, при всей своей значительности, все же недостаточны для законченного формирования военного работника высокой квалификации. Ему нужны еще техническое умение и военное и политическое воспитание, которые и составляют две следующие вехи.

Технические навыки, путем настойчивых упражнений и педантичных требований, должны быть доведены до предельной точности и прочности. Необходимо насытить армию военными работниками, безупречно владеющими техникой военного дела, дабы свести до минимума ту лишнюю кровь и лишние неудачи, которыми столь часто войска расплачиваются за недочеты в технической работе своих начальников и штабов.

Пожалуй, самой трудной задачей для Академии явится воспитание в той его части, которая относится к выработке военного характера. Для этой работы нужна иная арена, чем академические аудитории, библиотеки и кабинеты. Нужна арена практической работы в людской толще и борьбе. Тем не менее, Академия не может отказаться и от этой задачи и, во всяком случае, должна устранить в своих методах все то, что способно давить на выработку сильного характера, а также должна суметь указать слушателям те пути работы над собой, которые ведут к выработке характера.

Значительно легче достижим успех в других сторонах воспитания,— в привитии разумной дисциплины, чувства долга и безупречной военной точности и аккуратности.

В отношении политического воспитания задача совершенно ясна: от сердца работать может только тот, кто уверовал в правду своего дела, следовательно, в Красной армии на ответственных ролях место только тем, кто воспринял ее идеалы, поверил в правоту ее задач.

Академия не только учебное заведение, а и ученое. На ней лежит обязанность вести вперед, прокладывать новые и притом верные пути в военном деле. И в этой огромной задаче я выдвинул бы на первое место практический вопрос: Академия должна сконцентрировать свое внимание на том, что ждет военное дело

завтра, послезавтра и в последующие, еще более отдаленные дни. Трагизм всех прошлых войн в том, что к ним готовились по вчерашним меркам, с грехом пополам учитывая сегодняшнее и вовсе не предвидя будущего. Тот, кто первым, уже в пылу борьбы, схватывал то новое, что дало время, приобретал великие преимущества, а нередко вознаграждался и решительным успехом. Труден путь предвидения, но он необходим и доступен, в особенности для коллективного труда, хорошо продуманного в своей организации. Базой для этого должно служить изучение опыта, как исходного шага для движения вперед и изучение военной техники и политико-экономического положения с такой глубиной и отчетливостью, чтобы можно было хотя бы с некоторой точностью учесть их практическое выражение в определенные сроки будущего. В этой работе заключается одно из важнейших назначений академического ВНО.

Необходимость учитывать завтрашний день должна проявляться не только в ученой работе Академии, но и в ее учебной деятельности.

Развивающиеся события в Европе, позволяющие все более и более конкретизировать задачи и обстановку ближайшего будущего, должны найти возможно полное отражение в текущей педагогической работе Академии, дабы ближайшие выпуски оказались подготовленными к работе в этой определяющейся обстановке.

Старые меха, в которые пришлось вливать молодое академическое вино в дни рождения Академии, оказались во многих случаях более прочными, чем можно было ожидать, а главное в них выявилась способность цементироваться под влиянием новой влаги, способность сродняться с нею. Это дает уверенность в том, что дальнейшая жизнь и работа Академии будут развиваться без трений в этом отношении, но вместе с тем это не только не снимает, но и ни в какой степени не уменьшает обязанность молодых сил готовить себя на смену ветеранов.

Подбор и подготовка этих молодых сил является одной из важнейших вех на путях строительства Красной Военной Академии.

П. Лебедев.

Академия после чистки.

I.

Назначение мое в Академию состоялось в августе месяце 1922 года, в период работы „Комиссии по пересмотру и сокращению слушательского состава".

Причины создания комиссии достаточно известны и касаться их в настоящей статье нет необходимости. Задачи комиссии были формулированы в постановлении Р.В.С.Р. от 15 июля 1922 г.: „Переменный состав Академии сократить... Проверку и сокращение слушателей произвести специальной комиссией в составе т.т. Бубнова, Белобородова и Сольца. Сокращение Академии произвести за счет товарищей: а) не имеющих годичного командного, либо комиссарского стажа в строевых частях Красной армии, б) не соответствующих требованиям в отношении здоровья, в) неспособных по своему умственному развитию воспринимать академический курс, г) вносящих элементы недисциплинированности в академическую жизнь.

Работы комиссии, включая и аппеляционную, затянулись до 1-го октября, так как комиссия внимательно изучала каждого отдельного слушателя прежде чем вынести окончательное решение. Насколько важное значение придавалось вопросу пересмотра личного состава Академии характеризует хотя бы тот факт, что в работе комиссии принимали непосредственное участие, кроме упомянутых уже т.т. Бубнова, Белобородова и Сольца, такие ответственные товарищи как Дзержинский, Куйбышев, Молотов, И. Н. Смирнов, Андреев (В.Ц.С.П.С.) и С. С. Данилов.

Естественно, что комиссия, изучая академическую жизнь, заглядывая, что называется, в самое ее нутро, пришла к определенным выводам, которые и зафиксировала в своем докладе о результатах проверки.

Выводы эти были утверждены Р.В.С.Р. и в дальнейшем послужили руководящим директивным материалом для вновь назначенных руководителей Академии.

Главными причинами недочетов комиссия признала следующие: а) недостаточно тщательный и систематический подбор слушателей; б) неудовлетворительная постановка в стенах Академии партийной и политико-просветительной работы; в) отсутствие необходимой учебной дисциплины; предоставление слушателям слишком большой самостоятельности в отношении посещения учебных занятий и сдачи установленных зачетов и др. учебных работ.

В качестве мер, долженствующих в будущем устранить эти недочеты, комиссия предложила следующее:

1) Обратить особенное внимание на подбор слушателей, осуществление чего возложить на компетентную мандатную комиссию. Совершенно недопускать в Академию лиц, не имеющих достаточного боевого и строевого стажа и политической подготовки, а также слабых здоровьем.

Р. А. Муклевич.
Комиссар Академии.

2) Реорганизовать подготовительную группу, допуская в нее только командный состав из рабочих и крестьян, выдвинувшихся на боевой работе в Красной армии.

3) Произвести сокращение штата и пересмотр преподавательского состава. Принять меры к привлечению к преподавательской работе практических работников из округов.

4) Радикально улучшить партийную работу. Реорганизовать ячейку, освободив ее от всяких административных функций.

5) Улучшить преподавание социально-экономических дисциплин.

6) Реорганизовать органы самодеятельности, направив самодеятельность по линии работы над повышением умственного и партийного кругозора слушателей, а отнюдь не по линии выполнения административных обязанностей.

7) Воспретить слушателям всякие совместительства, мешающие академической работе. Наряду с этим принять меры к полному (100%) удовлетворению Академии всеми видами материального содержания, положенными по закону.

8) Обратить внимание на целесообразное использование в армии отчисленных от Академии и принять меры к своевре-

менному возвращению обратно в Академию отчисленных для приобретения стажа.

II.

Что же сделано Академией за истекшие шестнадцать месяцев для осуществления этой программы? Не осталась ли она лишь на бумаге, как многое из наших благих намерений?

Постараюсь по порядку разобрать каждый пункт в отдельности.

Прежде всего о приеме новых слушателей. Их проведено за это время два. Прием 1922 г., произведенный одновременно с чисткой, получился гораздо более однородный, чем прежние приемы, уже хотя бы потому, что от всех без исключения требовался двухгодичный командный и комиссарские стажи и боевые заслуги на красных фронтах. Никто без боевого стажа из числа красных „земгусаров" в Академию не попал, не взирая ни на какую протекцию. Прием был произведен в определенный срок и все кандидаты пропущены через экзаменационную комиссию. Известный минимум общеобразовательных знаний был обязательным для всех и от экзаменов не гарантировал ни „чин", ни классовая принадлежность. Не имевшие достаточной подготовки, но достойные командиры и комиссары из рабочих и крестьян направлялись в подготовительную группу. Недовольные решениями Мандатной комиссии могли жаловаться в Высшую Аттестационную Комиссию. Такая система давала возможность исправления тех ошибок, которые могли быть допущены Мандатной комиссией.

В том же году впервые функционировала приемная медицинская комиссия, однако решения ее не имели еще обязательного значения и многие кандидаты, несмотря на „veto" медицинской комиссии, все же зачислены слушателями Академии.

Прием текущего года произведен был еще более планомерно. Все кандидаты предварительно проходили окружные комиссии на местах. Это гарантировало от командировки случайных лиц. Кроме того, 83% утвержденных окружными комиссиями кандидатов получило более или менее продолжительный отпуск для подготовки. Проведенная в Академии анкета говорит, что отпуск этот в редких случаях был ниже двух месяцев, в большинстве случаев он был выше и достигал даже четырех. Это несомненно явилось большим облегчением для кандидатов и дало возможность провести в Академии испытания в нормальных условиях Медицинская комиссия тоже приобрела большее значение, чем

в прошлом году и отведенные ею кандидаты Мандатной комиссией не рассматривались вовсе. Обращает внимание очень высокий процент (17%) оказавшихся негодными по состоянию здоровья. Это несомненно процент ненормальный и цифра эта красноречиво говорит насколько тяжелый отпечаток положили годы революции и войны на здоровье нашего комсостава.

III.

Теперь о подготовительной группе. Цель создания подготовительной группы ясна. В Красной армии есть рабочие и крестьяне—самородки, которые никогда никакой гимназии, ни военной школы не кончали, но которые обнаружили на революционных фронтах недюжинные военные дарования. Возраст большинства из них не позволяет поступать в нормальную военную школу и начинать свое образование с азов. Оставить же их без образования нельзя, нужно более способным облегчить доступ в Академию. Путь в Академию таким товарищам лежит через подготовительную группу.

Подготовительная группа в Академии существует всего третий год. Первый год она не дала ожидаемых результатов. Подготовительная группа загромождалась в течение всего учебного года все новыми и новыми слушателями с различной подготовкой и различным прошлым.

С заключением мира в Красной армии обнаружилась усиленная тяга к учебе, это стремление нередко шло по линии наименьшего сопротивления и желающие учиться попадали в Академию на подготовительный курс, не имея ни призвания к военной работе, ни необходимых квалификаций и стажа. К моменту чистки на подготовительном курсе числится 110 человек, т.-е. он мог бы полностью покрыть весь прием Академии и, таким образом, академический курс, под сурдинку, превращался из трехлетнего в четырехлетний. Среди слушателей было много такой молодежи, которой гораздо целесообразнее было бы пройти раньше курс нормальной военной школы, было 25% таких, которые в прошлом имели значительную общеобразовательную и военную подготовку и, наконец, были такие, которые чистосердечно сознавались, что поступили на подготовительный курс не в целях изучения военного дела, а просто так, „чтобы немного подучиться“.

Учтя все эти моменты, комиссия 50 человек отчислила от Академии совершенно, а из остальных только 35 выдержали

экзамены на младший курс, а 25 были оставлены на подготовительном курсе на второй год.

Кроме этих 25, на подготовительный курс было зачислено еще 26 рабочих и крестьян из числа командированных из Красной армии и невыдержавших приемных испытаний на младший курс. Таким образом подготовительный курс в 1922/23 учебном году был составлен, за исключением двух человек, целиком из рабочих и крестьян. Учебный план был сконструирован по иному— проведен полностью семинарский и лабораторный способ преподавания и результаты по общему отзыву академической профессуры получились более чем хорошие. Из 50 человек, восемь по разным причинам испытаниям не подвергались, а из оставшихся только двое не выдержали, а сорок товарищей, хорошо выдержавших, переведены на младший курс.

Таким образом истекший учебный год доказал, что идея подготовительного курса в Академии есть идея здоровая, полезная, нужная и вполне жизненная.

В текущем учебном году подготовительная группа сокращена в несколько раз и на ней числится всего 16 слушателей. Постороннему наблюдателю может показаться такое значительное сокращение группы странным и вовсе не вытекающим из всего вышесказанного. На самом же деле тут никакого противоречия нет.

Благодаря заранее принятым мерам, части Красной армии в 1923 г. своевременно получили программы испытаний и правила приема, смогли дать кандидатам время для подготовки и поэтому значительный процент прибывших из армии рабочих и крестьян выдержал испытания наравне со своими товарищами, получившими общеобразовательную подготовку или „интеллигентами“ как их принято называть в Академии. На подготовительную группу были зачислены в с е рабочие и крестьяне, допущенные Мандатной комиссией к испытаниям и не имеющие достаточных знаний для поступления на младший курс.

Таким образом мы видим сколь неосновательны упреки, которые иногда приходится слышать, в том, что в Академию не легко попасть рабочему. Академия требует напряженной работы, требует больших усилий со стороны всех своих слушателей, это верно, но наряду с этим делает все возможное, чтобы создать благоприятную обстановку для пролетарского элемента. Но и от пролетариев она требует кропотливой и усидчивой работы над собой и значительных способностей. Академия есть высшее учебное заведение и не каждый поступивший способен осилить академический курс. Надо лишь не забывать, что при разно-

шерстности нашего состава слушателей один и тот же учебный режим ложится на них по разному. При однородной способности интеллигент, окончивший среднее или высшее учебное заведение, работает в Академии с неизмеримо большей легкостью, чем рабочий или крестьянин и это делает неизбежной индивидуализацию при оценке проявленных успехов или неуспехов. Это положение является для Академии законом.

IV.

А как обстояло дело с преподавательским составом? Правильно ли было постановление о его пересмотре?

О, конечно, да! Если со стороны слушателей мы видели порыв, энтузиазм, веру, стремление найти новое чудодейственное слово, которое разрешило бы все трудные проблемы (хотя нередко хорошие намерения осуществлялись косолапо и революционная фраза доминировала над революционным делом), то со стороны преподавателей в большинстве случаев Академия не видела ни дела, ни веры, ни энтузиазма, ни фразы.

Дело-то, конечно, делалось: лекции читались, зачеты отмечались, работали всяческие комиссии, но во всем этом не было, что называется, изюминки. К текущим событиям преподаватели относились как политические кастраты. Конечно, такое отношение не создавало располагающей обстановки и между профессурой и слушательской массой выросла стена. Кипела борьба. Мы и они. Это „мы и они“ подчеркивает каждый протокол академических заседаний. В этой борьбе одерживали верх слушатели, как представители молодой, действенной революционной стороны. Преподаватели уходили на задний план, уходили в себя. Только некоторые из них, наиболее талантливые, сохранили кое-какое влияние на слушателей и академическую жизнь, кое-какую связь, не формальную, а живую со слушательской массой. А в слушательской массе назревало убеждение, убеждение вредное, что профессура это так себе, лишний нарост, который можно терпеть до поры до времени, до первого выпуска красных генштабистов, а там можно и назначить своих и перевернуть вверх дном и тактику и стратегию.

Период т. Тухачевского положил начало новому подходу. Тухачевский попытался влить в преподавательский состав новую струю из фронтовых работников, проложить мост между слушателями и профессурой. Здоровое начало было положено. Надо было постепенно двигать дело дальше.

К моменту чистки положение уже вовсе не было столь трагичным, как в период 1918—20 г.г. Среди профессуры, как и среди всей российской интеллигенции, произошел громадный сдвиг. Перед их глазами развернулось и завершилось величайшее историческое событие. Революционный народ, в разоренной, нищей, веками обкрадываемой стране не только разбил оковы рабства, но и выказал величайший героизм в борьбе за свое существование. Под ударами всесильной антанты, он создавал новое великое государство, мировую силу, грозную и непобедимую. Интернациональные идеи спасли от развала и распада нацию.

Наши профессора слишком хорошо знают историю и знают, что она не возвращается вспять. Они приняли революцию и стали служить ей не только за страх, но и за совесть.

Но среди них была и неподходящая публика. Были люди без знаний, случайные, были человеки в футлярах, дряхлые старики, все достоинства коих сводились к тому, что они лично участвовали во взятии Плевны и помнят осаду Севастополя. Для красной Академии этого недостаточно.

При сокращении преподавательского состава подход был исключительно деловой. Казалось бы, эту работу должна бы провести непосредственно сама профессура, через свою иерархию— институты старших и главных руководителей. Однако, этот путь к цели не привел. Корпоративная солидарность оказалась сильнее деловых соображений. Аттестации, даваемые старшими преподавателями своим младшим коллегам, сплошь были отличные. Изучая их можно было преисполниться великой гордостью за наших преподавателей. Сплошь таланты, или, в худшем случае, весьма способные малые. Но, увы, наблюдения в аудиториях, на лекциях, на заседаниях, беседы со слушателями, и, наконец, частные беседы с более искренними преподавателями говорили о другом. В своем докладе комиссии по чистке слушатели жаловались, что профессура препятствует отсеиванию из Академии неспособных и ленивых слушателей, т. к., желая ладить со всеми, избегает давать неудовлетворительные оценки.

Пришлось прибегнуть к иным методам отсеивания. Большую роль сыграли тут данные, полученные от самих слушателей. Характеристики, даваемые группами своим преподавателям, были настолько серьезные и деловые, что они являются лучшим доказательством того, что слушатели и преподаватели могут найти общий язык.

Характеристики составлялись в весьма благожелательном духе, а некоторые отзывы были прямо восторженные. Только не-

большой процент был отрицательным, эти данные, даваемые слушателями целиком совпадают с данными учебного отдела.

В три приема Академия отсеяла свыше 50% прежнего преподавательского состава. Как бы ни подходить к произведенной работе, но все-таки нужно признать, что ушли несомненно худшие, что остались высокоценные специалисты и преданные работники Красной армии, что нынешний наш преподавательский состав, по своему качеству, не уступает преподавательскому составу любой военной академии в Зап. Европе.

В течение указанного периода впервые Академией были произведены попытки привлечения к активной преподавательской работе молодых сил, из числа окончивших Красную военную Академию. Ученого в несколько лет не сделать—это аксиома и поэтому трудно гадать о будущем. Однако, по достигнутым уже успехам видно, что результаты будут и они не за горами. Работа четырех преподавателей (Венцов, Циффер, Белицкий и Вольпе) из II выпуска нашей Академии приобрела всеобщее признание как со стороны слушателей, так и профессуры.

Если последующие выпуски дадут в этом отношении такой же результат, какой дал второй выпуск, а есть все основания предполагать что так будет, то Академии будет обеспечен нормальный приток преподавательских сил и, следовательно, нормальное развитие.

V.

У нас весьма укоренилась манера идеализировать прошлое. Это мы делаем и в отношении партийной работы, проводимой в Академии в прошлые годы.

В „Красных Зорях“ как-то пришлось читать фельетон, в котором автор подчеркивал насколько живо и интересно проходили партсобрания Академии в прошлые годы, противопоставляя их нынешним нашим партсобраниям. Если же мы обратимся к материалам комиссии, то увидим, что дело обстояло несколько иначе.

В докладе тов. Белобородова, составленном в июле 1922 г., мы находим такие пункты:

„Особенно обращает на себя внимание то, что бюро ячейки за все время (1919—1922 г.) занималось преимущественно вопросами административно-хозяйственного и учебного характера. Вопросы партийные встают перед ячейкой тогда, когда происходит или перерегистрация или чистка, а также при приеме новых слушателей, когда ячейка пополняется“.

„Общие собрания ячейки занимались также преимущественно рассмотрением вопросов, прямого отношения к партийной жизни не имеющих. Бюро фракции заполняло повестки дня отчетами и докладами, т. н. „органов самодеятельности“—учкома, контрхоза, кооператива, комбыта и проч.“.

„Обращает на себя внимание абсентеизм коммунистов. На общих собраниях все вопросы решаются обыкновенно 100—150 чел.“.

Точно также характеризует фракцию и тов. Бубнов:

„Постоянные трения на почве деления на „рабочих“ и „интеллигентов“ на „старую партийную братву“ и „штабс-капитанов“. Наличность коммунистического бахвальства и антп-спецовских настроений. Склочничество. Уклонение от работы внутри фракции целого ряда партийных товарищей, инертность и апатичность массы членов фракции и т. й.“.

Как видим характеристика, не дающая больших поводов для идеализации.

До октября прошлого года в Академии существовала одна лишь ячейка, насчитывающая в это время около 500 членов. Были времена, когда ячейка имела до 700 членов, т.-е. по численности была равной доброй уездной организации, а по квалификации своих членов, по их качественному удельному весу, могла тягаться с любой губернской.

Само собой разумеется, что такая структура партийной организации Академии была довольно-таки неуклюжей. 500 пассивных членов, платящих взносы, слушающих доклады, а сверху бюро—десяток активных товарищей, плавающих в этом море. Надо было первичную парторганизацию Академии приблизить к нормальной. Пришлось перенести работу на курсы, создать курсовые ячейки. Таким образом, вместо одной, получилось пять ячеек: младшего, старшего и дополнительного курсов, подготовительной группы и востотдела, с числом членов партии 50 — 120 в каждой ячейке. И эти реорганизованные ячейки были довольно большими, но другого выхода не было. Делить на более мелкие нельзя было по организационным причинам. Курсовые ячейки имели еще то преимущество, что каждый курс жил своей отдельной жизнью, слушатели курса годами работали вместе бок-о-бок изо-дня в день, хорошо знали друг друга и в такой обстановке случайный человек места не находил.

Каждая курсовая ячейка имела свое бюро. Общие собрания каждой ячейка созывались регулярно каждые две недели, по

средам, кроме каникулярного времени. Как правило, ячейка обслуживала себя своими собственными силами. Работой всех ячеек руководило Центральное Бюро, избираемое на общем собрании по принципу представительства каждой ячейки.

Функции ячеек Академии были определены Хамовническим райкомом в особом постановлении, которое было утверждено М. К. Относящийся к этому вопросу пункт 3 постановления гласил:

„Партийной работой руководит Бюро фракции. В его задачи входит исключительно коммунистическое воспитание и вовлечение в активную партийную жизнь членов Р. К. П.

Важнейшими элементами работы фракции являются:

а) ознакомление членов партии с постановлениями высших партийных органов (Коминтерна, с'ездов и конференций Р. К. П. и т. п.) и проведение их в жизнь;

б) обсуждение вопросов текущей партийной жизни;

в) проведение дискуссии по вопросам, затрагиваемым докладчиками по текущему моменту;

г) партийное руководство деятельностью В. Н. О., клуба и ячейки содействия Р. К. И.“.

В своей работе ячейки этим постановлением руководствовались. Докладчиками на ячейковых собраниях выступали сами слушатели. Такой способ ведения партийной работы дал возможность на опыте проверить и отобрать всех способных агитаторов и пропагандистов. Уже к январю месяцу с. г. Центральное Бюро ячеек получило возможность представить в районный комитет список пятидесяти товарищей для привлечения их к районной работе. Опыт показал, что они оказались не плохими пропагандистами. К лету, момента выхода в лагерь, это число удалось увеличить почти вдвое.

Курсовые ячейки приняли большое участие в работе по улучшению учебного плана, их мнение учитывалось при решении всех сложных вопросов. Затем ячейковые бюро провели большую работу по составлению характеристик своих членов. Эта работа дала богатый материал, который помогает администрации избирать особый метод подхода к каждому слушателю и следить за его успехами и развитием. При составлении характеристик ячейки попутно подтянули тех из своих членов, которые поддавались разлагающему влиянию нэпа. На этой почве было два случая исключения из партии и несколько случаев применения менее суровых взысканий. Открытое разбирательство на общих собраниях подобных явлений заставило многих призадуматься и подтянуться нравственно.

Как ячейковые бюро, так и Ц. Б. пользуются большим авторитетом и в значительной степени благодаря их такту, выдержке и партийной эрудиции истекший год, год, повторяю, переломный, прошел гладко, без всяких конфликтов с администрацией и профессурой. Партийная слушательская масса (членов партии среди слушателей 92%) во всех случаях академической жизни проявляла себя весьма дисциплинированно, со здоровой революционной интуицией.

Лишнее добавлять, что беспартийные слушатели по существу не разнятся своими убеждениями от членов Р. К. П., и работают рука об руку со своими партийными товарищами, участвуя на равных правах во всех органах самодеятельности (клуб, В. Н. О., Комбыт, общие собрания и проч.).

VI.

В истекшем учебном году дисциплины социально-экономического цикла были целиком и полностью включены в скобки общего учебного плана. Эта линия была последовательно с начала до конца проведена в жизнь. В предыдущие годы, как это ни странно, соц.-экономические дисциплины считались необязательными, им была отведена суббота и эти занятия посещались крайне неаккуратно. В постановлениях партийных органов то и дело упоминается о том, что необходимо подтягивать слушателей за непосещение этих занятий. Есть постановление о необходимости привлечь беспартийных, что указывает на то, что занятия эти рассматривались, как выполнение партийных обязанностей. Решительные попытки включения соц.-эконом. дисциплин в учебный план были сделаны только Тухачевским и Печерским, но тем не менее в своем докладе тов. Бубнову слушатели в июле 1922 г. пишут: „Плохо поставлены лекции и особенно практические занятия по соц.-экономическим наукам. Наиболее сильными руководителями групповых занятий являются сами слушатели, но в виду вышеуказанных причин (плохого подбора руководителей, отсутствия твердого руководства), практические работы в группах не дают вполне удовлетворительных результатов".

Во исполнение постановления комиссии (п. 5) Агитпропом Ц. К. 27 сентября 1922 г. было созвано совещание профессуры и представителей заинтересованных органов, на котором окончательно был выработан учебный план соц.-экономического цикла и намечены преподаватели.

В учебный план включены следующие дисциплины:

а) для младшего курса: исторический материализм, включая и краткий курс естественного материализма; семинарий по историч. материализму;

б) для старшего курса: политическая экономия; история рабочего движения и Р. К. П., марксистская теория права и конституция С. С. С. Р., семинарий по полит. экономии;

в) для дополнительного курса: империализм и основы международных отношений; экономическая политика С. С. С. Р., семинарий по истории рабочего движения; выпускная работа по соц.-экономическим вопросам.

Кроме того, намечено в курс тактики ввести занятия по тактике политработы в Красной армии, а в курс военной географии—экономическую географию.

Лекторами намечены: Павлович, Бубнов, Мархлевский, Горев, Бронский, Стучка, Понятский и др.

Таким образом, вопрос получил солидное практическое разрешение. Учебный план в общем и целом был выполнен и слушатели действительно получили значительную подготовку и уменье пользоваться методом исторического материализма. А что это так, доказывают их письменные работы и знания, обнаруженные на зачетах. Т.т. Павлович, Горев и др. преподаватели удостоверили, что знания в соц.-экономической области наших слушателей не уступают таким же знаниям слушателей ФОНА или Свердловии, что для нас является весьма лестной оценкой, тем более, что соц.-экономические предметы в нашей Академии не суть предметы главные. Некоторые письменные работы, как напр., работы т.т. Жигура, Лангового, Коханского и Краспльникова получили оценку как образцовые, имеющие значение самостоятельного научного обследования.

Кроме того, мы рассматривали, как обязательное учебное занятие, посещение периодических лекций — докладов на текущие политические темы, что происходило каждые две недели по средам. Такие доклады чередовались с работой ячеек и являлись их непосредственным дополнением, хотя и организовались в учебном, а не партийном порядке.

Эти лекции посещались весьма охотно и значительно расширяли кругозор слушателей, так как докладчиками выступали виднейшие работники и теоретики нашей партии.

В прошлом учебном году таких лекций состоялось восемнадцать. Докладчиками выступали товарищи: Троцкий, Радек, Бубнов, Стеклов, Раковский, Лозовский, Антонов-Овсеенко, Павлович, Крыленко, Домбаль, Ляуер, Свидерский и др. В текущем

учебном году их состоялось восемь. Докладчиками выступали: т.т. Радек, Кетте Поль, Ляуер, Преображенский и др. В текущем году по совершенно понятным вопросам у слушателей наблюдается чрезвычайно повышенный интерес к Германии. Темой докладов послужили германские события и все то, что с ними связано. Интерес к германской революции лишний раз подтверждает, что красный командир—есть прежде всего революционер.

VII.

Не подлежит ни малейшему сомнению тот факт, что слушатели Военной Академии должны иметь полную возможность выявлять свое мнение по всем вопросам академического быта и содействовать устранению недостатков академической жизни вообще и учебного плана в частности.

Если бы не самодеятельность слушателей, так кипуче проявленная в первые годы существования Академии, то многие ее достижения не были бы осуществлены и Академия не развивалась бы так быстро, как это имело место. В тяжелые времена 1919 и 1920 г.г. слушатели сами вынуждены были заготовлять дрова, сгребать снег с крыши, разрешать различные конфликты и спорные вопросы в своей собственной среде, наблюдать за приемом в Академию, за составлением учебного плана и за всем ходом академической жизни.

Но эти достоинства слушательской самодеятельности, развитые и расширенные до крайности, перешли в недостатки. Количество перешло в качество. В 1921 г. мы видим уже, что органы самодеятельности присвоили себе столько прав и распорядительных функций, что начальник и комиссар Академии стали отходить на второй план. Самодеятельность делалась матерью анархии.

Особенно извратилась деятельность бюро фракции и т. н. учкома, долженствующего ведать вопросами учебными. На это ненормальное увлечение органов самодеятельности административными вопросами комиссия по чистке обратила исключительное внимание. В цитированном уже докладе т. Белобородова мы находим указания на то, что бюро занимается подысканием лагеря, распределением продовольствия, раздачей мануфактуры, об'являет выговоры и порицания начальникам и комиссарам Академии и проч. Все эти постановления принимаются на основании докладов и предложений учкома, контрхоза и др. органов самодеятельности. Перед первым выпуском в 1921 г. работа этих

органов кипела во всю: одни распределяли должности, другие составляли проект положения о „Красном генштабе", в руки коего должно быть вверено управление Красной армией, третьи, наконец, разрабатывали проект академического значка, „для ношения на груди с левой стороны, на расстоянии ширины полторы ладоней от воротника". Этому самому значку было посвящено много заседаний и речей, был об'явлен специальный конкурс, но увы, разработанный проект утверждения не получил.

Неудивительно поэтому, что тов. Бубнов в своем докладе предлагает: „Органы самодеятельности слушателей лишить административных функций. Участие слушателей в организации учебной жизни через постоянно действующий учком признать нежелательным и не отвечающим учебному состоянию и требованиям Академии".

Реввоенсовет Республики 15 июля 1922 г. принимает следующее постановление:

„Начпуру совместно с начальником Академии разработать проект инструкции об органах самодеятельности Академии в направлении лишения их административно-распорядительных функций. Участие слушателей в постоянно действующем учкоме признать нежелательным".

Эти документы послужили директивой на 1922/23 год и сохраняют свою силу до настоящего времени.

Основными органами самодеятельности теперь признаны, кроме бюро ячеек, ВНО, правление клуба и ячейка содействия Р. К. И. Кроме того, в течение всего предыдущего года существовала комиссия по улучшению быта, а в текущем году существует касса взаимопомощи и жилищная комиссия.

Особняком стоит деятельность ВНО. Характеристике деятельности этого, поистине замечательного органа самодеятельности, будут посвящены отдельные страницы. Я лично считаю, что деятельность его вообще, а в последнее время в особенности, принесла для армии и принесет еще огромную пользу. В. Н. О. нашей Академии разработало справочник „Иностранные армии", рекомендованный Главкомом всему командному составу, оно же составило популярно-научную „Библиотеку красноармейца", работает над изучением Германии, Польши, Румынии и над составлением ряда справочников, имеющих громадное значение для наших военных работников. Оно же продолжает издавать весьма ценный журнал „Военный Зарубежник", которому вынуждены отдавать должное даже наши враги. Я считаю, что такая деятельность приносит гораздо большую пользу и нашей

Красной армии и революции, чем бесплодные потуги найти новый философский камень „Красную военную доктрину“, или истолковывать диалектику вкривь и вкось, куда пытались завлечь наше молодое ВНО некоторые заумные схоласты.

Что касается прочих органов самодеятельности, то их задачей было выявить мнение слушателей по целому ряду практических бытовых вопросов и способствовать их целесообразному разрешению. Проявление инициативы в этой области администрация всегда приветствовала и шла ей навстречу, оставляя окончательное решение и практическое проведение за собой. Что эта линия была правильной, об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что работа этих органов с администрацией протекала согласованно и дружно и ни разу не возникало трений и более или менее заслуживающих внимания недоразумений.

Упразднение учкома не рассматривалось нами вовсе как упразднение всякого влияния слушателей на конструкцию учебного плана и на учебную работу в целом. Представители слушателей приглашались на все учебные заседания и все их заявления внимательно выслушивались и дискуссировались. Целый ряд предложений, с которыми выступили слушатели перед началом нынешнего учебного года на страницах „Красных Зорь“, как например, сокращение числа лекций, сокращение учебн. дня, улучшение практических занятий, уже проведены в жизнь, другие предложения рассматриваются.

Кроме того, внимательно рассматривались все предложения учебного характера, вносимые в порядке инициативы бюро ячеек. Напр., в данное время, рассматривается и несомненно, в самом близком будущем получит положительное разрешение вопрос о разгрузке слушателей младшего и старшего курсов, поднятый ячейками. Организация и работа научных кабинетов тоже происходит при непосредственном участии слушателей в роли помощников заведывающих.

VIII.

Вопрос о запрещении совместительств не вызвал никаких недоразумений. Слушательская масса сразу поняла всю его целесообразность и даже необходимость. Требовалось применить некоторый нажим лишь на слушателей Восточного отдела. Все понимали, что продуктивное ученье с занятиями в других учреждениях и канцелярнях несовместимы. Комиссия по проверке сделала что называется „большие глаза“, когда узнала какая масса (около 90%) слушателей живет „отхожими промыслами“.

Слушатели работали не только в военных учреждениях, но и в гражданских и даже на частных предприятиях. Нашлись слушатели, работающие на тотализаторе и в оперетке (Евреинов). Конечно, такие экземпляры были немедленно исключены, но потребовались еще и другие меры. Одной из таких мер была необходимость аккуратно и своевременно выдавать Академии все ей положенное по закону. В истекшем году в этом отношении достигнуты большие результаты. И обмундирование и продовольствие выдавались в срок и достаточно удовлетворительного качества. Была организована шефская помощь, помогли округа и отдельные курсовые шефы. Эта помощь значительно содействовала упразднению совместительств и... акклиматизации в Москве приема 1922 года.

IX.

Остается еще вопрос—что сделано Академией по отношению к отчисленным по чистке.

Уже 5 октября прошлого года РВСР был разослан циркуляр за № 405074, в котором раз'яснялось цель чистки Академии и причины отчисления некоторых категорий слушателей. В этом письме говорилось: „отчисление безусловно не имеет сколько-нибудь дискредитирующего значения, а свидетельствует о том, что данное лицо при имеющемся служебном стаже и полученной общей подготовке не соответствует прохождению курса высшего военно-учебного заведения. В условиях же практической работы откомандирование для многих должно явиться благоприятным моментом, позволяющим пополнить существующие пробелы. Поэтому, отчисление не закрывает в будущем большинству откомандированных двери в Академию".

Из числа отчисленных Академию прежде всего интересовали отчисленные для приобретения стажа. Их дальнейшая судьба нас интересовала непосредственно, а потому всем командующим были разосланы письма с указанием на это обстоятельство.

К началу приема 1923 года таких товарищей, отбывших предварительно стажировку, прибыло всего 20. Из них принято вновь в Академию—16.

X.

Итак, все пожелания комиссии по пересмотру личного состава в той или иной степени проведены в жизнь. Факт чистки,

несомненно подействовал весьма благотворно на дальнейшее развитие нашей Академии. Без него, возможно, Академия долго еще бы топталась на том месте, на каком она остановилась в начале 1922 г. Однако, можем ли мы почить на лаврах, можем ли считать, что все недостатки отошли в область преданий? К сожалению, несмотря на всю ту огромную работу, которую несут и слушатели и профессура, мы этого сказать не можем.

Недостатков еще много, весьма много. Учебный план далек от совершенства, преподавание некоторых, если не всех, дисциплин еще требует внесения многих поправок, многих корректив. Взять хотя бы тактику или историю войн, особенно войну гражданскую. Истекший год обогатил нас многими учебниками, курсами, руководствами, которые опять-таки не являются идеальными, что вполне понятно. Над всем этим нужна кропотливая, напряженная и согласованная работа как профессуры, так и слушателей. И эта работа будет продуктивной и быстрой только в том случае, если будет основана на взаимном доверии и взаимном уважении.

Р. Муклевич.

Пять учебных лет.

8-е декабря 1923 г. приносит с собой пятилетний юбилей Военной Академии.

В горниле Октябрьской революции на обломках старой армии родилась Р. К. К. А. в 1918 г.

Этот же год заставил заново создать для Красной армии свою Красную Академию, так как ходом революционных событий старая военная академия оказалась за бортом РСФСР.

И вот как Красная армия, так и ее Военная Академия прошли один и тот-же страдный путь... Пять лет... и все одной и той же дорогой... Между процессом создания той и другой есть тесная связь, а исторические этапы развития их во многом сходны.

23 февраля 1918 г. создается Красная армия, а уже в мае того же года старая Николаевская военная академия переформировывается в Академию Генштаба РККА.

Советская власть с первых же дней своего существования бережно отнеслась к этой Академии. Она сохранила ее, стремясь приспособить для новых целей. Был намечен, а частью и проведен ряд реформ, имевших назначением обеспечить комплектование Академии людьми, преданными революции.

Пересмотрена программа и сроки обучения, реорганизован внутренний порядок и управление Академией. Словом—все как-будто образовывалось.

Однако, события развернулись иначе. Опасения захвата Петрограда немцами в 1918 г. заставили срочно перебросить и Академию в Екатеринбург, на Урал.

Едва началась там работа Академии, как „чехо-словацкий нарыв“ возвращает ее в Казань.

В ночь на 7 августа 1918 г. внезапно пала Казань, налетом захваченная чехо-словаками и частями белой „народной“ армии.

Вместе со штабом и учреждениями Вост. фронта Академия оказалась трофеем на другой стороне гражданского фронта.

Тяжелая утрата отягощалась еще тем, что вместе со всей Академией был потерян кадр профессуры, аппарат управления, все академическое имущество, богатая типография и ценнейшая библиотека.

Трудность тогдашнего общего положения РСФСР, однако, вызвала всеобщее напряжение и целый ряд мер по созданию и укреплению армии.

В числе их было и воссоздание Академии Генерального Штаба РККА.

Приказ РВСР от 7 окт. 1918 г. № 47—призвал ее к жизни в Москве, на Воздвиженке, 6.

Предстояла гигантская организационная работа в области крайне ответственной и важной. Приходилось все создавать заново, из ничего, в условиях неблагоприятной внешней и внутренней обстановки.

Но дело начато... Красная Академия родилась...

Лица, призванные управлять новой Академией и воспитывать питомцев ее в военном отношении, вышли сами из стен старой академии. Отсюда, естественно, и в новой Академии они использовали и применили все то старое, что представлялось, с их точки зрения, наиболее полезным и жизненным, особенно в отношениях военно-научном и учебно-организационном. Изобретать и придумывать новое не было времени и возможности. Брали то, что попадалось под руку и приходило в голову.

Это тем более понятно, что даже основное назначение, задачи, программа и главнейшие положения новой Академии, об'явленные в приказе РВСР от 7 окт. 1918 г. № 47,—были целиком взяты в той формулировке смешанной комиссии, которая касалась еще реформирования старой военной академии.

Что же касается общего хода всей академической работы за истекшие пять лет,—то таковая ярко отражала в себе все перипетии гражданской борьбы и жизни республики.

Недаром, в день 4-й годовщины Академии, т. Троцкий сказал: „Когда будет писаться история нашей Академии,—то она покажет, что в трудных условиях существования и развития Академии отражаются трудности всего нашего советского существования".

И действительно...

В обстановке суровой борьбы Восточного, Южного и Северного фронтов начался и протекал 1-й учебный академический год (18—19 уч. г.). Отход немецких войск, занятие Эсто-

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ.

Воздвиженка, 6.

Ул. Крапоткина, 19.

нии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины встречает он вместе с разгромом Колчака на востоке и наступлением Деникина на южном фронте. Это вызывает основной (183 чел.) и параллельный (160 чел.) ускоренные академические курсы—первый с ноября по май и 2-й—с февраля по август 1918—19 уч. года. Во главе Академии—т. Климович (с 1/XI 18 г. по 24/VII—19 г.), а затем т. Снесарев при комиссарах т. Залежском и Пятакове.

2-й акад. учебный год (19—20 г.) проходит снова параллельно с напряженнейшей борьбой Красной армии на юге, а весною и летом 1920 г.—тяжелой польской кампанией.

Академия ведет работу свою в это время уже двумя, почти нормальными, курсами—старшим (252 ч.) и младшим (234 ч.). Первый образован из ускоренных, вернувшихся с фронта, а второй—из т.т., вновь прибывших из армии.

Во главе Академии остается тов. Снесарев при комиссарах т.т. Залежском и Максимовском.

Конец Польской кампании и полный разгром Врангеля с занятием Крыма застает 3-й учебный академический год (1920—21 уч. г.), когда Академия Генштаба впервые получает свое полное нормальное развитие. Здесь появились все 3 академических курса: младший—184 чел., старший—236 чел. и дополнительный—133 ч.

Во главе Академии—по-прежнему—т. Снесарев при комиссарах т.т. Максимовском и Виленском.

Академический аппарат получил некоторое фактическое развитие и переконструировался.

В этом учебном году заканчивается наиболее напряженный период борьбы Красной армии.

Весна и лето 1921 г. застают армию в широких реорганизационных работах. Это отражается и на Академии, пережившей жгучий период коренной перестройки всего своего существа и изменения направления своей работы.

4-й академический учебный год (21—22-й) проходит в большей своей части под знаком, как уже выше говорилось, построения Академии на новых началах, соответствующих „году учебы" Красной армии. Во главе Академии становится новый начальник ее—т. Тухачевский, прибывший с фронта с ядром работников гражданской войны. Численность Академии достигает своего максимального предела 672 чел.

Академия получает новое название—„Военной Академии РККА", новую формулировку целей и задач; новую систему и методы преподавания, даже новое академическое здание.

Бурно кипучий учебный год этот закончился уже при т. Геккере, сменившем т. Тухачевского (с 1/II—22 по 27/VII—22 г.)—мучительной операцией „чистки", сведшей Академию по численности слушателей на половинную норму.

И в данном случае, Академия вновь подчеркнула свою связь с Красной армией, пережившей тоже значительное численное сокращение, в виду изменившегося внутреннего и внешнего положения.

На основах коллективного опыта Красной армии, делающего попытки к оформлению, начинается и проходит 5-й академический учебный год (22—23 уч. г.) под начальством уже т. Лебедева при комиссаре тов. Муклевиче. Ширится, углубляется и растет учеба в армии; то же передается и в Военную Академию.

С теми же основными положениями, но более утонченными и отшлифованными мы вступаем в полосу 6-го нынешнего учебного академического года, чувствуя признание всем миром мощи Красной армии и симпатии широких пролетарских масс. Однако, и теперь вся подготовка, в тесном контакте с армией,—проходит под знаком полной готовности к борьбе в любую минуту.

Итак, 5-тилетний тяжелый путь, тернистый, но бесконечно плодотворный.

Как и Красная армия,—Военная Академия вышла на верную дорогу. Идет твердо к намеченной цели.

Минувшие годы академической жизни, в общем, резко распадаются на два периода: 1-й—с 1918 по 21 год, обнимающий собою 3 первых учебных года, и 2-й период—с осени 1921 года до наших дней, захватывающий 2 уч. года и часть текущего.

В течение первого Академия идет по пути своего естественного организационного наслоения от одного до 3-х основных курсов (младш., старш. и дополнительный), переживая на себе тяжесть военных невзгод и внутреннего кризиса. Во второй период—Академия переживает широкие реформы во всех отношениях, приближаясь к Красной армии вплотную и в ней ища себе основание и поддержку. Найдя их, Академия твердо берет курс и неуклонно и безотказно двигается вперед.

Как же работала Академия за все эти 5 учебных лет? Какие этапы прошла она за это время?

История ее научной и учебной жизни, как единственной в мире по своим задачам и целям,—представляет особый интерес...

И вот, первый беглый набросок этой академической жизни в перспективе 5-ти минувших лет, главным образом, с учебно-научной точки зрения, мы и постараемся дать здесь.

А. 1918—1921 учебные годы.

1. Цели и задачи Академии.

Еще смешанная комиссия, под председательством начальника Академии Андогского, работавшая в мае 1918 г. по реорганизации старой военной академии,—так формулировала основное назначение переименованной „Академии Генерального Штаба РККА“:

„Академия Генерального Штаба должна не только давать высшее военное и исчерпывающее специальное, но и, по возможности, широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни“ [1].

Эта основная цель, а равно задачи, программа и главнейшие положения, выработанные указанной смешанной комиссией для реорганизуемой старой академии, — были об'явлены приказом РВСР от 7 окт. 1918 г. № 47,—при формировании новой Академии в Москве.

А так как обстановка РСФСР в то время повелительно и безотлагательно требовала для фронта военных работников, хотя бы мало-мальски подготовленных,—то ближайшей задачей вновь образованной Академии Генштаба РККА и была поставлена ускоренная подготовка лиц, способных занимать командные и штабные должности в Красной Армии и руководить боевой деятельностью войск в новых условиях. Естественно, что Академия должна была бы обратить внимание преимущественно на усвоение обучающимися утилитарных элементов высшего военного образования.

Сроки для обучения не могли быть продолжительными: события развертывались слишком быстро, нужда в работниках на фронте была слишком велика, чтобы можно было тратить на их подготовку два-три года.

Подготовка началась на ускоренных курсах. Первоначально срок обучения был намечен в один год [2]), но и этот срок ока-

[1]) Ст. 1 основных положений, выработанных смешанной комиссией. Приказ Наркомвоена 1918 года № 316.

ОБЩЕЖИТИЯ СЛУШАТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ.

На Знаменке.

На Н. Лесном.

зался черезчур длинным. Поэтому, при открытии так называемого основного курса в ноябре 1918 года, учебный план был рассчитан всего на семь месяцев; фактически же его пришлось еще несколько сократить, особенно для той части слушателей, которые были командированы из Академии на фронт в первую очередь весной 1919 года.

В феврале 1919 года, параллельно с первым ускоренным курсом, был произведен уже второй прием слушателей, который и составил, так называемый, параллельный ускоренный курс. Сначала план учебных занятий этого курса был рассчитан на девять месяцев, но затем также был сокращен до шести.

В виду особых условий, программа занятий на обоих ускоренных курсах имела в виду дать слушателям в кратчайшее время теоретическую и практическую подготовку, почему в курс обучения вошли все главнейшие военные предметы, читаемые одновременно, без постепенного перехода от более простых и элементарных к более сложным или синтезирующим знаниям.

Однако, опыт ускоренных курсов указал на необходимость перейти к более продолжительному, нормальному обучению. К выполнению этого и было приступлено с осени 1919 года.

В виду изложенного, с началом 2-го учебного академического года оба ускоренных курса уже исчезают; вместо них образуются старший и младший курсы Академии.

Приказом от 13-го ноября 1919 года № 325,—слушатели основного и параллельного курсов, вызванные с фронта, образовали старший курс Академии, а произведенный новый прием—младший. Таким образом, вступая во второй год своего существования, Академия уже имела два курса.

Главные задачи указанных курсов основывались на следующих соображениях:

Курс младшего класса должен носить характер, главным образом, подготовительной работы и служить, как бы источником, откуда слушатели черпают знания по изучению элементов военной науки, а также сведения по разного рода специальным отраслям военного дела для будущего их использования при самостоятельной работе. Вместе с тем, слушателями усваивается метод как изучения военных наук, так и разрешения различных практических заданий в тактической обстановке, вопросов снабжения и военной географии. В целях более законченного и стройного усвоения всего преподаваемого за год, в конце учебного года производится синтез всех отдельных при-

обретенных познаний и сведений, главным образом, в прикладной их части на практических занятиях.

Курс старшего класса должен дать широкие обобщающие выводы изученных на младшем классе элементов военного дела, связать и закрепить их в слушателях, приведя окончательно как в теоретической, так и в практической отрасли в одно гармоничное и стройное целое. Для развития большего кругозора, параллельно слушателям дается военно-историческая перспектива и вместе с тем преподается метод практического разрешения тех вопросов стратегической обстановки, снабжения и военной географии, которые не были еще освещены на младшем классе.

Как общий результат всей работы слушателей на обоих курсах должна явиться подготовка их к самостоятельной работе по военно-научным вопросам и к свободному и умелому управлению на войне войсками и, главным образом, их высшими соединениями, начиная с бригады.

В частности, для 1919—1920 г.г. курс старшего класса был пополнен теми предметами, которые не могли быть пройдены на ускоренном классе, а в курс младшего—конференция внесла некоторые поправки, расширявшие его учебную программу.

1920—21 учебный год является третьим в существовании Академии Генерального Штаба. С началом его последняя получает уже свое полное развитие. Появились все 3 академических курса, кои были предусмотрены основным приказом РВСР об открытии Академии (1918 г. № 47), несмотря на то, что в минувшем году на конференции Академии раздавались голоса против введения дополнительного курса.

Как и при основании Академии, здесь 3-й курс сохранил сходство со своим историческим собратом по старой академии—дополнительным курсом.

Что касается первых двух курсов, то они, не меняя своей организационной структуры, уже окончательно перешли от типа ускоренных к нормальному в полной мере.

Это выразилось в особой добавочной программе и для дополнительного курса, подравнявшей его до первых двух.

В соображениях по организации занятий в 1920—21 учебн. году, основной цели Академии формулировано не было.

Частные задачи курсов оставались, по существу, в прежней их редакции.

В них указывалось, что на первом курсе слушатели получают общую начальную военно-научную подготовку для сознательного усвоения ими цикла военных наук, проходимых на

старшем курсе; кроме того, здесь же они изучают свойства (природу) всех средств вооруженной борьбы с попутным закреплением всех теоретических познаний практическими работами.

На втором курсе усваивались военные науки в их общем и целом, а также совместные действия всех родов войск и совокупное применение всех средств вооруженной борьбы в целях войны. Изучению теории сопутствовали практические занятия.

На третьем курсе—слушатель получал практику в самостоятельной творческой работе в области военных наук путем выполнения ряда самостоятельных военно-научных работ.

В дальнейшем проводилась общими штрихами постановка целей отдельных кафедр, проходимых в Академии.

В общем, формулировка задач академической работы, хотя и ссылалась на указания необходимости практического изучения, но в расплывчатости ее редакции таились большие возможности отклонения академической жизни в сторону теоретичности, что и обнаружилось в течение учебного года.

Итак, в течение истекших 3-х учебных академических лет,—основное назначение Академии остается неизменным. Формулировка его дает довольно отчетливое общее понятие, но без какого-либо ударения на политические особенности этих задач в связи с переживаемой эпохой. Это последнее является одним из основных недочетов всей формулировки. К этому вопросу мы еще вернемся при рассмотрении второго периода жизни Академии (1921—1923).

Частные задачи всех трех курсов также постепенно отшлифовываются и дают картину достижений академической подготовки каждого из них.

Что еще не выявилось за этот период с достаточной определенностью, — это задачи кафедр и циклов. Не получив какой-либо законченной классификации и системы,—все предметы не имели точно формулированных задач и целей, ни в теоретической, ни в практической части их программы. Это придавало неопределенность направлению преподавания по каждой кафедре и удельному весу их.

Только в 3-м учебном году начинают понемногу заполняться эти белые места.

Эволюционной особенностью этого периода является переход от утилитарной ускоренной подготовки с их минимальными задачами, к задачам нормальной академической подготовки.

Военная Академия на параде 7-го ноября 1923 г. на Красной площади.

II. Система и методы преподавания.

Нет, кажется, ни одного вопроса, который вызывал бы столько обсуждений, споров и критики в первые годы жизни новой Академии, как вопрос системы и методов академического преподавания. И это вполне естественно, ибо, во-первых, это есть важнейший вопрос академической научной проблемы, а во-вторых, разрешение его в том виде, в каком это проводилось, — в силу целого ряда об'ективных причин, не могло удовлетворить главной массы слушателей.

Несомненно, что правильная постановка преподавания в высшей военной школе вообще дело крайне сложное и трудное. Здесь было и еще будет много недочетов. В тех же условиях, при которых начала работать наша Академия, в раскаленной атмосфере гражданской войны, не имея ни слаженного аппарата управления, ни готового кадра профессуры и опытных работников, ни учебных пособий — это дело неизмеримо более трудное. Вот еще почему Академия, в первые годы существования, не имела, да и не могла иметь твердо установленного учебного плана, метода преподавания, внутреннего порядка, выработанных традиций. Ход революционных событий властно вторгался в академическую жизнь, нарушая ее планомерность и требуя от нее гибкости и подчинения соображениям военной необходимости данного момента.

Таким образом, недочеты в преподавании были неизбежны; особой систематичностью оно не могло отличаться.

Какие же систему и методы должна была принять Академия в конкретных условиях 1918—1919 г.г.? Академия должна была в кратчайший срок подготовить людей для практической работы на фронтах гражданской войны. Такова была ее задача. Кроме того, необходимо было учесть, что Октябрьская революция сделала переворот и на идеологическом фронте. Этот переворот задел и военную мысль. Господствовавшее у нас направление во многих военных науках (в их общей, отвлеченной, философской части, имевшей свои корни в старом буржуазном мировоззрении)—было поколеблено. Нельзя было излагать теорию этих наук по старому, а так как по новому это сделать еще не умели, то и вообще не следовало давать *уклон* преподаванию в теоретическую сторону. Тем более, что такой уклон был крайне труден для изучения и требовал высокого уровня образования и широкого развития, чего не было на лицо в то время у значитель-

ной части слушателей. Поэтому в конкретных условиях 1918—19 г.г. метод преподавания в Академии должен был быть чисто прикладной.

К сожалению, несмотря на ряд попыток, Академии так и не удалось разрешить тогда эту задачу. Несмотря на то, что в проектах учебных планов и в предложениях, вносимых слушателями, необходимость наибольшего приближения к реальным требованиям жизни является лейтмотивом,—но все же Академия не могла справиться с задачей прикладного обучения и сохраняла теоретический маложизненный уклон. Это вызывало большие нарекания.

Несоответствие между замыслом и исполнением особенно характерно для первого учебного года (1918—19). Поэтому мы остановимся несколько подробнее на нем. Основные положения его учебного плана для ускоренных курсов были следующие:

1. Программа занятий на обоих курсах была построена на требовании дать слушателям в кратчайшее время необходимую подготовку для службы на младших должностях Генштаба, почему в курс обучения вошли все главнейшие предметы.

2. Предоставить слушателям возможность выполнять практические занятия дома и заняться самостоятельным изучением предметов, как военных, так и социально-экономических.

3. Стремление перенести центр тяжести курса с лекций на практические занятия, чтобы обучающиеся могли действительно подготовиться к практической работе на фронте.

4. Курс по каждому предмету соображен так, что в первые четыре месяца должно быть пройдено самое существенное, чтобы к весне у слушателей получился более или менее законченный круг знаний по крайней мере по важнейшим предметам, необходимым для практической полевой деятельности.

5. Для сбережения времени обращено внимание на устранение повторения у разных преподавателей одного и того же, особенно в начале курса по различным предметам, и на необходимость проводить в курсе идею настойчивой замены рассказа преподавателя—показом, а также замены рассказа самостоятельным чтением слушателей там, где это возможно.

Таков замысел, и не плохой замысел. Посмотрим, каково выполнение его.

1. Изучая расписания занятий, нельзя установить никакой последовательности в прохождении предметов. Все предметы (и элементарные и более сложные) проходятся одновременно. В течение недели читаются лекции по 14—16 разным предметам.

Если принять во внимание, что значительная масса слушателей была весьма мало подготовлена к прохождению академического курса, то станет ясным, что такая система производила сумбурное впечатление.

2. Классные занятия, ведомые в начале по шесть часов в день, по мере развития их, дошли до восьми — десяти часов в сутки; при этих условиях трудно говорить о самостоятельной работе слушателей, особенно если принять во внимание общую тяжелую обстановку жизни и работы в 1918—19 годах.

3. Фактически центр тяжести перенесся не на практические занятия, а на лекции, которых было до шести часов в день.

4. На самом деле курс проходился так, что когда весной (в марте 1919 года) ожидалось сокращение срока обучения, то выяснилось, что многие второстепенные предметы пройдены, а значительная часть важнейших (тактика, устройство тыла и др.) не были пройдены даже на половину [1]).

5. Вместо сбережения времени получалась его непроизводительная трата в силу малой налаженности учебной жизни. Заменить рассказ самостоятельным чтением слушателей также мало удавалось, ибо на заседании конференции было официально заявлено, что печатных пособий почти нет.

Такова была довольно печальная общая картина первого учебного года. Мы далеки от мысли видеть в этом чью-либо злую волю. Это об'яснялось рядом обстоятельств, независивших от воли исполнителей. Однако, становится вполне понятным, что слушатели были мало удовлетворены. Организованное мнение слушателей было оглашено на заседании конференции в начале 1919 года [2]), в виде тезисов „учкома“. Так как это положение является первой систематизированной попыткой слушателей повлиять на ход академического преподавания, то приводим его:

„В целях подготовки слушателей Академии в краткий срок к практической боевой работе в штабах, считаем нужным применить прикладной метод занятий, который можно построить следующим образом:

1) Главное внимание обратить на самостоятельную работу слушателей. 2) Указать слушателям ряд необходимых пособий по всем основным предметам практики Генштаба. 3) Лекции читать по самым существенным и необходимым предметам. 4) Все лекции, предположенные к чтению из числа имеющих второсте-

---

[1]) Доклад правителя дел на конференции Академии.

[2]) 23 января 1919 года.

пенное значение для практической подготовки слушателя, приготовить в печатном виде, дав лекторам определенный срок для их выполнения. 5) Занятия вести по тем предметам, которые это допускают. 6) Беседы, решения задач по карте, военные игры, решения задач в аудитории—являются главными основами преподавания в Академии. 7) Основные занятия продолжать до обеда, причем лекциям отводить не более двух часов, а практическим занятиям — не менее трех часов в день. Все остальное время слушатели по указаниям и под руководством работают самостоятельно. 8) Установить тесную связь между практическими и теоретическими занятиями. 9) Предложить слушателям обратить внимание на работу в определенной области. 10) Для продуктивности работы, весь состав Академии разбить на два курса: более ранней подготовки—июнь и более поздней—сентябрь. 11) Два-три раза в неделю послеобеденное время отводить экскурсиям в разные учреждения, имеющие непосредственное касательство к будущей работе Генштаба".

Как видно, основные положения, выработанные комиссией слушателей, во многом совпадают с тем, что изложено в соображениях Учебной части, но которые в большей части остались на бумаге. На формулировку этих положений, видимо, оказала влияние книга Н. Головина [1]), но это отнюдь не уменьшает практической ценности изложенных положений. Предложения слушателей подверглись обсуждению на заседании конференции. Часть их была принята, часть передана в комиссию для детального рассмотрения, но на самом деле мало что изменилось.

Летние занятия в 1919 году значительно отличались от последующих. Основной курс лишь частью слушателей и весьма короткое время занимался в поле; вскоре и остальные были командированы на фронт.

На параллельном курсе летние занятия велись на протяжении полутора месяцев. В виду того, что на параллельном курсе ряд предметов не был закончен ко времени летнего периода, занятия слагались: а) из чтения лекций по незаконченным предметам; б) из практических работ, не законченных в течение зимнего периода; в) из полевых работ по топографии, тактике и службе Генштаба. В учебном плане летнего периода имеются следующие указания: „Необходимо теперь же ввести в постановку занятий параллельного курса летнего периода по-

[1]) Проф. Н. Головин. Французская Высшая Военная Школа. Изд. 1910 г.

правки в смысле более широкого введения в него прикладного метода и большей систематизации: непосредственно за лекцией должно производиться показное классное упражнение с полной детализацией лекции на частном примере—решение задачи, а затем заканчивать этот отдел самостоятельным решением каждым слушателем задачи в поле".

Подводя итоги первого учебного года [1]), руководители Академии отметили, что вследствие краткости срока пришлось отказаться от необходимой постепенности и систематичности занятий. Не удалось уделить также должное внимание технике действий отдельных родов войск, что сильно давало себя чувствовать на практических занятиях. Самый курс, расчитанный всего на шесть-семь месяцев, при поспешном прохождении его, не давал возможности основательного усвоения его для большинства слушателей, а тем более для лиц с недостаточной общей или военной подготовкой.

Вступая в 1919/20 учебный год, Академия уже имела опыт основного и параллельного курсов. В общем как в построении плана годовых занятий, так и в ведении их, заметен учет опыта предшествующего года. В соображениях по организации занятий в 1919/20 учебном году, разработанных Учебной частью и внесенных на обсуждение конференции, имелись следующие главнейшие предложения:

1. В основу прохождения всего академического курса должна лечь самая тесная и неразрывная связь лекций с практическими занятиями, причем последние производятся как с целью детального изучения техники употребления на войне отдельных родов войск, так и в смысле применения на практике полученных обобщенных сведений и боевого использования высших войсковых соединений.

2. Практические занятия следуют за соответствующими отделами теории; имеют своей задачей расширить, детализировать и укрепить в слушателях применением прикладного метода знания, приобретаемые ими на лекциях; параллельно с этим—показать им метод работы, а также привить навыки и приемы для предстоящей им практической деятельности в полевой службе.

3. Преподаватель (лектор) того или иного предмета должен являться одновременно и старшим руководителем практических занятий по данному предмету, ответственным за усвоение слушателями всего курса в его теоретической и практической части.

[1]) Соображения об организации учебных занятий. Дело № 5 Уч. части за 1919 год.

4. В частности, на младшем курсе практические занятия имеют целью усвоение слушателями техники боевых действий отдельных родов войск как главных, так и технических. Поэтому они ведутся по родам войск, с об'единением их в конце года в общих задачах.

На старшем курсе практические занятия имеют целью дать слушателям метод анализа тактической и стратегической обстановки, навыки для принятия необходимых решений и приемы управления крупными войсковыми соединениями.

Занятия по устройству тыла и тактике снабжения, по военной географии и статистике должны вестись в связи с тактическими занятиями.

Группа администрации Военной Академии.

Таким образом, проект, разработанный Учебной частью и внесенный на обсуждение конференции, целиком стоял на точке зрения прикладного обучения. Однако, этот проект вызвал сильные возражения на конференции. Несмотря на большой и обстоятельный доклад правителя дел, в котором он убеждал конференцию в целесообразности предлагаемых мероприятий, конференция отвергла часть предложений, забраковала ведение занятий на младшем курсе по родам войск; не сочла удобным установление органической связи между работами по тактике и работами по устройству тыла и др., и подавляющим большинством постановила [1]:

[1]) Протокол № 14 от 25 сентября 1919 года.

„Практические занятия по тактике на младшем курсе сводятся к решению задач на бригаду в составе трех родов войск. Кроме того, все поступившие в Академию, обязаны до нового года сдать зачеты по тем частям уставов, которые будут определены комиссией"...

„Занятия по тактике снабжения и по топографии вести особо"...

Это постановление конференции было закреплено приказом по Академии.

Все изложенное, пожалуй, еще в большой мере повторяется и в 1920—21 уч. году.

Законченных определений не получила ни система академического преподавания, ни методы.

Изучая имеющиеся материалы за этот год, можно вывести заключение, что основной уклон подготовки был направлен в сторону теоретических путей изучения. Это подтверждает ассигнование значительного учебного времени года на теорию, а равно то значение, какое придавалось практике в действительности и по „соображениям уч. плана".

Как и в прошлые годы, между письменными проектами и действительностью была громадная разница. Согласно первых в основу прохождения курса Академии была положена, по возможности, самая тесная и неразрывная связь лекций с практическими занятиями; выяснение метода работы; привитие навыков и практических приемов; строгая последовательность и постепенность разных видов занятий; ответственность лекторов и проч. Фактически же в жизнь проводились те же указания конференции, кои она дала еще в минувшем уч. году. Так, практические занятия по родам войск заменены таковыми же по общей тактике, начиная с бригады; увеличено число теоретических лекций за счет практических занятий; последние потеряли свой прикладной, активнотворческий характер.

Широкое развитие лекций много способствовало чрезмерной нагрузке слушателя.

О самостоятельной работе трудно было и думать. Специализация далее теоретических лекций по родам войск не шла. Широкое развитие получило универсальное руководство.

Ассигнование большого числа лекций на каждый предмет влекло, при отсутствии основной классификации наук и их значения для Академии—к чисто случайному выявлению каждого предмета; сумбур в утомленной голове слушателя; отвращение к лекциям с манкированием ими; урезание в чтении некоторых действительно важных предметов.

Для более полного освещения вопроса следует указать, какую оценку системы и методов академического преподавания делали сами обучаемые.

В ряде воспоминаний слушателей, в сборнике „Два года Красной Академии Генштаба“ и др. материалах, не носящих официального характера, можно найти уничтожающую критику всех академических распорядков того времени. С этой критикой в полном об'еме едва ли можно согласиться. Но если откинуть ее страстность, об'ясняющуюся в значительной степени общими настроениями слушателей в то время, а также и некоторую часть юношеского задора,—то ныне, рассматривая события в исторической перспективе, можно признать, что по ряду вопросов критика была справедлива.

Слушатели указывали на отсутствие цельности и единства в системе преподавания, а равно строгой пропорциональности его предметов. Наиболее горячие утверждали, что не было вообще никакой системы, а академический курс был загромождён более или менее случайно теми предметами, которые могли читать находившиеся в Москве военспецы. Отмечалась неопределенность методов преподавания, а также оторванность военной теории, излагавшейся в Академии, от живой действительности; стремление этой теории уйти в заоблачные дали и схоластичность ее.

„Если отвлеченная, замкнувшаяся в себе военная наука олицетворялась профессорским составом Академии, то революционная действительность войны со своими запросами, острой потребностью теоретического выявления и освещения, олицетворялась слушателями Академии. В борьбе этих противоречий и развивается Красная Академия“ [1]).

Отмечалось также, что в Академии была слабо поставлена подготовка слушателей к той организационно-технической работе, которая имела для них столь большое значение в армии.

Большое разнообразие в качественном отношении профессорского состава давало себя чувствовать. Несомненно, что среди профессуры того времени был целый ряд лиц, большая научная ценность которых не вызывает никаких сомнений. Но несомненно также и то, что был значительный круг людей, не удовлетворявших требованиям, пред'являемым к преподавателю Академии, которые попали в состав профессуры чисто случайно.

„...Надо учесть, что большая часть энергичных и образованных генштабистов организовывала в это время белогвардей-

[1]) Сборник „Два года Красной Академии“, стр. 10-я.

ские армии, а от оставшихся, особенно в первый период, трудно было ожидать активности в деле передачи своих знаний тем, кто призван был их сменить. Еще меньше можно было ждать от большинства из них интереса к самой гражданской войне, ее изучения, учета ее особенностей, властно выдвигающих необходимость пересмотра всей старой науки, построенной на опыте предшествующих войн. Этот консерватизм мысли был так глубок и упорен, что три года невиданной по своей напряженности борьбы с ее неожиданными перипетиями ничем не отразились на высоком челе академической военной науки" [1]).

Так пишет один из авторов сборника, и в дальнейшем упрекает академическое преподавание в разрыве с действительностью, в идейном разброде, в неумении технически-рационально организовать обучение.

Неналаженность академического аппарата также сказывалась весьма неблагоприятно.

Разнообразный, пестрый состав слушателей по их подготовке затруднял правильное ведение занятий. На ряду с людьми, получившими законченное среднее военное образование и боевой стаж, имелись лица, вовсе не служившие в армии. Вместе с лицами, получившими высшее гражданское образование, были и совсем мало образованные, с весьма слабым общим развитием, которые нуждались в большой популяризации сведений. Это тоже способствовало тому, что в процессе работы вскоре выяснилось несоответствие между учебным планом, составленным Академией, и малой подготовленностью основной массы слушателей.

Наконец, неблагоприятной общей обстановкой для учебы были еще и краткие сроки, тяжелое материальное положение обучающих и обучающихся, недостаток учебных пособий и канцелярских принадлежностей, а также необходимой мебели для занятий, холод в помещениях и пр. Все это до крайности усложняло работу.

III. Перечень предметов, распределение их по курсам.

Количество часов.

Смешанная комиссия [2]), образованная на основании приказа Наркомвоена от 3 мая 1918 года № 316, для переработки про-

[1]) Сборник „Два года Красной Академии", стр. 24-я.

[2]) В состав этой комиссии входили: А. И. Андогский, И. И. Вацетис, В. С. Лазаревич, Н. С. Беляев. А. С. Белой и др.

граммы Академии Генштаба, выработала таковую. Эта программа оказала большое влияние на последующие программы нашей Академии; поэтому на ней следует остановиться.

Согласно этой программы, в Академии Генштаба должны были читаться следующие предметы [1]):

1. Стратегия.
2. Военная философия.
3. Тактика всех родов войск и общая тактика.
4. Военная психология.
5. История военного искусства.

Совещание руководителей по тактике.

6. История всемирной войны 1914—1918 г.г.
7. Служба Генерального Штаба.
8. Военная география (военная статистика).
9. Военная администрация.
10. Военно-морское дело.
11. Низшая геодезия (военная топография).
12. Военно-инженерное дело.
13. Сведения по технике артиллерийской части.
14. Сведения по технике воздухоплавания и авиации.
15. Государственное право.

[1]) Ст. 3. „Основных Положений".

16. Международное право и вопросы современной международной политики.

17. Политическая экономия и вопросы мирового хозяйства.

18. История цивилизации народов.

19. Социология.

20. Логика и методы научного исследования.

21. Иностранные языки: немецкий, японский, китайский, турецкий, шведский, румынский, английский и французский (обязательно изучение двух языков, в том числе немецкого, как основного).

Указанный перечень наук не получил определенной классификации и какой-либо группировки по циклам, что мешало правильному учету каждого предмета в общей их расценке.

Кроме того, эта программа, включающая в себя большую часть предметов, изучение коих действительно необходимо, в то же время несколько грешила и в сторону теоретизирования, мало учитывая конкретную обстановку,

Что касается военных предметов, то можно быть разных мнений на счет полезности чтения в качестве обязательных, таких, например, как „военная философия", „военная психология" и др. Но нельзя не согласиться с тем, что в первые годы существования Академии именно эти предметы можно было смело выпустить, тем более, что не имелось профессоров, которые своим изложением могли бы удовлетворить новую аудиторию.

Общеобразовательные предметы, указанные в перечне, несколько раз подвергались пересмотру, меняли свое название и содержание, как это видно из ниже приводимых учебных планов, а в конце концов образовали социально-экономический цикл наук.

В отношении иностранных языков кажется трудно исполнимым требование изучать на основных курсах Академии два языка, в числе коих имеются восточные.

Из указанного выше перечня на ускоренных (одногодичных) курсах должны были изучаться:

1. Основы современной стратегии.

2. Тактика: а) пехоты, б) конницы, в) артиллерии, г) технических войск, д) воздушных средств, и е) общая (соединение всех родов войск).

3. Военная психология.

4. История всемирной войны 1914—1918 г.г.

5. Служба Генерального Штаба.

6. Обзор пограничных театров России.

7. Организация; тактика снабжения и транспорта.
8. Теория с'емки.
9. Военно-инженерное дело.
10. Сведения по технике артиллерийской части.
11. Сведения по технике воздухоплавания и авиации.
12. Государствоведение.
13. Политическая экономия и вопросы мирового хозяйства.

Практические занятия как в классе, так и в поле должны были производиться:

1. По тактике.
2. По военной администрации.

В профессорской комнате во время перерыва.

3. По службе Генерального Штаба.
4. По инженерному делу.
5. По артиллерии.
6. По авиации.
7. По с'емкам.
8. По верховой езде (для слабо обученных).

Эта программа, явившаяся производной от первой, была взята за основу при составлении учебных планов основного и параллельного ускоренных курсов.

Перечень предметов, которые должны были читаться на этих курсах, с указанием количества часов, приведен в нижеследующей таблице [1]):

[1]) План распределения годовых зимних занятий на ускоренном курсе Академии Генштаба Р. К. К. А. на 1918—1919 уч. г., утвержденный конференцией Академии.

Основной курс 1918—1919 г.г.

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ.	Число часов лекций.	Число часов практ. занятий.
1	Основы современной стратегии .	28	—
2	Тактика пехоты	35	
	„ кавалерии.	21	По тактике вместе со службой Ген. Штаба 168 часов.
	„ артиллерии	28	
	„ технических войск . . .	28	
	„ воздушных средств . . .	14	
	„ прикладная	63	
3	История всемирной войны 1914—1918 г.г.	56	—
4	Служба Генерального Штаба . .	56	Вместе с тактикой.
5	Обзоры театров войны (военная география)	28	14
6	Устройство вооруженных сил Республики	28	—
7	Военное хозяйство, снабжение и транспорт.	56	56
8	Теория стрельбы	56	28
9	Военно-инженерное дело.	26	14
10	Сведения по технике артиллерийской части	28	—
11	Сведения по технике железнодорожного дела.	14	—
12	Основы военной психологии . . .	14	—
13	Социальная психология	10	—
14	Основы Советской Конституции .	10	—
15	Основы внешней политики. . . .	10	—
16	Философские и социологические основы марксизма.	8	—
17	Техника социализма.	3	—
18	Социализм и железнодорожное хозяйство	3	—
	Итого	625	280

Проект учебного плана на параллельном курсе был первоначально такой же, но с изменением вместо: а) техника социализма и б) социализм и жёл.-дор. хозяйство (№ 17—18) вводились основы политической экономии — 14 часов и немецкий язык—56 ч.

В дальнейшем, в виду неуверенности в сроке обучения, предметы на параллельном курсе были разбиты на две очереди. Во вторую очередь (после окончания чтения предметов первой очереди) были отнесены: история войны 1914—18 г.г. (кроме французского фронта), обзор театров войн, основы военной психологии. Социально-экономические предметы должны были читаться в свободное время, в субботние и праздничные дни. Иностранные языки оставлены только для желающих.

Рассматривая эту таблицу, следует отметить загруженность большим количеством предметов, не считаясь с краткостью курса.

Само распределение часов вызывает возражения. Трудно понять, почему слушателям, которые должны были через полгода ехать на фронт, и часть из коих недостаточно подготовлена к прохождению наук, почему им читается, например, 56 лекций по теории стрельбы, а не отдано большинство этих часов для практических занятий и т. д.

Из общего количества учебного времени 625 часов отведено под лекции, и только 280 под практические занятия. Этим самым определился лекционный, теоретический уклон в прохождении всех предметов со всеми проистекающими отсюда последствиями. Особенностью этой лекционной системы был еще недостаток в готовых лекторах. Приходилось в первую очередь ставить не важнейшие предметы, а те, по которым имелись готовые лекторы. Отсюда и чтение курсов приняло случайный характер.

Судя по сохранившимся материалам, составление еженедельного расписания была вещь весьма нелегкая; подлинник его перечеркнут и исправлен несколько раз; имеются пустые места с указанием, что „свободные часы будут замещены дополнительно по получении ответов от лекторов на их согласие читать". Встречается весьма значительное количество записок правителя дел к преподавателям с просьбой прочесть лекцию в оставшийся незанятым час. Некоторые из них начинаются так: „Товарищ, выручайте...". Недостаток внутреннего порядка в Академии и дисциплины среди слушателей и преподавателей только усугубляли положение.

Самое распределение предметов между младшим и старшим курсами в 1919—1920 году носило еще переходный характер. Нужно было считаться с тем, что программа ускоренных курсов (из слушателей коих комплектовался старший курс в этом году) не вполне совпадала с нормальной программой младшего курса. Распределение предметов и времени указано в следующей таблице:

№№ по порядку.	Наименование предмета.	Число часов лекций в год.	Число часов практ. занятий в год.
	Младший курс.		
1	Тактика пехоты . . .	40	Практические занятия по тактике, службе Генштаба, по устройству тыла и тактике снабжен., по воен. топографии всего 380 ч.
2	„ артиллерии .	40	
3	„ конницы. . .	20	
4	„ техн. войск .	15	
5	„ возд. флота .	15	
6	Служба Ген. Штаба .	20	
7	Полевая фортификация	20	
8	Полевая маскировка .	10	
9	Воен. Администрация		
	а) устройство вооруж. сил Республики	10	
	б) устройство тыла и такт. снабжен.	35	
10	История военного искусства	30	
11	Воен. топография . .	30	
12	Техника артиллерии .	15	
13	„ возд. флота .	15	
14	„ ж.-дор. дела.	15	
15	Военная гигиена. .	10	
16	Логика и методы исследования	Всего 88 часов.	
17	История цивилизации народов		
18	Основы Советск. Конституции		

№№ по порядку.	Наименование предмета.	Число часов лекц. в год.	Число часов практ. занят. в год.
19	Основы марксизма. .	Всего 88 часов.	
20	Программа Р. К. П. .		
21	Экономия промышленности		
22	Внешняя политика. .		
23	Иностранные языки .	40	
	Итого . . .	468	380
	Старший курс.		
1	Стратегия	40	Практические занятия по тактике, службе Генштаба, устройству тыла и тактике снабжения, по воен. географ. и стат., всего 300 ч.
2	Общая тактика. . . .	60	
3	История военного искусства	20	
4	Служба Ген. Штаба .	25	
5	Воен. Администрация (устройство тыла и тактика снабжения; мобилизация).	30	
6	Философия войны . .	20	
7	Военная история: а) компания 1870—1871 г.г.	20	
	б) война 1904—1905 г.г.	20	
	в) война 1914—18 г.г.: на франц. театре.	20	

№№ по порядку.	Наименование предмета.	Число часов лекций в год.	Число практ. занят. в год.	№№ по порядку.	Наименование предмета.	Число часов лекций в год.	Число практ. занят. в год.
	Старший курс.						
	на русск. театре.	40	—	15	Техника ж.-дор. дела .	—	
	револ. война в России	30	—	16	Полит. экономия и вопр. миров. хозяйства	Всего 90 часов.	
8	Подготовка обороны государства в инженерн. отношении.	20	—	17	Социальная психология		
9	Военно-морское дело.	10	—	18	Социология		
10	Военн. статистика и воен. география. .	30	—	19	Международн. право и вопр. совр. междунар. политики. .		
11	Военная психология .	10	—				
12	Такт. техн. войск. . .	15	—	20	Аграрный вопрос . .		
13	Техника артиллерии .	15	—	21	Иностранные языки .		
14	„ возд. флота .	10	—				
					Итого . . .	540	300

Итог часов в год по разным вариантам учебного плана различен; он колеблется от 780 до 850 часов. Название некоторых дисциплин менялось в продолжение года.

В общем, этот учебный план уже представлял шаг вперед по сравнению с предыдущим. Да это и естественно, ибо Академия имела возможность учесть опыт годовой работы.

Выполнение его на младшем классе было довольно благополучное.

Большую часть военных предметов удалось пройти в назначенные сроки. Социально-экономические сначала отстали, а к концу года и они выравнялись.

Но старшему классу не везло. Мало того, что в прошлом году ему приходилось учиться „чему-нибудь и как-нибудь“ на ускоренных курсах; в 1919—20 году он также не имел систематического курса, особенно в первое полугодие. Новые предметы, неготовность лекторов, пропуски часов и другие причины привели к тому, что в общем занятия шли негладко.

Особенно мало было зачитано по стратегии, устройству тыла и тактике снабжения, военной географии и статистики, мировой войне, службе Ген. Штаба и друг.

По общей тактике, несмотря на то, что к весне было прочитано 49 лекций, лектор еще не дошел до боя и возникала опасность, что этот важнейший отдел, по примеру прошлого года, так и не будет закончен в полном и систематическом изложении [1]). Весьма слабо было дело с социально-экономическими науками. Пришлось продлить срок зимнего периода занятий на месяц и принять более энергичные меры к подталкиванию курсов.

В общем, число лекций в год значительно возросло:

На младшем курсе было прочитано 643 часа;
„ старшем „ „ „ 554 „

Из социально-экономических наук на младшем курсе были прочитаны: а) Научный социализм, б) История Р.К.П., в) История Революционных армий, г) Логика и методы исследования.

На старшем курсе: а) Научный социализм, б) История Р.К.П., в) Основы организации промышленного производства, г) Внутреннее положение Польши.

Практические занятия на обоих курсах уложились примерно в назначенное время.

Итак, к концу зимнего периода занятий удалось, благодаря принятым мерам, выравнять учебные занятия на обоих курсах и пройти почти все намеченное.

В половине июня старший курс, по сдаче части зачетов, отправился на фронт; летние же полевые занятия им не выполнялись. Младший курс перешел в лагери и закончил учебный год работами по топографии и тактике.

3-й академический учебный год (1920—21) тоже не завершил вопроса научного построения преподаваемых в Академии наук, почему весь об'ем академических знаний в этом году еще не получил определенной классификации и об'единения.

Отсюда—самый перечень преподаваемых предметов, в общем, остается прежним (приказ РВСР от 7/х—18 г. № 47).

В него лишь были разновременно введены конференцией ряд новых отдельных дисциплин; в числе них — история войн 1870—77 г.г.; 1904—05 г.г.; гражданской войны; полевая маскировка, экономика войны; военная гигиена, тактика санитарной службы.

Что касается распределения всех предметов по курсам, а равно времени, отводимого для изучения в стенах Академии—по плану и фактически, то это выражалось так:

---

[1]) Доклад Учебной части на конференции Академии в марте 1920 г.

1-й курс.		
ПРЕДМЕТЫ.	Часы. По учебн. плану.	Часы. Фактически проведено.
I. Лекции.		
Военные предметы:		
Тактика родов войск:		
пехоты	40	40
артиллерии	40	40
конницы	30	30
Техновойск	30	35
Воздух. флот	20	20
Полев. фортифик.		
Оборонит. постр.	15	15
Укрепл. позиции	25	25
Мин. и подр. дело	10	—
Истор. воен. искусст. общая	40	40
Служб. генштаба	20	20
Тактик. снабжения	40	30
В. Администрация	40	31
Техн. артиллер.	25	25
Возд. и авиация	15	20
Техн. сред. примен. в совр. войне (маскировка)	20	20
В. Морское дело	15	4
В. Топография	30	30
В. Гигиена	15	—
Всего по воен. предм.	480	400

1-й курс.		
ПРЕДМЕТЫ.	Часы. По учебн. плану.	Часы. Фактически проведено.
Общие предметы:		
Истор. материализм	20	20
Новейш. истор. (всеобщ. и русск)	30	30
Полит. эконом. и вопр. мир. хоз.	25	25
Основы конституции	10	10
Основы совр. межд. отношений	20	—
Иностр. языки	60	60
Всего: на общ. предм.	165	145
Итого на лекции	645	535
II. Практ. занятия.		
Тактика родов войск:		
пехоты	72	—
конницы	33	—
артиллерии	33	—
воздухфлота	18	—
фортифик.	24	—
Всего	180	—
Общая тактика	72	252
Тактика снабжен.	78	78
Топография	30	30
Итого	180	360
Итого практ. зан.	360	360
Общий итог	1005	895

2-й курс.			2-й курс.		
ПРЕДМЕТЫ.	Часы. По учебн. плану.	Часы. Фактически проведено.	ПРЕДМЕТЫ.	Часы. По учебн. плану.	Часы. Фактически проведено.
I. Лекции.			**Общие предметы.**		
Воен. предметы:			Полит. эконом. и осн. мир. хоз.	25	25
Стратегия	40	78	Истор. материализм .	20	20
Общая тактика	70	70	Основы междунар. отношений.	10	10
Истор. войн:			Колониальн. политика империализма. . . .	15	4
б) 1870—71 г. . . . ,	—	20	Основы совет. конституции	10	10
а) 1904—05 г.	20	20	Новейш. история . . .	30	30
в) 1914—18 г. на фр. фр.	30	30	Иностр. языки.	60	60
г) 1914—18 г. на рус. фр.	30	30			
д) Гражд. войны . .	30	20	Всего на общ. предм.	170	159
Служба генштаба. . .	30	30			
Тактика желдор. дела.	10	—	Итого на лекции . . .	610	670
Устр. тыла и тактик. снабж.	30	20	**II. Практ. занятия.**		
Основы обор. гос. в инж. отношении.	25	33	Общая тактика	210	169
В. геогр. и статистика.	40	40	В. Администр.	60	50
В. морское дело . . .	15	15	В. Статистика	60	50
В. психология	25	20			
Такт. санит. службы .	10	20	Итого на пр. зан. .	330	269
Ист. воен. иск. в России	20	20			
Экономика войны . . .	15	15			
Всего на воен. предм.	440	511	Общий итог	940	939

3-й курс.			3-й курс.		
ПРЕДМЕТЫ.	Часы. По учебн. плану.	Часы. Фактически проведено.	ПРЕДМЕТЫ.	Часы. По учебн. плану.	Часы. Фактически проведено.
I. Лекции.			Текущие военно-научные вопросы	20	20
Философия войны. . .	30	10	В.-научн. библиография	20	10
Иностр. языки	60	60	Мобилизация	—	—
			Всего	130	100

II. Темы.

1-я военно-историческая.
2-я по воен. искуству.
3-я стратегическая.

Из обзора указанной таблицы видно, что вся тяжесть изучаемых наук распределена по плану равномерно между младшим и старшим курсами. Дополнительный же, по существу, от классных учебных занятий, кроме иностранных языков,—был освобожден, если не считать различные эпизодические лекции, какие он фактически прослушал. Главная тяжесть его работы в году была самостоятельная разработка 3-х военных тем. Такое распределение предметов между курсами являлось в общем правильным. Что же касается вопроса расчета времени между теорией и практикой, то, попрежнему, поражает обилие лекций. Правда, жизнь отчасти выровняла это на младшем курсе, уменьшив общее число лекций с 645 до 535, но это было сделано под давлением других соображений (дать время для письменных зачетов). На старшем же курсе дело фактически еще ухудшилось. Здесь за счет практических занятий число лекций увеличилось на 60 учебн. часов.

С 10 сентября по 10 октября были произведены приемные испытания. Всего принято—184 человека.

Учебные занятия начались на Воздвиженке 6, на мл. курсе—18/X, на ст. курсе—6/X и на дополн.—с 15/XI. Некоторое запоздание особенно дополнительного курса об'ясняется коман-

дированием 56 человек старшего курса и 126 человек дополнительного курса на фронт, для инструктирования частей Всевобуча и курсов Гувуза.

Академическая жизнь протекала довольно бурным темпом.

К концу декабря выяснилась необходимость точнее регламентировать часы, предоставленные для лекций по каждой кафедре, т. к. оказалось, что некоторые лекторы уже исчерпали свои часы, но всего курса не закончили.

Постановлением конференции от 27/XII — 20 г. были добавлены часы на младшем курсе по тактике техновойск—5 час.; на старшем — по стратегии — до 30 час., по стратегической деятельности конницы—до 8 час., по подготовке госуд. в инженер. отношении — на 5 часов. По остальным предметам увеличение лекций отклонено и указано все программы ввести в рамки отведенного для каждого предмета времени.

К 20 марта 1921 года более половины занятий на младшем и старшем курсах были пройдены.

Оставшиеся 110 час. лекций и 56 час. практических занятий на младшем курсе, а также 86 час. лекций и 92 часа практических занятий на старшем, за малым сокращением, укладывались до 1 мая.

При этом на обоих курсах были сданы к этому же времени (20/III) по 2 зачета.

Таким образом, к концу зимнего периода все предусмотренные плановыми соображениями занятия и предметы были выполнены за небольшим исключением.

Были урезаны лекции на младшем курсе по воен. морскому делу, часть лекций по военной администрации и совсем не читалась военная гигиена. На старшем курсе сокращены лекции по гражданской войне (за отсутствием лектора) и военной администрации.

Это дало возможность на обоих курсах кончить чтение лекций к 20/IV.

Экономия времени была обращена на производство письменных и части устных зачетов, для каковых был отведен период до выхода в лагерь. К 20/V были закончены практические занятия, а до 13/VI—произведена совместная военная игра младшего и старшего курсов.

К 13 июня младший и старш. курсы перешли на летние работы в районе Ходынского лагеря, каковые и закончили к 12 августа, а дополнительный курс — в августе выполнил в своей основной массе все 3 темы.

В заключение и здесь, в отношении рассчета учебного времени, что видим мы? Общее число уч. часов—растет. Львиная доля времени фактически уходит за все 3 года на теорию, хотя во всех проектах соотношение часов между теорией и практикой не столь разительно. На протяжении 3-х уч. лет наблюдаются по уч. планам нижеследующие интересные цифры:

КУРСЫ.	1918—1919 уч. г.		1919—1920 уч. г.		1920—1921 уч. г.	
	Лекции.	Пр. зан.	Лекции.	Пр. зан.	Лекции.	Пр. зан.
Младший курс . .	625	280	468	380	645	360
Старший курс . . .	—	—	540	300	610	360

Лекция тов. Горева по историческому материализму.

Это показывает, что на протяжении трех лет число общих, аудиториальных лекций значительно превосходит число групповых практических занятий. Картина характерная.

Вместе с тем можно вывести и другое заключение — это весьма большая нагрузка слушателя.

Длительность учебного дня почти не изменяется, оставаясь очень большой, что лишает возможности слушателей не только вести самостоятельные работы, но просто даже читать академические руководства и военную литературу.

Как уже ранее отмечалось, самое распределение часов носит часто или случайный характер или об'ясняется удельным весом не предмета, а личности лектора. Разверстка уч. часов по

видам практических занятий также скорее механична, нежели имеет какое-либо более глубокое основание. На младшем курсе твердо отсутствуют практические занятия по родам войск.

Значение летних полевых работ поднялось за последний учебный год, нося более обязательный характер, в виду спада боевой страды.

IV. Распределение учебного времени.

Продолжительность обучения на ускоренных курсах (основном и параллельном) была шесть-семь месяцев.

По учебному плану, считая в неделе 6 учебных дней, а рабочий день в 6 часов (в субботу — 4 часа), получим в нормальную неделю 34 учебных часа.

Это время распределялось следующим образом: на теорию (лекции)—4 часа каждый день, а в неделю—24 часа, и на практическ. занятия — 2 часа в день (кроме субботы) — 10 часов в неделю.

Рассматривая это распределение времени, нельзя в нем усмотреть перегрузки слушателей классными занятиями. Можно не соглашаться с отводом большого числа часов на лекции, но на этом мы уже останавливались (принятая в Академии лекционная система, недостаток печатных пособий и т. д.).

Однако, на самом деле, в процессе работы классное время занятий пришлось сильно увеличить. С января вводится в росписание 1 час занятий по иностранным языкам. Затем, на вечерние (послеобеденные) часы начинают назначаться лекции по обзору боевых действий на фронтах, занятия по общеобразовательным предметам для лиц, не обладающих необходимой подготовкой и др.

Для слушателей, которые не проходили военной службы назначаются дополнительные занятия по обучению военному, строю.

В общем, учебное расписание, имевшее в начале довольно скромный, гладко причесанный вид, начинает взъерошиваться, пухнуть и принимать угрожающие размеры. В феврале месяце учебный день, начинаясь в 9—10 ч. утра, заканчивается в 20—22 часа.

Если принять во внимание, что большая часть времени была занята лекциями, то несомненно перегрузка классными занятиями была весьма значительна.

В 1919—1920 учебном году было намечено следующее распределение времени года:

а) с 15 октября по 15 мая—лекции и практические занятия в классе;

б) с 15 мая по 15 августа—практические занятия в поле;

в) с 15 августа по 1 октября—зачеты.

Фактически, занятия зимнего периода начались на младшем курсе с 15—20 октября, а на старшем—с 10 ноября.

В связи с этим, а также некоторой невязкой в чтении курсов, как указывалось выше, пришлось занятия зимнего периода удлинить на один месяц. Зачеты по большей части предметов производились в июне.

Распланировка времени учебной недели была намечена следующим образом: в день 7 часов занятий (в субботу 4 часа); в неделю—39 учебных часов.

Из них — лекций — 20 — 24 часа; практич. занят. — 16 — 19 часов.

На самом деле занятия производились по 8—9 часов в день (4—5 лекций, 3—4 часа практических занятий, 1 час иностран. яз.). Начинались они в 9 ч. 15 м. (потом в 10 часов), а оканчивались в 17—18 часов.

3-й учебный год (1920—21) по курсам распределялся так:

Курсы:	ВИДЫ ЗАНЯТИЙ.	Зимний период.	Летний период.	Каникул. период.
Первый	Лекции и практ. занят.	15/X—15/V	—	1/IX—15/X
	Военная игра . .	15/V—1/VI	—	
	Годовые зачеты.	1/VI—30/VI	—	
	Полевые работы	—	1/VII—30/8	
Второй	Лекции и практ. занят.	6/X—6/IV	—	1/IX—15/X
	Военная игра . .	6/IV—20/IV	—	
	Годовые зачеты.	20/IV—20/VI	—	
	Полевые работы	—	20/VI—30/8	

На третьем курсе: а) период лекций и годовых зачетов б) параллельно с этим—самостоятельная разработка тем, причем, 1 и 2 темы выполнялись в 2 очереди, а третья сразу всем курсом.

В общем приходилось в году—7 месяцев или 28 учебных недель (168 дней).

Академическ. час — 40 мин. В день было занятий: на 1 и 2 курсах: 6—7 уч. час., считая 3—4 часа лекций и 3 часа практических занятий.

На 3-м курсе—по 3 часа лекций в день (до 10/XII), остальное время—на темы.

Учебная неделя состояла из 6 учеб. дней.

В течение дня занятия велись с 10 до 16 часов.

Таким образом, за весь период нельзя не отметить значительной нагрузки слушателей, а часто—прямо перегрузки их классными занятиями. Для самостоятельной работы времени оставалось мало, особенно принимая во внимание, что помимо чисто учебной работы слушатели несли различные партийные и др. обязанности.

Из особенностей внутренней жизни Академии за это трехлетье являются наиболее интересными:

1. Переконструирование административного аппарата в декабре 1921 г. в сторону отделения учебно-научных функций от управления делами с передачей их вновь установленному п-ку н-ка Академии по учебно-научной части.

2. Образование учебного отдела, вместо учебной части, с более расширенным штатом.

Хотя указанные мероприятия и не были оформлены приказом РВСР, но по ним все же Академия существовала в течение целого года.

Проекты нового штата и положения об Академии были рассмотрены на конференции еще 11/XII—20 г. и направлены на утверждение, но до осени 1921 года этот вопрос оставался нерешенным окончательно.

Из других особенностей нельзя не отметить:

1. Тяжелое материальное положение всех слушателей, преподавателей и сотрудников.

2. Мизерность оплаты преподавательского труда, вынуждающая профессуру к халтуре.

3. Неопределенность взаимоотношений слушателей с преподавателями.

Общее заключение о 1-м учебном периоде (1918—1921 уч. г.г.).

Как общее заключение о рассмотренном учебном периоде,—приходится сказать:

За 3 года Академия, созданная буквально из ничего, постепенно растет и развивается. Ее рост не заглушили ни потрясе-

ния фронта, ни внутренняя разруха. Наоборот, Академия Генштаба явила к жизни 3 курса своих питомцев, развернувшись полностью в своей организационной форме. Результатом 3-х лет был 1-й выпуск Красных Генштабистов. На очереди—новые выпускные волны, которые мощным потоком вольются в Красную Армию. Это доказывает, что Академия живет.

В этом процессе роста наиболее ярко бросается в глаза:

1. Значительный шаг вперед в отношении налаживания и урегулирования всей академической работы вообще.

2. Наличие возможности приступить к нормальному ходу занятий без резких перерывов, с бо́льшим отвесом систематичности обучения.

Артиллерийский кабинет Военной Академии.

3. Темп академической жизни был все тот же безостановочно-нервный.

4. В отношении академической системы некоторый сдвиг всего преподавания в сторону теоретичности и кабинетной разработки.

5. В общем, приняв структуру старой академии, Академия Генер. Штаба РККА.—заимствовала в большой мере ее старую систему преподавания, существовавшую примерно в 1905—06 г.г. В этом отношении те нововведения, кои предусматривались еще в самом начале ее формирования в 1918—19 г.г.—были постепенно видоизменяемы в сторону времен 1905—06 г.г.

Это же влекло за собою

1. Безыдейность Академии в целом, несмотря на наличие отдельных талантливых профессоров.

2. Отсутствие единства системы и методов преподавания.

3. Отсталость и оторванность от жизни армии. Уклон в сторону академической теоретичности и пассивных приемов обучения; недоверие к живой творческой самостоятельности и активности в работе.

4. Слабость научного, учебного и административного управления Академией; непротивленчество и некоторая апатичность в работе.

С течением времени этот отрыв все более углублялся, а с переходом армии к систематической работе по реорганизации и обучению стал невыносим, послужив основной причиной переконструирования Академии в духе современности.

Б. 1921—23 учебные годы.

Краткая памятка о 1921—22 уч. годе.

На протяжении 4-го учебного года произошли не только значительные изменения в структуре самого академического аппарата, но и коренная реорганизация всего учебного плана.

Это обуславливалось прежде всего общей потребностью армии и началом перехода ее к планомерной систематической учебе.

Сильный клубок связей состава Академии с Красной армией заставил перестроить научно-учебную жизнь в соответствии с тенденциями, переживаемыми РККА. Если в первые годы главнейший интерес и энергия всецело поглощались гражданской войной, то в этом году, с ликвидацией фронтов, внимание перенеслось на упорядочение внутренней жизни и работы армии, а следовательно и Академии. В последней пришлось столкнуться лицом к лицу с серыми буднями академического существования. Война оторвала активные силы на фронт. В Академии не хватало смелой руки, творческого полета мысли и даже твердости для проведения давно уже назревших мероприятий. Не было также прочного ядра современных научных сил, кои бы направляли мысль по новым путям.

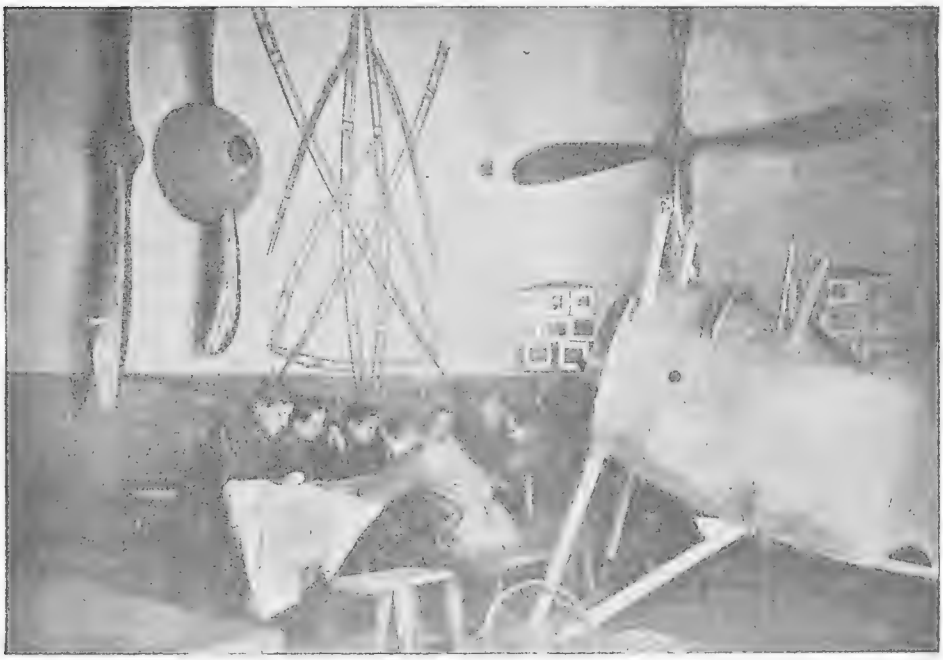
Значительная часть преподавательского состава, не будучи на фронтах гражданской войны, оторвалась от жизни. Ход событий и материальная нужда выбили их из колеи, сведя на степень простых поденных ремесленников.

Между тем, молодые силы волновались.

Они требовали сдвига в преподавании, искали новых путей, тем более, что старые, существовавшие в Академии, вели в далекую неприглядную пору.

Только новые силы, мощные, энергичные и смелые могли встряхнуть ее, рассеять академические сумерки, раз на всегда порвать с устаревшими традициями.

Нужно было новое активное, административно-научное руководство Академией, так как существующее академическое управление, опиравшееся на авторитет конференции, оказалось не-



Кабинет воздухфлота Военной Академии.

состоятельным, робким, бессильным к твердому и быстрому решению.

Все это привело в конце концов к коренной ломке Академии в целом и последовавшему затем длительному бродильному процессу, закончившемуся переходом к современному состоянию.

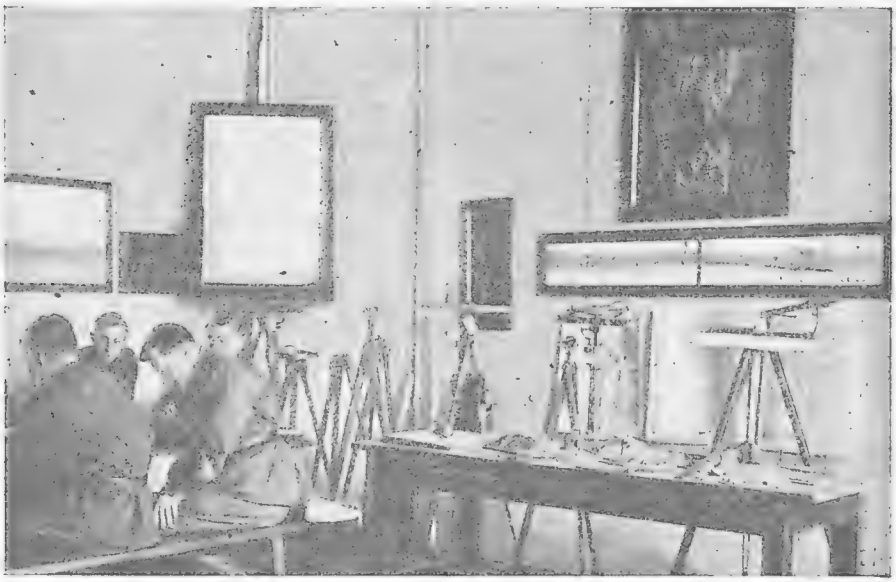
Таким образом, 1921—22 уч. год является поворотным пунктом в истории развития нашей Академии.

Минувший 1920—21 уч. год закончился под знаком большой неудовлетворенности всего состава. Как всегда, сюда вплелись и вопросы общего тяжелого материального положения, кои были

лишь видимым отражением народившихся внутренних нестроений академической научной жизни.

Нормальный ход работы был нарушен. Занятия проходили механически, без какого-либо под'ема. Все знали или чувствовали, что это положение должно как-то разрешиться. Нужен был лишь предлог. Таковой вскоре нашелся.

Еще весною 1921 года, между комиссаром Академии и конференцией происходили некоторые трения на чисто материальной почве. А на заседании 14/V—21 г. это вылилось уже в большое недоразумение с оповещением о сем Главнокомандования.



Топографический кабинет Военной Академии.

Изложенное лишь ускорило события, тем более, что наступило время подготовки к новому учебному году.

Намечалось несколько путей.

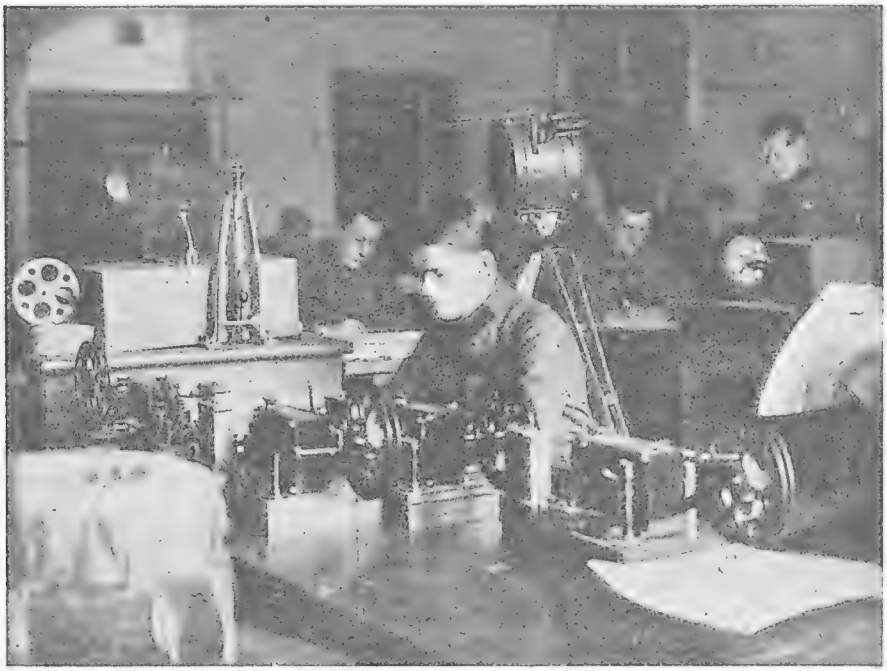
В половине июня 21 года комиссаром Академии т. Виленским, совместно с некоторыми из слушателей, были разработаны соображения об организационно-учебном плане Академии Ген. штаба на 1921—22 уч. год.

Аналогичные доклады поступили и в Мас, где на ряде заседаний был выработан свой проект построения учебного плана.

В общем, в указанных проектах проводились как решения некоторых вопросов академической жизни, так и основные идеи прикладной системы, столь полно обрисованные в книгах проф.

старой академии Головина „Французская высшая военная школа“ изд. 1910 года и „Высшая военная школа изд. 1911 г.“.

Таким образом, в этих проектах главенствовали вновь те положения системы обучения, которые уже имели конкретное проявление дважды в старой академии (в 1910—1912 г.г. и отчасти 1916—1918 г.г.). На них же начала базироваться в самом начале своего формирования в 1918 г. Академия РККА, однако была сбита фактически на старые методы в течение 1-го же своего учебного года.



Кабинет связи Военной Академии.

Представление в РВСР указанных соображений, а равно прочих документов,—вызвали заседание РВСР совместно с членами Мас'а и Вас'а при участии других военных работников (протокол РВСР № 14 от 10/VII—21 г.).

Результатом этих совещаний было установление новых оснований в академической конструкции, начавших новую эру во всей работе Академии (протокол РВСР от 10/VII—21 г. № 14 и приказ РВСР от 15/VIII—1921 г. № 1675).

Суть этих мероприятий сводится к следующему:

1. Все военные Академии (в том числе и Академия Генштаба) переданы в непосредственное подчинение Главнокомандующего.

2. Общее руководство учебно-ученой деятельностью Академии возложено на ВАВПС.

3. Академия Генштаба переименовывается в „Военную Академию Р.-К. К. А.“.

4. ВАВПС поручено в кратчайший срок разработать положение об Академии и представить его на утверждение РВСР.

5. Начальником Академии назначен Командзап т. Тухачевский.

6. В распоряжение Н-ка Военной Академии в качестве преподавательского состава назначен ряд работников с фронтов гражданской войны.

7. Взамен конференции, как орган совещательный — учрежден совет Академии, а равно предметные комиссии циклов.

Было установлено также образование при Академии подготовительного курса из школы штабной службы.

Горизонт очистился. Повеяло воздухом фронта. Указан путь. В Академию брошены новые силы из РККА.

Все ждали прибытия тов. Тухачевского, а пока продолжали вести работу на стыке двух смежных учебных годов—1920—21 и 1921—22.

27 августа прибыл тов. Тухачевский.

В период с 10/IX по 31/IX произведены приемные испытания на младший и подготовительный курсы Академии.

Всего было принято: на подготов. курс—115 ч. и на младш.—161 чел. Переведено на ст. курс—199 чел. и на доп.—200 чел. Общая численность слушателей была—675 человек. Таким образом, 4-й год принес и 4-й курс (подготовительный), а общую численность слушателей увеличил с 553 прошлого года до 675 чел., не считая Восточного отдела Академии (80 ч.).

Был выработан проект нового учебного плана, основные черты которого были созданы самим молодым начальником Академии.

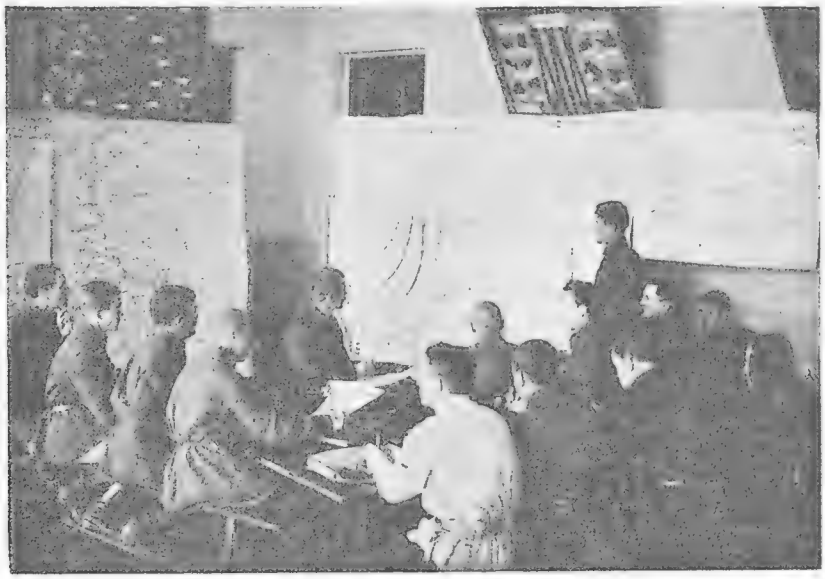
Перед началом и параллельно с ходом занятий был проведен ряд совещаний и подготовительных работ по выработке методов, программ, наставлений; сделано новое распределение преподавательских сил, даны им указания по ведению занятий, составлению конспектов и курсов.

11 сентября утверждено новое положение о Военной Академии РККА (приказ РВСР от 11/IX—21 г. № 1968).

Несмотря на то, что еще с лета начались реорганизационные работы в Академии, они, как видно, лишь к самому началу учебного года вылились в конкретные формы. Конструирование же учебного плана началось с прибытием т. Тухачевского.

При этом сложность работы, краткость времени, остававшаяся до конца года, а равно сцепление разнородных причин не давали возможности вполне ясно и определенно изложить все положения учебного плана на бумаге. Приходилось работать срочно, на ходу, не всегда систематично.

В силу этого академическая жизнь регламентировалась непосредственными указаниями т. Тухачевского, работавшего или самостоятельно, или при содействии совещаний из руководителей и лекторов заинтересованных кафедр.



Семинарий по мировой войне.

Цели и задачи Академии в 1921—22 уч. году.

Согласно приказа РВСР от 21 г. № 1968 на Военную Академию возлагалась задача подготовки для Красной армии вполне квалифицированных работников ген. штаба, способных: руководить красными войсками на войне и подготовкой их в мирное время; сплотить армию единством взглядов и политических убеждений; ускорить проведение в РККА единоначалия.

Военная Академия, как военно-научный центр РККА должна была внимательно следить за современными событиями, изучать опыт гражданской и империалистической войн, перерабатывать его для использования Красной армией в условиях предстоящих ей войн.

Точных формулировок частных задач каждому из курсов не ставилось; судя по общему ходу работ, таковые задачи сохранялись прежними, но с главным ударом на жизненность обучения и умение применять знания на практике.

3. Система и методы преподавания в 1921—22 уч. году.

В основу академической системы ставилась необходимость согласования преподавания Академии с современными условиями существования и борьбы Красной армии; учета всего опыта 3-хлетней гражданской войны и построения анализа социальных и экономических условий для целей войны РККА на основах исторического материализма.

Все преподавание должно быть по духу приказа РВСР № 1968 пропитано основными стратегическими и тактическими началами, принятыми в Красной армии, проводимыми в Академии через ее начальника, при содействии главруков и остального учебного состава.

Весь комплекс знаний впервые приводится в определенную систему и классифицируется на научных основаниях.

Как и в РККА, в академическую работу введено требование практического показа, жизненной специализации и разделения труда, а также развития творческой самостоятельности в работе слушателя.

Проводится тесная связь преподавания всех предметов между собою, а равно всех видов обучения.

4. Перечень предметов. Распределение их по курсам. Количество часов за 1921—22 уч. год.

Преподаваемые в Академии науки были подразделены на ряд родственных между собою циклов. Вот они: 1) стратегия; 2) тактика; 3) воен. история; 4) воен. организация; 5) воен. география и статистика; 6) служба ген. штаба; 7) социально-экономические науки; 8) военное языкознание.

В установленной классификации наук были добавлены многие предметы, получившие широкое развитие в современной обстановке; другие были значительно расширены в своем об'еме. В силу этого была произведена более точная расценка каждого цикла с отводом соответствующего числа часов на его изучение.

Самое распределение циклов и предметов по курсам с указанием отведенного времени для них устанавливалось в таком виде:

Обучение верховой езде.

Название циклов и дисциплин.	Число часов.							
	Младш. к.		Старш. к.		Дополн. к.		Всего.	
	По плану.	Фактич отведено.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.
1. Лекции.								
I. Стратегия:								
Стратегия	25	—	40	39	—	—	65	39
Стратег. деят. конницы.	—	—	10	10	—	—	10	10
Стратег. подг. связи .	—	—	—	—	—	—	—	—
Подгот. госуд. в инж. отношении	—	—	—	—	—	—	—	—
Питание действ. армии.	10	10	98	94	—	—	108	104
Воен. Морское дело . .	—	—	20	19	—	—	20	19
Всего по стратегии .	35	10	168	162	—	—	203	172
2. Тактика.								
Общая тактика	—	—	60	62	—	—	60	62
Тактика пехоты . .	30	13	—	—	—	—	30	13
„ к-цы	30	22	—	—	—	—	30	22
„ артилл. . . .	60	65	—	—	—	—	60	65
„ возд. флота .	38	38	—	—	—	—	38	38
„ инженерная .	43	41	—	—	—	—	43	41
Долговрем. фортифик.	—	—	15	4	—	—	15	4
Тактика связи	20	20	—	—	—	—	20	20
„ маскировки .	15	16	—	—	—	—	15	16
„ бронесил. . .	15	15	—	—	—	—	15	15
„ санитария . .	20	16	—	—	—	—	20	16
„ снабж. дивиз.	20	21	—	—	—	—	20	21
Военное снабжение . .	—	—	20	23	—	—	20	23

Название циклов и дисциплин.	ЧИСЛО ЧАСОВ.							
	Младш. к.		Старш. к.		Дополн. к.		Всего.	
	По плану.	Фактич. отведено	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.
Военн. методика . . .	—	—	—	—	25	22	25	22
„ топография . .	20	25	—	—	—	—	20	25
Проекц. черчение . . .	5	7	—	—	—	—	5	7
Военн. психология . .	—	—	—	—	20	20	20	20
Всего по тактике .	316	297	95	86	45	42	456	430
3. История Военного искусства.								
Ист. военн. искусства общая.	54	54	—	—	—	—	54	54
Новейшая история . .	20	20	—	—	—	—	20	20
Ист. воен. иск. в России	16	16	—	18	—	—	16	34
Ист. войны 1870—71 г.г.	—	—	6	6	—	—	6	6
„ „ 1904—05 г.г.	—	—	14	19	—	—	14	19
„ „ 1914—18 г.г.:								
а) на франц. фронте. .	—	—	30	28	—	—	30	28
б) на русск. фр. . . .	—	—	20	26	—	—	20	26
Ист. гражд. войны . .	—	—	40	14	—	—	40	14
Всего по ист. воен. искусства	90	90	110	111	—	—	200	201
4. Военн. организация.								
Воен. организ. РСФСР.	20	20	—	—	—	—	20	20
Воен. организ. иностр. государств	—	—	25	5	—	—	25	5
Всего по военной организации . .	20	20	25	5	—	—	45	25

Название циклов и дисциплин.	Число часов.							
	Младш. к.		Старш. к.		Дополн. к.		Всего.	
	По плану.	Фактич. отведено.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.
5. Военная география и статистика.								
Воен. географ. и стат. РСФСР	20	24	—	—	—	—	20	24
Эконом. география . .	15	15	—	—	—	—	15	15
Воен. географ. и стат. иностр. государств .	—	—	40	38	—	—	40	38
Всего по воен. геогр. и статистики . .	35	39	40	38	—	—	75	77
6. Служба ген. штаба.								
Служба ген. штаба . .	—	—	31	26	—	—	31	26
7. Социально-эконом. науки.								
Полит. экономия . . .	40	29	40	29	—	—	80	58
Истор. материализм . .	25	24	12	23	—	—	37	47
Ист. раб. движ. XIX и XX в.	30	14	20	—	—	—	50	14
Госуд. строй РСФСР .	—	—	25	33	—	—	25	33
История социализма .	—	—	—	—	25	8	25	8
Электрификация . . .	—	—	—	—	30	26	30	26
Организац. производ. и распр.	—	—	—	—	30	—	30	—
Международн. полож. РСФСР	—	—	—	—	—	—	—	—
Биология	20	29	—	—	—	—	20	29
Всего по соц. экон. наукам	115	96	97	85	85	34	297	215

Название циклов и дисциплин.	ЧИСЛО ЧАСОВ.							
	Младш. к.		Старш. к.		Дополн. к.		Всего.	
	По плану.	Фактич. отведено.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.
8. Военное языкознание.								
Английский язык . . .								
Французский „ . .								
Немецкий „ . .	50	50	60	60	24	24	134	134
Польский „ . .								
Румынский „ . .								
Всего по военному языкознанию. .	50	50	60	60	24	24	134	134
Итого.	560	604	523	516	194	100	1.441	1.280
Всего на лекции (без ин. языков).	510	554	463	456	170	76	1.417	1.256
II. Практич. занятия.								
Тактика род. войск.								
„ пехоты . . .	—	—	—	—	—	—	—	—
„ артиллер. . .	—	—	—	—	—	—	—	—
„ воздухфлота.	—	—	—	—	—	—	—	—
„ техновойск .	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	—	—	—	—	—	—	—	—

Название циклов и дисциплин.	Число часов.							
	Младш. к.		Старш. к.		Дополн. к.		Всего.	
	По плану.	Фактич. отведено.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.	По плану.	Фактически.
Общая тактика	270	299	270	270	—	—	540	569
Администрация	100	100	100	100	—	—	200	200
Топография	80	64	—	—	—	—	80	64
Статистика и геогр. .	—	—	100	100	—	—	100	100
Историч. материализм. Политическ. экономия. История раб. движения.	прохо	дились	в часы,	отведе	ные	соц.-	экон.	циклу.
Итого практ. зан. .	450	463	470	470	—	—	920	933

5. Распределение уч. времени года, недели и дня в 1921—22 уч. году.

Курсы.	Виды занятий.	Зимний период.	Летний период.	Каникулы.
Младший курс.	Лекции и пр. занятия	1/X—20/V (30 нед.).		Зимн. каник. 1/I—15/I.
	Военная игра	17/VI—31/VI (2 нед.).		
	Годовые зачеты . . .	20/V—17/VI (4 нед.).		Весен. каник. 10/IV—25/IV.
	Полевые работы . . .		1/VII—15/VIII.	Летн. каник. 15/VIII—30/IX.
	Общий итог	1/X—31/VI.		

Курсы.	Виды занятий.	Зимний период.	Летний период.	Каникулы.
Старший курс.	Лекции и пр. занятия	1/X—20/V (30 нед.).		Т о ж е.
	Военная игра	17/VI—31/VI (2 нед.).		
	Годовые зачеты . . .	20/V—17/VI (4 нед.).		
	Полевые работы . . .		1/VII—15/VIII.	
	Общий итог	1/X—31/VI.		

На дополн. курсе (3/X—1/VIII)—период лекций с 1/X по 1/I; годовых зачетов не предположено.

Помимо лекций, на дополн. курсе намечалась разработка 4-х тем: 1) военно-исторической, 2) по военному искусству, 3) стратегической и 4) политической.

В общем, в учебн. году приходилось на зимний период — 170 учебных дней или 30 учебных недель — 1020 уч. часов.

Академический час — 40 минут. Учебный день—6 час. занятий на младш. и старш. курсах и по 2—4 часа — на дополн. (до 1/I); остальное время дополн. курса—на разработку тем.

Занятия велись с 10 до 15 час., причем на младш. курсе в 1-ую голову — 3 лекции, а после них — практ. занятия; на старшем курсе—наоборот.

6. Как протекал 1921—22 уч. год.

Как и в прошлые годы, время с 20 авг. по 1 октября ушло на приемные испытания. Требования на них были уже значительно выше минувших лет. Особенностью был еще и подготовительный курс (113 ч.), призванный к жизни исключительностью обстановки.

С 3 октября на всех курсах начались регулярные учебные занятия. Слушатели, за редким исключением, были в сборе.

Первая неделя прошла в лекциях и изучении иностран. языков, а со 2-й — начались и практические занятия. Параллельно с ними велись и учебные совещания руководителей, обычно под председательством т. Тухачевского.

Занятия проходили ускоренным, быстрым темпом. Масштаб их значительно расширился. Появились новые лица, работники фронта. Жизнь встряхнула, заставила глубже и серьезнее отнестись к занятиям, тем более, что и материальная сторона академической жизни стала значительно лучше.

Еще с середины сентября вместо прежней конференции начал функционировать президиум Совета Академии, но обычно учебная жизнь нормировалась указаниями самого н-ка Академии. Этому способствовали как система работы последнего, так и то обстоятельство, что учебный год не имел своей нормальной подготовительной стадии. Приходилось новые порядки вводить

Перед зачетом по военной географии.

в течение самой работы. Естественно, что в процессе занятий было много споров, недомолвок, встречных течений, было и молчаливое недовольство.

В новом уклоне академической работы ставились пока основные вехи. На отшлифовку и чеканку не было времени, да к тому же нельзя было сразу без срыва повернуть в сторону новых идей всю сложную академическую машину.

Несмотря на это, — занятия шли своим чередом.

Громадный контингент слушателей, естественно не мог поместиться в неприспособленном здании на Воздвиженке, 6.

В результате настойчивых ходатайств и решительных мероприятий т. Тухачевского, — Академия получила здание на ул.

Крапоткина, 19. Новое здание было в самом плачевном состоянии, но под энергичным руководством молодого начальника закипела работа, и в январе 1922 года занятия были перенесены в новые аудитории.

Сквозь тысячи сомнений и всяких затруднений, через пересуды и толки окружающих, учебная жизнь, лишь временно замедлив свой ход, уже в феврале снова закипела. Мало-по-малу исчез и холод в помещениях и неприглядность обстановки. Вместе с учебой шел срочный ремонт здания.

К 3 декабря, по прошествии 9 уч. недель (около 1/3 зимнего периода) выясняется в общем нормальное прохождение учебного года.

т. Тухачевский.
бывш. начальник Военной Академии.

т. Геккер,
бывш. начальник Военной Академии.

К началу января 1922 г. закончились лекции дополнительного курса; он перешел на разработку тем.

К этому периоду относится награждение Академии орденом Красного Знамени за работу ее питомцев на боевых фронтах во время гражданской войны.

В течение же зимы и весны шли работы по созданию Е. В. А. [1]), составной частью которой и должна была войти Военная Академия. Проект конституции и структуры последней вместе с учебным планом был направлен в управление ЕВА.

---

[1]) Е. В. А. то-есть Единая Военная Академия, которая должна была об'единить все военные академии.

Однако, работы эти были прерваны от'ездом т. Тухачевского обратно в Смоленск. В начальствование Военной Академией вступает т. Геккер.

К 10 апреля 3/4 занятий пройдено. Остается 96 час. лекций на младш. курсе и 109 — на старш. курсе. С окончанием к 1 мая практических занятий и увеличением с этого времени на 2 часа лекций удается к 10 мая закончить полностью курсы и приступить к зачетам.

На проведение последних отведено время с 10 мая по 15 июня.

Однако, отсутствие пособий по некоторым предметам заставляет все зачеты разделить на 2 очереди, из коих первую очередь сдать к 1 июля, а 2-ю — перенести на осень, в виду совершенной невозможности ранее этого срока издать учебные пособия.

Параллельно с зачетами, с 15 по 30 июня на младш. и старшем курсе была проведена общая военная игра, а с 1 июля — полевые работы в районе Ходынского лагеря.

Особенностью летних работ была планомерность их выполнения, а равно твердый порядок и дисциплина. Часть тактических занятий на младш. и старш. курсах удалось провести верхом с помощью академического эскадрона и кав. дивизиона, прикомандированного к Академии на летние тактические занятия.

В начале августа были проведены ближние экскурсии, а 15 августа младш. и старш. курсы были уволены на летние каникулы.

К середине сентября были сданы и все 4 темы дополнительным курсом. 20/IX состоялся второй выпуск красных генштабистов. Этим окончился учебный год.

К этому периоду относится и т. н. „чистка Академии", вызванная тем, что пестрый состав слушательской массы парализовал целесообразные учебно-административные мероприятия.

„Чистка" длилась почти месяц. Результатами ее было отчисление от Академии около половины слушателей на всех курсах по мотивам учебного характера, отсутствия необходимого стажа и др.

27 июля этого же года ушел из Академии и тов. Геккер, получив новое назначение. До 10 августа обязанности н-ка Академии исполнял помощник его по политчасти тов. Печерский, после чего во главе Академии становится П. П. Лебедев с сохранением за собою и должности н-ка Штаба Р. К. К. А. Комиссаром Академии назначается член Р. В. С. Западного фронта Р. А. Муклевич.

Итак—закончен бурный 1921—22 учебный год.

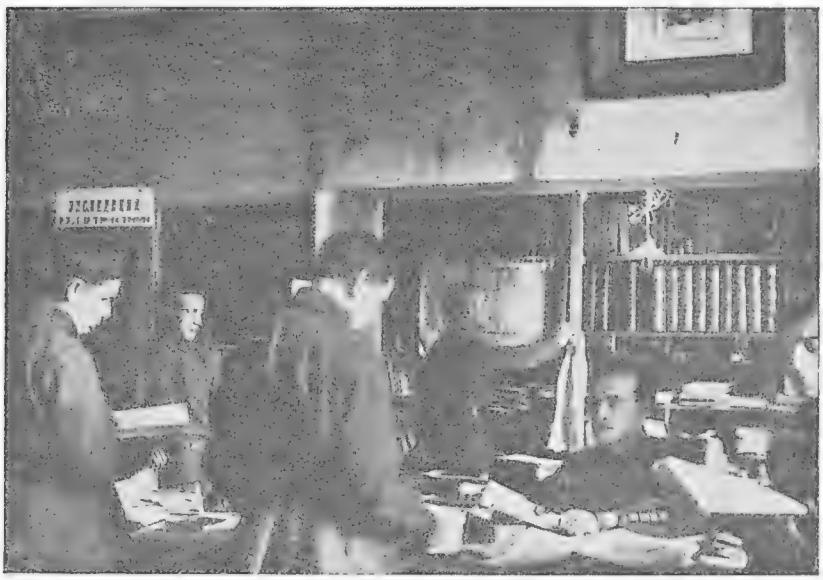
История его насыщена самыми разнородными переживаниями.

Какие же выводы научно-учебного характера дает он?

Обращаясь к оценке его нельзя не отметить следующих черт:

1. Это был год радикального перелома всей военно-академической системы. От сдвига ее в историческую кабинетность и замкнутую индиферентность, — академическая кафедра решительно бросается в водоворот всего бытия и сущности РККА. По гребням окрыленной военной мысли проходит она в урагане творческого труда в течение этого учебного года и с жестокими потерями выходит на новый путь.

Еще далеко не все волны очистительного шквала остались у нее позади, но девятый вал она миновала.



Библиотека Военной Академии.

2. Это был год идейной борьбы за пути, по которым должна итти Академия. Темп академической жизни не позволил кристаллизовать ее учебно-научной системы и точно формулировать ее основные педагогические методы.

Но все же определилось твердо—а) тесная спайка Академии с Р. К. К. А.; б) оформление идеи и целей Академии, ее существа и структуры в направлении к коренным достижениям Советской власти и боевому опыту Красной армии.

3. Этот год был также годом твердого установления основ нового учебного плана как в идейном, так и техническом отношениях. Несмотря на отсутствие чеканности работы и ее спе-

цовской наружной чистоты, — проведена конкретно коренная реорганизация учебного плана. Введены новые кафедры, другие расширены, но все они приведены в определенную систему с надлежащей расценкой всех ее частей в отношении частных целей, построения и об'ема программ, регулировки учебными часами и пр.

Вот почему, при почти прежней длине учебного года изменен характер аудиториальных лекций и групповых занятий; взят отвес на последние, что отразилось прежде всего на общем направлении занятий.

Краткая памятка о 1922—1923 учебном годе.

Пятый учебный год начался и протекал уже в более спокойной обстановке для учебы.

Близость его к нам (он закончился всего три месяца назад) затрудняет правильное его освещение в исторической перспективе. Кроме того, фактическая сторона у всех еще в памяти, и нет надобности излагать ее подробно. Поэтому будем кратки, стремясь захватить лишь самое существенное.

Болезненный процесс только что пережитой „чистки" способствовал установлению твердого внутреннего порядка и дисциплины. Был произведен также пересмотр и сокращение преподавательского и административного персонала. Академия уменьшилась почти вдвое, сохранив свою организационную структуру.

Учебная жизнь проходила под знаком напряженной работы всех курсов. Установление твердого режима и обращение серьезного внимания на основательность прохождения академической программы повели к значительной нагрузке слушателей. Эта нагрузка увеличилась по сравнению с предшествовавшим годом еще потому, что пришлось в течение настоящего учебного года не только пройти нормальные академические курсы, но и ликвидировать долги прошлого в виде имевшихся несданными зачетов. На сдачу этих зачетов было выделено два-три месяца. В связи с этим явилось также перенесение центра тяжести самостоятельных работ слушателей — тем — за стены Академии по окончании последней. На дополнительном курсе оставлялась, главным образом, методологическая часть этих тем в виде ряда классных и домашних занятий; большая же часть учебного года этого курса обращалась на лекции и практические занятия.

Введение свободных 1—2 дней в неделю во второй половине года для самостоятельных работ слушателей позволило умень-

шить учебную нагрузку, почему и занятия закончились планомерно, серьезно, вдумчиво, точно укладываясь в намеченные учебным планом сроки.

Классификация преподаваемых дисциплин была сохранена прежняя с более тщательным подразделением кафедр между циклами. Последних было 7. Цикл истории военного искусства разделен на два цикла: история последних войн и история военного искусства. Имелось три отдельных кафедры: артиллерия (техника), военно-инженерное дело и военное языкознание.

Большое фойэ Военной Академии.

Во главе цикла—главрук, об'единяющий научно-учебную работу своего цикла во всех военных академиях С. С. С. Р. Кафедрами ведали старруки. Цикл социально-экономических наук впитал в себя соответствующие смежные с ним предметы.

Что касается групповых занятий, то таковые получили в этом году значительное развитие. Так, на младшем курсе впервые были введены практические занятия по родам войск, проведен ряд семинариев по социально-экономическим наукам и др. Самые групповые занятия было намечено производить по отделениям, с кругооборотом их в течение недели, а руководство каждым видом занятий было специализировано. Это углубляло изучение, поднимало авторитет руководителей и повышало знания слушателей.

Число часов на аудиторпальные лекции было сокращено, но не в полной мере за недостатком современных учебных руководств, наличие коих только и могло сильно сократить лекции, а всем вообще занятиям придать характер самостоятельного изучения с лабораторной обработкой. Направление, характер и значение лекций было строго определено.

Характер учебных занятий на всех курсах намечался в общем следующий: вместе с кратким чтением теории с кафедры попутно развивать и изучать предмет прикладным групповым порядком.

Лекция проф. М. Павловича на дополнительном курсе.

Учебный год состоял: а) из 177 учебных дней зимнего периода (с 2 октября по 30 мая) или 30 учебных недель, что составляло 1302 учебных часа; б) из 52 учебных дней летнего периода (с 1 июня по 11 августа) или 10 учебных недель; в) из периода и летних каникул в 42 дня (с 12 августа по 30 сентября).

Учебная неделя—6 дней; день — 8 учебных часов по 40 минут каждый.

Выполнение учебного плана 1922—23 учебного года.

Согласно плана,—к 20 августа начали прибывать поступающие на младший курс. После прохождения мандатной комиссии и приемных испытаний, которые протекали в чисто деловой обстановке, было принято на младший курс — 130 человек и на подготовительный—60 человек.

Учебные занятия на старшем и дополнительном курсах начались со 2 октября сдачей годовых зачетов за минувший учебный год, а на младшем курсе с 9 октября—лекциями и практическими занятиями.

С этого же числа начались занятия и на подготовительном курсе, переименованном в подготовительную группу.

С 13/XI — старший курс, а с 27/XI и дополнительный перешли на регулярные занятия, ликвидировав все свои учебные недоимки за прошлый год.

Занятия ежедневно велись: 4 уч. часа лекции по разным предметам (в том числе 4 раза в неделю по 1 часу по иностранным язы-

Клуб Военной Академии.

кам) и 4 часа—групповые практические занятия из расчета—3 дня в неделю по тактике и 3 дня по остальным предметам. Занятия происходили более систематично чем предшествующий год с заблаговременной подготовкой их на собраниях руководителей, а равно регулировкой всех возникающих вопросов общего характера в президиуме Совета Академии, собиравшемся в виде организационных совещаний под председательством н-ка Академии и комиссара.

К середине марта 1923 года большая часть курсов была уже прочитана. Был открыт зачетный период на всех курсах.

Окончание регулярных занятий на курсах (лекций, практических занятий), намеченное на младшем курсе к 31 мая, на старшем курсе—к 19 мая и на дополнительном курсе—к 9 мая, а всех зачетов—к 31 мая—было произведено точно в указанный срок.

С 14 по 22/v провел военную игру дополнительный курс, а после него с 22/v по 31/v—старший.

В общем, к концу мая все назначенные занятия были проведены с большим напряжением сил переменного и постоянного состава Академии, вполне планомерно. Громадная зимняя работа осталась за спиною.

С 1 июня все курсы перешли к летним работам: младший и старший—в районе исторической Ходынки, а дополнительный провел корпусную полевую поездку под ст. Кусково, после чего перешел там же на практическое ознакомление с огневой ротой. 2-я половина июля пошла на интересную, впервые выполненную экскурсию дополнительного курса в Балтфлот, Кронштадт, Петроградский укрепрайон и на военные заводы Красного Питера. 1 августа Военная Академия с особой торжественностью отметила 3-й выпуск: „59“.

Полевые занятия двух других курсов в этом году были проведены также совершенно в иных, по сравнению с прошлыми годами, условиях.

Заблаговременно организованные и подготовленные; обеспеченные конским составом и грузовиками, учебными пособиями и пр. средствами они были выполнены с большой пользой для дела. Младший курс провел полуинструментальную, глазомерную, перспективную с'емки, маршрут и рекогносцировки, а с 29/vi по 15/viii—выполнил полевые работы по тактике родов войск (пехота, артиллерия и конница), которые впервые осуществлялись в Академии со времени ее существования.

Старший курс после коротких топографических полевых работ (глазомерн. с'емка, маршрут, перспектива и разведки) перешел на занятия по общей тактике, каковые закончил к 10 августа.

В течение всего летнего периода велись регулярные занятия по иностранным языкам.

Словом, к середине августа закончился 5-й год академической учебы. Но этим не прекратилась военно-учебная работа личного состава. Многие слушатели отправились в округа для ознакомления с войсками, другие участвовали на маневрах. Что касается профессуры, то она с начала лета вела напряженную работу по составлению современных академических руководств по всем кафедрам. Памятуя, что без хорошей книги нельзя поставить преподавание на новых началах, начальник Академии еще весною дал задание всем лекторам подготовить в течение лета и осени к началу будущего 1923—1924 года курсы по чи-

таемым им предметам, и вот эта работа теперь получает свое реальное осуществление. В настоящее время большая часть курсов уже готова и сдается в печать.

Только хорошая академическая книга даст возможность полного перехода на современную систему преподавания, разгрузив ее в значительной мере от длинной вереницы лекций, сократив общее число часов занятий в классе и заполнив учебное время практическими, семинарскими, лабораторными занятиями, работой в научных кабинетах, библиотеках, ВНО и другими видами самостоятельной работы.

Вместе с книгой, 1922—23 учебный год выдвинул на сцену целую систему научных кабинетов, достижения коих даст уже настоящий 1923—1924 год.

III. Заключение о 1922—23 учебном годе.

Чем же можно отметить только что пройденный академический годовой рубеж?

Начатый в душной обстановке „чистки", с тяжелыми путами целой серии несданных зачетов предшествовавшего года, — этот год является весьма характерным в следующих отношениях:

1) Он так же, как и предыдущий, не имел периода подготовки, а это основа успеха. Учебный план стал рождаться почти вместе с началом самого учебного года. Смена административного и научно-учебного академического управления произошла поздно.

Крепкий нажим в отрасли учебной повлек за собой при отсутствии ясно очерченного об'ема требований у преподавателей некоторую перегрузку слушателей.

В общем, следует отметить, что и этот год протекал в условиях, которые нельзя признать вполне нормальными.

2) Все же в течение его впервые устанавливается систематическая академическая работа. Осуществляются все шире и полнее современные методы преподавания. Соединяя требования научности с прикладным жизненным уклоном, Академия стремится перенести центр тяжести на активные приемы обучения.

Однако, в силу ряда причин это в значительной мере удается выполнить лишь в следующем году.

3) Постепенно вырабатываются высоко-квалифицированные профессора-руководители, специализировавшиеся каждый в определенной отрасли и об'единенные в соответствующие группы и секции. Устанавливается и проводится в жизнь пополнение

профессуры молодыми силами из числа окончивших Академию Р. К. К. А. и отбывших стаж в войсках.

В академическое преподавание вводятся здоровые организационные принципы как в отношении тесной связи циклов и предметов между собой, так всех видов и способов обучения.

4) Создаются современные учебные руководства, библиотеки, кабинеты и необходимая обстановка и средства для плодотворной работы слушателей и профессорского состава.

В общем, 1922—23 учебный год был годом урегулирования всей академической жизни, как со стороны научно-учебной, так и внутреннего воинского порядка. Академия постепенно становилась настоящим, правильно работающим, высшим военно-учебным заведением Р.-К. К. А.

Е. Шиловский и В. Оберюхтин.

Судьбы военной мысли.

I. Пройденная дорога.

Перед мировой войной, во всех странах Европы, протягивалась какая-то великая стена, разделявшая военное мышление от гражданского. Еще к началу XIX века относится замечание, что военные чинят свои перья шпагами. Нарождение в течение века военных академий отнюдь не способствовало сближению военной и гражданской мысли. Во всех академиях учили прежде всего мыслить по военному — нарождалась логика в мундире. Если штатскому человеку простительно пребывать в нерешительности, колебаться, взвешивать соображения за и против, требовать освещения вопроса и с другой стороны, то военный, прежде всего, должен был держаться возможно дальше от всякой диалектики. Сила постоянных армий заключается в том, что она не взвешивает своих симпатий и не меняет точек зрения; дисциплина сомкнутого строя стремилась охватить и военно-научную область. Односторонность взглядов являлась как бы основной добродетелью военного мышления. Критик не легко чувствовал себя в военных вопросах, так как нельзя критиковать заповедей, выгравированных на скрижалях завета; а военное мышление обзавелось целым ликом святых, непогрешимость авторитета коих оспаривать было нельзя; слова Фридриха, Суворова, Наполеона являлись заповедями, хранившимися в каждом лагере.

Гражданская мысль являлась врагом внутренним. Первые и самые горячие строки, которые написал Мольтке, возвратясь в 1871 г. с войны с Францией, были посвящены этому внутреннему фронту, и направлены против претензий Бисмарка на право участия в руководстве войной. Презрительная кличка „бир-стратегов", философов войны из пивной, должна была показать гражданским ученым на всю недопустимость подхода к исследованию военных вопросов. Ни один социал-демократический депутат, критиковавший в рейхстаге прусский милитаризм, не испортил большому прусскому генеральному штабу столько крови, как член правой в палате господ, наследник Трейтчке по редакции самого консервативного прусского журнала, профессор Берлинского университета Дельбрюк, начавший читать своим студентам курс истории военного искусства и вступивший в полемику по военно-историческим вопросам с генеральным штабом. Это был настоящий внутренний враг, против которого было пущено в ход оружие бойкота и клеветы. И каждый успех гражданского ученого в военных вопросах рассматривали, как поражение своих. Мы уже не говорим об отношении к Францу Хеннгу: этому талантливому историку приходилось защищать свое право на военно-историческую критику с оружием в руке.

Вождь французской военной мысли, генерал Леваль, отличавшийся особенно трезвым, позитивным умом, и сам необыкновенно образованный человек, приходил в неистовое состояние, когда встречал статью гражданского автора по военным вопросам. Ненависть против Гамбетты и его штаба—Фрейсинэ, Серидe-Ривьера,—обида за генерала Орель-де-Паладина, неповинно пострадавшего при натиске политических деятелей во вторую половину войны 1870 года, отравили все мышление Леваля. Он упорно трудился, чтобы возвести стенку, которая должна отгораживать компетенцию военных от господ, не носящих военного мундира. Он одел стратегию в шоры, добровольно пошел на страшное, роковое с'ужение ее поля зрения, чтобы порвать связь между гражданской и военной мыслью.

На фронтоне парижской, высшей, военной школы красовались слова: „мушкатеры и бенедиктинцы". Мушкатеры—это такие солдаты, тело, мозг и сердце коих переродилось так, что на все реагирует по военному; это воплощение солдатской точки зрения. Ученость в девизе французской военной академии представлена бенедиктинцами, почтенным монашеским орденом, насчитывающим втрое более ученых и писателей, чем людей строгой жизни. Это очень почтенная ученость, сохранившая нам в те-

чение средних веков, дошедшие до нас, обломки античной мысли, ученость с большой эрудицией, но, прежде всего, ученость не от мира сего, ученость за монастырской стеной, так враждебной вообще гражданской мысли.

Если военная мысль стремилась укрыться за монастырской стеной, то гражданская мысль, с своей стороны, приветствовала это отчуждение. Придавать в истории какое-либо значение военным вопросам долгое время было признаком скверного научного тона. Наука облеклась в лицемерную демократическо-пасифистскую тогу. Удивительное зрелище представлял муж науки, работавший десятилетиями над какой-нибудь тридцатилетней войной, сличавший тысячи рукописей и никогда не открывавший ни одного военного учебника, и судивший об исторических делах и военных деятелях исключительно с филологической точки зрения. Русские университеты, конечно, являлись архиштатскими учреждениями. Гражданские профессора одели также шоры своего гражданского образца. Можно только отметить в Германии прорыв школы Дельбрюка, да несколько военных кафедр в швейцарских университетах, об'ясняемых милиционной системой швейцарской армии.

А. А. Свечин.

Каковы же явились результаты такого разобщения? Мировая война отчетливо подвела итоги. Только односторонность направления военной мысли, только добровольно одетые всеми генеральными штабами шоры, об'ясняют полную неожиданность тех сюрпризов, которые поднесла мировая война. Война затянулась на такой срок, который не допускался ни одним военным писателем; борьба сложилась не на сокрушение, а на измор, тем методом, который был сдан в архив военными вместе с XVIII веком, и о котором перед войной любил распространяться только гражданский ученый Дельбрюк. Особое значение в мировую войну получил экономический фронт — и все государства оказались к борьбе на этом фронте неподготовленными. Выяснилась тесная связь политики и стратегии; все, что можно было сделать перед

войной, чтобы затруднить установление таковой, было сделано. Пришлось мобилизовать для работы на войну все умственные и промышленные средства стран, и, конечно, эта задача не облегчалась наличием монастырской стены, за которой укрывались бенедиктинцы.

Не одна Россия, но и все воевавшие государства оставались в течение войны без снарядов, далеко не рационально использовали имевшиеся промышленные рессурсы, резали по живому мясу экономический организм страны, предпринимали заведомо безнадежные операции, с большим опозданием приспособлялись к новым техническим средствам, бесполезно расходовали сотни тысяч человеческих жизней. Уроки последней войны обошлись так дорого, как никогда, и, естественно, родилось стремление разобраться в них, и в будущем не повторять прежних ошибок.

II. На новом пути.

Во всем мире военная мысль работает другим темпом. В военном лексиконе повсюду появились новые слова. Уже за два года до основания Красной армии Людендорф пришел к необходимости организовать в армии постоянную политическо-просветительную работу. Отчужденность военной мысли от гражданской начала рисоваться самим военным руководителям, как кошмар. Замещающий начальника прусского большого генерального штаба, генерал Фрейтаг-Лорингофен, выступил уже в 1917 году с проектом—образовать после войны в университетских городах девятимесячные курсы для поручиков; лекции гражданского профессора оказались необходимыми молодому офицеру, чтобы справляться со своей работой в части, а ведь недавно еще это был враг внутренний. Повсюду народились учреждения, которыми военный аппарат стремится связаться с промышленной организацией государства. Генеральный штаб отбывает стаж во Франции не только в различных родах оружия, но и в промышленности. Установить контакт совершенно необходимо. Кафедры—и не только военно-исторические,—но и по военному искусству,—открываются в свободных высших школах, даже если страна еще сохраняет постоянную армию.

Для нас, переходящих на территориальную организацию армии, сдвиг в области мышления и, в частности, высшего образования представляется, может быть, еще более необходимым. У нас нет более стены, которая бы разделяла гражданское

и военное мышление, и нет более сепаратизма ни там, ни здесь. Однако, мы еще не имеем территориальных университетов, которые бы готовили не просто образованных людей, а людей образованных и подготовленных не механически отнестись к прохождению службы в территориальных частях. Наша общая пресса касается только парадной, внешней стороны Красной армии и еще не уяснила своей задачи, как печати, обслуживающей вооруженный народ. Мы еще откупаемся выделением средств на особое военное издательство и остаемся при глубоко чуждом военным запросам Госиздате.

В Московском университете историческим факультетом был избран лектор читать курс истории военного искусства, но таковой курс был найден излишним пацифистским представителем государственной власти. Военно-Историческая комиссия начала работу по истории участия России в мировой экономической войне, работу очень важную для постановки мышления на новые рельсы, но мы не видим, чтобы эта работа теперь шла и привлекала чье-нибудь внимание. Мы совершенно неосведомлены, чтобы молодежь, окончившая Военную Академию, хотя бы частью командировалась для отбытия промышленного стажа; мы уже отчетливо сознаем решительное значение экономического фронта для нашей боеспособности, но перспективы работы трестов в условиях войны остаются туманными. Мы имеем уже экономический генеральный штаб, но это, может быть, самые штатские и далекие от военного дела люди в государстве—армия еще не ощущает контакта с ним.

Теоретически у нас красные инженеры, организующие в мирное время народный труд, должны в момент войны явиться и военными вождями трудящихся... Это—огромная программа, это—десятки лет упорной работы, это—огромные вековые предрассудки массы, которые предстоит преодолеть. Мы еще только взялись за территориальные формирования и, может быть, не вполне еще усваиваем тот огромный фронт сближения кадров армии с кадром, на котором предстоит повести работу, чтобы влить действительную силу в организацию вооруженного народа...

Стоит ли военное мышление, представленное в Военной Академии, на этом новом пути, или здесь старая стена, в которой только цикл политическо-социальных наук образует брешь?

Хотя мы все чинили раньше наши перья шпагами, однако, и в старой России не наблюдалось такой чистоты юнкерского военного мышления, как на западе. Новую академию отнюдь не давит бремя традиций, заповедей, священных „табу“, недоступ-

ных для критики. Гражданская мысль вводится у нас даже, может быть, слишком обильными, с педагогической точки зрения, дозами. Все преподавание истории военного искусства строится на идее эволюции, которую до мировой войны обычно считали столь противной требованиям военного мышления, что не остановились перед уничтожением преподавания самой дисциплины истории военного искусства в Парижской и Берлинской военных академиях.

Наш академический курс порвал линию преемственности со старой академией и имеет свои корни в работах семинария Дельбрюка при Берлинском университете. В стратегии мы являемся счастливыми обладателями широкой, к сожалению, еще незаполненной программы. В военной администрации у нас, несомненно, больше файолизма, чем в любом нашем промышленном предприятии. Нельзя шире идти навстречу новым идеям, чем идет наша тактика. По временам наши часы даже уходят вперед, в сравнении с реальными условиями нашей техники. Военная география явилась на смену военной статистики; это что-нибудь да значит. Технике мы уделяем столько внимания, что наши курсы получают даже интерес справочных изданий. Классические формы сохранило только преподавание военной истории, содержание которой за то почти целиком заполняют мировая и гражданская войны...

Разумеется, и в преподавании, и в усвоении военных наук за первые пять лет существования Красной Военной Академии можно было бы отметить значительное число пробелов, об'ясняемых и пестротой научной подготовки слушателей, и предоставляемым Академии минимумом научного комфорта, и развлечением сил и внимания то событиями на фронтах, то различными ударными вопросами, наконец, неустановившимся, кипучим, переходным характером всей академической жизни.

Однако, есть и огромные плюсы при построении нового военно-идеологического фронта.

Налицо безусловный научный энтузиазм. Есть порыв в этом штурме научных высот. Если порой не хватает глубины и основательности, то есть широта подхода, которая убережет нас от односторонности.

В старой академии, когда мы еще сидели на школьной скамье, нам постоянно твердили, что, когда мы кончим академию и выйдем за ее стены, мы будем свободны критиковать и лекции преподавателей, и находить ошибки у самого Наполеона. Пока же мы учимся в ней, мы должны добросовестно

усваивать подносимый материал. Академия стремилась быть храмом науки, и такие же храмы военной науки, с еще более строгим культом, представляли военные академии запада.

С точки зрения храма науки, позиция Академии на новом пути представляет значительную особенность. Вспоминаются первые годы лекций: аудитория прямо шипит при тех или иных выпадах профессора. Слушатели, только что прибывшие с фронта, брались за учение с явной целью вычитать из учебника не то, что было в нем написано; на каждом лице можно было прочесть святотатственную для храма науки мысль—внести что либо свое, толкнуть вперед, перестроить всю военную науку на новый лад, раскритиковать в пух и прах подносимые рассуждения. Энтузиазм сливался с глубоким непочтением к старым формам военной науки...

Крайности изжиты и перемололись. Однако, не считается непочтительным, чтобы каждый красноармеец думал, что он носит в своем ранце будущий маршальский жезл; наоборот, такая надежда создает силу армии. Почему же, отправляясь в поход на идеологический фронт, не чувствовать себя будущим маршалом от науки, не ощущать в себе профессора военного искусства, который приведет в соответствие с ушедшей вперед жизнью одряхлевшие военные теории? Не минус, а плюс, если на зачете хорошо сдается учебник, на который слушатель смотрит сверху вниз; не минус, а плюс, если по энциклопедическому словарю проверяются утверждения, раздававшиеся с кафедры.

Самостоятельная работа слушателя начинается с первым его критическим сомнением. Лабораторный метод, который вводится в Академии через пять лет ее существования, представляет только педагогический канал, открывающий упорядоченный выход; а своя лаборатория работала в мозгу слушателей с основания Академии.

Отсутствие какого-либо сепаратизма военной мысли у преподавателей и критическая, не проникнутая никаким пиэтетом позиция слушателей по отношению к военной науке, исходящая из сознания необходимости движения вперед, представляются нам сильнейшими сторонами Академии на новых путях.

А. Свечин.

Тактика.

Цель преподавания.

Преподавание тактики имеет целью ознакомить с управлением войсками в пределах низшего и среднего командования (полк с соответствующими ему соединениями других родов войск и дивизия). Поэтому она должна дать знание:

а) свойств родов войск настолько полно, чтобы уметь ставить правильно задачи как на войне, так и при подготовке и обучении войск;

б) различные способы действий дивизией (стрелковой и кавалерийской) в бою, на месте и на марше так, чтобы в каждой данной обстановке выбирать тот способ действий, который разрешает задачу с наименьшим трудом и кровью.

Все эти знания необходимы в той мере, чтобы немедленно по окончании академии быть способным к ведению вспомогательной войсковому командованию оперативной работы в штабах (начиная с дивизии), а после овладения практической стороной изученных в академии приемов стать к самостоятельному управлению войсками.

Научная работа кафедры тактики.

Для достижения этих целей перед кафедрой тактики в Военной Академии в 1918—23 годах стояла прежде всего задача оформить опыт мировой и гражданской войн. Тактика в ее развитии перед мировой войной в целом ряде вопросов шла по верному пути; наоборот, в других вопросах — обнаружила жалкое бессилие, вынуждая командование добывать выводы боем, т.-е. тысячами жертв, вместо того, чтобы получать их путем научного искания. Поэтому, нужно отделить в старой тактике то, что в ней было и сохранилось ценным от течений и выводов, не оправдавших себя на войне, и на их место наметить новые пути для научной работы. Действительно, мощное развитие техники, глубокие социальные и политические сдвиги, характеризующие пережитую эпоху войн, внесли решительные перемены почти во все отрасли тактики. Трудность этой работы усугублялась тем, что, выйдя в 1917 г. из мировой войны, старая русская армия потеряла связь с армиями Западной Европы, где именно в 1917—18 г.г. нашли применение использования последних достижений военной техники—авиации, бронесил, средств химической борьбы, равно как новые формы пехотного боя, новые способы использования артиллерии. Этот опыт

старая армия не могла передать красным войскам. Его приходилось черпать из иностранной военной литературы, как только открылись границы, долгое время замкнутые блокадой.

Мало того, военно-научная мысль старой армии, выросшая в обстановке почти непрерывавшегося периода социального мира, в которой Европа прожила 19-й век, забыла великие революции 17 и 18 в.в., оставила без внимания первые раскаты новых социальных бурь—18 и 71 г.г. и сосредоточила все свое внимание на военно-технической стороне управления войсками на войне. Конец же мировой войны на востоке и в центре Европы явился началом новой эпохи войн, где политические факторы ведения операции занимали часто решающее место; в управлении же массами и во влиянии на весь ход войны приобрели довлеющее значение. Этот момент во всей своей силе сказался в нашей гражданской войне, но не был изучен, систематизирован, и также, как использование последних достижений техники, подлежал научной разработке для вынесения на кафедру.

А. И. Верховский.

Однако, явления мировой и гражданской войн должны были подвергнуться серьезному изучению, прежде чем можно было установить выводы для руководства войсками в вероятной будущей войне. Прежде всего, использование мощной техники и построенное на этом управление войсками в армиях западной Европы должно было преломиться в особых условиях Красной армии и ее относительной технической слабости.

Каждый из выводов, будь то употребление авиации, бронесил, или значение централизации и частного почина в нашей обстановке,—должен был подвергнуться самостоятельной обработке в расчете действий как на ударных участках, где мы сможем сосредоточить нужные средства, так и на вспомогательных участках фронта, где техника будет заведомо недостаточная.

Нужно отметить, что в этой, чисто научной работе, несмотря на всю ее неналаженность в первое время, обособление различных групп, сосредоточивавших свое внимание одни — на большой

европейской войне, другие—на войне классов, достигнуты уже удовлетворительные результаты.

Острота, даже резкость дискуссии, непримиримость занятых в области тактических взглядов позиций, выдвинула со всей яркостью новые доводы, и ныне мы твердо стоим на пути опознания будущей войны на Европейском театре, с учетом современной техники у врага, с уменьем использовать те разнообразные условия достатка и бедности техники в обстановке будущей вооруженной борьбы армий революции с силами европейской реакции во всем их влиянии на формы войны и боя.

Научная работа в Академии по тактике наметила значение и приемы ведения различных видов боя, признавая в наших условиях преимущественное значение наступления, а особенно наступления на наступающего, т.-е. встречного боя, который в противовес французской доктрине изучается со всем вниманием.

В изучении обороны внимание отдано не только стабилизованной обороне, но и обороне маневренной, с отходом всего боевого порядка назад, и борьбе на растянутых фронтах. Маневренная оборона в наших условиях недостатка техники будет иметь бо́льшее значение, чем стабилизованная оборона, избежать которой, конечно, не удастся там, где местность будет иметь особую ценность.

Бою кавалерии, являющейся одной из наших сильных сторон, уделено достаточное место. Точно также, борьба путем восстаний, использование их в целях операции для давления на тылы врага и борьба с таковыми попытками врага получила свое место в цикле преподавания тактики.

Научная работа Академии дала ряд трудов, значительная часть которых издана лишь для пользования в Академии, и после новой переработки и обсуждений будет выпущена в печатном виде.

Наша работа дала ряд новых работ в области авиации: (курс т. Яцука и Строева), артиллерии: (т. Сыромятников, Зигель, Владиславский), конница: (Шейдеман, машинизированный эскадрон Гатовского) и действия крупных масс кавалерии—Свечникова; по пехоте: —т.т. Лигнау, Елизаров, Морозов, по общей тактике: т.т. Какурина, Сапожникова, Верховского, Беляева, Лукирского, Кузнецова. Менее разработанный характер носят вопросы бронесил (литографированные лекции т. Гладкова), химической войны и психологии в ее применении к военному делу.

Последний вопрос подвергся уже разработке, и первые наброски его в виде указаний по составлению заданий и ведения

занятий с младшим и средним командным составом т. Верховского вышли в литографированном виде.

Очередным вопросом, над которым ныне работает тактическая мысль Академии заключается в том, чтобы конкретизировать указания опыта войны не только в виде общих пожеланий, но разработать технику исполнения—методы, приемы управления войсками, построенные на расчете свойств орудий войны и бойца сегодняшнего дня.

Довоенная тактическая мысль как в России, так и за границей оставалась преимущественно в области общих идей, принципов, общих указаний, останавливаясь сравнительно мало над вопросом „как сделать", т.-е. оставляя в тени технику исполнения. Между тем, война „вся в исполнении". Эта потребность ярко ощущается у нас, и выработке технической стороны управления отводится все внимание, которого она заслуживает, расчет, например, ширины и глубины боевого порядка, прием установления разграничительных линий, организация разведки — являются такими вопросами, в которых нужно и можно достичь большой точности приемов. В этой области кафедра тактики использует выводы исканий научной организации труда, кроме того, некоторые методы французских военных, которые в смысле организационной работы стоят сейчас впереди нас.

Глубокому пересмотру подверглась также методология тактики, с целью установить наиболее верный путь ее изучения и преподавания. Метод познания, принятый большинством военных ученых домировой войны, построенный на базе идеализма и пользовавшийся в своей работе формальной логикой, не оправдал себя во время войны. Ее явления не охватывались военными исследователями в их развитии в их целом, но лишь частично, их предсказания грешили. Военная доктрина, проводившаяся в порядке приказа, приучала командный состав к косности мысли, к застывшим формам, столь далеким от быстро развертывающейся действительности войны.

Поэтому ныне в основу разработки тактики кладется метод диалектического материализма, понимая под этим ясный учет реальной действительности, стремление понять явления тактики в их целом; во всей совокупности явлений войны, в их непрестанном изменении — искусство находить выход из неизбежных противоречий, и часто резких скачках, сразу дающих развитию военного дела новое направление. Этот вопрос, впервые ставший в текущем году в область практического применения в преподавании тактики, потребует еще большего углубления и рас-

ширения. Приложение его к жизни, кроме соответствующей постановки курсов и занятий, должно выразиться и в умении сочетать живую и свободную дискуссию, которая одна лишь двигает мысль вперед вместе с жизнью, в культивировании живой ищущей мысли в противовес узкой застывшей доктрине, с общностью приемов в каждый данный момент, с доктриной, развивающейся вместе с жизнью, с дисциплиной мысли, которая необходима для об'единения усилий на войне.

Наибольшей трудностью в этой области является установить правила, формулы, приемы, пользуясь которыми в обстановке данного периода состояния техники и соотношения политических сил, можно было бы руководить войсками. В то же время дать такие правила (соответствующие формулам переменных величин в математике), которые дали бы ключ к усвоению развития и перемен в тактических формах, в связи с развитием техники и колебаниями в политической обстановке.

Основным моментом современной культуры человеческой мысли является способность „думать—говоря образно—веками и континентами, бесконечно дорожа минутами и точками". Работа над широкими обобщениями в военном деле и в то же время тщательная и кропотливая доработка мельчайших деталей лежит в основе академической работы по тактике.

Организация научной и учебной работы по тактике.

Первоначальные попытки работы отдельных преподавателей были дополнены коллективной работой всех руководителей и преподавателей, об'единенных руководителями основных кафедр тактики, которых было создано 5. Общей тактики, пехоты, конницы, артиллерии и авиации. Тактика бронесил примкнула в своей работе к кафедре пехоты, изучение химической войны—к артиллерии. Сверх того, была создана кафедра тактики политической работы, связи, маскировки и технических войск, сосредоточивших свою работу преимущественно в связи с кафедрой общей тактики. Каждый вопрос тактики подвергался самому тщательному и всестороннему обсуждению как на собраниях руководителей своей кафедры, так и на общем собрании руководителей с тем, чтобы личный опыт и научная работа преподавателей, среди которых есть как участники мировой, так и гражданской войны, военные и политические работники, равно как и специалисты по всем отраслям военного дела. Такое обсуждение позволяло об'единить достижения научные и личный опыт всех

участников тактической работы, установить как общие точки зрения, получившие общее признание, так выявить то расхождение во взглядах, которое создалось, заострить противоречия и иметь возможность сосредоточить усилия над выяснением тех вопросов, где разница взглядов являлась результатом недостатка научной проработки.

Эта работа научного изучения тактики подлежит дальнейшему углублению, и ныне, когда результаты ее закреплены составлением письменных курсов, может быть сделана предметом широкой дискуссии в Военно-Научном Обществе.

Метод преподавания тактики.

Преподавание тактики ныне построено на приложении активно действенного метода. Эта система была в старой военной академии проведена Н. Н. Головиным, перенесшим на русскую почву идеи французской военной школы (Академии). Схема Головина легла в основание организации преподавания тактики, развившись в сторону большей специализации работы в связи с развитием техники и большей опоры на самодеятельность слушателя.

Кафедра ставит себе целью лишь направить и помочь слушателю в его работе самообразования, а именно: лекции, которых сравнительно мало, имеют целью направить слушателя в его изучении литературы вопроса, дополняя лекции написанным курсом. На практических занятиях дают сначала указания, как взяться за разрешение того или другого вопроса, затем, путем поверки исполненной работы, исправляют неизбежные при изучении нового вопроса недочеты.

Для подведения итога всей как теоретической, так и практической работе по изучению очередного вопроса, с тем, чтобы все ошибки были учтены и исправлены на последней самостоятельной задаче, а также для более широкой ориентировки всех учащихся в различных уклонениях от верного пути, и об'единения всех в общем методе работы, руководитель кафедры производит общий аудиторнальный разбор, давая при этом свое решение задачи.

Это имеет целью не только об'единение всех участвующих как преподавателей, так и слушателей в общем методе работы, но еще и показывает практическое приложение его к конкретному случаю так, как это понимает руководитель кафедры. Таким образом, и само руководство все время ставит себя под кон-

троль общественного мнения всей Академии, позволяя участвовать всем в его работе.

Работа по изучению каждого вопроса завершается вполне самостоятельной классной задачей, в которой слушатели выявляют то, что они усвоили по данному вопросу. Поверка самостоятельной задачи является и для кафедры указанием, насколько успешно было преподавание; общие, для большого числа слушателей, ошибки позволяют установить недочеты в преподавании и наметить нужные исправления.

Задания и руководство решением задач ставят себе следующие учебно-воспитательные цели:

Сначала—приучить решающего задачу оценивать свою работу в общем плане боя; уяснить себе цель и смысл, ради которого он действует, понять явление в целом—есть первая задача учащегося. Если это будет достигнуто, то этим самым будет вызвана активная работа начальника в помощь старшему командованию по об'единению усилий, а в случае резкой перемены обстановки и невозможности (перерыв связи, или отсутствие проволочной связи, что при нашей бедности техникой будет в маневренной войне частым явлением) принять толковое решение в порядке частного почина.

Далее кафедра стремится воспитать в слушателе привычку, насколько возможно дальше предвидеть ход событий и учитывать его в своем решении, т.-е. брать не случайный данный момент, но „брать явление в процессе“ и учитывать его изменения.

Вся работа управления войсками на войне должна носить строго организованный характер; поэтому занятия преследуют цель выработать привычку всегда, если это можно, добиваться планомерности действий, при которых современная техника будет лучше всего использована и больше всего даст.

Внезапность именно по тому и страшит так в наши дни, что сильная техника требует для продуктивности работы времени на организацию. Атакующий внезапно, это время имеет; наоборот, атакованному приходится организовываться во время боя. Отсюда, стремление кафедры приучить к планомерности в работе.

С другой стороны, неизбежное на войне противодействие враждебной воли врага приводит к тому, что приходится принимать ряд быстрых решений, учитывая резко изменившуюся обстановку. Эта особенность управления достигается рядом вводных заданий.

Практические занятия должны дать практику в выработке решения и техники его исполнения. Поэтому кафедра тактики стремится к такой организации задачи, чтобы предоставить слушателю выбор из нескольких решений и нескольких способов ее технического выполнения. Такой прием вырабатывает способность суждения и в то же время дисциплинирует, ибо из всех возможных решений должно быть выбрано то, которое лучше всего отвечает основной задаче и наилучшему использованию своих сил и средств.

Нам нужно выработать командиров, способных к ясному суждению в разнообразной боевой обстановке и в то же время направляющих свои усилия в сторону, указанную старшим командованием.

Сложность учебной стороны решения задачи заключается в том, что они легко могут свестись к обсуждению одного „случая", предложенного в задаче, что никоим образом не достигнет цели тактического образования, ибо „случай" никогда не повторится. Решение случая имеет целью „на этом примере усвоить м е т о д" работы, уяснить себе те руководящие указания, правила и принципы которых, вообще, могут во „всех случаях" найти выход из создавшегося положения, дать наивыгоднейшее употребление имеющимся в руках начальника средствам.

Здесь особенно сложно то неизбежное на войне явление, когда пожелания начальника, способы приложения техники и т. п. становятся в неразрешимое, как кажется, противоречие с реальной обстановкой. Уменье находить выход из этих противоречий есть также одна из задач, стоящих перед преподаванием.

Распределение преподавания по курсам.

Последний вопрос организации преподавания тактики—есть распределение по курсам. Ныне в Академии принято делить его так. Управление войсками делится на низшее, среднее и высшее. Соответственно—полк, дивизия и высшие т.-е. корпус и армия.

Низшее сосредоточивает свое внимание на способах употребления оружия пехоты, артиллерии, авио и т. п., стремясь дать возможно полное понимание элементов техники, использования оружия человеком в малых соединениях. Это составляет задачу младшего класса. Здесь тактика делится на кафедры по родам войск, где лекции и занятия ведутся частью порознь, сосредоточиваясь на работе одного рода войск и вводя остальные роды войск, как обстановку. Лишь во второй половине года переходят

к решению совместных задач всех родов войск, но все же в малых соединениях (не свыше полка) и сосредоточивая свое внимание на технике каждого рода войск.

Старший класс посвящает свое внимание работе дивизии в рамках корпуса. Здесь все внимание сосредоточено на совместной работе дивизии, всех родов войск, в нее входящих и к ней придаваемых в случаях боевой обстановки. Кроме пехоты, конницы и артиллерии—также авиа, бронесилы, химические войска, войска связи, саперы и т. п.

Установить технику использования всех этих войск в наилучшем сочетании, во взаимной связи, научиться пользоваться огнем, маневром дивизии—это задача старшего класса.

Высшее управление составляет задачу, разрешаемую курсом стратегии. Но один вопрос приходится разрешать еще и на дополнительном классе—это вопрос подготовки и воспитания войск. Для этого нужно дать основное понятие о психологии в ее приложении к военному делу, о приемах подготовки бойца, начальника и части. Этот вопрос подлежит еще серьезной разработке и пока в Академии лишь начат.

Достоинством такой системы является систематическое изучение элементов техники и постепенный переход от более простого к сложному. Недостатком—некоторая оторванность частного от общего плана, и неизбежное многократное повторение одних и тех же общих вопросов на всех кафедрах и во всех классах, напр., бой, неизбежно лежащий в основе всей тактики, изучается на старшем классе в действиях дивизии, но выводами его, конечно, пользуются все время все кафедры. Эти соображения вызывают потребность в пересмотре распределения курса по классам, проходя все вопросы тактики по очереди, но с углублением их во все детали родов войск.

Заключение.

Таким образом, за истекшие пять лет работы кафедры тактики, усилием всего преподавательского состава, сосредоточивая у себя выводы тактической работы всей Академии и Военно-Научного Общества, произвела работу: 1) по оформлению опыта войн мировой и гражданской и наметила как доктрину сегодняшнего дня, так и методы исследования непрерывного развития военного дела; 2) выдвинула и выработала приемы использования техники, а также взаимодействия различных видов; 3) установила методику преподавания тактики в особых условиях нашей армии.

Все эти вопросы еще не вылились в законченные формы, нуждаются в крупной работе по совершенствованию, но основные вехи уже стоят.

А. Верховский.

Постановка летней практики.

Лето дает возможность:

1. При изучении тактики в наибольшей, в мирное время достижимой степени, приблизить условия учебной работы к условиям работы боевой, путем решения на „живой“ местности задач по боевому применению родов войск, производства полевых поездок, по существу являющихся односторонней военной игрой, при которой прорабатываются в условиях весьма сближенных к условиям боевой обстановки действия соединений родов войск в рамках дивизии и корпуса.

Р. С. Циффер.
Красный ад'юнкт.

2. При изучении топографии, завершить теоретические работы зимнего периода полевыми работами по исполнению с'емок и рекогносцировок.

3. Практически ознакомиться с боевой подготовкой разных родов войск, путем показных учений, стрельбы, учебных полетов и т. п., с различными отраслями государственной обороны, путем посещений укрепленных районов, морского флота, фортов и т. п., с работой военной промышленности — путем посещений заводов.

Настоящий очерк имеет целью сжато выявить возраставшую в течение 5-ти лет работы Академии, степень использования указаных возможностей, дав ответы на следующие вопросы:

1) в каком об'еме и с каким расходом времени предполагалось летние работы выполнить;

2) с каким количеством слушателей их предполагалось выполнить, указав попутно препятствия, ограничившие выполнение намеченных задач.

Ответ на первый вопрос дают данные, приводимые в следующей таблице (цифры в таблице обозначают число дней, затраченных на работы):

Время. / Вид занятий.	1919.		1920.		1921.		1922.			1923.		
	Основной курс.	Параллельн. курс.	Младший курс.	Старший курс.	Младший курс.	Старший курс.	Младший курс.	Старший курс.	Дополнит. курс.	Младший курс.	Старший курс.	Дополнит. курс.
I. Тактика.												
1. Задачи на местности по элементарной тактике .	—	9	—	—	—	—	—	—	—	24	—	—
2. Задачи на местности по общей тактике	8	9	16	—	16	—	6	—	—	—	20	—
3. Полевые групповые поездки . .	—	—	—	—	—	—	9	14	—	—	—	5
4. Полевые общие поездки	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	9
II. Топография.												
1. Сʻемка полуинструментальная	—	5	3	—	3	—	8	—	—	6	—	—
2. Сʻемка глазомерная	6	3	3	—	3	—		6	—	5	4	—
3. Рекогносцировки	5	3	2	—	2	—	2	6	—	3	7	—

Впервые, лишь в 1923 году, проводятся в широком масштабе при участии слушателей и преподавателей Академии: показные учения машинизированных рот, танков, кавалерийского эскадрона, стрельба артиллерии на Климентьевском полигоне, посещения высших школ военной маскировки и военно-химической, посещения фабрик и заводов, жел.-дорожной станции Москва—Брянская. Кроме того, проводятся экскурсии слушателей дополнительного курса в Петроград и Кронштадт для ознакомления с морским флотом и военной промышленностью Петрограда.

Эти данные приводят к выводу: о расширении по обʻему предположенных к исполнению и исполненных работ и о возрастающей их планомерности, что выражается все более полным соответствием замысла исполнению в деле определения обʻема

работы и количества времени, необходимого и достаточного для ее исполнения.

Последнее, помимо прекращения влияния внешних факторов, затруднявших подчас даже исключавших возможность проведения летних работ (командировки слушателей на фронты в 1919—21 г.г. для инспектирования военно-учебных заведений и работы во Всевобуче в 1921 г.) об'ясняется также значительным улучшением организационной стороны дела.

Как пример, в 1923 году работы по организации летних занятий начались уже в феврале выработкой наставлений, инструкций и т. п., заблаговременным принятием мер по обеспечению необходимыми учебными пособиями, перевозочными средствами и т. п.

Предварительные организационные работы завершаются организационными занятиями руководителей групповых и старших, проведенными в мае, за месяц почти до начала занятий со слушателями.

Естественно, что все это в совокупности весьма положительно сказалось полным почти устранением организационных дефектов, значительно сказывавшихся на летних практических занятиях предшествующих лет.

К тому же к 1923 году удалось в полной почти мере очистить летний период учебного года от засорявших его остатков зимнего периода, в виде особых часов, отводимых для прочтения недочитанных зимой лекций, проведения зачетов и т. д.

В 1923 году занятия эти ограничены одним лишь зачетом и групповыми занятиями по иностранным языкам.

В определении метода летних работ учебные планы минувших 5-ти лет, стремясь осуществить руководящую идею обучения—развить у слушателей умение практически применить полученные теоретические знания, вместе с тем завершая теоретическое прохождение курса тактики и топографии, неизменно ставят во главу требование: вести занятия прикладным методом, отводя, естественно, главное место тактике и рассматривая топографию, как введение; практическое ознакомление с родами войск и т. п.—как дополнение к тактическим занятиям.

Однако, дело здесь не столько в определении желательного метода ведения занятий, сколько в действительном обеспечении проведения этого метода в жизнь, путем соответствующего подбора исполнителей.

Если раньше слышались сетования на то, что руководительский состав невполне пригоден для практического прове-

дения этого метода, в силу своей подготовки и некоторой оторванности от жизни Красной армии и можно было ограничиваться лишь пожеланием привлечь в среду руководителей лиц с соответствующей подготовкой и обладающих опытом гражданской войны, то к 1923 году сетования эти, в значительной мере, становятся достоянием истории, а пожелания о привлечении к руководству практическими занятиями участников гражданской войны, получивших высшее общее военное образование в старой академии (до 1917 года) осуществлено; впервые также привлечены к руководительской работе, по окончании практического стажа в войсках, бывшие слушатели Академии, окончившие ее в 1921 и 1922 г.г.

В обеспечении Академии соответствующим подбором руководителей надлежит видеть одну из основных причин значительного приближения требований учебных к требованиям современного боя и метода занятий к методу подлинно прикладному.

На пути от „слов" о прикладном методе к его применению на деле—должно быть отмечено значительное продвижение вперед.

Достаточно указать, для подтверждения высказанного положения, на такие факты, как осуществление практического ознакомления слушателей с новой организацией пехоты, с новыми основами ее боевой подготовки, с новыми методами стрельбы артиллерии, как впервые в истории Красной Академии проведенную общую полевую поездку, при которой достигнут предел возможного в мирное время.

Следующим является вопрос о количестве слушателей, участвовавших в летних практических занятиях минувших 5-ти лет.

В годы 1919—21—задолго до начала летних занятий в Академию начинали поступать требования командования на отправку слушателей для „практических работ", на фронтах гражданской войны и на фронте учебы.

По этой причине так скромны предположения учебного отдела Академии при определении в 1919—21 г.г. необходимого и возможного расхода времени для летних практических занятий и количества слушателей, которые могли и должны бы участвовать в них.

Эти предположения и их осуществление характеризуются нижеприводимыми данными:

В 1919 г.—занятия предположено провести с основным и параллельным ускоренными курсами, в 1920 г. — только с младшим курсом, старший курс в полном составе командируется на фронт, в 1921 г. — только с младшим курсом, старший курс в полном составе командируется для инспектирования ВУЗ и

для работы во Всевобуче, дополнительный в летних работах не участвует, в 1922 г. — с младшим и старшим курсами и только в 1923 г. со всеми тремя курсами Академии.

Следовательно, только к 4-му году своего существования, Академии удалось провести летние практические занятия с полным почти составом слушателей и лишь 1923 год приводит к полному осуществлению предположений; в занятиях не участвуют лишь слушатели, освобожденные по болезни, в общей сложности не более 2—3% всего состава.

При взгляде с высоты достижений 1923 года на минувшие 5 лет прежде всего должно быть отмечено неуклонное стремление улучшить организацию и уточнить исполнение летних практических занятий в смысле наиболее полного и продуктивного использования сил слушателей, времени и т. д.

В рассмотренной части академической работы долгий путь упорной борьбы, часто не дававший в ожидаемый срок ожидаемых результатов, может быть разделен на два приблизительно равные по величине периода: годы 1919—21 и 1922—23, совершенно отличающиеся по содержанию и характеру выполненной учебной работы.

Больше ударности в первый период; больше стремления помочь армии в выполнении тяжелых боевых и учебных задач, непосредственной, активной работой в ее толще; больше планомерности во втором периоде; больше работы для себя, работы, которая только впоследствии скажется со значительной пользой для армии повышением общей квалификации ее командного состава и ускорением проведения новых, опытом боев 1914—20 г.г. выявленных, способов и приемов вооруженной борьбы.

Но и в эти годы Академия не стоит в стороне от общеармейской жизни. Слушатели и преподавательский состав Академии принимают активное участие в работах над устройством и обучением машинизированных рот, в разработке новых методов ведения артиллерией огня по значительно видоизменившимся в последние войны целям. Слушатели практически готовятся к совместной работе с воздушным флотом в качестве высоко квалифицированных наблюдателей.

Размеры и количество препятствий, успешно преодоленных в течение 5-ти минувших лет, дают полное основание быть уверенным в дальнейшем неуклонном и быстром совершенствовании дела летней учебы в Академии.

Работа последующих лет должна быть и будет еще более деловитой, еще более „прикладной“, в смысле соответствия усло-

вий и методов работы учебной — обстановке и методам ведения грядущих боев, а это соответствие сильно и решительно скажется на выработке тех „ученых практиков“, в которых так нуждается наша Красная армия.

Р. С. Циффер.

История гражданской войны в Академии.

В своем вступительном слове перед началом текущего учебного года проф. Свечин, обозревая содержание академического курса отметил, что специальной кафедры по истории гражданской войны в России в Академии быть не должно. Этот курс, по мнению Александра Андреевича, должен являться не более, как отделом истории мировой войны. Дело, конечно, не в том, какое организационное распределение необходимо наметить для внимательного изучения опыта последних войн в стенах Военной Академии. Ценен тот факт, что проф. Свечин уже признает историю гражданской войны отраслью наук, подлежащих изучению в Академии. Это не малый шаг вперед, по сравнению с теми взглядами, которые на страницах журналов (главным образом „покойного“ „Военного Дела“) и в своих выступлениях проповедовал Алекс. Андр. в 19—20 г. „В гражданской войне для научного исследования, а значит и для истории места нет“; так мыслилось сравнительно еще недавно. Сейчас взгляды резко переменились. Решающее влияние экономических и политических факторов, роль классовых взаимоотношений в борьбе, новое содержание „понятия о фронте“, как линии соприкосновения враждебных армий (вопрос о партизанских действиях), небывалое в исторической перспективе значение таких элементов в борьбе, как агитация и пропаганда—все это в 1923 г. находит законное одобрение даже у наиболее консервативных военно-научных исследователей. Примеров не называю—nomina sunt odiosa. Здесь намечается такая же смена вех, как и в методах академического преподавания.

Новый прилив революционной волны, начало гражданской войны в Германии, перспективы крупных столкновений в средней Европе — все это еще в большей степени зовет нас к тщательному изучению опыта истории гражданской войны в России.

Между концом мировой и началом гражданской войны пролегает полоса событий, в центре коих находится Октябрьская

Революция. Распад царской армии, длительная революционная борьба, вначале партизанских отрядов, затем регулярной Красной Армии, до средины 1918 г. с собственной буржуазией, а начиная с чехословацкого мятежа с об'единенными усилиями Антанты, нуждаются в специальном исследовании с стратегической и тактической точки зрения. По нашему мнению история гражданской войны наравне с историей мировой войны должна быть самостоятельной кафедрой, работающей под общим руководством и по методологическим указаниям Главрука военной истории.

Переходя непосредственно к содержанию нашего обзора, необходимо в качестве предпосылки дать краткую историческую справку о возникновении кафедры по истории гражданской войны. Предмет новый; в николаевской Академии такого не значилось, а потому, несмотря на то, что сама жизнь властно требовала сосредоточить внимание специальной группы работников на подытоживание опыта гражданской войны — этот вопрос в 1920—21 г. встретил усиленное противодействие со стороны официально признанных „вечных и неизменных" кафедр Академии. Действительно, состояние архивов и отсутствие необходимых источников не давало гарантий достаточной научности таких исследований. Но Академия уже и в эти годы могла помочь в удовлетворении этой потребности Красного комсостава и взять на себя инициативу в постановке указанной проблемы [1]). История гражданской войны была в эти годы непризнанной отраслью наук и разработка ее перешла в руки молодых работников, сосредоточившихся вокруг Военно-Научного Общества. Именно здесь ставятся первые доклады и дискуссии, освещающие отдельные операции гражданской войны. В. Н. О. составляет и выпускает первые исследования и очерки операций по фронтам (как первые скелеты для дальнейшего изучения и углубления). Наконец, В. Н. О. прорабатывает перечень тем и предлагает их для разработки слушателям дополнительного курса в 1922 г. Это позволило впервые, наряду с походами Александра Македонского в средней Азии и кн. Святослава Игоревича на Византию, заняться несколько более близкими и актуальными в военном отношении вопросами ближайшей к нам эпохи. Около 50 отдельных тем перерабатывается в течение учебного года, охватывая собою все наиболее крупные армейские операции различных фрон-

[1]) Я не принимаю в расчет тех лекций, кои в весьма незначительном числе были зачитаны в 1919 г. т.т. Вацетисом и Костяевым.

тов Республики. Эта работа заставила слушателей прикоснуться и к первоисточникам-архивам. Эти последние до 1923 г. были в скверном состоянии. Колоссальное хранилище, которое видные архивные специалисты предполагали разбирать и приводить в порядок в течение 50 лет, перебрасывалось из одного помещения в другое, регулярно, не менее 4-х раз в год. Только сейчас при разборе всего материала обнаруживается какое количество документов было растеряно, сколько погибло от сы-

С. И. Венцов.

М. А. Вольпе.

Красные адъюнкты.

рых помещений, крыс и т. д. В холоде, ютясь в одной небольшой комнатке, слушатели ревностно взялись за эту работу; многим она оказалась „не по плечу“, но ряд работ будут изучены с значительной пользой для дела исследователями соответствующих операций.

Параллельно этой работе в течение 1921—22 г. в различных секциях В. Н. О. изучались вопросы организации, управления войск, стратегии и тактики, при чем все исследования производились на основании опыта мировой и гражданской войн. В конце прошлого учебного года было заложено начало систематического изучения истории гражданской войны с официальной академической кафедры.

Источников в настоящее время так много, первый этап гражданской войны закончился недавно, поэтому каждому

исследователю может быть поставлено в упрек: а не рано ли давать научный синтез и обобщения; в полной ли мере использовываются все материалы, не следует ли отложить этой работы? Но не нужно забывать, что история гражданской войны не является чисто теоретической проблемой, опыт ее уже в настоящее время использовывается для решения ряда организационных вопросов в строительстве Красной армии для введения соответствующих приемов обучения и воспитания и наконец, уроки гражданской войны будут использованы также и в ближайших революционных столкновениях в Западной Европе. Все это не позволяет ни на одну минуту откладывать этих исследований.

Возникает вопрос, какими же источниками может располагать в настоящее время исследователь нашей гражданской войны? Эти источники разделяются на три категория: а) архивы, б) советская литература о гражданской войне, в) книги и материалы, выпущенные за рубежом.

За последний период времени архив Красной армии удалось привести в такое состояние, которое позволяет прикоснуться к нему для об'ективного исследования столь близкого и дорогого нам прошлого. Особо важным является наличие разобранного и описанного архива нашей Ставки—Полевого Штаба Республики. В нем концентрируются планы всех крупных операций, основные директивы фронтам, а что еще более важно оперативные приказы, сводки и другие материалы, вполне допускающие составление общего стратегического очерка событий. В худшем положении находятся архивы штабов фронтов и армий; почти все материалы указанных штабов разобраны, но еще далеко не закончена их тщательная систематизация, которая может позволить начать изучение первоисточников, спускаясь до штабов дивизий и бригад. В обстановке максимальной маневренности, при широких растянутых фронтах гражданской войны, нередко оперативный материал штабрига и даже полка единственно может дать ключ к пониманию того или иного исхода операции армейского масштаба. Особенно слабо освещен в архивах период 1918 и начало 1919 года. Письменность считалась в этот период скверным пережитком отживающей буржуазной эпохи. Молодая Красная армия умела уже в это время не только драться, но и побеждать; составить же толковое донесение, или написать понятный приказ было значительно труднее, чем разбить любую группу Краснова, чехословаков или американцев.

Не следует однако забывать, что архивные материалы даже и последующих периодов требуют к себе строго критического

отношения. „Вуалирование“ „гримировка“ событий, выражаясь скромно, перешли к нам как большое зло от царской армии. Стремление сгладить неудачу, увеличить число убитых и пленных, уменьшить свои потери — все это стало обычным явлением в наших сводках и донесениях. Указанными выше явлениями еще в большей степени отличаются многочисленные истории частей, появившиеся за последние два года в различных частях Республики. Молодое, подрастающее поколение красноармейцев и командиров воспитывается на доблестях и подвигах героев гражданской войны, но если для изучения прошлого, мы будем применять метод „скрашивания“, если боевые действия каждого полка и дивизии превращаются в сплошное триумфальное шествие по многочисленным фронтам Республики — нам грозит не только никогда не узнать действительной истории событий, но, что еще хуже, воспитать в молодежи ложное представление о какой-то сверх'естественной непобедимости Красной армии.

Поэтому большинство историй и исторических очерков являются для наших исследований источниками, требующими большой проверки.

Мы считали необходимым подробнее остановиться на состоянии архивного материала, т. к. этот вопрос до настоящего времени получал наименьшее освещение в среде военно-научных работников.

С литературными источниками дело обстоит также не блестяще. Мы не имеем связного анализа событий ни по одному из фронтов. Краткие обзоры операций, делавшиеся в „Сборниках трудов“ В. Н. О., нуждаются в настоящее время в очень солидных дополнениях. Правда, за последнее время и в периодических изданиях и отдельными монографиями выпущено в свет немало исследований; большинство из них по своему характеру принадлежит к полувоспоминаниям, дополненным архивными справками. Уже в настоящую минуту можно по каждому фронту назвать не менее 5—6 работ, кои могут служить пособием для изучения событий.

Дополняя эти работы архивными изысканиями и пропуская их через призму военно-научного исследования—можно уже сейчас дать вполне законченное изложение событий с соответствующими выводами [1]).

---

[1]) В. Н. О. с очередного V сборника своих трудов предполагает давать обозрение всей литературы по истории гражданской войны по фронтам.

Количество литературных источников вырастает очень быстро. Военно-Историческая Комиссия, поставив на ближайший период времени в центре своего внимания вопросы по истории гражданской войны, выпускает ряд сборников (первый том вышел, второй, посвященный гражданской войне на юге России в 1918 г., выходит из печати в середине ноября, третий том по туркестанскому фронту и четвертый по Кавказу сданы уже в набор); в эти сборники включаются не только воспоминания живых активных участников боевого прошлого, но даются и исследования некоторых периодов гражданской войны.

Еще больший интерес представляет вышедшая из печати работа тов. Троцкого „Как вооружалась революция", т. I 1918 год. (Материалы и документы по истории Красной армии); этот сборник дает очень много материала по организации Красной армии и по первому периоду гражданской войны.

В особой характеристике нуждается третья группа источников—творчество „бывших людей", появившееся в большом количестве за рубежом. Много свободного времени, стремление „правдиво" изобразить те события, в центре которых стояли сами авторы, нередко и материальная необеспеченность—заставляет их взяться за перо. Один за другим ген. Деникин, Лукомский, Дроздовский, ген. Родзянко, Краснов, Денисов, Добрынин и многие другие более или менее крупные фигуры России № 2 пытаются дать освещение событиям гражданской войны (я упоминаю незначительную часть и только военных исследований). В общем все эти работы очень слабы с точки зрения анализа событий, в одинаковой степени отличаются суб'ективизмом, стремлением обелить себя, но вместе с тем они же позволяют извлекать оттуда ряд таких фактов, кои могут быть полезны для историка. Отметая все суб'ективное, проверяя каждое событие, не обращая внимания на общие оценки и выводы — мы все же из этой зарубежной литературы делаем такое же извлечение, какое каждый историк может проделать из мемуаров современников.

Заканчивая таким образом обзор источников, можно утверждать, что их состояние вполне позволяет вести систематическое изучение гражданской войны в России. Меньше всего материала, который исследует вопросы тактики отдельных родов войск и соединений. Командиры полков, а тем более батальонов пишут у нас очень мало. Но как раз в области тактики основные образцы извлекаются из достижений маневренного периода борьбы 1918 г. на западном фронте мировой войны; опыт этот проработан в заграничной литературе достаточно полно и это позволяет нам,

приспосабливаясь лишь к местным условиям, вести работу по подготовке войск с наибольшими усилиями. Привести и здесь учет опыта борьбы на Русско-Польском и Врангелевском фронтах дают очень много поучительного.

Переходя к вопросу о самом методе работы по истории гражданской войны, необходимо иметь в виду, что обширность темы не позволяет ее целиком проработать одному человеку. Только коллектив может с успехом справиться с этой работой. Но этот коллектив не может представлять механического соединения разнородных элементов. Работники эти должны об'единяться не только теми формальными предпосылками, кои обязательны для всякого военно-научного исследователя. Они должны быть об'единены общим научным миросозерцанием. Единство классовой точки зрения, в особенности по отношению к социологической и политической стороне военных событий—должно пропитать все исследования по истории гражданской войны.

На исходе пятого года своего существования Академия делает большой шаг вперед в вопросе изучения истории гражданской войны. Ведется разработка общего стратегического очерка, дополнительный курс ведет групповую разработку тем по этой войне, на старшем курсе прорабатываются семинарским путем ряд вопросов гражданской войны. Эпизодические лекции по Русско-Польской войне дополнят и разовьют общий очерк, ряд стратегических тем и по военному искусству базируются на опыте гражданской войны, наконец, за эту работу берется и военно-историческая секция В. Н. О.

К сожалению, того единства, которое является основной предпосылкой исследования, еще не достигнуто. Нередко оценки вопросов руководителями стратегии резко расходятся со взглядами кафедры гражданской войны. Конечно, такое единство достигается не сразу, требуется коренной пересмотр своих взглядов на развертывавшиеся события, но подобно тому, как произошла „смена вех", отмечавшаяся в начале статьи—наиболее способная к эволюции часть преподавательского состава проделает, надо надеяться, и этот второй этап переоценки своих взглядов на историю гражданской войны. Достижение такого единства и дальнейшее углубление практического изучения опыта гражданской войны—вот задачи, стоящие перед кафедрой истории гражданской войны.

С. Венцов.

Постановка и преподавание социально-экономических дисциплин.

При основании Военной Академии, как высшего военного учебного заведения Республики, само собою разумеется, нельзя было не обратить внимания и на организацию цикла социально-экономических наук, преподаваемых с точки зрения революционного марксизма и применительно к военной аудитории. Но, насколько можно судить по учебным планам и программам того времени [1]), на первых порах этот цикл был построен наспех и носил скорее характер кратких, эпизодических курсов, чем стройной, внутренне связанной и занимающей подобающее ей место системы дисциплин, дающих теоретический марксистский фундамент проходимым военным наукам и формирующий вместе с тем общее марксистски-коммунистическое миросозерцание, которое помогало бы будущим командирам Красной армии ориентироваться в сложной социально-политической и международной обстановке нашей эпохи и быть на высоте политически-воспитательных задач в армии.

Эта эпизодичность и некоторая случайность курсов вызывалась в 1918—20 г.г., главным образом, конечно, напряженно-боевой атмосферой эпохи, не дававшей возможности уделить достаточно времени и внимания „штатским“ наукам, а также неизбежными колебаниями первого периода организации. Так, напр., в „ускоренном курсе“ 1918—19 г. „философским и социологическим основам марксизма“ уделено было всего 8 часов (читал В. Н. Залежский); „тактике социализма“ предназначалось три часа, но курс не был прочитан вовсе. Кроме того, проф. Рейснер прочитал в течение 8 часов курс „Основа Советской конституции“, а М. П. Павлович—тоже в течение 8 часов—курс „Основы внешней политики“. Наконец, Н. И. Бухарин прочел несколько лекций о тактике большевизма, а Н. И. Подвойский—о революционной тактике вообще. М. А. Рейснер прочел еще 7-ми часовой курс „Социальной психологии“.

---

[1]) Должен оговориться, что в качестве преподавателя пишущий эти строки впервые вступил в Академию весной 1921 г., а в качестве главрука, ответственного за постановку всего цикла—лишь с осени 1922 г. Поэтому характеристику первых годов приходится давать на основании архивных материалов.

Следующий 1919—20 учебный год, наиболее тревожный в политическом и военном отношении, оставил некоторые следы в архиве Военной Академии в смысле предполагавшихся лекций на младшем и старшем курсах („Основы Советской конституции", „Философские и социологические основы марксизма", „История цивилизации народов" (?), „Политическая экономия и вопросы мирового хозяйства", „Социальная психология" и „Социология"); но были ли эти курсы прочитаны и кем именно, а также сколько часов им было посвящено—из документов невидно. По всей вероятности, большинство их осталось лишь на бумаге.

С установлением более спокойной политической обстановки, в 1920—21 уч. году уже идут полным ходом занятия социально-политическими предметами, и читается целый ряд лекций. Для младшего и старшего курсов вместе читаются курсы: „Политическая экономия и вопросы мирового хозяйства"—25 часов (читал А. Богданов), „Основы международных отношений"—10 часов (Радек), „Колониальная политика империализма"—10 час. (Виленский), „История французской революции"—20 час. (Лукин-Антонов) и „Исторический материализм"—25 час. (Б. Горев). Кроме того, для младшего курса отдельно Магеровский читал курс „Основы Советской конституции (25 час.), Бубнов—„Историю РКП" (10 час.), Виппер — „Новейшую историю" (28 час.) и Понятский—„Основы биологии" (10 час.). Для старшего курса „Основы Советской конституции" читал Рейснер. Наконец, тот же Рейснер читал на дополнительном курсе курс „Психологии" (20 час.).

Но, несмотря на обилие читаемых курсов, да и в самом этом обилии, чувствуется еще недостаток организованности. Так, характерно, что пишущий настоящие строки был приглашен читать курс „Исторического материализма" весной 1921 г. самими слушателями помимо Учебного отдела, и курс этот был как бы неофициальном.

Кроме того, все курсы носили исключительно лекционный характер (кое-какие вопросы, впрочем, разрабатывались в форме бесед в организованной при Академии партийной школе для слушателей), и большинство из них было необязательно — в том смысле, что по этим предметам слушатели не сдавали зачетов.

В 1921—22 уч. году мы наблюдаем сильное сокращение числа читаемых курсов и вместе с тем придание им большей организованности и обязательности. На младшем курсе читаются следующие предметы: Политическая экономия—29 час. (Трахтенберг); Исторический материализм — 24 часа (Горев); История ра-

бочего движения в XIX и XX веках—14 часов (Лядов) и Экономическая география—15 час. (Куман). На старшем курсе Политическая экономия читается совместно с младшим курсом (это свидетельствует о том, что этот курс в предыдущем году был усвоен недостаточно основательно). Снова читается Магеровским Политический строй РСФСР (33 часа). Горев проводит углубленный семинарий по Историческому материализму (23 часа) и Потресов начинает, но обрывает почти в самом начале, курс Истории социализма (всего 8 часов). Наконец, на дополнительном курсе читается курс военной психологии Рейснером (20 ч.) и одна эпизодическая лекция (3 часа) Павловича о международном положении РСФСР.

Одновременно с лекциями, в форме клубных, внешкольных занятий (или в порядке партийной школы) прорабатываются и углубляются в кружках важнейшие вопросы исторического материализма и политической экономии.

В следующем, 1922—23 уч. году был сделан следующий шаг в смысле увеличения планомерности, организованности и обязательности социально-политических дисциплин. Все они, подобно близким между собою военным наукам, были об'единены в один цикл, руководимый главным руководителем (Б. Горевым) совместно с комиссаром Академии и его помощниками. Все читаемые предметы сделаны обязательными, а по трем из них — историческому материализму, политической экономии и истории рабочего движения — введены обязательные групповые практические занятия, включенные в общий учебный план и общее расписание.

Наконец, материальное и правовое положение преподавателей, старших и младших руководителей по социально-политическому циклу уравнено было, по возможности, с положением военных специалистов. Все это вместе взятое сделало данный цикл из второстепенного, каким он в значительной мере фактически был в прежние годы, равноправным среди других преподаваемых в Академии наук и тем самым занял действительно подобающее ему место.

В самом начале 1922 — 23 уч. года состоялось, под председательством заведующего агитпропом Ц.К.Р.К.П.—А. С. Бубнова и при участи представителя М.К. совещание вновь назначенных профессоров Академии: Мархлевского, Стучки, Рейснера, Бронского, Павловича и др., а также главрука Горева и комиссара Муклевича, и на этом совещании был обсужден и утвержден твердый учебный план социально-экономического цикла. Согласно

этому плану, на младшем курсе проходились: исторический материализм (24 часа), политическая экономия (26 час.) и биология (20 час.); (позднее к этим предметам был присоединен, в виду пожелания общего собрания главруков, еще краткий курс общей истории России (20 час.),—который читал Бочкарев).

На старшем курсе читалась история новейшей Европы, в связи с историей социализма и рабочего движения—всего около 40 часов (читал Горев); история Р.К.П. (курс начал, но не закончил А. С. Бубнов) и Советская конституция—12 часов (читал Стучка). Наконец, на дополнительном курсе Бронский читал курс экономической политики Р.С.Ф.С.Р., а Павлович—курс, под названием „Эпоха империализма". Исторический материализм читался Горевым, политическая экономия—Мархлевским, а биология—Понятским. Кроме того, на первом курсе Н. Н. Баранский читал курс экономической географии, а Пикель для всех трех курсов читал Тактику политической работы.

В течение всего года велись практические занятия (в форме бесед с групповым руководителем и самостоятельных докладов слушателей): на младшем курсе—по Историческому материализму, на старшем — по Политической экономии, и на дополнительном—по Истории рабочего движения. По всем почти предметам слушатели подвергались испытаниям. Дополнительный курс, сверх того, представил дипломные работы на социально-политические темы.

Каково было за истекшие годы отношение слушателей к общественным наукам, и каковы результаты изучения этих наук?

Огромное большинство слушателей, несомненно, питало большой интерес ко всем вопросам марксизма, к истории, теории и практике социализма и рабочего движения, к вопросам международной политики. Любопытно здесь отметить, что в те годы, когда преподавание общественных наук было еще недостаточно налажено в Академии, т.-е. в 1919—20 и 1920—21 г.г., значительная часть слушателей, особенно старшего курса, регулярно посещала вечерние курсы и лекции университетского отделения Пречистенских рабочих курсов (впоследствии это отделение превратилось в Пречистенский Практический Институт), причем особенным успехом пользовались там курсы исторического материализма, политической экономии и истории социализма. В качестве преподавателя и декана Пречистенского Института пишущий эти строки впервые и познакомился с рядом слушателей Академии, ныне окончивших ее.

И в последующие годы, я могу, сперва, как преподаватель, а затем и в качестве главрука, удостоверить, что и к лекциям, и к практическим групповым занятиям и семинариям слушатели Академии, в общем и целом, относились не только добросовестно, но и с интересом, а некоторые из них посещали также нередко публичные заседания Социалистической Академии и другие общественные собрания и лекции по злободневным общественным и политическим вопросам.

В истекшем 1922—23 г. слушатели основных курсов Военной Академии [1]) проявили на испытаниях и в практических занятиях по общественным наукам довольно значительные успехи. В частности, хорошо прошел письменный экзамен по историческому материализму на младшем курсе и сравнительно очень хорошо, вполне сознательно, нередко даже талантливо и литературно были исполнены выпускные политические темы на дополнительном курсе. Более, чем удовлетворительные результаты дали испытания и по остальным предметам.

В нынешнем, 1923—24 г. в постановку социально-экономического цикла, после ряда совещаний главрука с комиссаром, всех главруков под председательством начальника Академии и всех преподавателей и руководителей по общественным наукам, введен ряд изменений. Эти изменения касаются как учебного плана, так и методов работы, а отчасти и содержания преподаваемых дисциплин.

Прежде всего, в интересах разгрузки младшего курса от слишком большого числа чисто теоретических предметов, политическая экономия переносится с младшего курса на старший. Для нынешнего старшего курса, уже прослушавшего политическую экономию в прошлом году и сдавшего соответственное испытание, этот предмет, таким образом, не читается вовсе, и ведутся лишь практические занятия. Далее, в виду значительно бóльшей подготовленности по русской истории принятых в нынешнем году на младший курс слушателей, дополнительный курс русской истории для них отменяется. Наконец, экономическая география и тактика полит. работы включаются в соответственные циклы военных наук.

Что касается методов работы, то признано необходимым уменьшить число лекционных часов и соответственно больше зна-

---

[1]) На Восточном отделении дело обстояло значительно хуже, так как, вследствие отсутствия преподавателей, ряд курсов не читался вовсе. В текущем году, надо надеяться, занятия и там будут идти нормально.

чения придать семинарской и лабораторной работе слушателей, особенно их самостоятельной работе на дому. Поэтому, начиная со старшего курса, по тем предметам, по которым имеются уже печатные курсы („История социализма“ Горева, „Империализм“ Павловича), лекции носят характер дополнений к курсу и бесед по поводу прочитанного. А в некоторых случаях, как Конституция СССР и отчасти История Р. К. П., лекционный курс отменяется вовсе, и слушатели будут проходить данный предмет по печатным курсам.

Наконец, в вопросе о содержании курсов признано желательным придать им более практический характер, теснее связать их с злободневными вопросами современности (это касается, главным образом, практических занятий по политической экономии, в прежние годы слишком отвлеченных) и—в первую очередь—с вопросами, особенно интересующими военную аудиторию. Это применимо и к историческому материализму, и к истории рабочего движения, и к экономической политике Советской России, не говоря уже об очерке внешней политики СССР, который будет дополнять курс Павловича об империализме.

В виду той исключительной исторической роли, которую призваны в ближайшее время играть Германия вообще и германский пролетариат в частности, везде, где это возможно (напр., в курсе Истории рабочего движения, в курсах, посвященных империализму и экономической политике России, даже отчасти в практических занятиях по политической экономии),—постановлено в центре внимания поставить Германию и изучение ее ближайшего прошлого и особенно настоящего. С этой же целью, с самого начала учебного года, поставлен и проведен краткий эпизодический курс т. Радека о современной Германии.

Таким образом, нормальный план ведения занятий по социально-экономическому циклу в 1923—24 уч. году представляется в следующем виде:

I. **Младший курс.** До Рождества проходится лекционный курс „Исторического материализма“ всего 24 часа,—2 часа в неделю.

Со 2-й недели начинаются практические занятия по Историческому материализму, продолжающиеся целый год, всего 64 часа—по 2 часа в неделю. Они состоят в проработке лекционного курса, отчасти в форме классных бесед, отчасти в форме докладов, самостоятельно подготовленных слушателями по литературе, указанной руководителями. Эта работа потребует от слушателей не меньше 4-х часов в неделю домашней работы.

Во 2-м полугодии читается лекционный курс биологии—всего 20 часов, 2 часа в неделю.

II. **Старший курс**. На первом полугодии читается лекционный курс „Истории рабочего движения и социализма на западе" (24 часа, 2 часа в неделю), служащий лишь дополнением и углублением печатного курса под тем же названием. После введения, занимающего три лекции, слушатели обязаны к каждой дальнейшей лекции прочитать дома соответственный отдел курса, около 30 стр., что составляет около 2-х часов домашней работы в неделю. Часть лекции посвящается беседе о прочитанном и служит как бы репетицией, часть дает необходимые дополнения (особенно касающиеся Германии).

Во 2-м полугодии читается лекционный курс Истории Р.К.П. (всего 16 часов), начиная с 1917 года. История же русской социал-демократии до 1917 года проходится слушателями самостоятельно, по учебнику. В декабре они заслушивают небольшой (всего 4 лекц. часа) курс о конституции СССР (читает Гойхбарг), а затем самостоятельно, по учебнику проходят конституцию Р.С.Ф.С.Р., в связи с марксистским учением о праве и государстве.

Кроме того, ведутся смешанные, семинарско-лабораторные занятия по политической экономии—всего 36 часов, причем для подготовки к докладам слушатели по очереди должны будут известное число часов затратить на домашнюю работу.

III. **Дополнительный курс**. Лекционные курсы Империализма, в связи с внешней политикой Советской России (16 час. лекций) и Экономической политики Сов. России (20 часов) и практические занятия по Истории рабочего движения и социализма (углубленный семинарий; разрабатывается несколько тем, причем большинство касается Германии) — все вместе занимает время до 10-го ноября. Затем идет подготовка к выпускным темам.

Б. Горев.

Работа военного языкознания.

Изолированное до 1921 года положение Республики отзываясь вредно на ее экономике, поражало в то же время и научную жизнь страны.

Военная мысль, лишенная общения с внешним миром, оторванная и замкнутая в себе,—оставалась без систематического ознакомления с иностранной военной мыслью и без сколько-нибудь полной и достаточной информации. Заграничные газеты, журналы и книги попадали в Москву случайно, непланомерно и лишь в ничтожном количестве. Но и то, что получалось в Москве, далеко не всегда доходило до Академии. Почтовая связь отсутствовала. Командировок за границу не было. Кафедры, таким образом, оставались предоставленными самим себе. Не только военная мысль, техника, но даже и самый опыт войны—исследовались односторонне и замкнуто. Возможные ошибки поэтому не могли быть учтены. Недостаток осведомленности не мог быть восполнен.

Этот внешний порок отсутствия связи не исчерпывал собою всей тяжести положения. Академия болезненно страдала еще одним недостатком, который зловеще грозил самыми безнадежными перспективами, и из-за него простое и одностороннее восстановление связи с иностранной военной мыслью не могло бы помочь горю. Установить почтовую связь, выписать газеты, журналы и книги—было бы, хотя и трудно, но возможно. Однако, сделав это, Академия устранила бы наилегчайше устраняемой и только первый недостаток. Второй недочет, самый серьезный, кардинальный и труднее всего одолимый, стоял перед нею, парализуя остальные достижения.

Дело в том, что вся масса новых военных работников не умела бы использовать связи с заграницею, даже если бы таковая была восстановлена—подавляющая масса этих работников пришла в Академию без какого бы то ни было знания иностранных языков. Это было главным пороком, самым явным, бесспорным, очевидным, и по мнению многих тогда—непреоборимым. Ведь и старая Академия, при всех ее громадных возможностях, страдала этим недостатком, и, возглашая официально необходимость знания иностранных языков,—фактически выпускала слушателей без этого знания. Можно ли было осмысленно надеяться на то, что Красная Академия, с ее ничтожными средствами,

сумеет теперь преодолеть тот недочет, который даже тогда оставался неодолимым?

Но одолеть его было необходимо. Представлялось решительно невозможным передать использование иностранных материалов целиком в руки тех единичных работников, которые, владея знанием военным, владели вместе с тем знанием иностранных языков. Возложить надежды на них одних было бы величайшей и опаснейшей ошибкою. Это было бы роковым уклоном в сторону наименьшего сопротивления; было бы актом пассивности, легкомыслия и отсутствия способности предвидеть. Правда, что зато это явилось бы делом сравнительно легким, ибо нетрудно было организовать работу так, чтобы добытые материалы передавались бы нескольким посвященным, которые обрабатывали бы их и передавали массе узнанное. Но при таком порядке масса оставалась бы вне работы. Она оставалась бы бездейственным приемником сведений, зависимым и неактивным ни в какой степени. Подобное отстранение массы признавалось невозможным никакой ценою и ни при каких препятствиях.

Активность, независимость и самостоятельность массы в ее работе считались главным условием. Изучение иностранных языков с последующим использованием их знания были признаны делом величайшей важности. К нему нельзя было не приложить того принципа, что вовлечение массы в общую творческую работу есть основной лозунг переживаемого времени, и что именно это вовлечение есть надежда и самый верный путь революции. Великий плуг поднял целину новых, свежих, нетронутых богатых пластов, и нелеп каждый акт, который ограничивает посевы. Нелепою была бы попытка использовать в Академии связь с зарубежной мыслью при посредстве нескольких посвященных, без широкого и деятельного участия массы в этой работе. Нельзя было удовольствоваться тем, чтобы среди лиц с высшим военным образованием находилось бы лишь случайно несколько человек, знающих чужие языки. Наоборот, пришлось категорически об'явить, что знание иностранных языков должно быть достоянием всей массы военных работников с высшим образованием. Было раз'яснено, что оно необходимо именно всей массе для того, чтобы вся масса могла принять участие в общей работе ознакомления с военной зарубежной жизнью и могла бы использовать знание иностранных языков для целей как научных, так и служебных. Отсюда проистекало простое и непреложное решение— обучить иностранным языкам всех слушателей Военной Академии.

Простота этого решения определялась его необходимостью, но, вместе с тем, обстановкою определялись и его громадные трудности.

Неподготовленность к изучению иностранных языков у тех слушателей, которые пришли в Академию от станка, от сохи или прямо от боевой отрады; малая популярность самой работы изучения языков, считавшейся делом несерьезным и второстепенным; скупая рассчетливость учебных планов, которые берегли каждый час уроков и лекций; отсутствие пособий, литературы, словарей и учебников; недостаточность числа подготовленных преподавателей; устремление слушателей к пополнению прежде всего—военных знаний, отвращавшее их от домашней работы над изучением иностранных языков—вот те основные трудности, которые развернулись перед Академией, когда она поставила перед собою цель не только учить, но и научить своих слушателей иностранным языкам.

Кроме того, прецеденты и опыт прошлого не являли тут ничего утешительного. Оборачиваясь назад, мы видели долгие десятилетия сплошной неудачи. Целые сотни тысяч учеников царской школы—средней и высшей, военной и гражданской, общей и специальной — занимались годами, работая над изучением иностранных языков, и результатом неизменно был нуль. Языков не знал никто, за исключением нескольких случайных удачников. Знание иностранных языков оставалось привиллегией богатых и знатных, которые дома пользовались услугами учителей и гувернеров. Школа же не давала знания языков. Проработав 8 лет в средней школе, и сдав экзамены, ученик не мог понять простой речи иностранца, не мог связно произнести нескольких слов на чужом языке, не мог и думать о том, чтобы сознательно читать заграничную газету. И это явление считалось нормальным. Громадные деньги и целые годы времени затрачивались в пустую. Так как это явление было повсеместным и хроническим, то опыт прошлого — длительный опыт в общегосударственном масштабе — обретал тут громадную и печальнообезнадеживающую выразительность. Те, кто служебно соприкасался с ним, категорически об'являли, что в школе научить иностранным языкам невозможно. Это повторяли одинаково и учителя, и ученики. Это считалось несомненной и доказанной истиною.

Но перед нашей Академией стояла необходимость. Вопрос о преподавании иностранных языков был поставлен твердо и решительно. Знание языков для слушателей должно быть обяза-

тельным. И именно — знание, а не изучение. Перед Академией стояла задача достижения, а не достигания. И эта задача была определена, как задача государственной важности. Работа над иностранными языками была категорически и беспрекословно выведена из положения второстепенной и вспомогательной добавки к учебному плану. Эта работа была поставлена на то же переднее головное место, на котором стояла работа над другими учебными дисциплинами. Слушатели Академии должны знать иностранные языки и будут их знать. Это необходимо, и, значит,—должно быть исполнено, не взирая ни на какие трудности и ни на какие обезнадеживающие результаты опыта прошлых времен. Вопрос сводился только к изысканию новых путей, к творчеству и к организации.

Так как наиболее трудным являлось начало, то с осени 1921 года предприняты были радикальные и решительные меры. Работа в первоначальном своем виде была организована в виде созданных тогда „Курсов Военного Языкознания" (приказ от 3 октября 1921 г.). Разработанное положение предусматривало следующие основания для работы:

1. Каждый слушатель Академии выбирает для изучения один—и только один—иностранный язык, и занимается им во все время пребывания в Академии. Знание этого языка об'является для него обязательным для выпуска из Академии.

2. Занятия языками ведутся в небольших группах, численностью по 5—6 человек слушателей.

3. Занятия языками ведутся ежедневно.

С осени 1921 года дело было поставлено так, что часы занятий языками оказались выведенными из общего росписания в конец учебного дня. После последнего часа практических занятий или лекций вся Академия одновременно и сразу расходилась по английскому, французскому, немецкому и польскому классам, разделяясь по установленным группам. При разделении слушателей на группы, не считались с тем, на каком курсе находится слушатель, а только—со степенью его подготовки и знания иностранного языка; таким образом, в одной и той же группе могли находиться слушатели, и младшего, и дополнительного курсов. Важно было лишь то, чтобы вся группа была однородною по степени знания языка. Если слушатель начинал отставать от своей группы, его немедленно переводили в младшую группу; если, по своим способностям он перегонял товарищей, то поступал в другую, старшую группу. Занятия иностранными языками происходили каждый день, причем первый час (акаде-

мический, сорокаминутный) был обязательным для всех, а второй час необязательным для—желающих. Слушательская масса, с энтузиазмом принявшаяся за работу, почти вся без исключения оставалась на второй необязательный час иностранных уроков.

4. Занятия языками должны вестись практически с определенно выраженным профессиональным уклоном. Самые курсы поэтому получили название курсов военного языкознания. Каждый слушатель, изучая язык, должен все время ясно и сознательно видеть перед собою цель изучения, заключающуюся именно в том, чтобы знание иностранного языка помогло ему стать лучшим специалистом, в области военного дела, помогло легче справляться с предстоящею работою, и помогло бы развернуть эту работу шире и продуктивнее.

Поэтому, при первой же возможности, преподаватель оставляет учебники и переходит к газете, журналу или к военной книге. Старшие группы занимаются исключительно разработкою материалов военного содержания.

При таком условии, перед группами вставал вопрос о практическом использовании добытых на уроке и проработанных иностранных сведений. Вышеуказанный приказ предусматривал этот вопрос, и, одновременно с постановкою учебных занятий, создавал специальный печатный орган в виде „Академических Бюллетеней Зарубежной Военной Жизни и Мысли", в котором должны были печататься все наиболее актуальные и нужные кафедрам переводы, компиляции, сводки, отчеты и рефераты, проработанные в группах, как учащимися, так и учащими. Таким образом, курсы военного языкознания связывались с работою военных кафедр, и основной приказ подчеркивал необходимость такой связи очень настоятельно.

Уже первые шаги в этом направлении показали, что результаты обещают сразу превзойти ожидания. Получаемые материалы носили настолько важный и ценный характер, что для организаторов работы тут же раскрылись перспективы превращения намеченного академического издания в орган общеармейского значения. Кроме того, работа над иностранными материалами выявила возможность значительно более широкого размаха, выходящего за пределы урока и группы.

Поэтому, в первые же моменты организации, курсам удалось переорганизоваться на более крупный масштаб. Курсы тесно связались с Военно-Научным Обществом, создав контакт между преподаванием языков на старших группах и военно-научною работою. Самый же орган курсов был тут же

превращен в орган Военно-Научного общества и получил при этом название „Военного Зарубежника". Через два месяца после организации курсов, вышел в свет первый номер журнала, и через две недели после того—второй номер. Затем журнал выходил аккуратно каждый месяц. Уже очень скоро он обратил на себя внимание не только в Академии, но и во всей армии—оказалось, что издание „Военного Зарубежника" безусловно отвечало назревшей необходимости.

Благодаря этому журналу, наша военная мысль вышла из состояния обособленности и оторванности от заграницы. Все наиболее ценное и интересное в области зарубежной военной мысли и работы отмечалось на страницах журнала, а вспомогательные отделы „Военного Зарубежника" отвечали и потребности в информации. Самый же труд над составлением номеров журнала, привлекавший очень большое число сотрудников, компиляторов, критиков и рецензентов — оказывался ценным средством для углубления военного знания языка у работающих по журналу слушателей.

При дальнейшем развитии дела, четыре вышеизложенных основных положения в работе изучения иностранных языков подвергались в деталях некоторым изменениям и дополнениям, но существо их соблюдалось и проводилось в жизнь самым точным образом. Резкий и заметный успех в усвоении слушателями иностранных языков доказывал, что принципы преподавания были поставлены верно.

Академия установила эти принципы в следующем виде: 1) каждый слушатель учится только одному языку; 2) занятия ведутся не целыми классами, а небольшими группами; 3) состав групп определяется однородностью знаний и подготовки входящих в них слушателей; 4) состав этих групп непрерывно меняется в зависимости от того, насколько отстают или перегоняют группу отдельные слушатели; 5) преподавание носит не безличный, а непременно профессиональный характер и фактически связуется с ремесленными интересами учащихся; 6) преподавание не застаивается и не задерживается на отделке и чистоте усвоения элементов языка, а все время устремляется вперед с целью как можно скорее подойти к практической работе над иностранными военными материалами—грамматика и теория суть средство, а не самоцель; ошибки не важны, лишь бы они не искажали смысла сказанного или написанного учащимся; 7) преподавание в самом процессе работы наглядно показывает слушателю, насколько полезно для него знание языка, и как много

специальных военных сведений он получает именно в работе над языком; 8) занятия иностранными языками должны производиться по возможности каждый день — меньшее число часов в неделю принесет больше пользы, чем большее число, если это меньшее число распределено так, что занятия происходят ежедневно; 9) слушатели должны прорабатывать дома полученные на уроке сведения и задания.

Вот эти-то принципиальные положения и определяли собою разницу между новым методом, выработанным в Академии, и той системою, которая существовала в старых школах.

Эти принципы были осуществлены, и так как они воочию доказали свою жизненность и практичность, то для Академии стало ясно, что ей действительно удалось проложить новый и правильный путь в деле широкого школьного преподавания иностранных языков.

К сожалению, два последних принципа, а именно — обязательность ежедневных занятий и обязательность проработки дома полученных слушателями урочных заданий — не всегда удавалось проводить полностью в практику. Общая постановка плана занятий с начала 1922 года уже не дала возможности установить ежедневных уроков и, вместе с тем, некоторая перегруженность занятиями препятствовала слушателям вести домашнюю проработку заданий. В это же время, соображения общего академического характера заставили слить курсы военного языкознания с самим учебным отделом, передать их канцелярский аппарат в учебную часть и уменьшить численность преподавателей иностранных языков, переведя часы уроков в общее учебное расписание дня.

Обстановка эта еще осложнилась тем, что оказалось невозможным подыскать подходящих преподавателей по некоторым другим языкам, изучение которых было введено вдобавок к четырем языкам прежним. Однако, все эти неблагоприятные условия были, к счастию, во-время учтены, и, благодаря принятым мерам, работа в конечном результате не потерпела ущерба. Уже с ноября Академия организовала дополнительные занятия по языкам для желающих и отстающих слушателей; эти занятия, хотя и были установлены во внеучебное время, тем не менее все-таки привлекли много слушателей, образовавших ряд дополнительных групп; кроме того, в середине учебного года были организованы с целью поверки знаний — специальные репетиции, которые естественно подстегнули внимание слушателей к языкам. Но, конечно, наибольшую роль сыграл тут день 7 декабря

1922 года, когда на торжественном заседании, посвященном четырехлетней годовщине Военной Академии, т. Л. Д. Троцкий ясно и определенно перед всей Академией назвал вопрос об изучении иностранных языков—важнейшим вопросом.

„...Я должен подчеркнуть один прозаический, но важнейший вопрос—это вопрос об иностранных языках. Кто в Академии еще имеет возможность, особенно из более молодых товарищей, изучать иностранные языки, уделять им побольше времени, тот должен и обязан это делать во что бы то ни стало. Наступают времена, когда сознательный человек без иностранного языка будет человеком без правой или левой руки или ноги. Изучение вами иностранных языков должно стать, товарищи, выражением интернационализации ваших интересов, вашей психологии и нашего военного дела. Мы спорили не так давно о том, когда, как и в какой период мы создадим свою собственную военную доктрину. Мы стали на этот счет поскромнее. Я думаю, что это хорошо, что мы стали поскромнее. Но как раз по мере того, как мы входим целиком и полностью в практическую и теоретическую переработку нашего опыта, вовлекая сюда же и военный и политический опыт Запада, и расширяя свой круговор—именно в этом процессе мы бессознательно, не ставя себе это целью, крупица за крупицею, подготовляем элементы новой военной доктрины, которая обнаружится не потому что он, или ты, или я, ставим себе задачею, усевшись за стол, ее создать, а потому что мы в новых условиях переработки старого опыта, применяем существующие методы и изменяем их в соответствии с новыми задачами и новой обстановкой. И эта новая военная доктрина, которую мы будем ставить, работая над старым опытом, не строя себе химерических задач, будет тем богаче, чем шире будет наш кругозор, чем смелее мы выйдем из национальной скорлупы, чем глубже мы приобщимся к мировому опыту. А орудием его являются иностранные языки. Поэтому по крайней мере один иностранный язык знать, как свой родной, чтобы пользоваться, как своим органом для общения с другими,—есть обязанность квалифицированного военного работника в нашу эпоху“...

Квалифицированным военным работникам здесь, таким образом, было ясно и точно поставлено категорическое требование. Поставленное, оно было, вместе с тем, обосновано всеисчерпывающей аргументацией. Вопрос о значении работы военного языкознания не оставлял теперь никаких сомнений. Говорить больше было не о чем. Оставалось только перейти к интенсификации работы.

Результаты 1922—23 учебного года были выяснены только осенью после летних лагерных занятий, и одно очень важное обстоятельство должно быть установлено здесь в связи с этим.

Дело в том, что подавляющее большинство слушателей приступает в Академии к изучению иностранных языков совершенно вновь, и для них,—для тех, кто вдруг и внезапно начинают приобретать знакомство с доселе чуждым языком — оказываются чрезвычайно вредными всякие перерывы в работе. Опыт показал, что скоро приобретенное, скоро и забывается, особенно в первое время. Поэтому, такие долгие перерывы в занятиях, как летние—представляются совершенно нежелательными с учебной точки зрения. Это обстоятельство заставило Академию установить систему занятий языками и в лагерях с тем, чтобы окончательные зачеты по языкам производились осенью. В 1923 году зачеты по языкам были произведены после окончания занятий. В основу оценки знаний была положена программа, об'явленная приказом № 105. Эта программа устанавливала три степени знания:

Первая степень. Знание элементарной грамматики.

Уменье читать, правильно произносить и переводить тексты из пройденного за год.

Уменье писать под диктовку простые тексты без грубых ошибок.

Вторая степень. Знание полностью грамматики.

Умень читать, правильно произносить и переводить незнакомый текст военного содержания при помощи словаря.

Знание главных военных и служебных терминов.

Уменье писать под диктовку простые тексты.

Уменье устно пересказывать прочитанное и рассказанное вслух преподавателем в области тем преимущественно военных и служебных.

Третья степень. Знание полностью грамматики.

Уменье читать, правильно произносить и переводить незнакомый текст военного содержания, по возможности не пользуясь словарем.

Уменье письменно излагать свои мысли.

Уменье устно излагать свои мысли в области тем преимущественно военных и служебных.

Приказ устанавливал первую степень в качестве обязательного минимума знаний для младшего курса; вторую степень—для старшего курса, и третью степень—для дополнительного курса. Правда, что на практике зачета к слушателям дополни-

тельного курса в 1923 году пред'являлись требования с некоторой снисходительностью, так как необходимо было учесть новизну дела, которое не захватило всех трех лет пребывания слушателей этого курса в Академии. Но—уже для слушателей двух других курсов, требования пред'являлись полностью.

При указанных условиях оказалось, что свыше 70% слушателей дополнительного курса удовлетворили требованиям приказа. На старшем курсе и на младшем курсе—требованиям приказа удовлетворили по 95—96%. Зачеты, таким образом, наглядно и убедительно выявили полный успех предпринятого дела.

Уже с весны 1923 года Академия стала энергично готовиться к работе следующего учебного года, чтобы развить дальше достигнутый успех. Эта подготовка выразилась главным образом в устранении бывших доселе затруднений с получением новой военной литературы из-заграницы, а также в составлении специальных словарей для военной иностранной терминологии.

Разработка литературы и даже само составление словарей сильно затруднялись тем, что за последние годы после войны зарубежная военная литература ввела в обиход целый ряд неологизмов и специальных сокращений, расшифровка которых представляла немалый труд. Благодаря привлечению ряда компетентных работников, с затруднениями все-таки удалось справиться. Словари эти теперь уже почти все готовы, и получение их в группах на ряду с предоставлением учащимся самой литературы в достаточном количестве — несомненно окажет самое благотворное влияние на дальнейшее развитие дела. Академия уже теперь с уверенностью может считать себя первым высшим военно-учебным заведением, в котором достигнуто то, что прежде считалось недостижимым: слушатели ее не только учатся, но и фактически научаются иностранным языкам.

Борис Доливо-Добровольский.

Восточный отдел Военной Академии.

Приказом тов. Троцкого от 29-го января 1920 г. при Академии Генерального Штаба (теперешней Военной Академии) было учреждено Восточное Отделение, преобразованное впоследствии в Восточный Отдел. Непосредственные причины, вызвавшие в жизнь это новое учебное заведение, с достаточной полнотой и ясностью выражены в следующих словах приказа:

„В виду того, что Республика граничит с массою коренных мусульманских народностей (Хива, Бухара, Персия, Индия и т. д.), и продвинувшаяся далеко в глубь Туркестана наша Красная армия ощущает острую нужду в специалистах-востоковедах, хорошо знакомых с бытом и языком этих народностей,—с 1-го февраля с. г. при Академии Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии учреждается Восточное Отделение Академии.

Читая этот приказ, невольно возникает вопрос: как могло получиться, что в Советской России к 1920-му году не оказалось достаточного кадра подготовленных специалистов - востоковедов? Подобный вопрос тем более законен, если вспомнить, что Россия вела свои торговые сношения с Востоком в течение многих сотен лет. Еще в X в. из далеких сказочных восточных стран приезжали, преодолевая тысячи препятствий, купцы обменивать свои диковинные товары — шелковые, шерстяные, бумажные ткани, драгоценные камни, зеленый бисер, пряности, изделия из золота, серебра и бронзы—на невольников, меха, мед и воск. К 1900-му году торговые обороты России с Востоком выражались во внушительной цифре 159,1 милл. рублей золотом в год [1]).

Начиная с 18-го века, Россия развернула широкую захватническую политику в Азии, благодаря чему ее границы с Азиатским Востоком раскинулись на тысячи верст, включив в свои пределы десятки миллионов различных восточных народностей. И тем не менее, царская Россия не сумела создать кадра опытных и знающих Восток специалистов-востоковедов.

Как же это могло произойти? Любопытную историческую справку по этому поводу мы находим в об'яснительной записке к проекту Положения о В. О. Академии Генштаба:

„Военным Ведомством за последние 35 лет принимался ряд мер по подготовке офицеров, которые, изучив восточные языки, могли бы служить в штабах и войсковых частях для сношений со странами Востока и их изучения. В 1885 году впервые был открыт при Военном Отделении Мин. Ин. Дел 3-х летний офицерский курс восточных языков; затем в 1900 году в Ташкенте—2-х летний курс языка индустани (урду). В 1902 г. начался прием офицеров в Восточном Институте во Владивостоке и, наконец, в 1911 году все эти учреждения были заменены подготовительными школами на местах (при Окружных штабах) с кратким теоретическим курсом и продолжительной командировкой (2 года) для практического изучения восточных языков.

[1]) М. Федоров. Соперничество торговых интересов на Востоке. Стр. 8. С.-Петербург, 1903 г.

Все эти меры не дали однако, достаточно осязательных результатов. Причиной этому явилось... несоответственная постановка дела о дальнейшей судьбе офицеров-востоковедов... Приобретенные ими с большими усилиями знания применения не имели и быстро забывались".

Но подобный ответ не дал бы полного освещения, если не поставить его в связь с общим вопросом о положении востоковедения в царской России. Вот что по этому поводу говорит знаменитый ориенталист В. Бартольд в статье „Россия и Восток":

„Молодое русское востоковедение встречало или отпор, или такое сочувствие, от которого еще более опускались руки. Еще в 1865 году Восточным факультетом, по инициативе синолога В. П. Васильева, был выработан план издания „Азиатского обозрения", предназначавшегося не только для специалистов, но и для широкой публики; но средств для этого издания не нашлось. Самому В. П. Васильеву пришлось пережить полное трагизма положение ученого, не находящего для своих работ ни издателя, ни читателей: поставленные им на очереди научные задачи на его глазах выполнялись независимо от него западно-европейскими учеными"[1]).

Поистине унизительное и трагическое положение, которое не замедлило сказаться на положении русского востоковедения

Что мы унаследовали в области востоковедения от царской России.

1. Чрезвычайно немногочисленных ученых востоковедов. Многие из них, как напр., академики Ольденбург, Бартольд, Мар и др., пользовались известностью мировых ученых, а наряду с этим, целые отрасли востоковедения, даже целые страны Востока не имели своих специалистов. Так, по свидетельству В. Бартольда, „Россия, при наступлении событий 1904—05 г.г. (Русско-японская война Б. А.) не имела вполне подготовленного специалиста по японоведению"... При этом надо отметить, что все русские востоковеды, за единичными исключениями, были чистыми теоретиками, далекими от быта и социально-экономического строя современного Востока.

2. Чрезвычайно бедную и, если можно так выразиться, однобокую востоковедную литературу; однобокую потому, что вся эта литература отвлеченная, несомненно, ценная с точки зрения

[1]) Цитировано по статье М. Павловича „Задачи Ассоциации" № 1-й журнала „Новый Восток", 1922 г. Москва.

„чистой“ науки, но глубоко теоретическая и отдающая плесенью седой старины. Тот, кто, желая ознакомиться с современным Востоком, стал бы рыться в этих трудах, напрасно потратил бы энергию на бесплодную работу. Ответа на интересующие его вопросы он бы там не нашел. Для этого надо было обратиться к иностранным источникам—немецким, французским и английским, дающим прекрасное, всестороннее, часто, правда, тенденциозное освещение современного Востока.

3. Ряд теоретико-лингвистических учебных заведений, как напр., Восточный факультет Петроградского университета, Лаза-

Группа преподавателей Восточного Отдела Военной Академии.

ревский институт Восточных языков в Москве и Вост. Институт во Владивостоке, со скудным преподаванием обрывочных сведений по литературе, географии, истории Востока, и потому очень далеких от практических потребностей жизни.

4. Несколько Востоковедных обществ, как Общество Востоковедения и Общество русских ориенталистов в Петербурге—крайне стесненных в денежных средствах, и потому не имевших возможности широко развернуть свою работу.

Вот в грубых штрихах картина русского востоковедения, унаследованного Советской Россией от царского строя. Мы можем, не боясь быть опрометчивыми и в своих суждениях, сказать, что в царской России не было востоковедения в подлинном смысле

этого слова, ибо под востоковедением мы понимаем всестороннее изучение всех сторон жизни не только древнего, но и нового Востока. Этого в России не было. Не было не по вине русских востоковедов, а по причине недальновидности бюрократического царского правительства и косности русской общественности, далекой от вопросов востоковедения. Такая важнейшая область востоковедения, как современное страноведение, не нашло себе достойного места в храме русской науки. В результате современный Восток представлял собою для России к моменту Октябрьской революции нечто вроде terra incognita (неизвестная земля). О тех колоссальных изменениях — экономических, социальных, политических и бытовых,—которые произошли на Востоке за последние десятилетия и которые выразились в мощном национальном движении, в возникновении рабочего движения, обострении земельного вопроса и в растущей капитализации стран Востока, нет и намека в русском востоковедении. А между тем, для Советской России, связанной теснейшими экономическими, политическими и духовными узами с Востоком, для России рабочих и крестьян, несущей народам Востока взамен угнетения, насилия, организованной и циничной эксплоатации царской России экономическое и духовное раскрепощение, для этой России с властной необходимостью встала задача изучения современного, сегодняшнего Востока. Без такого изучения, без кадра работников, подготовленных для проведения в жизнь советской политики на Востоке, все наилучшие и благие пожелания ее могли повиснуть беспомощно в воздухе.

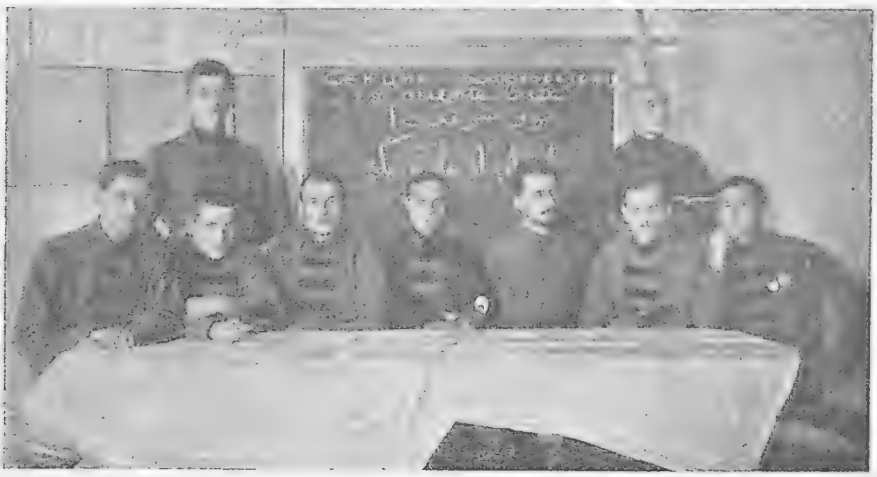
Одной из первых попыток, направленных к разрешению этой задачи, и является организация Восточного Отдела Военной Академии.

Организация Восточного Отдела.

Вопрос о создании Восточного Отдела был поднят ныне покойным А. А. Довлетшиным, начальником Азиатской части Главного Штаба, который 20-го сентября 1919 года представил начальнику Всероглавштаба на усмотрение соответствующий проект. Проект был рассмотрен, одобрен и 29-го февраля 1920 г. нашел свое оформление в приказе Предреввоенсовета тов. Троцкого и в Положении о Восточном Отделе Академии Генерального Штаба. Цели и задачи, которые ставились перед В. О. и способы их достижения, следующим образом были определены в главных пунктах этого Положения.

§ 1. С целью подготовки военнослужащих для службы Генерального Штаба и Красной армии на восточных окраинах и в сопредельных странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, а также для службы по военно-дипломатической части учреждается в составе Академии Генштаба Восточное Отделение...

§ 12. В Восточном Отделении изучаются языки: турецкий (2 наречия), персидский (2 наречия), индустани, английский, основы арабского языка, китайский, японский, корейский, монгольский, а также проходится краткий курс мусульманского права, страноведения, военной географии и статистики Ближнего



Секция Востоковедения.

Среднего и Дальнего Востока, история и практика внешних сношений, торговое право и история дипломатических сношений со странами Востока".

Вакансии на В. О. по Положению были разделены поровну между Академией Генштаба и Наркоминделом.

Особый интерес для нас представляет § 12 этого Положения, который намечает учебную программу В. О. О чем говорит нам этот пункт? О естественном и понятном желании составителей Положения быстро создать специалистов, знающих Восток, а с другой стороны, переоценка тех сил и возможностей, которыми располагало русское востоковедение.

Центром русского востоковедения всегда являлся Петроград, где сосредоточились крупнейшие ученые востоковеды, научные организации и учебные заведения. В Москве же един-

ственным крупным востоковедным учебным заведением был Лазаревский Институт Восточных Языков (ныне Институт Востоковедения), правильнее, ближне-восточных языков, так как в нем изучались только турецкий, персидский и арабский языки. Между тем, для осуществления § 12-го Положения, В. О. предстояло создать совершенно новые для Москвы кафедры по языкам китайскому, японскому, корейскому, монгольскому и урду, причем язык урду до открытия В. О. вообще не имел кафедры в России, если не считать 2-х летнего курса по изучению этого языка в Ташкенте, носившего временный характер. Таким образом, Москва не могла дать необходимого кадра преподавателей востоковедов. Приходилось, с одной стороны, использовать научные силы Петрограда, что чрезвычайно затруднялось неудобством, связанным с переездами, а с другой стороны, привлекать молодых московских востоковедов, из которых, в процессе самой работы, выкристаллизовались преподаватели. Если к больному вопросу о преподавателях прибавить еще отсутствие сколько-нибудь пригодных учебных пособий, материальные затруднения, неизбежные при создании нового учебного заведения в условиях 1920-го года, учесть раскаленную атмосферу гражданской войны, которая не могла, конечно, не сказаться и на организационной стороне дела, и на академических занятиях слушателей, постоянно отрывая их от ученья и тем самым выбивая из колеи всю учебную жизнь, то можно составить себе представление, в каких исключительно тяжелых условиях пришлось создавать В. О.

Учебная программа В. О.

12-го февраля 1920 г. состоялось открытие В. О. К этому времени удалось подобрать преподавательский состав по теории и практике по следующим языкам: турецкому, персидскому, арабскому, урду, китайскому, японскому и английскому. По монгольскому и корейскому языкам открыть кафедр не удалось, в виду отсутствия руководителей. Из общеобразовательных предметов и предметов страноведения читались, правильнее—начали читаться—военная география и статистика Ближнего и Среднего Востока, экономическое положение государств Востока, торговое право, политика великих держав на Востоке и практика международных сношений. Для уяснения того, что представляла из себя учебная программа В. О., характерными будут следующие цифровые данные о числе прочитанных учебных часов за период от 12-го февраля по 30-е декабря 1920 года:

По восточным языкам	7689	часов.
По западным „	2560	„
По общеобразовательным предметам . . .	45	„
По предметам страноведения	52	„

Как видно из этой небольшой, но чрезвычайно показательной таблички, В. О. первого периода, примерно до 21/22 учебного года, представляет собою скорее курсы языкознания, чем учебное заведение. В. О., с величайшими трудностями преодолевшее вопрос о подборе руководителей по восточным языкам, безнадежно уперлось в тупик, когда подошло к вопросу о постановке преподавания предметов страноведения, особенно современного. Русское востоковедение прошло мимо этого вопроса, ничего или почти ничего не сделав в этой области. Практическое востоковедение, сравнительно недавно получившее право гражданства в европейской науке, имело, к сожалению, очень мало последователей в царской России, отсюда неудача всех попыток „ввести изучающего в гущу всех вопросов современной жизни изучаемого народа“ (из доклада зав. учебной частью В. О.). Однако, с удовлетворением надо отметить, что ни руководители Военной Академии и В. О., ни сами слушатели не могли примириться с мыслью, чтобы из В. О. выходили или толмачи (переводчики), пусть очень хорошие, — или невежественные дипломаты царского покроя, разительным примером которых может служить министр иностранных дел князь Горчаков, который „не только не мог совершенно ориентироваться в Средне-азиатском вопросе, но даже не имел достаточных географических сведений о Средней Азии, систематически перепутывая города и области ее с Сибирью. Несмотря на анекдотический оттенок этого случая, он крайне характерен и лишь с наглядностью подтверждает, как с полным отсутствием сведений, с легким сердцем и полным безразличием к делу, многие дипломаты решали дела“ [1]).

В противоположность подобного рода дипломатам, деятельность всякого ответственного работника Советской России на Востоке должна опираться на основательное значение не только языка, но и экономического и политического строя и духовного уклада народов Востока. Ясным сознанием этого об'ясняется настойчивое и упорное стремление В. О., особенно самих слушателей, выйти из заколдованного круга лин-

[1]) Д. Н. Логофет. Страна бесправия. Стр. 168. С.-Петербург, 1909 г.

гвистики и вплотную подойти к изучению стран Востока. При этом, конечно, никто не обольщался заманчивой мечтой иметь таких руководителей по страноведению, которые подходили бы к изучению Востока, вооруженные марксистским методом. Это было бы детски-наивной мечтой. Вопрос ставился в очень упрощенной, грубой, но зато в реальной форме: найти руководителей, знающих Восток, получить от них цифры и факты, характеризующие ту или иную страну Востока, и уже самим постараться под соответствующим углом зрения переварить этот фактический материал. Особенно усилились эти искания в период 1921/22 учебного года. К этому времени в связи с увеличением числа слушателей, поступивших на вакансии НКИД, возник вопрос о необходимости введения в учебную программу В. О. социально-политических дисциплин, необходимых для того, чтобы выработать у слушателя уменье правильно разобраться в сложной и ответственной обстановке зарубежной работы. Это же обстоятельство подсказало целесообразность прохождения слушателями В. О. самого сжатого курса военного дела (для поступивших на вакансии НКИД) и юридических наук. Здесь, конечно, возникает опасность впасть в другую крайность—превратить В. О. из языковых курсов в сложную, многофакультетную Академию, но практическое чутье руководителей Академии и слушателей позволило сравнительно благополучно избежать этот подводный камень. Таким образом, в 21/22 учебном году желательная программа В. О. в основных чертах была ясна.

Работа по ее осуществлению предстояла огромная. Надо было: 1) изменить Положение о В. О. в смысле расширения его учебной программы, повышения требований к слушателям и урегулирования вопроса о поступлении на В. О. лишь окончивших Академию; 2) разработать программу по отдельным предметам; 3) подыскать соответствующих руководителей, что в части страноведения было не так просто; 4) озаботиться подысканием соответствующих учебных пособий, что также оказалось не менее затруднительной задачей; 5) установить единообразный метод преподавания языков с унитарными пособиями; 6) создать твердую учебную дисциплину, об'явив категорическую борьбу со всякими совместительствами слушателей: 7) внять требованиям элементарной педагогики и от вечерних занятий перейти к нормальным дневным.

Об'единенными усилиями администрации, слушателей и их фактического органа самодеятельности, секретариата, развившего кипучую и, надо отдать справедливость, плодотворную работу,

в течение 21/22 учебного года и отчасти в начале 22/23 учебного года—эта работа была выполнена.

В начале 22/23 уч. года программа В. О. в своих основных чертах сводилась к следующим циклам дисциплин:

1) языки восточные (турецкий, арабский, персидский, урду, японский и китайский) и западные (французский и английский);

2) предметы страноведения: военная география и история, включая сюда и новейшую историю Востока, экономика стран Востока и их правовое устройство, мусульманское право;

3) предметы социально-политические: политическая история России и Запада, политическая экономия, исторический материализм, история социализма и Р. К. П., империализм и экономическая политика РСФСР;

4) предметы юридические: международное право, консульское право, торговое право, гражданское право, государственное право, уголовное право;

5) военное дело.

Все эти дисциплины распределялись между тремя курсами, причем как при переходе со второго курса на третий, так и при окончании В. О. требовалась сдача самостоятельной письменной работы, посвященной разработке определенной темы по Востоку. Между вторым и третьим курсами предполагалась шестимесячная командировка в изучаемую страну Востока с обязательным представлением отчетной работы о командировке, после чего слушатель заканчивал теоретический курс.

1922/23 учебный год был годом проверки реальности созданной учебной программы и учетом ее дефектов, в результате чего в начале 1923/24 учебного года она была несколько сжата и упрощена. Кардинальному изменению подвергся вопрос о командировках на Восток. Было признано практически неудобным производить командировки до окончания В. О. В связи с этим теоретический курс В. О. был сокращен с 2½ лет (ибо в 3-х годичный курс В. О. входила и шести-месячная командировка) до 2-х лет, после чего слушатель командируется на Восток на год с представлением отчетной работы по исследованию определенного вопроса. При переходе с I-го на II-й курс слушатель защищает устную тему по Востоку.

Таким образом, к концу своего 4-х летнего существования, В. О. имеет учебную программу, быть может, далекую от совершенства, но несравненно более близкую к тем требованиям, которые вправе пред'явить Советская Республика к такого рода учебному заведению.

Беглый взгляд на нижеприводимую таблицу изменения программы В. О. со дня его основания до последнего года включительно, дает картину того, как происходила эволюция В. О. от языковых курсов к практическому востоковедному учебному заведению.

Таблица изменения учебной программы В. О. со дня его основания до 23/24 уч. года включительно.

(Указано число учебных часов, отведенных программой В. О. в каждом учебном году следующим дисциплинам:

1) страноведению Востока, 2) социально-экономическим, 3) юридическим и 4) военным.

УЧЕБНЫЕ ГОДЫ.	Страноведение Востока.	Соц.-экономич. дисциплины.	Юридическ. дисциплины.	Военные дисциплины.	Языки восточные и западные.
20 г. (с 12-го февр. до 1-го октября)	18	—	45	—	Число часов, отведенных восточным и западным языкам, не указывается, т. к. незначительные колебания, имевшие здесь место, не влияют на общую картину изменения учебн. программы В. О.
20/21 год	34	—	—	—	
21/22 год	80	64	192	—	
22/23 год	490	142	100	65	
23/24 год	518	124	70	34	

Метод преподавания и учебные пособия.

Жизнь В. О. за отчетный период была бы представлена не полно, если бы остались не освещенными такие важные стороны учебного заведения, как вопрос о методе преподавания и учебных пособиях. Эти вопросы имели особо важное значение для В. О., вступившего на путь практического изучения Востока. Я уже говорил, что практическое востоковедение было новой наукой, не успевшей собрать под своим знаменем сколько-нибудь значительного кадра научных сил, накопить опыт и создать известное количество научных исследований. Поэтому, перед руководителями Военной Академии стояла огромная задача — создать из В. О. практическое учебное заведение и почти никакого опыта и навыка в прошлом для решения этой задачи. Как поставить изучение восточных языков? Вот первый вопрос, с кото-

рым пришлось столкнуться В. О. Конечно, ответ мог быть только один: изучение восточных языков не самоцель, а средство, и средство важнейшее, для познания народов и стран Востока. И несомненной заслугой руководителей В. О. было то, что с самого начала его существования были приложены все усилия к тому, чтобы поставить изучение восточных языков на практическую ногу. Серьезное внимание было обращено на усвоение слушателями разговорного языка, для чего на ряду с преподавателями-теоретиками по каждому языку имелось соответствующее количество преподавателей-практиков. Само теоретическое преподавание языка имело целью выработать у слушателей навык быстро справляться с современными политическими текстами. Подобный подход к изучению восточных языков применялся в России впервые в рамках целого учебного заведения и, конечно, стоило не малых трудов и усилий последовательно проводить его в жизнь. Так, до 21/22 учебного года В. О. буквально варился в собственном соку, пока, наконец, не был подготовлен и стеклографическим путем отпечатан ряд учебников. В течение 21/22 и 22/23 учебных годов были созданы учебные пособия по следующим языкам:

турецкий яз. — проф. В. А. Гордлевский „Турецкая хрестоматия" в 3-х частях и „Дополнение к руководству для изучения османского языка";

персидский яз. Зарре „Персидские тексты";

язык урду: М. Клягина „Грамматика языка урду" и „Исторические рассказы"; Вафа „Перевод I и II части Берлица" и „Мурокат" (индусский сборник);

японский язык: Спальвин „Иероглифический японский словарь", М. Попов „Комментарии к Спальвину", М. Н. Попов „Фразеология японского языка".

Тут же будет уместно отметить и ряд других учебных пособий, изданных В. О.

К. В. Полынов. „География стран Дальнего Востока".

Д. М. Позднеев. „История Дальнего Востока".

Добавление к труду А. Е. Снесарева „Афганистан" и ряд конспектов по мусульманскому праву, консульскому праву, международному праву и т. д.

Таким образом, голод в учебных пособиях по восточным языкам был частично удовлетворен.

Подход к изучению западных языков был аналогичный. До 23/24 учебного года в преподавании западных языков давало себя чувствовать отсутствие единых учебных пособий и некоторый

разнобой в пред'явлении требований к различным группам. Теперь эту сторону дела можно также считать улаженной.

Гораздо слабее обстояло дело, и по-сейчас обстоит, с методом преподавания предметов страноведения, социально-политических и юридических. Конечно, двух мнений быть не может о том, какой метод скорее достигает цели для изучения той или иной дисциплины и пробуждения самодеятельности слушателей — лекционный или семинарский. Понятно, что предпочтение должно быть отдано последнему. Но от правильного положения до практического применения его в жизни—дистанция изрядного размера. Все попытки В. О. перейти от лекционного метода к семинарскому до последнего времени не увенчались успехом. Иллюстрацией к этому может послужить маленькая табличка о числе часов, прочитанных в 22/23 учебном году в лекционном порядке и проработанных семинарским путем.

Соотношение это таково:

В лекционном порядке	785
В семинарском порядке	12 (1,5%).

Но если можно упрекнуть В. О. и, пожалуй, вполне заслуженно, что недостаточно энергична была работа, направленная для перехода от лекционного метода к семинарскому в отношении социально-экономических и юридических дисциплин, то подобный же упрек в отношении предметов страноведения был бы совершенно незаслужен.

Попытки в этом направлении, и очень упорные, были и каждый раз кончались неудачей, упираясь все в тот же больной вопрос—недостаточного кадра ученых востоковедов, знающих современный Восток и могущих руководить подобными семинариями. В настоящем учебном году снова сделана попытка поставить семинарии по изучению новейшей истории, экономики и правового устройства стран Востока.

Что из этого выйдет—пока трудно сказать. Одно несомненно, что в этом направлении ведется упорная работа, и в ближайшее время она должна дать свои полезные результаты.

Слушательский состав В. О.

Освещение вопроса о слушательском составе может дать ясное представление о том, с какими большими организационными и чисто учебными затруднениями пришлось иметь дело В. О. с момента его возникновения, и какими путями они изжи-

вались. Первым и очень большим тормазом для создания нормальных условий учебной жизни на В. О. оказалось предусмотренное первоначальным положением зачисление на В. О. слушателей из числа выдержавших вступительный экзамен в Военную Академию, которые были обязаны на ряду с занятиями на В. О. проходить в полном об'еме программу основного отдела Академии, чтобы „выпускаемые из Отделения специалисты-востоковеды являлись бы и генштабистами, получившими высшую военную подготовку" (из § 3 Положения о В. О.). Мероприятие вполне понятное, являвшееся результатом все того же желания—в кратчайший срок создать и хороших военспецов, и на обе ноги подкованных востоковедов. Насколько подобная мера соответствовала настроению будущих слушателей В. О., видно из того, что к моменту открытия В. О. число слушателей, поступивших на вакансии Военной Академии, превышает установленную норму на 50%. Огромный % желающих подготовиться к работе на Востоке ярко отражает тот неослабеваемый интерес, который проявляет Сов. Республика к Востоку, связывая свое будущее и судьбу мирового освободительного движения с раскрепощением стран Востока от гнета империализма. С другой стороны,—подобный наплыв создал для В. О. ряд очень серьезных затруднений: приходилось вести учебные занятия по вечерам, что никак нельзя признать целесообразным; языковые группы были перегружены почти вчетверо, и, наконец, что самое главное — приходилось иметь дело со слушателями, уже утомленными дневными занятиями на основном отделе Академии. Результаты не замедлили сказаться. После нескольких месяцев непосильных, чрезмерных занятий слушатели Академии или сами уходят с В. О., или, за непосещаемость, отчисляются. Так, за время с 12 февраля 1920 г. до осени 1922 года (в процентном отношении):

Н. Н. Шварц,
начальник Восточного Отдела.

ушедших по собственному желанию . . 10,5%,
отчисленных за непосещаемость . . . . 44%.

К этому надо добавить, что в течение первых двух лет до 22/23 учебного года многие слушатели, состоявшие на вакансиях НКИД, наряду с занятиями на В. О. совместительствовали в различных учреждениях, часто выполняя очень ответственную работу. Кроме того, состав слушателей на В. О. был первое время крайне текучим. Часть слушателей в середине года снималась с работы для командировки на фронт, часть поступала в середине года, и все это нередко происходило в одиночном порядке. Если к тому же принять во внимание, что, благодаря недостаточно внимательному подбору, на В. О. попадали слушатели совершенно случайно, по мотивам самым разнообразным, среди которых, к сожалению, часто не было главного мотива—желания серьезно подготовиться к работе на Востоке,—то без преувеличения можно сказать, что вопрос о слушателях в первые годы обстоял далеко неблагополучно. Такое положение не могло быть терпимым. В. О. проводит упорную работу к устранению всех этих недочетов. Особый размах эта работа получает в 22/23 учебном году, протекая в нескольких направлениях: с одной стороны, вводится корректив в Положение о В. О., согласно которого на В. О. на вакансии Военной Академии допускаются лишь окончившие последнюю; с другой стороны, повышаются требования к поступающим на вакансии НКИД. Значительный % слушателей исключается за непосещаемость. Проводится ряд чисток в 20/21 и 21/22 учебных годах, причем последняя из них была особенно основательна и дала наибольший % отчисленных. Наконец, об'является самая решительная борьба со всякого рода совместительствами.

В результате этой работы мы имеем следующие изменения в составе слушателей, выраженные в % в отношении приема каждого указанного периода:

	Ушедших по собственному желанию.	Исключенных за непосещаемость.	Исключенных Мандатной Комиссией	Снятых для командировок и не вернувшихся на В. О.	Всего сокращено.
1. С 12 фев. 1920 г. до октября 1921 г.	8,5	25,5	4	3,5	41,5%
2. 1921/22 уч. год.	5	40	30	3	78%

Все эти мероприятия, иногда очень суровые, но жизненно необходимые, к началу 22/23 учебного года дали значительно

очищенный и квалифицированный состав слушателей и создали нормальную обстановку учебной жизни с твердой учебной дисциплиной, что не замедлило отразиться благоприятно на интенсификации занятий слушателей. В настоящем учебном году общая картина состава слушателей представляется в следующем виде:

(в % отношении к общему числу слушателей).

Социальный состав.			Партийность.						Образовательный ценз.				Участие на фронтах гражд. войны.					Работа по Востоку.		
Рабочих.	Крестьян.	Интеллигентов.	До февр. революции.	До октябрьской революции.	До 1918 год.	С 1919 г. и позже.	Кандидат. в чл. РКП (б).	Беспартийных.	Низшее и домашнее.	Среднее.	Высшее.	Специальное.	С окт. 1917 год.	С окт. 1918 год.	С окт. 1919 год.	С окт. 1920 год.	Не участвовавших.	В странах Востока.	В учреждениях, связанных с Востоком.	Не работавших.
16	12	72	4	25,5	26	29	6	9,5	10,5	60	11,5	18	11,5	37	23	7	21,5	69,5	9,5	12

Летом 1923 года состоялся первый выпуск В. О. Это первый отряд марксистски подготовленных практиков-востоковедов, которых В. О. дает Советским республикам.

Кружок практического востоковедения при В. О.

Организационно Кружок оформился в апреле 1922 года. Основной кадр членов Кружка, конечно, вербовался из числа слушателей В. О., однако, не желая закрыть доступ в кружок лицам, интересующимся изучением Востока, первое же учредительное собрание Кружка обусловило вступление новых членов лишь представлением рекомендации двух членов Кружка.

Мысль о создании при В. О. практического кружка Востоковедения зародилась в среде слушателей еще в 1921 году. Причины необходимости организации кружка и направления его работы следующим образом были формулированы слушателями в первой докладной записке: „Знания, приобретаемые слушателями В. О. из программных лекций, являются совершенно недо-

статочными для будущих ответственных военных и политических работников на Востоке. Между тем, обстановка на Востоке по своей сложности и своеобразности требует особенно тщательного и глубокого изучения. Это изучение, в особенности, современного Востока, его экономической и социальной жизни, можно выполнить только коллективными усилиями всех слушателей В. О.".

Другой причиной, вызвавшей к жизни Кружок, было то обстоятельство, что многие слушатели В. О. продолжительное время работали практически на Востоке до поступления на В. О. и на деле убедились, каким огромным тормазом в их работе друзей угнетенных народов Востока является крайняя скудость их знаний о Востоке, и как трудно на месте приобрести необходимую сумму этих знаний.

Какими путями Кружок старался достигнуть поставленной цели — практического изучения современного Востока? К этой цели Кружок шел с разных сторон. Во-первых, ставились на заседаниях всего Кружка доклады по наиболее актуальным вопросам современной политической и экономической жизни Востока. Для этих докладов привлекались ответственные работники и крупные специалисты. Частью же эта работа выполнялась по поручению правления отдельными, наиболее подготовленными членами кружка. Такие доклады имели целью ввести слушателей в гущу многообразных вопросов современного Востока, и надо с удовлетворением констатировать, что эта работа Кружком с успехом выполнена. Кружком до сих пор проведено 12 докладов, при чем эти доклады по группам стран распадаются следующим образом:

По Ближнему Востоку	. . . . .	2 доклада.
„ Среднему „	. . . . .	5 „
„ Дальнему „	. . . . .	5 „

Главнейшие из этих докладов: „Дэйрен и Чань-Чунь", „Национальное движение в Индии", „Турецкий вопрос" (в связи с Лозаннской конференцией), „Афганистан и Советская Россия" и проч.

К той же цели—держать членов Кружка в курсе современной жизни Востока—было приноровлено создание при правлении Кружка Информационного Бюро, подбиравшего и суммировавшего из различных источников материалы о текущих событиях на Востоке и докладывавшего их в виде устных сводок на очередных собраниях Кружка. В начале настоящего учебного года правление нашло более целесообразным перейти от устных сводок к двухнедельным печатным бюллетеням. На ряду с бюллетенями Кружок намерен издавать свой печатный орган, который

первоначально мыслится в виде отдельного сборника персональных и коллективных работ членов Кружка. Исходя из основного положения, что в Кружке не должно быть не работающих членов, к участию в Бюллетене и сборнике в той или иной форме привлекается каждый из членов Кружка. Тесную связь, которую старается поддерживать Кружок со своими членами, в настоящее время работающими на Востоке, позволяет надеяться, что печатные органы Кружка будут располагать свежим и ценным материалом.

Однако, основной своей работой Кружок считал внутрисекционную работу. Только углубленная и тщательная коллективная проработка членами Кружка ряда вопросов, в сумме дающих полную картину современного состояния той или иной страны Востока, может пополнить пробел в области страноведения, так остро дающий себя знать, вооружить будущих работников на Востоке могучим оружием знания и оправдать создание и существование самого Кружка.

К сожалению, до сих пор эта сторона работы Кружка изрядно хромала. Увлекшись докладами общего характера, он не сумел развить достаточной энергии в этом направлении. Зато теперь Кружок перенес все свое внимание именно на эту часть работы. Создан ряд секций: турецкая, персидская, по изучению Индии и Среднего Востока, Дальневосточная и Военная. В целях учета опыта и исправления недочетов в работе, все секции должны ежемесячно отчитываться в проделанной работе перед общим собранием Кружка.

На ряду с секционной работой Кружек ведет и библиографическую работу по востоковедной литературе на русском и иностранных языках.

Кружок установил тесную связь с Всероссийской Научной Ассоциацией Востоковедения, с Институтом Востоковедения и другими учреждениями, работающими по Востоку.

Нельзя обойти молчанием довольно крупную работу, проделанную Кружком под руководством Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения — по учету востоковедной литературы в Москве и составлению библиографического указателя. Для обследования всех Московских книгохранилищ и библиотек Кружок выделил всех своих членов, владеющих иностранными языками. Часть этой большой и важной работы Кружком была выполнена в прошлом году, но дальнейшая работа несколько затормазилась, в виду ее крайней сложности и длительности, а с другой стороны — большой загруженности членов Кружка учебной работой на В. О.

Особенно надо отметить решение одного из последних собраний Кружка об использовании „наиболее подготовленных членов Кружка для прочтения ряда докладов о Востоке в рабочих и красноармейских аудиториях". Тот огромный интерес, который проявляет Рабоче-Крестьянская Республика к народам Востока, будет служить несомненным залогом успеха этой работы Кружка.

Итоги деятельности В. О.

Подводя итоги, можно с полным основанием разбить всю историю создания и деятельности В. О. на два периода. Первый период охватывает промежуток времени с 29-го января 1920 г. (дата приказа о создании В. О.) до 22/23 учебного года и может быть охарактеризован, как время организационного оформления, собирания вокруг В. О. преподавательских сил, подбора квалифицированного состава слушателей, создания учебной программы, соответствующей духу практического востоковедного учебного заведения.

1922/23 учебный год есть начало второго периода, когда впервые В. О. начинает жить нормальной учебной жизнью (дневные занятия) с твердой учебной дисциплиной, с определенным и реально осуществляемым учебным планом.

Бросая взгляд на проделанную В. О. работу, можно с удовлетворением сказать, что В. О. из года в год идет по пути несомненного прогресса. За сравнительно короткое время своего существования В. О. сумел во всю ширь поставить задачу практического изучения Востока в рамках учебного заведения и в значительной части эту задачу выполнить: создать из молодых востоковедов кадр преподавателей с практическим уклоном; подобрать и отпечатать ряд ценных учебных пособий; поставить впервые и прочно на ноги изучение языков китайского и японского—в Москве и языка урду—в России. В стенах В. О. возникла и окрепла организация молодых ориенталистов-практиков—Кружок практического востоковедения.

И, что самое главное, В. О. давал и будет давать систематически и научно подготовленных работников, задача которых укрепить и упрочить „тесные, дружественные отношения, тесное сотрудничество во всех областях между Советскими республиками и народами Востока" [1].

Б. Абуков.

---

[1]) Из приветствия академистам - восточникам Г. В. Чичерина 15 июля 1923 года.

Издательская деятельность Военной Академии РККА.

„Постановка типографского дела на должную высоту есть вопрос создания орудия, не только орудия пропаганды, но и орудия наглядного воспитания".

„Типография не есть самоцель: это—инструмент для важнейшего дела—для дела пропаганды и воспитания".

(Из заключительного слова Л. Д. Троцкого по докладу его на XII с'езде РКП.).

Установление, развитие и распространение, т.-е. пропаганда и воспитание среди Комсостава РККА единого взгляда, единого понимания, единого исполнения сложного военного дела—залог победы.

Естественный центр постоянного и живого обмена мыслей по всем вопросам пропаганды и воспитания этого единства—Военная Академия РККА.

Средство для осуществления этого постоянного и живого обмена—издательская деятельность Военной Академии—лучшее и надежнейшее средство.

Орудие для выполнения своей издательской деятельности—типография—единственное и могучее орудие.

Естественно, что за пять лет своего существования и своей академической работы в целом, вопросам, связанным с издательской деятельностью Военной Академии, придавалось исключительное значение.

Но до самого последнего времени различные причины, главным образом, об'ективного характера, как следствие переживавшихся последовательно РСФСР моментов круговой фронтовой опасности, хозяйственной разрухи, финансового кризиса,—эти причины приводили в решениях вопросов издательства, столь важных в жизни Академии, к случайностям, к отсутствию системы, к недостатку планомерности.

Специальных кредитов на издательство Военная Академия не имела—нужно было в каждом отдельном случае испрашивать

авансы, на получение которых затрачивать массу энергии, времени, бумаги.

Своих технических средств и оборудования, т.-е. типографии, литографии, Военная Академия не имела—приходилось искать и зависеть от типографий других учреждений, других ведомств.

Своего особого аппарата для обсуждения, разрешения и исполнения всех вопросов, связанных с издательством, Военная Академия не имела—приходилось сложные обязанности, связанные с многогранной издательской деятельностью, возлагать на отдельных, порою случайных лиц.

В результате, в деле своевременного издания в печатном виде и размножения в необходимом количестве экземпляров самых насущнейших научных и учебных трудов и материалов, ощущались более или менее сильные и частые перебои, которые, временами, весьма больно отзывались на интересах слушателей и всего комсостава Красной армии.

Интересы же эти настойчиво требовали от Военной Академии в ее издательской деятельности, особенно в первые годы, учесть, главным образом, два фактора, громко говоривших за себя и противоположные друг другу.

С одной стороны, исключительная бедность послевоенного книжного рынка вообще и полное отсутствие на нем, в первое время, военной литературы, проработавшей и отразившей опыт Мировой войны, в частности.

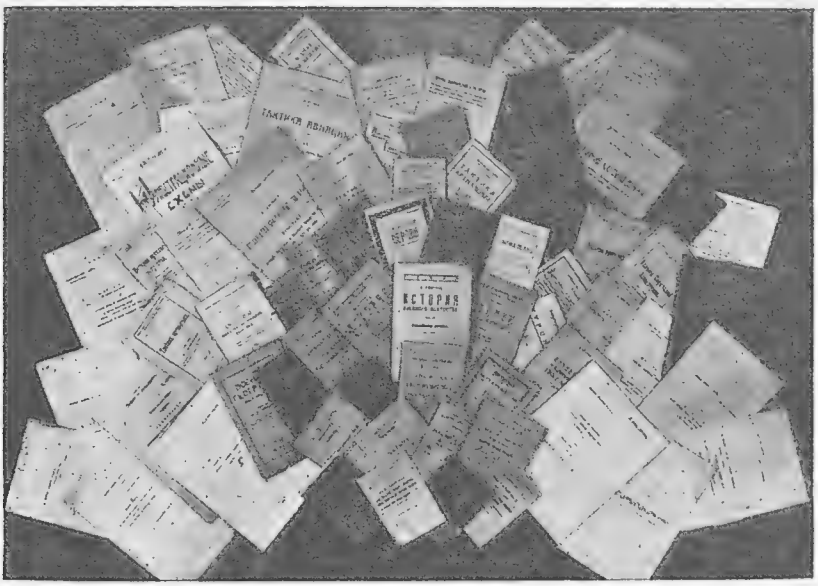
С другой стороны, последовавшее после революции пробуждение к знаниям вообще и особенно к познанию всех достижений и опыта Мировой войны тех, кто от рабочего станка, от крестьянской сохи были призваны стать и политиком, и стратегом, и тактиком, и администратором, кто должен был одновременно и строить РСФСР, и защищать Рабоче-Крестьянское государство на многочисленных фронтах гражданской войны.

С первых же дней своего существования Военная Академия РККА стала самой крупной в РСФСР научной лабораторией военной мысли, где последняя подвергалась исследованию в среде профессоров, преподавателей и слушателей и, претворяясь через их собственный опыт, как прошедших боевую школу Мировой войны, в науку,—путем лекций, изданных тем или иным способом, восполняла, хотя бы отчасти, бедность книжного рынка и удовлетворяла жажду знаний комсостава.

В таком порядке, в первое время, были изданы лекции первых преподавателей и руководителей Академии Ген. Штаба РККА, ныне Военной Академии РККА (см. приложение № 1).

С ликвидацией фронтов, с развитием фактических сношений с заграницей к двум вышеприведенным факторам—бедность книжного рынка и жажда знаний, потерявшим, кстати, к этому времени свою прежнюю остроту, благодаря развитию Госиздата, прибавился новый фактор, определивший интерес слушателей и вообще комсостава РККА, — это современная иностранная литература на всех языках, появившаяся на книжном рынке и в библиотеках.

Возможность приобщаться через иностранную литературу к богатейшему опыту прочих государств во всех областях борьбы



Издания Военной Академии.

и жизни, а особенно во всех последних достижениях в области военного искусства, породила живейший интерес всех работников военной мысли к иностранной литературе, особенно переводной, что, естественно, должно было отразиться на издательской деятельности Военной Академии, чутко прислушивающейся к интересам своих слушателей: стала издаваться переводная литература, а в последнее время приступлено к составлению столь необходимых военно-технических иностранно-русских словарей: английского, немецкого и французского.

Постепенное урегулирование жизни и работы Военной Академии во всех областях, неминуемо, отразилось и на ее издательской деятельности.

В 1921 г. Военной Академии была передана литография, получившая вначале, по своей слабой продукции из за недостаточного оборудования, скромное назначение: печатать и размножать программы, наставления, краткие конспекты и вообще всякий учебный и служебный материал необ'емистого характера.

В 1922 г. для той же цели и, главным образом, для нужд Восточного Отдела в Военной Академии была оборудована стеклографическая мастерская, где с помощью особого весьма быстрого и простого способа перевода на стекло оригинала стали размножаться в любом количестве экземпляров те материалы, главным образом восточных транскрипций и иероглифов, которые не могли быть, за отсутствием шрифтов, отпечатаны в типографиях.

Для всестороннего и компетентного рассмотрения, разрешения и исполнения всех вопросов, связанных с издательской деятельностью Военной Академии 10/VI 1921 г. учреждается Редакционная Коллегия из состава преподавателей Академии, а вскоре, в качестве технического исполнительного аппарата Редакционной Коллегии, в штат Академии вводится Редакционное Отделение.

Таким образом, к 1922 году Военная Академия получает такие органы и оборудования, которые, вполне естественно, как у всякого развивающегося организма, вызывают вполне жизненную потребность к известной самостоятельности, тем более, что специальный орган Наркомвоен, ведающий военным издательством в общегосударственном масштабе, В. В. Р. С., уже не мог к этому времени удовлетворить все более и более растущую потребность Военной Академии в научной и учебной военной литературе. Заявки Академии на издание необходимой литературы все в меньшей и меньшей степени выполняются ВВРС'ом, а в 1922—1923 учебном году годовая заявка Военной Академии на издание 268 печ. листов, последовательно сокращенная по бюджетным соображениям до 132 печ. листов, фактически была выполнена ВВРС'ом в размере всего 57 печ. лист.

За то же время сама Военная Академия уже в состоянии была изыскать средства и издать 150 печ. листов академической литературы (см. приложение № 2).

Наступивший 1923 год открыл перед Военной Академией новые возможности.

Из Владивостока, после очищения его от белогвардейцев, первым эшелоном было направлено в распоряжение Военной Академии лучшее из наследий старой Академии Ген. Штаба: ее богатейшая библиотека и прекрасно оборудованная на ходу

типография, из 5-ти машин, с большим запасом разнообразных шрифтов, с кадром опытных работников.

С получением столь ценного для выполнения издательской деятельности инструмента, открывшего свои „Красные Зори Академического издательства", Военная Академия с новой настойчивостью повела „пропаганду" за самостоятельное издательство, для чего оставалось получить только особые кредиты.

На основании указаний начальника Академии, П. П. Лебедева, данных на совещаниях Совета Академии в мае с./г., была составлена обширная программа издательской деятельности Военной Академии на 1923—24 учебный год по всем циклам академических военных знаний (см. приложение № 3).

Программа эта, получившая одобрение МАС'а и ВВРС'а, была включена в годовую смету Военной Академии на 1923—24 сметный год и была рассмотрена и одобрена Особым Совещанием при Г. Н. С., а в настоящее время по этой смете Военная Академия уже черпает необходимые средства для ее осуществления.

Особенность этой программы в том, что помимо своей полноты она гарантирует выход в печать трудов, действительно достойных названия „академических".

Программа предусматривает необходимость сначала отпечатать все труды тем или иным способом в ограниченном количестве экземпляров как подсобный материал в стенах Академии и, главным образом, для рассылки на рецензию большому количеству наиболее компетентных лиц, после чего, согласно полученных отзывов, труды должны будут подвергнуться окончательной обработке и только тогда будут сданы в печать для широкого распространения.

Итак, к новому учебному и юбилейному году Военная Академия приступила, имея все то, что ей так недоставало для осуществления своей издательской деятельности эти пять лет: достаточный кредит, специальное, разнообразное и полное техническое оборудование (типо-лито-стеклография) и специальный компетентный и рабочий аппарат в лице усиленной Редакционной коллегии и Редакционно-Издательской части, развернувшейся из Редакционного Отделения.

„Красные Зори Академического издательства" открыли к пятилетнему юбилею Военной Академии новую эру ее издательской деятельности: эру самостоятельного издательства.

А. Де-Лазари.

Приложение № 1.

Список лекций, изданных Военной Академией РРКА с первых дней ее существования до 1922 г.

1. **Сулейман.** Устройство тыла и тактика снабжения.
2. **Елизаров.** Тактика пехоты.
3. **Шейдеман.** Тактика конницы.
4. **Цабель.** Полевая фортификация. Часть прикладная.
5. **Незнамов.** Основы современной стратегии.
6. **Агокас.** Техника артиллерии.
7. **Новицкий.** Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 г.
8. **Кузнецов.** Общая тактика (отд. походное движение).
9. **Яцук.** Краткие сведения по технике воздухоплавания и авиации. Конспект.
10. **Ковалев.** Сведения по радио-телеграфу.
11. **Павлович-Вельтман.** Основы империалистической политики.
12. **Харламов.** Военная география.
13. **Самуйлов.** Устройство вооруженных сил Республики.
14. **Свечин.** История военного искусства.
15. **Рейснер.** Основы советской конституции.
16. **Зигель.** Тактика артиллерии.
17. **Владиславский.** Тактика артиллерии.
18. **Величко.** Военно-инженерное дело.
19. **Лукирский.** Общ. тактика (отд. введение, организация отрядов и бой).
20. **Морозов.** Тактика пехоты.

Приложение № 2.

Список учебных и научных трудов и лекций, изданных Военной Академией РККА с 1922 г. до настоящего времени.

А. Труды, изданные через ВВРС.

(Всего 57 печ. листов).

1. **Какурин.** Встречный бой.
2. **Сыромятников.** Тактика артиллерии.
3. **Вацетис.** Очерк военных действий 1 и 2 русск. и 8 германск. армий в В. Пруссии от начала мобилизации до сентября 1914 г.
4. **Свечин.** История военного искусства.
5. **Максимов.** Военно-географич. и статист. обзор СССР.
6. **Корсун.** Турция.
7. **Корсун.** Персия.
8. **Бесядовский.** Современная Румыния. Военно-географич. и военно-статистическое описание.

Б. Труды, изданные Воен. Академией самостоятельно.

(Всего 150 печ. листов).

I. Стратегия.

1. **Зайончковский.** Стратегия. Гл. V, VI.
2. **Гутор.** Стратегия. Простые операции.

II. Тактика.

3. **Какурин.** Наступательный бой.
4. Полк. **Фори** и майор **Ружо.** Общая тактика. Курс лекций Польской Воен. Академии. Пер. Какурина.
5. **Строев.** Тактика авиации.
6. **Сапожников.** Оборона в маневренной войне.
7. **Свечников.** Очерки стратегич. и тактич. деятельности конных масс (армейск. конницы) в современных войнах.
8. **Свечников.** Разведка армейск. конницы.
9. **Сапожников.** Конспект общей тактики (Маневренная война).
10. **Зайончковский.** Конспект тактики пехоты.
11. **Гатовский.** Иллюстрированные схемы по тактике конницы. Графический конспект.
12. **Верховский.** Решение задачи на организацию занятий с отделенным командиром.
13. **Какурин и Сапожников.** Боевые действия дивизии в маневренной войне. Сборник тактических задач.
14. **Казачков.** Краткий конспект по топографии.
15. **Гладков.** Конспект лекций по броневому делу.

III. Военная История.

16. **Щолоков.** Кратк. стратегическ. очерк мировой войны.
17. **Мялковский.** Конспект лекций по истории мировой войны на франц. и бельгийск. театрах военных действий в 1918 г.
18. **Венцов и Белицкий.** Краткий стратегич. очерк. гражданск. войны—май 1918 г.
19. **Невежин.** Красная армия на Западном фронте в русск.-польскую войну.

IV. Воен. Администрация.

20. **Шварц.** Организация военного управления.
21. **Самуйлов.** Организация вооруженных сил Франции. Конспект.
22. **Щолоков.** Комплектование армии.
23. **Щолоков.** Мобилизация.
24. **Мыслицкий.** Военные сообщения. Ч. I. Железные дороги и водн. пути. Ч. II. Обыкновенные пути. Автом. трансп. Арт. транспорт. Конспект.
25. **Шабанов.** Военные сообщения. Отд.: Обыкновенные дороги. Мосты.

V. Воен. География и Статистика.

26. **Снесарев.** Введение в военную географию.
27. **Троицкий.** Воен. география и статистика иностр. государств. (Франция, Англия, С.-А. Соед. Штаты).

28. **Троицкий.** Конспект по воен. географ. и статистике.
29. **Базаревский.** Польша. Конспект лекций по Воен. географии и статистике.
30. **Попов.** Военная география. Дальне-Восточный фронт.
31. **Огородников.** Военно-географическ. обзор западной пограничной полосы.

VI. Соц.-Экономическ. науки.

32. **Бочкарев.** Конспект лекций по всеобщей истории.

VII. Иностранные языки.

33. **Потапов.** Краткий военный французско-русский словарь.

Приложение № 3.

Программа издательской деятельности Военной Академии РККА. на 1923—24 учебн. год.

№№ п/п.	АВТОР.	НАИМЕНОВАНИЕ.	Количество листов.
		I. Стратегия.	
1.	**Зайончковский.**	Окончание курса по стратегии .	6
2.	**Капустин.**	Отдел позиционной войны	2
3.	**Балтийский.**	Отдел десантных операций . . .	5
		II. Тактика.	
4.	**Какурин.**	Курс общей тактики. Отдел боя, гражд. войны и партизанских действий	30
5.	**Сапожников.**	Курс общей тактики. Марш-маневр и служба охранения . .	2
6.	**Свечников.**	Тактика крупных масс конницы .	10
7.	**Муклевич.**	Тактика политработы	11
8.	**Лигнау.**	Курс по тактике пехоты	13
9.	**Гатовский.**	Курс по тактике конницы, а равно материалы к запискам	6
10.	**Сыромятников.**	Дополнение и исправление курса по тактике артиллерии . . .	13
11.	**Яцук.**	а) Курс по технике возд. флота и б) Курс по тактике маскировки .	10
12.	**Гладков.**	Курс по тактике броневойск . . .	6
13.	**Пригоровский.**	а) Курс по тактике техновойск и б) Справочник по технике техновойск	12
14.	**Цейтлин.**	Курс по тактике связи	5
15.	**Шлейснер.**	Курс по технике связи	5
16.	**Казачков.**	Курс по военной топографии . .	8

III. Военная администрация.

№№ п/п.	АВТОР.	НАИМЕНОВАНИЕ.	Количество листов.
17.	**Щолоков.**	Курс по в. администрации. Отдел мобилизации и комплектования.	20
18.	**Шварц.**	Отдел управления и организации.	
19.	**Сулейман.**	Отдел тыла и тактики снабжения.	12
20.	**Мыслицкий.**	Отдел военных сообщений	6

IV. Военная география и статистика.

21.	**Снесарев.**	Учебник по отделу: Введения в воен. географию и статистику.	5
22.	**Максимов.**	Отдел 2-й части цикла: Обзор С. С. С. Р.	6
23.	**Бесядовский.**	Обзор иностранных государств—Румыния	—
24.	**Корсун.**	Обзор иностранных государств—Персия и Турция	8
25.	**Снесарев и др.**	Обзор иностранных государств .	
26.	**Никольский.**	Обзор иностранных государств—Китай	—

V. История Военного искусства.

27.	**Свечин.**	Курс по истории военного искусства (переработка)	15
28.	**Верховский.**	Записки по истории военного искусства в России (переработка)	15

VI. История последних войн.

29.	**Новицкий, В.**	Действия на французском фронте в 1914—18 г.г. (переработка) .	15
30.	**Зайончковский.**	Общий краткий стратегический очерк Мировой войны 1914—1918 г. г.	11
31.	**Вацетис.**	Обзор гражданской войны 1918—1920 г. г.	10
32.	**Кадошников.**	Операция в Галиции в 1914 году.	10
33.	**Мялковский.**	Очерк военных действий на Западном фронте в 1918 году .	8
34.	**Венцов-Кранц и Белицкий.**	Очерк гражданской войны 1918—1921 г. г.	20
35.	**Невежин.**	Очерк Гражданской войны 1918—1921 г.г. Военные действия в гражд. войну 1918—20 г. г. на Польском фронте	8
36.	**Мартынов.**	Русско-Японская война 1904—05 г.г.	20
37.	**Корольков.**	Варшавско-Ивангородская операция и Лодзинская операция .	15

VII. Инженерное дело.

№№ п/п.	АВТОР.	НАИМЕНОВАНИЕ.	Количество листов.
38.	**Пригоровский.**	Курс по инженерному делу . . .	10
39.	**Невский.**	Курс по групповым укреплениям (переработка)	6
40.	**Величко.**	Курс по долговременной фортификации	10

VIII. Артиллерия.

41.	**Голубинцев.**	Курс по технике артиллерии . .	10

IX. Техника штабной службы.

42.	**Варфоломеев.**	Курс техники штабной службы .	6
43.	**Сытин.**	Разведывательная служба	6
44.	**Цейтлин.**	Связь	6

X. Иностранно-русские военно-технические словари.

45.	**Войнилович.**	Англо-русский словарь	6
46.	**Таубе.**	Немецко-русский словарь	6
47.	**Потапов.**	Французско-русский словарь . .	6

Всего . . . . 448 п. л.

Эволюция хозяйственного быта.

I. Первые годы существования Академии (1918—20 г.).

Экономическая основа существования Академии Генерального Штаба определена в утвержденном 1 марта 1919 года штате Академии нижеследующим образом: „Кредиты, необходимые на канцелярские расходы, на хозяйственные надобности, на чертежные работы, на приобретение и печатание учебных пособий, лекций, конспектов и стенографических записей, на содержание и ремонт зданий Академии (отопление, освещение, водоснабжение, поддержание чистоты и опрятности и т. д.), автомобилей, мотоциклетов, библиотеки, телефонов, литографии, мастерской, лазарета-амбулатории исчисляются в сметном порядке“. Но от исчисления необходимых кредитов до сносного существования в 1918—20 г.г. было далековато. Само собою разумеется, что Академия не могла быть в этом отношении каким-либо резким

исключением. Попробуем нарисовать, хотя бы в общих чертах, картину хозяйственной жизни Академии того времени. Чтобы достигнуть наибольшей точности и беспристрастности изложения, раскроем один из официальных документов — акт обследования (инспектирования) Академии.

О какой „исторической эпохе“ идет речь, становится ясным из первых же попадающихся на глаза строк: „Зимою живущими в общежитии были сожжены на топку печей все столы, табуреты и прочая деревянная мебель. Комиссия, назначенная для расследования этого дела, не могла выяснить ни виновных, ни точного количества сожженного, ибо описи имущества не имелось, а учета ему не велось“. Найти виновных, действительно было трудно. Пожалуй, что в эту зиму (то был 1919 г.) их трудно было даже искать: в этом учебном году 75% учебного времени было потеряно вследствие прекращения занятий из-за холода. Отмечая (надо полагать, все-таки с преувеличением) потерю $^3/_4$ учебного года, акт не находит для этого сообщения более сильного выражения, чем нижеследующее: „Сильно влияет на успешное прохождение слушателями курсов холод в зимнее время“.

Читаем дальше: „Большим тормазом в учебной работе является полное отсутствие или большой недостаток учебных пособий и печатных лекций. На книжном рынке необходимых пособий не было. Академии пришлось самой издавать читаемые в ней лекции. Издательство выделено в самостоятельный отдел со штатом (заведующий, 3 переписчика и курьер), содержащимся за счет сметы издательства“.

Печатание издаваемого происходило с перерывами: с ноября 1919 г. по май 1920 г. на Академию не работала, ссылаясь на отсутствие топлива, ни одна из трех типографий, принявших на себя выполнение ее заказов. Своей типографии Академия не имела. Снабжение слушателей учебными пособиями носило весьма случайный характер. Часть нужных карт давалась Военно-Топографическим Отделом, но карт и планов крупного масштаба не было вовсе. Готовален и чертежных принадлежностей не было. Мензул для полуинструментальной с'емки едва хватало по одной на партию в 5—6 человек. Столы, на которых производились занятия, совершали кругосветные путешествия: аудитория — столовая — аудитория.

Библиотека Академии, предназначенная быть подсобным для слушателей при прохождении курса аппаратом, не имела ни книжного фонда, ни денежных средств на покупку книг. Только с передачей в ее распоряжение библиотеки б. Охотничьего Клуба

явилась возможность выдачи книг для чтения слушателям. К 1-му августа 1920 г. библиотека имела:

Из бывшей библиотеки Охотничьего Клуба	3632	тома
оттуда же журналов	6000	томов
полученных в дар	119	„
поступивших от различных учреждений .	1828	„
купленных	2365	„
реквизированных	2981	„
Всего . . .	16925	томов.

Для снабжения слушателей учебниками и учебными пособиями, картами и классными принадлежностями, библиотека выделила „Склад учебных пособий и канцелярских принадлежностей“, а для удовлетворения все возроставшего спроса на литературу по военным вопросам и на книги научно-образовательного характера—„Отдел фундаментальной библиотеки“. Эта фундаментальная библиотека помещалась в одной комнате, где производилась разборка, расстановка и описание книг; тут же находились заведущий библиотекой и вся канцелярия последней [1]).

На некоторых стелажах книги стояли в 3 ряда, а то и просто лежали кучей. Сохранности книг такая обстановка, конечно, не могла способствовать ни в какой мере.

Но у библиотеки был еще другой бич: утрата книг абонентами, действительная или мнимая. Для борьбы с этим злом библиотека не имела средств: „За последние 6 месяцев, повествует акт, утеряно свыше 300 книг“. А эти 300 книг — 2% всей библиотеки.

Вернемся теперь к начатому об общежитиях слушателей.

Общежития для слушателей Академии, узаконенные приказом Революционного Военного Совета Республики в декабре 1919 года, имели своим назначением „предоставлять за плату для прибывающих штатных слушателей Академии удобные для жизни их, на время прохождения курса, светлые, сухие, удовлетворяющие по возможности всем требованиям гигиены, помещения с отоплением, освещением, необходимой обстановкой и кипятком“. Семейства слушателей, по положению, права на отвод им помещения в общежитиях не имели. Плата за пользова-

[1]) Описывая состояние библиотеки Всероглавштаба, прикомандированной к Академии, акт, между прочим, говорит: „Охранять библиотеку, собственно, некому, почему хранитель ее как бы пришит к ней, в ней же и живет, почуя на диване“.

ние общежитием должна была определяться периодически, не ранее, как через 4 месяца, Главным Управлением Военно-Учебных Заведений и утверждаться Военно-Законодательным Советом. Каждому квартирующему в общежитии должны были предоставляться кровать с матрацом, стол, два стула или табуретки и, при желании, постельные принадлежности. Деньги, выручаемые за пользование общежитием, подлежали сдаче (ежемесячно) в доход казны и отнюдь не могли служить источником для покрытия каких бы то ни было расходов, связанных с содержанием общежития.

Фактическое же положение вещей представляется в нижеследующем виде. Академия имела три общежития: главное — д. 1, по Нижне-Лесному пер. и дополнительные—б. номера „Левада“ (Тверская, 27) и б. меблированные комнаты „Реномэ“ (Тверская, 29). Вот как было заселено к 27 сентября 1920 года главное общежитие—д. 1, по Н.-Лесному пер.:

Колич. комнат.	Занято комнат.	Свободно.	Сколько проживает слушателей.		Сколько проживает сотрудников.	
			Женатых.	Холостых.	Женатых.	Холостых.
55	22	33	6	22	4	2

Выводы из этой таблички напрашиваются сами собою:

а) В общежитии было много свободных помещений. Причиной тому была не плата за проживание (она хотя и была установлена и определена в $^1/_5$ денежного содержания слушателя, но не взималась, что подчеркивает акт, по распоряжению комиссара Академии), а отсутствие топлива и холод. Этому об'яснению мы находим подтверждение в одном из пунктов акта комиссии, производившей расследование по поводу упомянутого выше израсходования мебели на отопление здания. Председателем этой комиссии, именуемой в акте „Комиссией по поводу сожжения табуретов, столов и досок от кроватей, а также других непорядков, царящих в общежитии на Н.-Лесном пер.“, и творцом акта был бывший комендант Академии — Королев, большой любитель говорить и писать витиевато. Расследуя сожжение „других непорядков, царящих в общежитии“, он установил малочисленность населения общежития, об'ясняемую тем обстоятельством,

что, из-за отсутствия топлива, слушатели вынуждены покидать общежитие и искать более теплого помещения.

б) В общежитиях жили семьи слушателей—вопреки установлению и, что опять подчеркивает акт, инспектирования с разрешения комиссара Академии.

Середина 1920 года застала в общежитии одиннадцатого или двенадцатого (по счету) заведующего. Предшественник последнего заведующего, разжалованный в привратники, не мог об'яснить причины несоответствия наличия сдаваемого им имущества значущемуся по материальной книге и заявил при сдаче, что этого имущества он от своего предшественника не принимал и этим делом не интересовался, полагая, что имущество его не касается, а ведает им исключительно кладовщик. Эти данные вдохновили тов. Королева на нижеследующий вывод: „Наблюдаемое явление чуть ли (!) не преступного характера, выразившееся в расхищении, а также сожжении некоторой части инвентарного имущества, вызвано отсутствием системы управления общежитием, так как при частой смене заведующих, таковые попадали в руки ветеранов (?!) или лицам, коим была неинтересна судьба, а также вверенное дело вообще, а в частности полнейшее отсутствие компетентности в делах управления домами". Мудрено ли, после изложенного, представить себе, как холод похитил из под носа „некомпетентного ветерана" все столы и стулья!

С охраной общежитий дело обстояло также неладно: дежурившие поочередно три привратника выполняли довольно наивную инструкцию: опрашивать фамилии у лиц, выносящих вещи, и записывать эти фамилии в особую тетрадь. Комиссию т. Королева такая наивность возмущает, и она дает рецепт исцеления: „Отстранить от должности уборщицу гражд. Кулькову Наталью, так как дальнейшее пребывание ее на службе совместно с гражд. Сухаревой не устранит явление, каковое будет служить продуктом, при совершении каких-либо краж, создавать ложное направление его по существу".

Удовлетворение слушателей положенными видами довольствия—пайковым, денежным и вещевым—протекало сравнительно нормально. Резких перебоев в отпуске положенного не наблюдалось. Слушатель получал: 1) фронтовой продовольственный паек, или обед (суп или щи и кашу), ужин (рыбу с овощами, кашу или пшенные котлеты) и два фунта хлеба; в начале существования Академии приходилось не отворачиваться от конины и от мороженного картофеля, но к 1920 году наладилась регулярная доставка мяса, пища стала чаще мясной и реже постной, недо-

дачи, против установленного отпуска жиров, не стало; 2) не менее одного комплекта обмундирования в год; второй, а иногда и третий комплект в течение года слушатели получали за плату, как выпускаемые при отправлении на фронт (комиссией, производившей в 1920 году обследование Академии, выдача второго, а тем более третьего комплекта была строжайше запрещена; 3) оклад содержания по должности командира роты.

Но положенного на слушателя не могло хватить на пропитание и вообще на содержание его семьи. Материальное положение семейных слушателей (а таковых в Академии всегда было большинство, которое сделалось за последние годы подавляющим) было необычайно тягостным. Только периодически посылаемые находящимися на фронтах слушателями продовольственные подарки являлись некоторым подспорьем в питании семей, которые без этого буквально и беспросветно голодали.

О материальном положении нам придется еще говорить в дальнейшем. Здесь же ограничимся изложенным, а в завершение краткого обзора 1918—20 г.г. скажем еще несколько слов о подборе и составе младшего административного и канцелярского персонала Академии. Среди этого персонала не мало было людей без всякого служебного стажа, неусидчивых в работе, требующих постоянного над собой руководства и наблюдения, вообще, должно быть, изрядных „ветеранов". Штат сотрудниц, к тому же, был необычайно переменчив, ибо в немалой своей части состоял из жен и родственниц слушателей; с уходом из Академии главы семьи—оставляли службу и родственники. С таким составом рабочего аппарата немудрено было тратить на выполнение работы вдвое, втрое более усилий и все же не добиться желанных результатов.

II. Январь—сентябрь 1921 года.

Неудовлетворительная работа обслуживающего аппарата Академии является одной из причин развития самодеятельной работы слушателей во всех без исключения отраслях хозяйственной жизни. Не подлежит никакому сомнению, что, и при удачном подборе сотрудников, в ту пору без участия слушателей трудно добиться надлежащего удовлетворения повседневных материальных нужд. Но неудовлетворительный аппарат принудил, вместо вполне разумного привлечения слушателей к выполнению ударных и эпизодических заданий, в чем слушатели были незаменимы, ввести их самостоятельную работу в систему. Наиболее

отчетливое отражение эта самодеятельность слушателей в области хозяйства нашла в работе контрольно-хозяйственного совета, имевшего назначением контроль и наблюдение за всеми отраслями хозяйственной жизни (общежитиями, мастерскими, складами, кладовыми, столовой, кухней, хозяйственной частью клуба и канцелярией хозяйственной части Академии) и призванного содействовать целесообразной и планомерной организации работы хозяйственной части Академии. Члены контрольно-хозяйственного совета следили за своевременным затребованием хозяйственной частью из надлежащих источников всего необходимого для нормальной жизни Академии, разрешали конфликты и недоразумения, имеющие отношение к хозяйственной части, устанавливали порядок работ в мастерских, присутствовали при приеме и выдаче всяких продуктов и материалов. При выполнении контрольно-хозяйственным советом его функций получился такой переплет правомочий, компетенций и обязанностей хозяйственной части и органов самодеятельности, что на практике совершенно немыслимо было разобраться, кто что делает и кто за что отвечает. Приведу один довольно яркий пример. По сравнению с предыдущими годами (1918—1920), квартирный вопрос в Москве в 1921 г. резко обострился. Найти комнату стало весьма трудным делом. Свободных комнат в общежитиях Академии тоже не стало. Только незначительный процент прибывающих для поступления мог, и то при особой удаче, расчитывать на устройство на частной квартире. Академия должна была, не могла не ожидать, что всех остальных, процентов 90, придется размещать ее попечением. Квартирным вопросом были заняты все и никто. По этому адресу и направлялись прибывающие, алчущие квартиры. Что творилось в этот прием, трудно даже себе представить. Чтобы разместить прибывших, вскрывали комнаты слушателей, находящихся в командировках на фронтах и ожидаемых к началу учебного года. Эти последние возвращались и затевали невообразимый скандал. Часть прибывших была размещена в помещении бывшего ресторана „Слон“, найденным на скорую руку. Условия расквартирования в этой мусорной яме были настолько кошмарны, что туда не рисковал заглядывать ни один из „квартирников“.

Найти виновных в бездействии и непринятии соответствующих мер среди административно-хозяйственного аппарата, на первый взгляд, было, пожалуй, легко, но каждый из найденных так смахивал на стрелочника, что расправиться с ними значило бы не достигнуть цели. Переплет функций приучил хозяй-

ственный аппарат к такой пассивности и к такому сваливанию ответственности на других, что для перевоспитания этого аппарата понадобилась гигантская встряска. На вмешательство, на давление органов самодеятельности ссылались даже тогда, когда последним и не снилось никакое участие в вопросе.

Было бы неправильным сделать из этого вывод, что хозяйственное состояние Академии не улучшалось. Но улучшение это не поспевало за потребностями, и потому создавалось впечатление „шага на месте", если только не относительного ухудшения условий жизни и работы в Академии.

Эпоха, когда учебные пособия выдавались не те именно, которые были в данный момент наиболее нужны, а те, которые имелись в наличии в учебном складе, миновала, но потребных для прохождения курса пособий все же было так мало, что они ни в коем случае не могли удовлетворить испытываемой в них нужды. 75% учебного времени из-за холодов не пропадало, но какой-то значительный % потери времени от работы в шинелях, папахах и перчатках, в слабо протопленных аудиториях, был. На заготовку (погрузку) дров отправлялись, с громадной потерей рабочего времени, целые курсы. Мясо и жиры в установленной норме вошли в питание слушателей, как постоянная величина, но содержать семью слушателю было не на что, и он регулярно недоедал вместе с нею. Обстановка учебной работы в Академии стала необычайно трудной и неудобной: наличие в здании всего двух аудиторий и одного коридора, при развертывании, расширении и углублении учебной программы, привело к невыносимой тесноте. На практических занятиях по военным предметам или языкам (западно-европейским или восточным), которые велись по групповому методу и происходили в одной из аудиторий и в коридоре, творилось нечто невообразимое: стоял несмолкаемый гул, голоса соседей заглушали голос руководителя. Занимающиеся сидели, едва не прислонясь друг к другу спинами. На занятиях по языкам свершалось вавилонское столпотворение. Столы, на которых происходила учебная работа, своей привычке путешествовать в столовую и обратно и к этому времени не изменили.

Так обстояло дело к началу 1921—22 учебного года, когда число слушателей увеличилось вдвое.

III. 1921—22 учебный год.

1921/22 учебный год дал резкий толчек изменению хозяйственной жизни Академии: заставил все забурлить, а затем утрясаться в новой, отличной от прежней, обстановке.

Повествование об этом необходимо начать с такого сдвига, как переезд основных курсов Академии и перенесение центра ее жизни с Воздвиженки в д. 19 по ул. Крапоткина. Если до увеличения числа слушателей обстановка работы в д. 6 по Воздвиженке была крайне тяжелой, то после этого увеличения в прежнем помещении буквально немыслимо было оставаться. Начались лихорадочные поиски подходящего здания. Таковым был определен д. 19 по ул. Крапоткина, занимавшийся тогда Высшей Военно-Химической Школой. История получения Академией этого здания стоит того, чтобы о ней рассказать. По ходатайству начальника Академии (им был тогда М. Н. Тухачевский), Революционный Военный Совет Республики дал свое согласие на вывод Химической школы из занимаемого ею помещения. Когда школа выехала и Академия собиралась приступить к занятию здания, нежданно-негаданно нагрянул инспектор Комиссии по разгрузке г. Москвы, и сообщил, что постановлением Комиссии освобожденное здание передано под общежитие слушателей Института Красной Профессуры. Через один—два дня Академия получила письменное о сем постановление. Просьбы и увещевания не привели ни к чему. Тогда начальник Академии отдал приказ о переезде с Воздвиженки в ставшее спорным здание. Переезд этот был проделан лишь наполовину, когда начальник Академии вынужден был уехать по делам в Петроград. На другой день после его от'езда вновь нагрянул инспектор Комиссии по разгрузке, квалифицировал учиненное деяние, как самочинное, и потому преследуемое, предложил немедленно освободить своевольно занятое помещение и пообещал посодействовать передаче дела самочинщиков в В. Ч. К. Было ясно, что за обладание освобожденным стараниями Академии и до крайности необходимым ей зданием начата серьезная борьба. Не без влияния в достаточной мере тенденциозного доклада своего инспектора Комиссия по разгрузке приняла решение в пользу Института Красной Профессуры. Нужно было оттянуть время, добиться во что бы то ни стало пересмотра вопроса в самой же Комиссии, дать беспристрастное и детальное освещение нужд Академии и поставить вопрос, что называется, ребром. Между тем, во исполнение требования неумолимого инспектора, действовавшего, как страш-

нейшим тараном, именем комиссии, нужно было перевозить привезенное обратно на Воздвиженку. Переезд этот, разумеется, совершался темпом, вдесятеро более медленным: в нужный момент транспорт Академии оказался и не на высоте своего положения, и недостаточно мощным. Так, с пререканиями и увертками, удалось затянуть выезд до возвращения из Петрограда т. Тухачевского. Последний по возвращении своем так штурмовал Комиссию, что она вынуждена была согласиться с его доводами и изменила свое решение в пользу Академии, но отказать себе в удовольствии передать дело самочинщиков в ВЧК не могла.

С получением этого дома разрешился вопрос о площади, потребной для учебной работы. Но не был разрешен еще тот тягчайший жилищный кризис, о котором уже упоминалось в предыдущей главе. Высшая школа Штабной Службы, которая с началом учебного года была влита в Академию, принесла с собою в приданое два дома—д. 45 по б. Никитской ул. и д. 40 по Поварской ул. Первый из них был учебным зданием школы, второй—ее общежитием. С передачей школы в Академию учебные занятия были перенесены на Воздвиженку, а д. 45 по Большой Никитской передан под общежитие; но этот домик был каплей в море огромной жилищной нужды. Во все концы ближайших к Академии районов были разосланы гонцы-соглядатаи, коим поставлена была задача подыскания подходящего по размерам для удовлетворения нужды здания. Один из таких гонцов, слушатель, остановился на громадном доме № 1/8 по Знаменке, который занимала тогда авто-мото-бригада. Внутренний вид и состояние этого здания были таковы, что администрация Академии даже при наличии кризиса не сразу решила, что делать: остановиться на этом здании или продолжать поиски. Но неотложная нужда все же подсказала решение. Авто-мото-бригада, не без запирательства с ее стороны, была выведена, а здание передано в распоряжение Академии.

Таким образом, Академия обогатилась сразу двумя огромными зданиями, из коих одно совершенно удовлетворяло нужды учебного размещения, а другое значительно смягчало жилищный кризис. Но состояние обоих зданий оставляло желать лучшего. Вдобавок оба они переданы были Академии, что называется, без единого гвоздика. Нужны были решительные, неотложные мероприятия по приведению полученных зданий в надлежащий вид и по оборудованию их необходимым инвентарем. Энергии т. Тухачевского обязана Академия тем, что тотчас за удовлетвори-

тельным разрешением вопроса о размещении последовало создание особой Комиссии Реввоенсовета Республики по улучшению быта Академии. Председателем Комиссии был член РВСР т. Данилов С. С., членами ее Главный Начальник Снабжений и Главснабпродарм. В первом же своем заседании Комиссия эта постановила: 1) обязать Главное Военно-Инженерное Управление найти средства для ремонта и оборудования инвентарем зданий Академии, 2) предложить Главному Военно-Финансовому Управлению снабжать Академию денежными знаками в пределах смет в первую очередь, 3) обязать Главное Военно-Хозяйственное Управление удовлетворить Академию вещевым довольствием в размере 100% потребности, впредь выдавать обмундирование, белье и обувь лучшего качества и выдать вне табели материал на 1000 комплектов обмундирования; 4) обязать Главснабпродарм выдавать продовольствие хорошего качества, заменяя растительные жиры—животными, а черный хлеб (частично) белым; во избежание перебоев, создать на складах Академии двухнедельный запас продовольствия. После этих установлений столь влиятельной Комиссии работа закипела. Главное Военное-Инженерное Управление правдами и неправдами увернулось от ремонта всех зданий Академии, но зато выделило довольно солидные средства для ремонта д. 19 по ул. Кропоткина и д. 1/8 по Знаменке. Оба эти дома к концу описываемого учебного года буквально преобразились. Ремонтных работ такого масштаба почти не было в это время во всей Москве. Оборудование инвентарем не было доведено до конца, но все же Академия получила прилично (и не только потому времени) имущество.

Главное Военно-Хозяйственное Управление выполнило возложенное на него обязательство даже в части, касающейся внетабельного отпуска материала на постройку обмундирования. Из этого внетабельного было пошито и выдано слушателям по одному комплекту обмундирования. Хотя самое наименование „внетабельное“ долгое время после этого было бельмом на глазу у всех поверяющих и ревизующих органов, но для слушателей этот комплект сослужил хорошую службу.

В конце 1921 года Московский Совет Р. К. и К. Д. принял шефство над Академией. В целях оказания подшефной части действительной помощи, Президиум Московского Совета создал, по образу и подобию Реввоенсовета Республики, Комиссию по улучшению быта Академии, включив в нее своего представителя и представителей Московского Коммунального Хозяйства и Московского Управления по Топливу. В результате работ этой Ко-

миссии Академия обрела: 1) право взимания в свою пользу арендной платы с магазинов, находящихся в нижнем этаже одного из общежитий; 2) ежемесячный отпуск нескольких тысяч бесплатных трамвайных талонов. Московскому Управлению по Топливу эта Комиссия вменила в обязанность снабжать в течение зимы 1921 г—22 г.г. Академию дровами. Президиум Московского Совета оказывал Комиссии всемерную поддержку и не останавливался даже перед служебными взысканиями с ответственных лиц за невыполнение ими ее постановлений, как было однажды с ответственными руководителями Московского Управления по Топливу. С большим напряжением сил, сперва пользуясь для погрузки дров слушателями и сотрудниками (опять с потерей рабочего и учебного времени) и только во второй половине отопительного периода обретя средства для расплаты с наемными грузчиками, Академия, впервые за все время ее существования, справилась с топливным вопросом. Адресовавшись за справками по этому поводу к официальным документам, можно найти в одном из них, акте обследования в феврале 1922 года, нижеследующие строки: „Снабжение Академии дровами своевременное; кризисы энергично ликвидируются".

Эти сухие слова таят в себе содержание, хорошо понятное тому, кто перед этим две—три зимы грыз гранит науки, щелкая от холода зубами. Перебои в доставке дров были и в этом году, но были именно перебои; сам же отопительный период перестал быть одним сплошным перебоем.

В течение 1921—22 учебного года произошла постепенная передача по принадлежности, т.-е., в хозяйственную часть, всех хозяйственных функций. Личный состав хозяйственного аппарата был освежен. В сравнении с недавним прошлым, аппарат этот обрел огромное преимущество: всяк в нем знал, чем он ведает, какими правами пользуется и за что отвечает. На всей работе аппарата в целом это, конечно, не могло не отразиться надлежащим образом.

Материальное положение слушателей и в этот период было предметом самых неустанных забот. Положение семейных слушателей в первый год существования нэпа значительно ухудшилось. Наиболее обремененным семьей пришлось искать побочной, иногда даже физической работы. Для учебной работы у этой категории слушателей почти не оставалось времени. Вместе с семьей, и в первую голову, голодал сам слушатель. Необходимо было облегчить создавшееся положение, дать хотя бы мало-мальски сносные условия существования. Рядом обращений к фронтам

удалось добиться натуральной помощи продовольствием, материалом на костюмы, платье и белье. Это было подспорьем, но вопроса, конечно, не разрешало. Установленный для командного состава семейный паек явился регулярной помощью, но только продовольственной и не в меру действительной потребности. На первый план выдвинулось денежное содержание, то самое, о получении которого год тому назад казначей умолял чуть ли не каждого слушателя в отдельности. Денежное содержание довольно быстро нагнало в значении для хозяйства слушателя и его семьи продовольственный паек, а затем оставило этот паек довольно далеко позади. Тогда все ходатайства и усилия Академии направились в сторону увеличения этой доходной статьи в бюджете слушателя. Начальнику Академии т. Геккеру. А. И. удалось добиться установления слушателям окладов содержания по должностям, которые ими занимались до поступления в Академию (но не ниже должности командира батальона). Это установление дало довольно ощутимое улучшение материального положения немалому числу слушателей.

IV. Учебный 1922—23 год.

В учебном 1921—22 году нельзя было похвастаться даже самым незначительным размахом в расходовании средств на организацию и оборудование учебных занятий. Эпизодически отпускаемые довольствующими органами денежные суммы плелись безнадежно в хвосте за растущими и развивающимися научно-учебными требованиями. Выплата полекционного вознаграждения преподавательскому составу производилась с запозданием на целые месяцы. Только летом 1922 г. была тщательно проработана, а осенью того же года проведена в установленном порядке смета расходов на учебные потребности, которая открыла учебному отделу весьма широкие горизонты.

Учебный 1922/23 год был, главным образом, годом удовлетворения учебных нужд. Развилось издательство до таких размеров, которые и не грезились не только первым, но даже и предыдущему году существования Академии. Из Владивостока прибыла и была пущена в ход типография бывшей николаевской Военной Академии, обслуживающая теперь на $^3/_4$ своей выработки специально-учебные нужды Академии, а на $^1/_4$ выполняющая заказы Высшего Военно-Редакционного Совета, из которых каждый является учебником, пособием или литературой по преподаваемым в Академии предметам. Одновременно с типографией

прибыли библиотека и склад учебных пособий старой Академии, которые, влившись соответственно в библиотеку и склад Красной Академии, расширили их до неузнаваемости. Аудитории начали принимать вид, свойственный таковым в высшем учебном заведении. Многое из прошлого отошло в эту пору в область преданий. В январе 1922 г. слушатели, оставляя по приказу учебную работу, выезжали на пригородную станцию и грузили топливо, чтобы иметь возможность заниматься в тепле. В октябре—ноябре того же года человек, заикнувшийся о чем-либо подобном, казался свалившимся с луны. Прибывшие для поступления не попали сразу в могущую их удовлетворить обстановку, но теплым помещением казарменного типа они были обеспечены тотчас же по прибытии. Только затянувшийся выезд отчисленных от Академии до окончания курса и запоздалый выпуск окончивших создали временный жилищный кризис, который по выезде их смягчился до пределов допустимого.

От общего темпа работы отставал только ремонт общежитий. Отделавшись от ремонта зданий общежитий Академии (кроме общежития на Знаменке) около года тому назад, органы Военно-Инженерного Ведомства не нашли для него средств и теперь, и потому одно из общежитий стало чудом техники—чуть ли не семиэтажным небоскребом без единой уборной. Академия расходовалась на ремонт, как могла, из своих средств, но этого было далеко не достаточно. К концу учебного года Военно-Инженерное Ведомство вовсе из'яло общежития из своего попечения, заявив вдруг, что они не предусмотрены законом и что поэтому все расходы по общежитиям—ремонт, оплата коммунальных услуг и т. п.—подлежат покрытию из средств самих живущих. Это раз'яснение Главного Военно-Инженерного Управления (кстати сказать, до сего времени не подкрепленное им ссылкой на какой-либо приказ) почти совпало по времени с сокращением штата Академии и с из'ятием из него обслуживающего общежития персонала, и в достаточной мере обострило вопрос о содержании общежитий.

Начало нового 1923/24 учебного года дало яркую картину продолжающегося роста учебного оборудования Академии и получило для разрешения в первую очередь вопрос об общежитиях.

М. Захаров.

Работа красных академиков в армии.

За пять лет своего существования Красная военная Академия дала нашей армии три выпуска работников, получивших высшее военное образование.

Первый выпуск работает в частях Красной армии уже слишком два года, второй—только что закончил годичную стажировку, а третий — в октябре месяце текущего года ее начал.

Академия не располагает исчерпывающим материалом о работе ее питомцев на местах, однако и имеющиеся материалы дают довольно полную картину этой работы.

Первый выпуск.

Выпущено было всего 101 человек. Из них до сего времени выбыло: демобилизованных в аттестационном порядке—4; демобилизованных по ходатайствам гражданских наркоматов—3; умерло—3 и осужденных судом—1, а всего 11.

В настоящее время в строю находится 90 чел.

Первый выпуск по своим признакам распределялся следующим образом:

1. По социальному положению до революции:

а) рабочих. . . . . 18 чел.
б) крестьян. . . . . 41 „
в) прочих . . . . . 42 „

2. По партийной принадлежности:

а) членов РКП (б). . . . . 46 чел.
б) беспартийных. . . . . 40 „

3. По возрасту:

а) от 20 до 26 лет. . . . . 3 чел.
б) „ 25 „ 30 „ . . . . 67 „
в) „ 30 „ 35 „ . . . . 8 „

4. По общему образованию:

а) с незаконченным высшим. . . . . 19 чел.
б) с законченным средним. . . . . 51 „
в) с незаконченным „ . . . . . 16 „
г) и прочих . . . . . 15 „

5. По военной подготовке:

а) быв. кадровых офицеров . . . . . 5 чел.
б) быв. офицеров военного времени. . 72 „
в) краскомов. . . . . 3 „
г) быв. кадровых стар. армии . . . . 17 „
д) красноармейцев. . . . . 4 „

Непосредственно после выпуска красные академики были назначены на должности значительно более высокие, чем они занимали до поступления в Академию. Это было большой ошибкой, так как многие, не пройдя предварительного стажа на низших должностях, не справлялись с порученным им делом, что вызвало нарекания командующих округами и было причиной весьма болезненных трений на местах. В течение 1 года и 8 месяцев только 12 человек из числа окончивших сохранили свои первоначальные должности.

Прочие их меняли:

21 человек по. . . . . 1 разу.
41 „ „ . . . . 2 „
10 „ „ . . . . 3 „
6 „ „ . . . . 4 „
1 „ „ . . . . 9 „

Причины частой перемены должностей крылись главным образом в постоянных переформированиях частей и штабов, но далеко не последнюю роль здесь играли трения и нелады с начальством.

В результате всех этих переводов и перемещений первый выпуск в отношении занимаемых должностей в общем был несколько понижен.

В некоторых случаях аттестационный материал на окончивших Академию 1921 г. разбирался Высшей Аттестационной Комиссией, причем ею вынесены следующие решения:

признаны соответствующими	2 чел.
перемещены со строевых на штабные должности	3 „
понижены	10 „
признаны подлежащими отправлению на стажировку	6 „
демобилизовано	4 „

Эти цифры весьма характерны и они показывают как мы ощупью подходили к решению вопроса об использовании в армии красных генштабистов.

О движении по службе первого выпуска дает представление приложенная на стр. 251 таблица.

Тов. Троцкий еще в ноябре 1921 г. в своей директиве обратил внимание на следующее:

„При распределении окончивших стеснялись назначать их на недостаточно высокие должности, как, например, командира батальона или командира полка. Вот этакое „стеснение“ мне кажется в корне неправильным и чрезвычайно вредным для самих красных генштабистов. Из-за этой тенденции многие из них окажутся в том или другом отношении недоделанными на всю жизнь. Если же всем молодым генштабистам твердо раз'яснить взгляды Реввоенсовета на необходимость в дальнейшем завершения обучения каждого из них, уже на практическом поприще, то назначение одного в штаб округа, а другого батальонным командиром вовсе не будет ими воспринято как неравенство или несправедливость, а предстанет перед ними как разумная мера, именно для того, чтобы уравнять их назначения и опыт и дать всем возможность в дальнейшем, в зависимости уже от дарования, занять ответственные посты“.

Эта директива была применена к последующим выпускам Академии. Первый же выпуск благодаря тому, что ее положения к нему применены не были—претерпел, как мы видим, ряд невзгод.

Однако, несмотря на это, работа первого выпуска командованием округов признается весьма благотворной.

Таблица распределения по должностям первого выпуска Военной Академии Р. К. К. А.

Распределение по должностям.	Комкоры.	Комдивы.	Комбриги.	Комполка.	Помкомполка и комбаты.	Комроты и ниже.	Комиссары.	Воепруки.	Нач. воен. школы.	Нач. управлений и отделом.	Нач. отделений и помощники.	Наштакоры и равные им.	Помнаштакоры и наштадивы.	Наштабригн.	Наштаполки.	Преподаватели.	Для поручений.	Резерве и другие.	И Т О Г О.	Процентное отношен. должн. от комполка и выше к общем. числу.
До поступления в Академию.	—	3	1	12	16	27	8	11	—	7	9	1	3	—	—	—	—	3	101	27%
Аттестованы при выпуске	—	6	10	6	—	—	—	—	—	29	8	5	21	8	—	8	—	—	101	84%
Фактически занятые по прибытии в части. . .	1	8	9	4	1	—	—	—	—	23	19	6	13	4	—	13	—	—	101	68%
Занимаемые в настоящее время	1	2	1	2	1	1	—	—	3	8	19	4	12	1	2	14	9	10	90	37%

Второй выпуск.

Тут мы не имеем столь точных цифровых сведений, но за то Академия располагает более существенными данными. Это отзывы окружного командования о работе второго выпуска во время стажировки. Такие отзывы по просьбе Академии даны всеми округами, за исключением Западного.

На красных генштабистов в округах была возложена весьма ответственная задача—это организация и руководство огневыми ротами. Это дело новое, весьма важное, требующее от командира инициативы и высокой культурности. Второй выпуск пришел в армию, не зная огневых рот. В Академии по поводу огневых рот было мало разговоров, и академики должны были к ним подходить ощупью. Тем не менее с поставленной задачей они справились блестяще.

Все округа считают большим плюсом наших академиков широту их кругозора, инициативу, стремление систематически изучать военное дело, вести военно-научную работу. Округа в один голос утверждают, что: „присутствие окончивших Академию в частях войск, при недостаточном уровне общей и специальной подготовки комсостава, особенно младшего, внесло в учебную сторону дела заметное оживление, выразившееся в организации военно-научных кружков, специальных докладов и дискуссий на военные темы, военно-научных библиотек, стрелковых кабинетов и проч., а также в проявлении комсоставом живого интереса к литературе по военному делу, в новых фазах его развития“. (СКВО).

Московский округ сообщает:

„Влияние стажирующихся на войсковые части признается весьма полезным в отношении поднятия общего уровня знаний и подготовки командного состава частей, в занятиях с которым стажирующиеся принимают деятельное участие. У командного состава частей, в коих работают окончившие Академию, отмечается повышение интереса к военному делу и желание совершенствоваться в нем“.

Конная армия пишет про работающего в ней т. Попова:

„Своими лекциями и работой в эскадроне он сумем заинтересовать не только комсостав, но и красноармейцев, создать соревнование и тем подвинуть весь полк вперед“.

Приволжский округ так же характеризует своих:

„Благотворно-воспитательное влияние т. Галочкина на красноармейцев и комсостав не только командуемой им роты, но и всего

полка, огромно. Его статьи, посвященные делу учебы, а также быту и нуждам Красной армии, вызывали к себе большой интерес...".

„Тов. Гутман, принимая горячее участие в работе военно-научного кружка, много способствовал развитию комсостава полка. На комсостав своей роты тов. Гутман имел большое влияние в смысле привлечения его к активной культурно-просветительной работе".

ОКА делает следующие выводы:

„Стажируемые вполне справлялись с предоставленным им должностями и своими познаниями военного дела, политическим воспитанием и дисциплинированностью выгодно выделялись из общей массы комсостава.

К общевойсковой работе в условиях быта Красной армии, требующих особой сознательности и глубокого понимания задач, напряжения, самоотверженности, терпения и выдержки—все стажируемые безусловно подготовлены. Все стажируемые, благодаря своим познаниям и опыту, способствовали ускорению темпа подготовки частей армии. Своим участием в деле самообразования в области специально военной они пробуждали стремление к знанию, показывая собою пример честного отношения к своему долгу".

Хороший отзыв дает Туркфронт об единственном стажировавшемся в округе академике (тов. Гареев).

„С должностью командира роты вполне справлялся; легко проводит обучение и воспитание красноармейцев. Поставив себя начальником на службе и товарищем вне ее—заслужил уважение среди подчиненных. Поставил в роте сознательную дисциплину... С успехом мог бы справиться и с более ответственной должностью".

Более сдержанный отзыв дает УКРВО:

„С предоставленной работой по основной дожности стажирующиеся справляются вполне в стрелковых частях, но значительно слабее в кавалерийских... К общевойсковой работе стажирующие подготовлены достаточно.

Недочеты выражаются главным образом в недостатке осведомленности в ведении хозяйства и в незнании некоторых мелочей в деталях и приемах обучения, необходимых в настоящее время. Особого влияния на те части, куда были назначены, стажирующие не оказали".

Совсем непонятно пожелание округа, что впредь необходимо: „более широкое ознакомление слушателей Академии с научно-организационной (?) работой с тем, чтобы, по прибытии в части, они являлись деятельными участниками ВНО".

Этот тезис основан по каким-то недоразумениям. Казалось бы уж в этом отношении наши слушатели дадут кому угодно несколько очков вперед. ВНО было организовано и процветало исключительно благодаря работе слушателей. Львиную долю этой работы нес как раз второй выпуск, а тут оказывается слаб. Другие округа в один голос утверждают обратное.

По Петроградскому округу мы имеем два отзыва; командиров первого и одиннадцатого корпусов. Командование округа от своего суждения воздержалось. Обратило внимание администрации Академии—и даже Реввоенсовета Союза—то обстоятельство, что в то время как одиннадцатый корпус дает о работающих в нем генштабистах отзыв положительный, теплый, совпадающий с отзывами других округов, первый корпус дает оценку всем генштабистам более чем сдержанную, если не сказать—отрицательную. На место была командирована целая комиссия, которая установила, что причиной недоразумений с генштабистами в первом корпусе было прежде всего более чем холодное отношение к генштабистам со стороны старшего комсостава корпуса и равнодушное, формальное — со стороны окружного командования.

Политическую подготовку второго выпуска все округа признают очень высокой. Все интересуются политработой и умело ведут ее. Что касается возможности самостоятельного единоличного командования, то здесь мнения разделяются почти поровну. Во всяком случае этот вопрос, по мнению округов, должен разрешаться индивидуально. Общим недостатком признается недостаточное знакомство с методами обучения стрелковому делу и с ведением ротного хозяйства. Оно и понятно. В Академии этим не занимались. Приходится изучать это дело практически в части. Что всеми и делается с заметным успехом.

Определенно отрицательный отзыв дан всего только о пяти товарищах. Недостатки этих товарищей кроются не столько в недостаточной подготовке, сколько в большем самомнении, заносчивости и неумении поддержать свой авторитет в глазах красноармейцев и комсостава. Возможно, что несколько нетактичных шагов в начале их работы создали сразу недружелюбную обстановку, — из которой самый лучший выход — перевод в другую часть. А пока—недовольство. К счастью, такие случаи являются исключениями.

Итоги стажировки второго выпуска подводила Высшая аттестационная комиссия. Мы располагаем пока материалами о 62 академиках. Стажировались они на должностях:

Начдива	1
Помнаштадивов	6
Комбатов	10
Комротов	45
Итого	62

Из них аттестовано ВАК'ом на должности:

Начдивов	1
Наштаба войск ГПУ	1
Наштакоров и равных им	3
Наштадивов	6
Комполков	10
Помнаштадивов	8
Помкомполка	1
Комбатов	2
Начоперчасти штадива	26
Не вынесено решения	4
Итого	62

В этой справке мы видим значительный процент повышений. Во время стажировки на должностях выше комбата было всего 7 чел. или 11,3% из общего числа. После аттестования на этих должностях мы уже видим 30 чел. или 48,4%.

Хотя мы здесь имеем и неполные данные, но они характерны для всего выпуска. Не следует забывать, что за последние полтора—два года проведено значительное сокращение Красной Армии, что повлекло за собой значительное уменьшение должностей вообще. Тем не менее выпуск пошел вверх, а не вниз, как это мы констатировали для первого выпуска.

Третий выпуск.

Тут пока у нас нет никаких материалов и делать какие-либо заключения мы не можем. Выпуск состоялся 1 августа сего года. До 15 октября большинство находилось в отпуску и только с конца октября началось вступление в должность. Пока мы располагаем только десятком частных писем этих товарищей. Тон писем в общем бодрый, части встретили выпуск хорошо, отношение как комсостава, так и красноармейцев благожелательное.

Задача выпуска весьма ответственная. Прибывающих из Академии и на местах рассматривают как носителей самой послед-

ней военной моды. От них ожидают указаний как работать над огневой ротой, как организовать занятия, полевые поездки, военные игры.

Из этого видно, что красные академики завоевали надлежащее место в Красной армии, что их уважают и ценят, что из их рядов выйдут те вожди, коим историей суждено быть продолжателями великого дела, так славно начатого в октябре 1917 г.

Р. Муклевич.

Академия на фронтах.

Конец декабря 1918 года. Только что закончен прием на ускоренный курс Военной Академии. Слушатели с необыкновенной энергией и жаждой знания взялись за работу.

Как губка, впитывали они в себя каждое слово, сказанное с кафедры, и с большим увлечением и особым вниманием отдавались практическим работам.

Совершенно не налаженная учебная сторона дела, неаккуратное посещение занятий преподавателями, в большинстве своем не выдерживавших никакой критики с качественной стороны, отсутствие пособий и учебников, а главное отсутствие какого-либо руководства и наблюдения со стороны администрации, не давало возможности слушателям найти точки приложения в использовании полностью избытка энергии.

Во всем сказывалось отсутствие идейного руководства. Не было цементирующего звена, которое могло бы связать слушателей и привлечь всю их массу к работе. Ячейка только что разворачивала свою деятельность. И вот, не успев втянуться еще в учебную работу, не успев еще приглядеться друг к другу, в апреле Академия получает приказ об отправке на Восточный фронт 20 человек слушателей.

Несмотря на рвение к науке, к знанию, охотников нашлось много. Кандидаты намечались совместно с бюро фракцией.

По получении предписания, первая партия слушателей в 24 часа была готова к отъезду. Все старые партийные работники, большинство участников Октябрьской революции и руководители первых отрядов Красной гвардии.

Положение на Восточном фронте к тому моменту было тяжелое. Колчак подходил к Волге. По счастливому совпадению при-

бытие слушателей ознаменовалось переходом наших, до сего времени отступающих частей, в решительное наступление.

Прибывшие слушатели сразу же влились в ряды активнейших работников, сыграв крупную роль в разгроме армии Колчака,—занимая в армиях восточного фронта и в укрепленных районах ответственные командные и штабные посты.

Получение в Академии известий о переходе наших частей в решительное наступление и о победе Красной армии, придало новые силы слушателям, сплотило партийный состав вокруг ячейки и создало постоянную готовность последних отправиться на фронты. Лозунг—„минимум времени—максимум полезных знаний“ был поставлен во главу угла всей работы.

Однако, настойчивые требования фронтов о присылке преданных работников по генеральному штабу все увеличивались и учащались.

Осложнившееся положение на Южном фронте потребовало от Академии в мае еще 30 человек слушателей.

Вскоре вслед за отправкой второй партии были отправлены на южный, восточный и западный фронты и остальные около 100 человек слушателей.

Естественно, что такое напряженное состояние Академии, срочная отправка пачками слушателей на фронты вынуждало комкать учебные занятия и без того хромающие на обе ноги.

События на фронтах тесно были связаны с академической жизнью.

В то время как поражение наших войск вызывало со стороны слушателей порыв к интенсивным занятиям, со стороны преподавателей—безразличие и маникирование „по болезни“.

Все это не могло пройти незамеченным слушателями и вызывало естественное недоверие и скрытое недовольство, что толкало их к проявлению личной инициативы и самостоятельным занятиям, пользуясь лишь общими указаниями. Работа велась бессистемно. Каждый брал необходимые знания, как умел и сколько мог. При таких условиях вполне очевидно, что Академия на первых порах не была и не могла быть школой, которая бы способствовала выработке у красных генштабистов единого метода подхода к вопросам военного дела и разрешения их.

Да и что можно было ждать от людей, которые базировали свой опыт чуть ли по турецкой кампании, с презрением относились к гражданской войне, считая ее особенности „чистейшим недоразумением, плодом ошибок и заблуждением людей незнакомых с точными, неизменными военными принципами“, вид

в последней мировой войне, кстати, вовсе не изученной, единственный высший образец, совершенный прототип будущих „настоящих войн".

И если при наличии всех этих данных, как мы увидели впоследствии, слушатели могли все таки в процессе своей фронтовой работы проявить единство и спайку, то эту спайку давала им партия своей работой в стенах Академии и фронтовая обстановка.

Как же принял фронт вторую и последующие партии красных генштабистов?

Если мы видели, что слушатели, прибывшие на восточный фронт, были встречены с распростертыми об'ятиями и все почти получили ответственные назначения, то последующие партии были встречены довольно неприветливо, а часто с явной неприязнью.

Чем же это об'ясняется?

Во-первых,—первая партия, прибыв на восточный фронт, не встретила там, за небольшим исключением, старых генштабистов. Они тогда только еще присматривались „где лучше". Во-вторых, к отправке второй и последующих партий красных генштабистов на фронты, на места поступило циркулярное распоряжение центра, предлагавшее прибывающих слушателей назначать не выше штабов дивизии, при чем не имевших стажа—даже в штабы полков ад'ютантами. И в третьих, к этому времени в штабах, особенно, фронтов и армий, было уже достаточно лиц старого генштаба, которые видели в красных генштабистах серьезных конкурентов.

Пользуясь циркулярами, они явились первыми застрельщиками по дискредитировании красных генштабистов. Травля эта усугубилась еще тем обстоятельством, что влиянию старых „спецов" поддались некоторые ответственные работники, как-то: члены Реввоенсоветов и политработники [1]).

Пребывание слушателей в Академии в течение одного года, естественно, не могло дать никаких серьезных теоретических знаний, особенно при больших недочетах тогдашнего состава профессуры и постоянного отрыва слушателей от учебы для выполнения всяческих хозяйственных работ по самообслуживанию. Между тем во многих случаях красные генштабисты приезжали на фронты с большим самомнением (комчванство) и с пре-

[1]) Здесь автор приводит аргументацию, в одно время имевшую хождение в Академии, но не выдерживающей никакой критики, в виду ее резкого расхождения с фактами.

зрительным отношением к тем работникам, которых они находили на фронте. Спецов старой армии они третировали свысока как людей чуждых революции, а ком. и политсостав, из рабочих и крестьян, не побывавший в Академии, рассматривали как безграмотных в военном деле. Эти моменты на первых порах изолировали молодых генштабистов и породили трения. Последующая совместная боевая служба сгладила без остатка все эти шероховатости и в период 20—21 г.г. мы уже наблюдаем на фронтах дружную и согласованную работу военных работников всех указанных категорий. На слушателей уже смотрели как на „гастролеров" и старались распустить слухи, что они по своей подготовке и знаниям мало пригодны к какой бы то ни было штабной работе. Вследствие чего слушатели, по прибытии в части, иногда зачислялись в резерв штаба и ходили без дела, затем уже назначались на должности для поручений или помощников начальников Отделений, или отправлялись в штабы дивизий и бригад.

При этом необходимо отметить, что подобное отношение к слушателям было не везде.

Там, где не было этого „засилия", там слушатели получали сразу же ответственные назначения, а многие даже по командной линии—и справлялись с работой.

Слушатели, вооружившись терпением, сами стали искать себе занятий и путем усердной и кропотливой работы скоро обратили на себя внимание не только политработников, но и военспецев и постепенно от незначительных обязанностей „порученцев" слушатели назначаются в штабы дивизий и бригад, где скоро взяли в свои руки всю оперативную и организационную работу.

Прежде чем перейти к тому, как были выполнены эти задачи, небезинтересно остановиться на вопросе, в каком состоянии находились эти штабы, когда Красная армия не совсем еще отрешилась от партизанщины?

„Энтузиазм и хаос"—беспристрастно и очень характерно определяет этот период тов. Ленин.

И действительно, хаос и полная неразбериха творились во всем.

Никакой службы генерального штаба в штабах бригад и дивизий фактически не было. Ее не знали и не понимали.

„Воюют, как могут и умеют. Порывом, священным огнем революции берут там, где не хватает техники и организации". (Смилга).

Все было основано на импровизации и в большинстве случаев—на личных распоряжениях и непосредственном участии самих руководителей. Штаб представлял из себя походную канцелярию. Если где и были попытки к проведению в жизнь штабной службы, то техника исполнения была из рук вон плоха.

Полное отсутствие систематически действующей войсковой разведки, отсутствие связи, разрозненность действий. Боевые задания зачастую отдавались по телефону, злоупотребляя непрерывными разговорами, иногда частными, по прямым проводам.

Если иногда писались приказы, то последние были растянуты с нагромождением ненужных раз'яснений, и эти приказы зачастую не доходили своевременно по назначению, т. к. многочисленные отряды и группы самовольно меняли свое расквартирование и действовали по личному усмотрению.

Широкая инициатива, проявляемая в этих отрядах и группах, по вопросам самостоятельного переформирования и соединений, вносила еще большую неразбериху, когда командование иногда не знало, с кем оно имеет дело? Кто они? Каково их настроение? Какова их численность? Что можно поручить им?

Вполне естественно после этого, что в этих штабах не принято было разрабатывать вариантов по случаю изменения обстановки и очень мало обращалось внимания на составление сводок и информаций для высших штабов, для правильной оценки выводов и отдачи последующих соответствующих директив, вследствие чего последние зачастую запаздывали, и на их выполнение всегда отводился очень малый, буквально невозможный срок, что в конечном итоге аннулировало приказ или он выполнялся только на половину.

Зачастую преступно также тратились и боевые средства, снаряды и патроны.

Кроме этого—вечное понукание и торопливость, раздергивание тактических соединений, нервное реагирование на всякое, даже незначительное изменение в обстановке со стороны высших штабов создавало очень тяжелую и крайне сложную обстановку.

Здесь невольно встает вопрос: могли разобраться при данной обстановке красный генштабист? Да, мог.

Наличие солидного командного стажа до поступления в Академию, теоретически углубленные познания, полученные в Военной Академии, настойчивая, кропотливая работа и личный пример делали свое дело. А главное, сознание, что „время не терпит, что события слишком грозны, что надо работать имеющимися

силами и средствами, что новые законы и формы выкует сама жизнь" (Берзин), являлось одним из движущих стимулов в налаживании этой работы. Не имея иногда под рукой подготовленных лиц и боясь доверить кому-нибудь, слушатель всю работу выполнял сам.

Помимо штабной работы красные генштабисты иногда являлись непосредственными участниками и руководителями операций.

Появление красного генштабиста на позиции всегда встречало со стороны комсостава самый радушный прием. Комсостав инстинктивно чувствовал, что красный генштабист свой человек, готовый всегда разделить с ним все горести и радости фронтовой жизни.

К концу первого года пребывания на фронтах последние пользовались уже большим доверием, как высшего, так и низшего комсостава, и когда пришлось слушателям возвращаться в Академию для продолжения курса, многих не отпускали, как незаменимых работников, и только по настоятельному распоряжению РВСР слушатели к концу поздней осени 1919 г. стали с'ежаться в Академию.

Некоторые из них так и остались в армии, некоторые погибли в боях смертью храбрых, а часть пропала без вести.

Первый год пребывания на фронтах не пропал даром для слушателей, он дал им полное понятие о гражданской войне для ее изучения с научной точки зрения. Слушатель, благодаря пребыванию на фронтах, понял, что влияние экономических и политических факторов и классовое соотношение являются главнейшими стимулами в данной обстановке: что самый фронт не есть линия соприкосновения враждебных армий, а что фронт, с самого начала гражданской войны, приобретает совершенно новое содержание и об'яснение: это уже не линия, а целая сеть—сложная, чуть ли не ежедневно изменяющаяся и покрывающая всю территорию; что партизанские действия с обеих сторон крайне осложняют учет сил и осложняют еще более обстановку; что война приобретает преимущественно маневренный характер с необычайной подвижностью; что территориальные потери играют незначительную роль, по сравнению с империалистической войной; что с политической стороны, как война классовая,—она сопровождается распадом старых национальных армий и формированием новых, по чисто классовому признаку, при чем борющиеся стороны поставлены в совершенно противоположные условия;—с одной стороны, вооруженная с ног до го-

ловы опытом, знаниями, всеми средствами современной техники, охваченная неистовым бешенством отчаяния—белогвардейщина; с другой—наскоро сколоченные, плохо обученные, скудно снабженные, недостаточно вооруженные технически—красные полки, воодушевленные великими идеалами и единодушным порывом, который вряд ли жил когда-либо в человеческом сознании; что агитация и пропаганда приобрели здесь громадное значение и зачастую определяют исход сражения не в меньшей степени, чем пушки и технические изобретения; что, наконец, как вождь, организатор и воспитатель классовой армии, красный генштабист должен быть в одинаковой степени и военным специалистом и марксистски мыслящим политиком.

Кроме этого, непосредственная работа в штабах в действительной обстановке подчеркнули ему все те существенные недостатки академического преподавания, которые вызывали в первые дни его работы на фронтах недовольство высшего командования за трату лишнего времени на углубление мелочей при разработке приказов, что мотивировалось „копанием“ и неумением быстро ориентироваться в обстановке. Также сказалась слабая подготовка и по административно-организационным вопросам.

Эти кровью добытые практические обоснования сущности гражданской войны слушателями кладутся в основание всей дальнейшей работы его в стенах Академии.

Зима 1919 г. прошла в усиленных занятиях, среди холода и голода, с выполнением различных трудовых повинностей, как-то: скидка снега с крыш, очистка мостовых, заготовка и погрузка дров и т. п.

С наступлением весны для слушателей опять наступает страдная пора. С оживлением военных действий на Крымском фронте и широким развитием польских операций потребовали от Военной Академии напряжения всех сил. В апреле 20-го числа была отправлена первая партия в 20 чел. на польский фронт, через месяц—еще 30 чел. против Врангеля. Затем на Кавказский фронт на ликвидацию Врангелевских десантных операций, в запасные части для комплектования и формирования новых частей.

В июне снова новые требования, и слушателей около 40 чел. бросают на польский фронт, около 30 чел. — на Врангелевский.

Часть слушателей отправляется по требованию в Туркестан, часть—в Сибирь и по специальным назначениям Нарком-

индела. В Академии остаются на лето лишь слушатели, вновь принятые в феврале месяце на параллельный курс.

Подытожив, практический опыт прошлого, пополнив богатство своих теоретических и партийных знаний, красный генштабист при командировании его в 20 году на фронты, являлся уже желанным гостем. Их везде охотно принимали и давали работу. Получая различные назначения, начиная с низов и до верхов, слушатели создавали крепкий и здоровый фундамент Красной армии, морально связанный между собой и сцементированный общими интересами и целями.

Упорная, систематическая и кропотливая работа красных генштабистов на фронтах оздоравливала штабной аппарат, и постепенно в оперативных документах генштабистов начинает проглядывать умело составленная идея операций. Работа разворачивалась все шире и шире, как будто подчеркивая этим рождение нового красного генштаба. Прилагаемая (на стр. 264) таблица наглядно подчеркивает, как с каждым годом расширяется и укрепляется работа слушателей на фронтах.

Особенное внимание не только своих спецов, но и всей Европы привлекли на себя красные генштабисты в незабываемые мартовские дни кронштадтских событий, когда слушатели, непосредственно руководя частями, выступая впереди их, увлекая массы и проявляя беззаветную преданность социалистическому отечеству и полные непреклонного мужества, вели массы к великим победам. Взятие штурмом первоклассной морской крепости подчеркнуло лишний раз нашим врагам, что Красная армия имеет своих опытных вождей, готовых вести весь рабочий класс к новым победам.

Страницы взятия крепости будут занесены на скрижали истории, перед которыми не раз склонятся боевые знамена наших грядущих поколений.

В 1921 году слушатели принимали актитное участие в подавлении тамбовского восстания, где занимали должности, начиная от командующего и кончая командиром роты.

Затем, многие из слушателей работали на Украине в подавлении и ликвидации различных банд. Часть слушателей с дополнительного курса была командирована РВСР для работ по установлению государственных границ в Русско-Украинско-Польскую смешанную Пограничную Комиссию.

Работая на фронтах, как коммунисты, не проходили мимо партийной работы среди красноармейской массы, мимо политической работы в тылу противника. Ответственная, специально

ГОДЫ.	Соотношение по количеству по годам в %.																	
	В штабах фронтов (округов) %.			В штабах армии %.			В штабах дивизий %.			В штабах бригад %.			В штабах полков и комполков.		В тыловых частях.			
	Нач. отд.	Нач. упр.	Проч.	Нач. отд.	Нач. упр.	Наштарм.	Помнач-штадив.	Начштадив.	Начдив.	Помна-штабриг.	Наштабриг.	Комбриг.						
1919	5	—	—	7	4	—	12	8	2	25	25	6	4	2	2			
1920	3	2	—	3	6	2	6	15	8	12	30	10	2	1	1			
1921	4	3	—	4	6	2	4	10	4	10	35	9	4	5	5			
Всего	100	100	100	4	5	2	8	10	6	15	30	8	3		5			

военная работа и политическая, дала возможность сократить до минимума институт комиссаров при генштабистах.

Не остались в стороне генштабисты от борьбы и на трудовом фронте, где также зарекомендовали себя опытными организаторами и руководителями, подчеркивая тем самым, что красный генштабист является не только профессионалом-бойцом, узким ремесленником, но что он есть действительно вождь, организатор победы революции над живой и мертвой стихией для торжества великой коммуны.

В общем, за время гражданской войны в течение 3-х лет красные генштабисты большую часть своего пребывания в стенах Академии провели на фронтах.

Таким образом, фронтовой опыт не прошел для них даром. Он связал неразрывными узами Красную армию с Военной Академией. Недаром польская печать, отмечая первый выпуск генштабистов в 21 году, пишет, [1]) что „пополнение Красной армии окончившими 3-х летний курс Академии является весьма важным явлением для Красной армии. Нынешний советский генштаб состоял или из офицеров генштаба бывшей царской армии или же из офицеров, окончивших Академию по сокращенному курсу военного времени. Как те, так и другие не могли играть значительной роли в организации Красной армии. Первая категория специалистов не могла понять новых основ, на которых коммунистическая партия хотела строить Красную армию, и присутствие комиссаров при спецах тормозило всякую инициативу. Создавшееся таким образом двуначалие сильно отразилось на военной работе. Вторая категория—люди партийные, сплошь и рядом с слабым общим образованием, имели недостаточную военную подготовку, чтобы могли повлиять на организацию армии. Только теперь можно говорить о красных генштабистах, как об офицерах, воспитанных в единой доктрине и приготовленных для внесения в армию новых стремлений и основ".

Наши враги внимательно следят за развитием и укреплением молодой Красной армии.

Путь, взятый по изучению опыта нашей гражданской войны был правильный, а „путь правильного методического строительства на тех основах военного искусства, которые явились не случайно и которые нельзя заменить по произволу, ибо они являются отражением общего технического и всякого иного развития человечества в его положительных и отрицательных чертах—этот

[1]) „Красная Армия" № 12 Красный генштаб (с польского).

путь строительства оправдал себя,—именно на этот путь сочетания революционного энтузиазма с правильной методической организацией мы встали и этим обеспечили независимость и неприкосновенность границ Советской Республики" (Троцкий).

М. Бойцов.

Наши герои.

Они перечислены ниже, те немногие из многих, которые особенно запечатлелись в памяти товарищей, оставив яркий след своей боевой деятельностью в славной истории Красной армии.

Все или большинство слушателей пришли в Академию, еще не отдохнув от угара ожесточенных боев, сменив меч на книгу, седло на школьную скамейку... Пришли, чтобы в кратчайший срок обогатить свою здоровую рабочую сметку знанием военного дела, и, умножив свою революционную отвагу на знание теории войны, — вновь ринуться в бой, вновь вести за собой массы от победы к победе. Многие из них не вернулись в Академию. Они завершили свой жизненный путь на поле брани. Многие возвращались обратно в Академию во время краткосрочных передышек и, внося в мертвые буквы старых фолиантов военной „мудрости" свой боевой закал, революционный дух и жажду коммунистического творчества, оживили Академию, вдохнули революционный пыл в ее повседневную работу, заражая верой в революцию даже профессуру.

Их здесь немного. В разгаре битв, под грохот снарядов некогда было заниматься учетом своих героев: их было очень много — от красноармейца, босиком в стужу, голодного, гонящего перед собой на десятки верст вооруженного до зубов врага-белогвардейца, до главнокомандующего, в обстановке блокады, нищеты и разрухи организующего победу... Их было много в Красной армии, — героев.

Их немного здесь, может быть, случайно наиболее ярко отпечатлевшихся в памяти товарищей.

Многие из перечисленных ниже еще работают, укрепляя мощь нашего Союза республики.

Некоторые отдали свою жизнь за революцию.

Склонив головы перед их памятью, мы не будем плакать над их могилами:

Пролетариат не плачет—он отмечает свои потери и твердо продолжает свой путь к намеченной цели:

Парм, Артур Карлович — родился в 1897 г., в Красной армии с февраля 1918 г., в Академии с момента ее основания. Обучение в Академии чередовал с работой в частях армии и последовательно занимал должности коменданта укрепленных районов Симбирска, Уфы, Троицка. Командовал дивизией. В марте 1920 г. был назначен представителем РСФСР в смешанную Русско-Украинско-Польскую комиссию для установления границ между РСФСР и Польшей на основании Рижского договора. 30 апреля 1921 г. был зарублен бандой Махно при следовании к месту работы. Член Р. К. П.

Васько-Богдан, Василий Александрович — родился в 1890 г.; рабочий, организатор рабочих масс для борьбы с Временным правительством. После Октябрьского переворота немедленно приступил к организации обороны Украины от контр-революционного казачества и был назначен комиссаром восточного фронта на Украине. По отступлении красных войск с Украины был переброшен на Восточный фронт против чехословаков, где последовательно командовал бригадой и дивизией. Поступил в Академию в ноябре 1918 г. Во время пребывания в Академии командовал отдельной стрелковой бригадой и был начальником Полештарма 4 на Западном фронте в 1919 г. 30-го апреля 1921 г. был зарублен бандой Махно, во время следования к месту работы, как член Русско-Польско-Украинской разграничительной комиссии в Волынской губернии. Член Р. К. П.

Львов, Владимир Николаевич — родился в 1896 году; активный военно-штабной работник. В Академию поступил в 1918 г. Участвовал в боях на Западном фронте. Погиб вместе с т.т. Богданом и Пармом.

Тищенко, Алексей Кузьмич — родился в Одессе в 1889 г.; рабочий, в Красной армии со дня ее основания; участник знаменитого похода 47 и 58 дивизий из района Одессы к Житомиру. В 1921 г. был назначен начальником штаба одного из боевых участков на Тамбовщине. Во время авиаразведки, вследствии порчи аппарата, должен был снизиться и попал в расположение противника. После мучительных пыток и истязаний был зарублен бандитами. По указанию пленных бандитов—умирал смертью храбрых. Член партии, активный партработник.

Калнынь, Оскар Юльевич — родился в Лифляндской губ. в 1895 году; рабочий, до поступления в Академию — член Рев-военсовета 1 Латвийской армии. Во время пребывания в Академии командовал бригадой на западном фронте. Убит в бою с бандами Булак-Балаховича. Член РКП.

Ковшов, Виталий Дмитриевич — родился в 1894 году на Урале. Организатор Красной гвардии на Урале; в Красной армии с 1918 г., в Академии — с 1919 года. Командовал 28 стрелк. бригадой на Зап. фронте. Убит в бою с бандами Балаховича.

---

1. Ефимов, Николай Алексеевич—родился в 1897 г. в Киевской губ. Участник и организатор Октябрьского переворота, в ставке верховного главнокомандующего в ноябре 1917 года. Затем последовательно работал в качестве Помнаштадива 2 кав., Начразведотом конармии в 1919 г., в 1920 году—командир бригады. Начальник дивизии. В 1921 г. активно участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. Затем командовал 15 Сибирской кав. дивизии. По окончании Академии в 1922 году был назначен начальником штаба войск ГПУ. Награжден орденом Красного Знамени дважды.

2. Федько, Иван Федорович—родился в 1897 г. Полтавской губ.; рабочий. Организатор Красной гвардии в Крыму в конце 1917 г., командовал 1 Черноморским Революционным полком. В 1918 г.—участвовал в обороне Сев. Кавказа от белоказачьих банд в качестве командующего 11 армией. Участник знаменитого похода Таманской армии. В 1919 г. — активный организатор обороны Украинской республики против Деникина. Руководил дивизией при выходе ее из белогвардейского окружения, пробившись из района г. Одессы к Житомиру с непрерывными боями. Активно участвовал при подавлении Кронштадтского мятежа в качестве командующего северной боевой группой. Участвовал в подавлении Антоновского восстания в Тамбовщине в качестве начальника 1 боеучастка. Награжден орденом Красного Знамени трижды. Кончил Академию в 1922 году. Ныне командует одной из дивизий Московского Округа. Член Р. К. П.

3. Тюленев, Иван Владимирович—родился в 1892 году; крестьянин Симбирской губ. В Красной Армии с 1918 года. Участник всех походов 1 Конной армии. Ныне командует Особой бригадой. Дважды награжден орденом Красного Знамени. Член Р.К.П.

4. Дыбенко, Павел Ефимович—родился в 1889 году в Новозыбкове, рабочий, матрос Балтийского флота, организатор восстаний в Кронштадте и Петрограде против Временного правительства. Один из активных организаторов Октябрьского переворота в Питере. Народный комиссар по морским делам РСФСР в 1917 г. Все время принимал действенное участие в гражданской войне в качестве начальника дивизий и отрядов. В 1919 г.—нарком по военным и морским делам Крымской республики. В 1921 году — активный участник подавления Крон-

Сверху, слева направо: Д. Д. Шурупов, Н. М. Иванов, Д. Н. Кусов, Б. Х. Эглит и В. Н. Львов. Снизу, слева направо: А. К. Парм, А. Н. Ильичев, В. А. Васько-Богдан и Н. Н. Бирюк.

штадского мятежа. Кончил Академию в 1922 г. Ныне командует корпусом. Трижды награжден орденом Красного Знамени. Член Р. К. П.

5. Урицкий, Семен Петрович — родился в 1895 году; организатор Красной гвардии в Одессе в 1917 году; организатор Октябрьского переворота там же. Все время в Красной Армии на ответственных командных и штабных должностях. Командовал отдельной бригадой. Дважды награжден орденом Красного Знамени. Член партии. Кончил Академию в 1922 году.

6. Розе—рабочий; с 1918 года в Красной Армии, организатор большевистских ячеек в латышских стрелковых полках царской армии. Командовал полком, бригадой, дивизией на Запад-

ном фронте против поляков. Награжден орденом Красного Знамени дважды и золотым почетным оружием. Член Р.К.П.

7. Зотов, Степан Андреевич—Донской казак, родился в 1882 г., вахмистр старой армии, в Красной армии с 1918 года, все время в 1 Конной, спутник Буденного во всех его походах, один из организаторов побед Конармии в качестве начальника ее Полевого штаба. Награжден орденом Красного Знамени. Кончил Академию в 1923 году. Ныне командует дивизией в 1 конной армии. Член Р. К. П.

8. Горбачев, Борис Сергеевич—родился в 1892 г., крестьянин, унтер-офицер старой армии, в Красной армии сначала 1918 г., один из славных конармейцев, участвовал во всех походах 1-ой Конной армии в должностях командира полка и бригады. Будучи ранен при взятии Геническа (на Крымском фронте), оставался в строю и продолжал руководить операцией. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Ныне слушатель Военной Академии. Член Р. К. П.

9. Кутяков, Иван Семенович — родился в 1897 г.; крестьянин, унтер-офицер старой армии. В Красной армии со дня ее основания. Сыграл огромную роль в деле разгрома Колчака. В Академии пробыл с 1920 по 1923 год. За время пребывания в Академии неоднократно откомандировывался на фронты. Брал Уфу. Участвовал в походах против Дутова на Уральском и Туркестанском фронтах. Награжден двумя орденам Кр. Знамени. Ныне командует дивизией.

10. Лапин, Альберт Янович—сын рабочего, родился в 1899 г. Организатор Красногвардейских ячеек в 1917 году в Москве. Участвовал в подавлении Ярославского мятежа в 1918 г. Затем выехал на восточный фронт, где в рядах 5-ой Краснознаменной армии участвовал в разгроме Колчака. Потом на польском фронте командовал бригадой в составе 15 и 16 Красных армий. После окончания польской кампании, был переброшен в Нар. Рев. Армию в Дальневосточную республику, где командовал войсками Приамурского и Забайкальского округов. Организатор разгрома банд Унгерна-Штернберга. Командовал последовательно полком, бригадой и дивизией. Награжден тремя орденами Кр. Знамени. С 1922 года слушатель Военной Академии.

11. Ковтюх, Епифан Иович—родился в 1890 г. В Красной армии с 1918 года. Организатор отпора белоказачьим бандам на

Кубани в 1918 году. Участник знаменитого похода Таманской армии в 1918 году к Астрахани в должности командующего армией. В должности начдива 50 стрелк. освободил Царицин от Деникина. В августе 1920 года, совершив блестящий рейд в тыл противника, незначительными силами разбил на голову и опрокинул в Черное море Врангелевский десант под командой генерала Улагая на Кубани, благодаря чему сразу восстановлено было положение и пресечены попытки контр-революционных восстаний среди Кубанского казачества. Кончил Академию в 1923 г. Ныне командует дивизией. Награжден дважды орденом Красного Знамени.

С. Красовский.

Профессура за пять лет.

Несмотря на сравнительно короткий срок существования нашей Военной Академии, этот вопрос уже имеет свою историю.

Разрешать его пришлось в обстановке перехода от мировой войны к гражданской, и эта обстановка отразилась в полной мере на подборе кадров будущей профессуры.

В первую очередь пришлось обратиться к использованию того кадра военно-научных работников, который оказался в распоряжении республики после демобилизации старой армии и в силу тех или иных причин не мог принять активного участия на фронтах гражданской войны.

Некоторые из этих работников были раньше более или менее тесно связаны с преподавательской и профессорской работой в царской Академии, иные были известны своими военно-научными трудами.

Во всяком случае вновь возникавшая Академия для начала была более-менее обеспечена кадром военно-научных работников, который не уступал таковому же прежней Военной Академии и частично состоял из прежних ее сотрудников.

Положительная сторона такого подбора заключалась в том, что постановка работы некоторых, наиболее ответственных кафедр не встретила с самого начала значительных затруднений. Красная армия только что нарождалась и не могла сразу из своей среды выдвинуть кадра военно-научных работников, чему впрочем не благоприятствовала и обстановка непрерывных по-

ходов, в которых складывалась и закалялась Красная армия. Но такое решение вопроса, удовлетворительное для начала, в дальнейшем могло повлечь за собою и известные неудобства. Можно было бы опасаться, что в дальнейшем произойдет естественный разрыв между военно-научным преподаванием в стенах Академии и запросами и потребностями армии. Кроме того, условия мировой и гражданской войн во многих отношениях разнились между собою. Положения и нормы, выработанные на основании опыта мировой войны, нуждались в известной трансформации для условий и обстановки гражданской войны, характеризующихся растянутыми фронтами и широким проявлением маневренности. Это могло быть в полной мере выполнено только непосредственными участниками этой войны. Но на очередь этого вопроса не представлялось возможным поставить до окончания гражданской войны, по крайней мере ее наиболее напряженного периода. Однако, необходимость такого именно разрешения вопроса о комплектовании кадров нашей военной профессуры ни в ком не возбуждала сомнений. Только осенью 1921 г. в бытность начальником Академии тов. Тухачевского были сделаны первые конкретные шаги в этом направлении и состав профессуры был пополнен некоторыми непосредственными участниками гражданской войны, имевшими на ней не только штабной, но и строевой стаж. Это наметило путь к всестороннему пополнению нашей Военной Академии участниками опыта обоих крупных и наиболее замечательных войн последнего времени. Симбиоз этого опыта должен выявиться в процессе военно-научного творчества всех научных работников нашей Академии. Он уже и начинает сказываться, но пока только в области чисто практического применения его на наших практических занятиях. Это явление вполне понятно, ибо военно-литературная проработка опыта войны требует гораздо больше времени, чем сама война. Однако, в этом отношении уже заложен фундамент нашей будущей научной деятельности. Многие курсы текущего учебного года по выходе их из печати не явятся простой и механической компиляцией с иностранных и старых русских источников, а внесут в область военной науки новые мысли и взгляды, навеянные опытом гражданской войны.

Однако, опыт этот настолько обширен и многообразен, что полное использование его требует широкой коллективной работы и возможно полного вовлечения в нее широкого круга непосредственных участников гражданской войны. Эта работа и выполняется при посредстве Военно-Научного Общества, которое

является непосредственным звеном, связывающим нашу Военную Академию со всею массою армии. Это учреждение по своим целям и значению является единственным в своем роде военно-ученым учреждением, неизвестным в практике других армий. Показателем научной стоимости и дееспособности всякого высшего учебного заведения является литературно-научная деятельность его членов и слушателей и его издательская деятельность. Несмотря на сравнительно короткий срок, в течение которого академическая жизнь, можно сказать, идет вполне нормальным ходом и то обстоятельство, что только с весны текущего года Академия обзавелась собственной типографией, литературно-научная деятельность в ней с самого начала ее обнаруживает тенденцию к постоянному развитию. Если раньше эта работа шла исключительно по пути журнального творчества, то в ближайшем будущем мы увидим ряд довольно солидных военно-научных трудов, изданных Военной Академией.

Поскольку каждый член нашего коллектива является деятелем в бо́льшей или мѐньшей мере той самой работы, о которой мы только что говорили, ему трудно, конечно, высказывать суждение и производить оценку научной ценности этой работы, дабы не подвергнуться обвинению в отсутствии об'ективности. Поэтому в этом отношении не безынтересно будет остановиться на мнении зарубежной прессы.

Военно-научная работа нашей Академии в целом (в данном случае мы имеем в виду коллективную военно-научную работу и слушателей и профессуры) уже отмечена на страницах польской военной прессы, которая весьма интересуется ею и внимательно следит за нею. В частности, весьма лестный отзыв дан о нашем „Военном Зарубежнике", причем высказано пожелание иметь орган такого же типа и в Польше.

Все изложенное свидетельствует о тех богатых предпосылках, которые имеются у нас для развития военно-научной работы нашей профессуры в дальнейшем и о правильности взятого в этом направлении курса. Плоды этой работы не могут, конечно, сказаться сразу, т. к. проработка боевого опыта под научным углом зрения требует долгой и усидчивой кабинетной работы.

До самого последнего времени Академии в деле пополнения своих научных кадров приходилось рассчитывать главным образом, на те военно-научные силы, которые получили свою подготовку в стенах старой Академии. До появления первых выпусков из новой Академии вопрос оставался открытым и как бы

висящим на воздухе в отношении пополнения убыли наличного состава профессуры. Если эта убыль, ежегодно происходящая, вначале и не представляла ничего угрожающего, то в дальнейшем надлежало предусмотреть меры к изысканию источников для пополнения этой убыли. Вопрос, при кажущейся своей простоте, на самом деле оказывался достаточно сложным: принимая во внимание постоянно возрастающие требования и в научном и в практическом отношениях ко всем руководителям военных наук в Высшей военной школе, особенно таких живых предметов и при том постоянно усложняющихся, как стратегия и тактика, следует признать необходимость предварительного отбора тех из вновь оканчивающих курс Академии слушателей, которые были признаны наиболее пригодными для занятия впоследствии различных кафедр в Академии и для руководства в ней практическими занятиями. В этом отношении, можно сказать, время не было упущено, так-как таковой отбор начал производиться с самого первого выпуска из Академии. Правильность и необходимость такого решения ясна и очевидна для всякого, и сомневаться в нем не приходится. Остается однако подумать о том, как наилучше в дальнейшем осуществлять эту идею. К разрешению этого вопроса на практике можно подойти несколькими путями. Тот, которым мы идем, ныне весьма напоминает способ, практикуемый в гражданских высших учебных заведениях с тою только разницею, что в них, если мы не ошибаемся, руководство тою или иною кафедрою играет более заметную роль в выборе того или другого кандидата для оставления его при своем учебном заведении, чем это было до сих пор у нас. Но не в этом дело. И военная наука, и военная практика требуют к себе несколько иного подхода. Для некоторых наук самая широкая практика только и возможна в стенах самого рассадника этой науки с его научно-оборудованными кабинетами, лабораториями с их сложными, специально-приспособленными и созданными приборами. У нас таковой опытной лабораторией с обширными возможностями для практической работы является армия; эта лаборатория в соку собственного мышления и житейской практики вырабатывает сознательное военное мышление и методы работы. Только на широкой базе непосредственной практики и живого общения с войсками, на наш взгляд, может развиться здоровая военная наука, реальная, как то дело, которое она обслуживает, иначе неизбежен уклон в сторону схоластики. И за примерами недалеко ходить даже из опыта нашей новой военной мысли. Поэтому мы считаем, что для лиц, решивших себя сразу

посвятить военно-научной работе, необходимо предварительно хорошенько окунуться самим в практику войсковой жизни; это будет особенно полезно в последующие годы, когда понемного начнет выветриваться и среди нашего командного состава опыт пережитых войн. Нам, конечно, возразят, что это уже предусмотрено всеобщей и обязательной стажировкой. На это мы возразим, что одной строевой стажировки будет недостаточно. Ведь нам в нашей работе приходится все время иметь дело с организацией техникой управления; мы учим не только командовать, но и уметь передавать волю командования войском. Сложный, особенно в современных условиях, механизм техники управления постигается работой в штабах. Милиционная армия и национальные формирования потребуют особенно четко работающего механизма управления и умелого к нему подхода. Вот почему мы считали бы необходимым включить для будущих наших ад'юнктов необходимым условием для их прикомандирования к Академии для военно-научной работы еще и соответствующее предварительное стажирование на штабной должности. В дальнейшем мы считаем более желательным предоставление возможности всем желающим из числа слушателей, окончивших Академию, добиваться права быть причисленными к Академии для подготовки к военно-научной или педагогической деятельности вне зависимости оттого были они или не были оставлены при Академии. Для допущения этих лиц могут быть установлены особые правила, распространяться о которых мы не будем в рамках настоящей статьи, а лишь подчеркнем еще раз, что в принципе желательна возможно более широкая конкуренция всех военно-научных работников армии для пополнения кадров руководства и профессуры; это необходимо прежде всего в интересах самого дела.

На пороге шестого года существования Академии перед нами рисуется следующая конкретная задача: необходимость дальнейшего сближения путей совместной работы старых кадров нашей профессуры, молодых ее членов и Военно-Научного Общества, что позволит нам ясно и определенно выявить физиономию и удельный вес всего нашего военно-научного коллектива, именуемого Военной Академией Р. К. К. А. в его целом.

Н. Какурин.

Пять лет партработы в стенах Академии.

Это ключ к пониманию всего происходящего в стенах Академии.

В героический период смертельной схватки Октябрьской революции со всем враждебным ей миром начала строиться наша Военная Академия. В ту пору, когда все бродило и кипело военной страдой, партия взялась за создание нового организма.

В условиях великих 18-го, 19 и 20 г.г., во время отчаянной борьбы класса рабочих за власть, создать высшее военное учебное заведение Республики, отвечающее задачам, поставленным перед нами гражданской войной, могло быть посильно только партии Революции.

В ту пору партийная работа охватывала буквально все стороны жизни Академии, тут было все. Начиная с парикмахерской и распределением „буржуек“ и дров и до комплектования Академии новым составом, все концентрировалось в партийном Бюро. Если бы кто-либо, не знакомый с историей Военной Академии, просмотрел протоколы партийного Бюро за первые 2—3 года существования Академии, то он был бы поражен обилием вопросов хозяйственных, административных и учебных, которые разрешались Бюро. Но это было вполне здоровое явление, ибо тогда, без самого тесного и активного участия партийной организации во всех без исключения сторонах жизни, немыслимо было само существование Академии. Выделить из этой большой хлопотливой, сложной и тяжелой работы вопросы „чисто партийного характера“ было бы задачей чрезвычайно неблагодарной и, пожалуй, невыполнимой; все переплеталось и связывалось самым неразрывным образом.

Но среди всей этой разносторонней работы резко и четко выделяются две ее стороны: первая—это военно-научная. При тех исторически сложившихся обстоятельствах, в которых тогда строилась Красная армия и ее Академия, когда большая часть

военно-научных сил страны стояла по другую сторону фронта и активно боролась против нас, когда взаимоотношения между оставшейся частью этих военно-научных сил и новыми военными работниками, выдвигаемыми вперед революцией и гражданской войной, налаживались очень медленно и не всегда гладко, когда материальная нужда хватала за горло, в этих обстоятельствах говорить об организации военно-научной работы было чуть ли не озорством. И все же, не смущаясь теми, как будто неопреодолимыми препятствиями, которые вставали на пути, партийная организация Военной Академии основала Военно-Научное Общество при Академии. И что же—вначале маленькая ячейка без средств и без крупных научных руководителей, приютившаяся в одной из небольших комнатушек на Воздвиженке, исключительно силами партийной организации Академии, развилась, разрослась, заставила себя признать, и с большой, вполне понятной гордостью мы теперь взираем на это детище революции, на стройную и сильную организацию „Военно-Научное Общество", широко раскинувшее свои отделения по всему нашему Союзу.

Вторая сторона, которую необходимо выделить—это учебная. Из того, что я уже указывал, должно явствовать, что именно в этой области Академия должна была встретить и действительно встретила наибольшие затруднения. Недостаток хорошо подготовленной профессуры, отсутствие пособий, низкая квалификация, а иногда и безграмотность слушательского контингента, таков фон, на котором должна была развиться учебная работа. Затруднений без конца и к тому же чрезвычайно слабый учебный аппарат. Естественно, парторганизация не могла не вмешаться в эту основную область академической жизни и, создав учебную комиссию (учком), в которой работали исключительно слушатели, в течение 3 лет не мало способствовала как созданию самого учебного аппарата, так и созданию учебного плана. Хотя в 1922 г. учком и ликвидировался, передав руководство всей учебной работой исключительно в учебный отдел, все же не подлежит сомнению, что он, как орган партийной организации Военной Академии, в свое время проделал большую и ценную работу, легшую в основание современного состояния учебного дела Военной Академии.

Вся деятельность парторганизации была строго централизована. Для всей организации имелось одно бюро, в котором концентрировалось руководство всей работой. Этот централизм обусловливался боязнью засорения вновь созданной, еще не окрепшей Академии элементом, чуждым пролетарской революции.

Это же опасение засорения Академии заставляло во всем подчеркивать свою чисто пролетарскую линию, что выливалось подчас в несколько уродливые формы.

После X партийного С'езда намечается перелом. Советская государственность развивается и подчиняет себе все более, все те области работы, которые раньше в виду слабости этого же государственного аппарата всей своей тяжестью ложились на партийные организации. Вопросы, не связанные непосредственно с партработой, постепенно теряют свое первенствующее положение в работах Бюро и вперед выдвигаются вопросы партийного порядка. Но связь партийного организма Военной Академии со всей хозяйственной административной и учебной сторонами жизни Академии было так сильно, что процесс дифференциации происходил очень медленно и только вначале учебного 1922—1923 года можно отметить завершение этого процесса.

В течение этого периода наблюдается резкое усиление административного аппарата Академии и Бюро получает возможность заняться партийным строительством. Это не значит все же, что парторганизация перестала интересоваться остальной жизнью Академии, отнюдь нет. Здесь только изменилась форма влияния парторганизации на все эти вопросы. Раньше партбюро принимало непосредственно участие в руководстве и проведении всех мероприятий, теперь же бюро, не вмешиваясь в работу административного аппарата, ограничивается руководящими указаниями своим представителям, выделяемым в органы самодеятельности, как-то: группа содействия, касса взаимопомощи, квартирная комиссия, клуб и т. д.

Вхождение комиссара Академии членом партийного бюро обеспечивает контакт между бюро и администрацией. Что же касается учебной работы, то бюро, суммируя через свои специально назначаемые комиссии опыт слушателей, представляет его в виде соображений и предположений для согласования с намечаемым планом учебной части.

Одновременно с изменением содержания работы, изменилась и структура партийного аппарата. Прежний централизм уступил место большей демократизации, центр партработы был перенесен в созданные ячейки отдельных курсов, что имело результатом втягивания большой массы товарищей в партработу. С другой стороны, внимание партбюро, сосредоточенное раньше на разрешении многочисленных административно-хозяйственных вопросов, теперь обратилось всецело в сторону непосредственной партийной работы. Сравнительно редкие раньше академические

партийные собрания превратились в еженедельные ячейковые партсобрания. На последних ставятся на обсуждения вопросы, вводящие слушателя в круг событий международной и внутренней политико-экономической жизни. Периодически на обще-академических собраниях ставятся большие информационные доклады ответственных партийных работников (Радек, Раковский, Павлович и др.).

Политвоспитание членов организации в Академии находится в благоприятных условиях. Учебная программа дает в этом отношении чрезвычайно большие возможности. Парторганизация всем своим авторитетом подчеркивает важность изучения социальных и экономических дисциплин. В каждой группе бюро назначает своего уполномоченного, что придает работе группы характер партийной работы. Кабинет социально-экономических наук находится под непосредственным руководством ЦБ, которое для заведующего кабинетом назначило специальные докладные дни.

Партийные дискуссии и доклады и изучение социально-экономических предметов способствуют тому, что почти все без исключения члены организации выходят из Академии квалифицированными партработниками. Красный генштабист является не только военспецом, но и политработником, получившим хорошее партийное воспитание.

Для работы среди женщин (обслуживающих Академию) Бюро выделен специальный организатор. Но надо признать, что до самого последнего времени (когда пишется эта статья) эта отрасль работы была не из лучше поставленных. Назначаемые товарищи недостаточно энергично выполняли задание Бюро. В настоящее время в этом вопросе наметилось резкое улучшение и во главе работы удалось поставить энергичных товарищей.

Особое внимание уделяется партийной организацией работе среди красноармейцев, обслуживающих Академию. Для этой работы в начале 1923 года была организована ячейка РКСМ, связанная с самого своего возникновения с партийным бюро, при чем для большего контакта, представитель этой ячейки входит в Центральное бюро на правах члена. Ячейка быстро окрепла, пользуется авторитетом. Группа членов ячейки послана на рабфак, организуются кружки, издается стенная газета.

Надлежит отметить интересную работу, проделанную парторганизацией в области борьбы с влиянием непа. Вначале эта борьба выявилась в виде репрессий против тех или иных проступков коммунистически не выдержанных отдельных членов

организации. Уже это одно заставило членов ячейки подтянуться и внимательней относиться к своей повседневной жизни, но ограничиваться только этим, естественно, было нельзя. Ясно было, что влияние непа сказывается на членах организации не в стенах Академии, где царствует дух коммунистического коллективизма, а преимущественно имеет место в семейном быту. Это там надо было искать корни мещанства, постепенно, но постоянно обволакивающего невыдержанных, не искушенных наших товарищей. Ясно было, что занятые кухней и детьми, или, что еще хуже, ничем не занятые жены наших товарищей, стоящие в стороне от общественно-политической жизни, являлись проводниками обывательщины. Сюда и направила партийная организация свое внимание; именно к семье наших товарищей были двинуты наши органы борьбы с влиянием непа. При каждом общежитии был организован клуб, главной целью которого является втягивание в общественно-политическую деятельность жен слушателей Академии. При клубах стали организовываться кружки политграмоты, разных практических знаний, музыкальные и т. д. Успех, который имеют эти клубы сразу же после их организации как среди членов парторганизации, так и их семей, дает уверенность в продуктивности их работы и правильности взятого курса.

Затем в сфере партийной работы находится клуб Военной Академии. Распространяться о том, что клуб находится под руководством партийного бюро, вряд ли нужно. Партийная организация Военной Академии слишком сильна, чтобы могло быть иначе. В настоящее время практически связь и руководство работой клуба проводится через члена ЦБ входящего в Правление клуба. Конкретно о работе клуба читатель найдет подробные сведения в специальной статье, здесь уместно только указать в общем на те задачи, которые парторганизация возлагает на клуб:

1) руководство отдельными клубами при общежитиях;

2) руководство работой детских учреждений В. А.;

3) вся та культурно-просветительная работа, которая не охватывается чисто партийными рамками

Само собою понятно, что план всей работы клуба утверждается Центральными Бюро ячеек. Следует указать, что руководство работою клуба со стороны Ц. Б. приняло конкретные формы только в последний год; до этого времени клуб вел более „самостоятельную жизнь“, что несомненно отражалось на его деятельности.

Одной из важнейших сторон внутриакадемической работы парторганизации является партработа среди беспартийных слушателей. Но их беспартийность понятие весьма условное, они большею частью б. офицеры, примкнувшие к революции с первых дней формирования Красной армии, а некоторые и раньше. Это—представители трудовой интеллигенции, которые за эти бурные годы гражданской войны в огне побед и поражений кровью своей доказали неразрывную связь с судьбою пролетарской революции.

Прежде всего, при приеме слушателей в Академию, производится тщательный отбор поступающих мандатной комиссией, в которой парторганизация имеет своего представителя.

Дальнейшая работа проводится, если можно так выразиться, механически. Эти товарищи в течение 3-х лет в гуще партийных товарищей проходят те же социально-экономические дисциплины, слушают политические лекции и доклады, часто присутствуют на открытых собраниях ячеек, работают в секциях Военно-Научного Общества, иначе говоря, живут той же военно-учебной и общественно-политической жизнью Академии, что и слушатели коммунисты. Удивительно ли после этого, что авторитет партийного Бюро стоит высоко в глазах наших беспартийных товарищей слушателей. Поэтому понятно почему беспартийные слушатели весьма добросовестно и охотно выполняют задания общественного (а в наших условиях, следовательно, и политического) характера, поручаемые им партийным бюро и ясно почему партийное бюро им таковые задания дает.

Наконец, последний вопрос, затрагивающий тему нас здесь интересующую, это вопрос об академическом жу́рнале; я говорю о „Красных Зорях". Формально—это журнал клуба Военной Академии. В состав редакционной коллегии входит и секретарь Бюро. Журнал, несмотря на свое кратковременное существование (около 1 года) все же успел завоевать себе в слушательских массах широкую популярность. Задачи журнала—освещать все стороны жизни Академии. Дать каждому работнику Академии возможность высказать свое мнение по интересующим Академию вопросам. Шероховатости первого периода существования журнала сглаживаются, и в пятилетие нашей Академии мы можем ее поздравить со своим выработанным, установившимся, завоевавшим почетное место в нашей жизни журналам. Его внутриакадемический характер, однако, не отнимает у него перспективу на широкое распространение. С мест уже поступают запросы и отзывы от окончивших Академию товарищей. Журнал

становится звеном, связывающим Академию со своими питомцами, уже работающими в армии.

Пять лет партийной работы в стенах Академии нашей организации дали твердый и крупный актив. С выработавшимся уже навыком, с имеющимся опытом и революционными традициями смело и уверенно мы будем продолжать наше движение вперед.

Л. Маневич.

Очерк самодеятельности слушателей Военной Академии.

ВВЕДЕНИЕ.

8-го декабря текущего года Военная Академия празднует пятилетнюю годовщину своего существования.

В этот сравнительно короткий период из краткосрочных, по существу кое-как сорганизованных курсов генштаба, Академия превратилась в сложный многогранный организм. В этой Красной военной кузнице не только выковываются новые красные военспецы высшей квалификации, здесь вообще выковывается военная мысль, шаг за шагом разрываются путы старой заплесневевшей военной схоластики... упорным трудом завоевываются командные высоты военного знания. Наиболее яркое выражение эта работа получает в деятельности ВНО при Академии.

Но в ряду специальных заданий Академия, как огромный коммунистический коллектив, выполняла и выполняет большую общественную работу в культурном и политико-просветительном отношении.

Нужно отметить, что все настоящие достижения Военной Академии в огромной степени должны быть отнесены на долю самодеятельности и активности слушательского состава.

Ныне, когда жизнь Академии окончательно отливается в стройные организационные формы, когда материальное положение ее неизмеримо улучшилось по сравнению с предыдущими годами, самодеятельность слушательской массы выявляется лишь по нескольким определенным направлениям, главным образом, в работе ВНО и клуба.

Но год еще тому назад не было ни одной стороны жизни Академии, не было той щели, куда не направлялась бы эта самодеятельность.

В настоящее время считается признаком „хорошего тона" критически относиться к этим органам самодеятельности, лягнуть при случае недоброй памяти „Учкомы", „Комбыты" и проч. Но то, что ныне является ненужным и даже уродливым, отражением партизанщины, в свое время имело для жизни и развития Академии огромное значение.

Можно с уверенностью сказать, что, не будь всех этих учкомов, комбытов, контрхозов, клуба, всех этих производных творческой деятельности коммунистического коллектива, мы не видели бы Военной Академии в том виде, в котором она является ныне.

Стоит только привести перечень всех этих органов самодеятельности, чтобы видеть, какую огромную работу проделывала слушательская масса наряду с учебными занятиями. Наибольшего развития по количеству органов самодеятельности падает на 1921 и 1922 годы. Вот перечень этих органов:

1) Бюро фракции, 2) ВНО, 3) Учком, 4) представители в Академическом Совете, 5) Контр-хоз. (впосл. группа сод. РКИ), 6) Кооператив, 7) Отряд О. Н., 8) Комбыт, 9) Парт.-следств. комиссия, 10) Комиссия воздействия, 11) Партшкола и 12) Клуб; сюда же нужно отнести и Б'юнис, существовавший раньше.

История зарождения и развития деятельности указанных органов самодеятельности для всех, кто так или иначе стоял и стоит близко к Академии, должна составить определенный интерес, как история роста наших сил в научном, политическом и культурно-просветительном отношении.

Отсутствие многих документов необходимого времени лишают нас возможности дать исчерпывающий очерк развития самодеятельности слушателей, и потому мы останавливаемся лишь на наиболее значительных и ярких моментах таковой.

I. Учебная комиссия.

(У ч к о м).

Одни говорят „доброй памяти", другие, „недоброй памяти" Учком. Мы не являемся поклонниками и защитниками Учкома, в условиях настоящего существования Академии—всякому овощу свой черед,—но было бы нелепостью голословное отрицание ог-

ромной роли, которую в свое время сыграл Учком в постановке учебного дела Военной Академии. Не нужно большой фантазии, чтобы восстановить в памяти яркие картины недавнего прошлого. Период 18—19—20 г.г. Молодая Сов. Республика в капиталистическом окружении, в огневом кольце боевых фронтов. В жестоких схватках борется за свое существование восставший пролетариат, и в беспримерно тяжелых условиях строит и формирует свои вооруженные силы—Красную армию. Чтобы строить верно, чтобы уметь управлять ею, нужны знания, нужны сведущие люди—специалисты. Офицерский корпус старой армии был привлечен к строительству новой классовой армии; эти же офицеры были преподавателями на многочисленных курсах командного состава и они же составили профессуру Красной Академии Генштаба.

Набрали кадры молодых, преданных делу советской Республики, бойцов, уже обкуренных порохом на первых гражданских фронтах, а учителями, руководителями поставили... старых царских генералов.

Теперь, в 1923 г., оглядываясь на уже пройденный путь, мы вполне можем сказать, что многие из них служат Рабоче-Крестьянскому правительству не за страх, а за совесть. А тогда,— в 18—19 и даже в 20 году, кто мог с уверенностью сказать это?

Не только прошлое стояло между молодыми представителями Красной армии и академической профессурой. Слушатели, только что прибывшие с фронтов, с тем, чтобы, немного подучившись, снова броситься в бой, находившиеся целиком под впечатлением обстановки гражданской войны, требовали от профессуры учета этой классовой войны, ее методов и приемов. А профессура не могла, а самое главное, не хотела этого законного требования молодежи удовлетворить.

Большинство преподавателей еще не успело переварить коллосального опыта мировой войны, а вся профессура в целом относилась свысока к новым для нее формам и принципам классовой войны.

Вот это отношение усиливало отчужденность профессуры и слушателей, порождало порой враждебность, которая переносилась в учебную работу.

Первоначальная постановка учебного дела в Красной Академии Генштаба заставляла желать много лучшего, выражаясь скромно. Как и везде, и тут представителям трудящихся пришлось вступить в упорную борьбу за завоевание командных высот науки и искусства побеждать. Для руководства этой борьбой,

для улучшения учебного дела Бюро фракции и выделило из состава слушателей Учебную комиссию.

Организация органов самодеятельности падает, главным образом, на апрель месяц 1919 года, т.-е. через четыре месяца после начала существования Академии. Четырех-месячный промежуток, очевидно, ушел на сколачивание Академии, на ориентировку, учет сил слушателей и ознакомление их друг с другом. Первоначально функции органов самодеятельности, естественно, ложились на бюро фракции, которое к этому времени уже успело укрепить свое влияние и авторитет как в слушательской массе, так и среди администрации Академии.

Первые шаги Учебной комиссии еще очень робки, и потому большинство принципиальных вопросов учебного характера решаются и дискуссируются в Бюро фракции. Интересно отметить здесь один существенный момент, имеющий актуальное значение и в настоящее время—это вопрос о прикладном или, как теперь говорят, лабораторном методе преподавания.

13-го апреля 1919 г. на общем собрании фракции вопрос о постановке учебного дела по прикладному методу вызывает оживленную дискуссию. Инициатива исходила не от Учебной комиссии, которая незадолго перед этим начала работать, а от группы товарищей во главе с тов. Заксом. Точка зрения последнего сводилась к тому, что установленный до этого лекционный метод преподавания—есть метод пассивного восприятия, который не научает слушателя работать самостоятельно. Вместо лекций тов. Закс выдвигал прикладной метод, в котором центром тяжести является самостоятельная работа слушателей на дому. Лекциям, по его мнению, должно уделить минимальное количество времени, не более двух часов в сутки, и предметами их должны быть только введения в данный предмет, (курсив наш), а практическим работам должно уделяться значительно большее время. Оказывается, „ничто не ново под луною“!. Не тем ли мы занимались летом текущего года при разработке своих предложений к составлению нового учебного плана?

Предложение тов. Закса встретило сильную оппозицию в лице Учебной комиссии, которая свои возражения строила на том, что для проведения в жизнь прикладного метода в Академии не имеется достаточно подготовленных преподавателей.

В результате восторжествовала точка зрения т. Закса, и его предложение было принято большинством голосов. Сконфуженная Учебная комиссия тут же подала в отставку, которая была

принята, и была избрана новая Учебная комиссия в составе т. т. Закса, Ковалева, Полукарпова и Этингера.

С этого момента начинается фактически плодотворная деятельность Учебной комиссии вплоть до осени 1922 года, когда она прекратила свое существование.

Учебной комиссии, при проведении в жизнь намеченной линии в построении учебного плана, сразу же пришлось натолкнуться на большие препятствия, которые, главным образом, заключались в оппозиции преподавательского состава и администрации.

Административный и учебный аппараты работали настолько неудовлетворительно, что в Бюро фракции поднимается вопрос об увольнении нескольких главных сотрудников и даже замены их слушателями, против чего восстает комиссар тов. Козловский. Другой же комиссар т. Залежский находит, что следует уволить несколько человек из служащих Академии с заключением их в тюрьму или концентрационный лагерь и прибавляет, что значительная доля вины падает, главным образом, на начальника, который не проявляет никакой инициативы и не работает в этой области (протокол заседания Бюро фракции от 30/VIII—19 года).

Халатность и бездеятельность со стороны большинства сотрудников Академии и были главным тормазом при попытках поставить учебное дело на должную высоту и в работе Учкома. Главным центром, с которым приходилось Учкому вести борьбу за обновление и реорганизацию учебного дела, была конференция профессоров Академии под председательством начальника, которая в построении учебной жизни Академии обладала широкими полномочиями.

Несмотря на эти трудности, Учкому все же удалось разработать план учебной работы для основного и параллельного курсов. В какой мере план этот был проведен в жизнь—сказать затрудняемся за отсутствием данных.

В конце ноября 1919 года организация Учебной комиссии получила некоторые изменения. К этому времени в жизни Академии появился новый тип организации—институт старост, возглавляемый Советом старост. Во избежание параллелизма в работе последнего и Учкома, Бюро фракции постановило, что Учком избирается Советом старост в составе 7 человек (по 3 от каждого курса и 1 от Бюро фракции).

Для определения прав и обязанностей Учебной комиссии в интересах дела последней совместно с Советом старост было выработано „Положение об Учебной комиссии при фракции РКП

Академии Генштаба", которое и было утверждено Бюро фракции 26-го декабря.

В виду краткости этого Положения мы приводим его здесь целиком: 1. Учебная комиссия ставит своей задачей разработку и проведение в жизнь принципиальных и практических вопросов, связанных с постановкой педагогического дела в Академии генштаба.

2. Все принципиальные проекты, рассмотренные и принятые Учебной комиссией, вносятся на утверждение Бюро фракции.

3. Учебная комиссия для успешного выполнения своей задачи делегирует своих представителей: а) по 2 от каждого курса на заседания Конференции Академии с правом решающего голоса (положение об Академии), б) одного представителя с правом совещательного голоса на заседания Совета Академии при рассмотрении учебно-педагогических вопросов (программы, росписания лекций, о зачетах и т. д.), в) во все комиссии учебного характера, которые создаются Советом, Конференцией и Бюро фракции (библиотечная, издательская и др.).

4. Учебная комиссия периодически, но не реже одного раза в месяц, собирает совещание Старост групп, которое является контрольным и информационным органом при комиссии.

5. Учебная комиссия составляется из семи членов, утверждаемых Бюро фракции Р. К. П.

Конечно, это положение страдает многими неясностями, но оно было большим шагом вперед и завершением внутри-организационного процесса.

Просматривая протоколы Учебной комиссии и совета Старост к концу 1919 года мы видим, что основной вопрос, который занимал всех—был вопрос о практических занятиях.

Учебная комиссия принимала все меры, чтобы установить тесную связь лекций и практических занятий, согласовать работу преподавательского состава; намечала и оттеняла все те основные моменты, которые должны были быть проработаны той или иной кафедрой.

Работу свою Учебная комиссия поставила настолько серьезно, что Администрации Академии пришлось считаться с таковой. Для согласования работ Комиссии и Конференции профессоров постановлением последней была избрана паритетная Комиссия 11/II 20 г.

На первом же заседании этой новой Комиссии 14/II—20 г. был избран председатель гр. Цихович (проф.) и секретарь Венцов (слуш.). Эта комиссия имела 6 заседаний, на которых выре-

шила вопросы: 1) о распределении числа часов, уделенных лекциям; 2) о зачетах; 3) о военной игре и 4) о летних занятиях в Академии.

Необходимо добавить, что решения комиссии в главных своих пунктах были проведены в жизнь.

В виду недостатка преподавательского состава Учебная комиссия настаивала на привлечении в качестве лекторов видных военспецов, как Незнамов, Новицкий, Лукирский и другие. Учебная же комиссия проявила огромную энергию по упорядочению библиотечного дела в Академии.

Опыт показал, что состав Комиссии в 7 человек громоздок и потому Бюро фракции 30/I—1922 г. сократила число членов Учкома до 5.

Параллельно с Учебной комиссией Академии, на Восточном Отделе одно время также существовала своя Учебная комиссия, впоследствии переименованная в Подкомиссию, а затем и совершенно упраздненная.

Учебная комиссия до начала весенних зачетов успела провести качественный учет слушательского состава в отношении общего развития и специальной подготовки. С началом весенних зачетов приняла участие в регулировании времени таковых, в выработке правил для выполнения письменных зачетных задач и проч. Для придания большей авторитетности решениям Учебной комиссии заседания таковой иногда производились совместно с Бюро фракции.

На Учебную комиссию Бюро фракции возложило обязанность в срочном порядке составить проект условий приема на младший курс Академии, который впоследствии по окончательной обработке и был утвержден в оффициальном порядке, ею же разработана инструкция и положение об испытательных комиссиях по приему на младший курс. По этой инструкции экзаменационная комиссия должна была составляться на паритетных началах: по 2 представителя от слушателей и 2 от преподавателей.

Летние командировки слушателей по фронтам, и затем каникулы приостановили усиленную деятельность Учебной комиссии; для проведения в жизнь принятых решений на время каникул при Академии был оставлен т. Филиппов.

Как технический орган Бюро фракции, Учебная комиссия проделала большую работу по подготовке материалов и соображений к проекту положения об Академии, который в это время разрабатывался Советом Академии при участии Бюро фракции.

С началом нового учебного года деятельность Учкома сильно оживляется. Комиссии приходится разрешать, а затем проводить в жизнь самые разнообразные вопросы, касающиеся учебной жизни: 1) чистка административного персонала; 2) более нормальное распределение лекций; 3) приглашение новых профессоров; 4) служба генерального штаба; 5) психология масс; 6) упорядочение работ Восточного Отдела; 7) переработка наставлений для практических занятий; 8) организация экскурсий; 9) составление росписаний занятий; 10) подбор руководителей иностранных языков; 11) подбор младших руководителей групп и 12) вопрос о Конференции.

Этот перечень говорит сам за себя. Мало того, на Учебную же комиссию была возложена разработка мер для поднятия учебной дисциплины и посещаемости слушателями лекций.

Учитывая недостаточность у многих слушателей общеобразовательной подготовки Учебная комиссия в ноябре месяце разработала программу занятий по истории, географии и математике, которые были проведены в жизнь в форме учебных воскресников.

Как мы указывали выше, главным затруднением в работах Учебной комиссии было недоброжелательное отношение к ней со стороны Конференции профессоров, которые не могли примириться с тем, что „яйца стали курицу учить". Антагонизм между этими двумя учреждениями настолько обострился к концу 20 года, что Учебная комиссия на заседании Бюро фракции поставила категорически вопрос об упразднении Конференции, мотивируя это тем, что последняя не справилась с задачами, которые перед ней стояли. Это предложение Бюро фракции приняло и предложило Учкому приступить немедленно к энергичному проведению в жизнь учебного плана текущего года и разработке плана на будущий год.

Одновременно было создано Организационное бюро для разработки положения о созыве конференции представителей слушателей высших военно-учебных заведений, для обсуждения общих вопросов о постановке высшего военного образования в Р. К. К. Армии. Изложенное показывает, какую энергию и самостоятельность проявил коллектив Академии в упорном стремлении овладеть командными высотами военного знания. Но это было лишь начало дальнейшей упорной работы в этом направлении.

Наступивший затем 1921 год знаменуется чрезвычайным развитием органов самодеятельности. Работа ширится и углу-

бляется и в этом отношении Учебной комиссии по справедливости должно быть отведено первое место. Академия вступила в третий год своего существования, накопился значительный опыт у слушателей, перешедших на третий курс, опыт не только учебного характера, но и боевой, полученный во время командировок и пребывания на разных фронтах. Новый прием 20 года дал значительное число боевых командиров, три года непрерывно принимавших участие в гражданской войне. Назревала необходимость связать этот опыт с теорией военного знания, построить учебный план на новых практических выводах, которые давала только что закончившаяся гражданская война.

Конечно, работа Учебной комиссии не могла вылиться в точные организационные формы. Отношения с учебной частью не были вполне налажены и оформлены, да и Бюро фракции часто вмешивалось помимо Учкома во многие мелочи учебной работы. К тому же и состав активных работников Учкома очень часто менялся. Все это отражалось на работе учебной комиссии отрицательным образом.

Главную задачу, которую стремилась разрешить Учебная комиссия в новом учебном году, попрежнему еще сводилась к согласованию теоретического курса с практическими занятиями и к улучшению качественного состава преподавательского персонала. На основании докладов Учкома Бюро фракции ходатайствовало перед комиссарами Академии об отчислении ряда преподавателей и о привлечении в Академию военных специалистов, имеющих опыт гражданской войны.

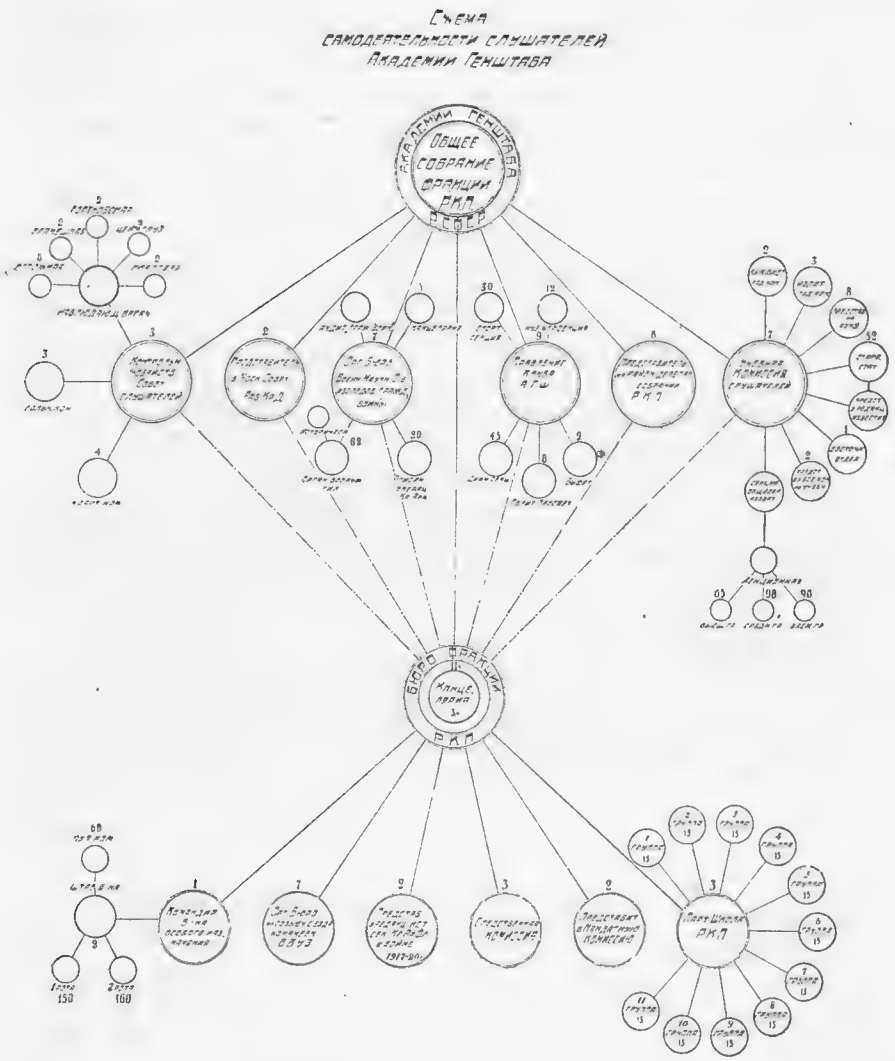
В виду того, что это ходатайство никаких результатов не достигло Бюро фракции 17/I поручило т.т. Урицкому и Белицкому с этим вопросом обратиться лично к Наштареспу тов. Лебедеву.

В своей практической деловой работе, связанной с вопросами текущей учебной жизни и накоплением материала для намечения дальнейших мероприятий, Учебная комиссия оперлась всецело на Институт Старостата.

Но деятельность последнего пока еще не была оформлена никакими рамками, что вызывало ряд недоразумений как в слушательской среде, так особенно с преподавательским составом. Необходимо было деятельность этого института определить каким-то положением. Для этого Учебная комиссия приступила в конце января 1921 года к составлению инструкции для Старостата.

В разработке этой инструкции принимало участие и Бюро, а основные его положения были предварительно утверждены общим собранием фракции.

В декларативной части этой инструкции указано, что учебная жизнь Академии может быть поставлена на должную высоту



лишь упорной и длительной работой самих слушателей через свои организации (Учком и Бюро фракции) по двум направлениям: 1) путем систематического воздействия на учебные органы Академии и 2) путем поднятия учебной самодисциплины среди слушателей.

В соответствии с этим и намечались обязанности старостата, которые в главном сводились к 1) учета опыта работ групп для намечения всех желательных улучшений и изменений в содержании, методах и приемах преподавателей, 2) к проведению в жизнь всех мероприятий Учкома, направленных к улучшению постановки учебной работы.

Учет работы старосты групп должны были представлять в Учком по определенной выработанной форме.

На старост же возлагалась ответственная обязанность в конце каждого полугодия составлять характеристики на слушателей и преподавателей.

Если мы на миг оторвемся от изложения событий прошлого и обратимся к нашей текущей жизни, то увидим, что вопросы затронутые этой инструкцией, являются и для нас животрепещущими и злободневными. Разница только в том, что нашими предшественниками они были уже разрешены, а мы лишь ощупью к ним подходим, а небесполезно бы было иногда порыться в старых делах, в которых есть много интересного и поучительного, дабы не открывать Америки второй раз.

Еще одна характерная особенность в инструкциях старостату: староста в своей группе является представителем не только Учкома, но и Бюро и потому его обязанности считались партийными обязанностями, и за недостаточную продуктивность работы своей группы, если она являлась следствием халатности старосты, последний отвечает лично перед Бюро в порядки партийной дисциплины.

Этой инструкцией предусматривались так же дежурные старосты по курсам, подчиненные председателю и секретарю Учкома.

В процессе работ Учком и старостат брали на себя некоторые административные функции и это обстоятельство естественно порождало недоразумения и конфликты между этими органами самодеятельности и администрацией.

По вопросу о системе зачетов Учкомом был разработан прямой порядок сдачи зачетов по всем предметам в письменном виде. Этот порядок просуществовал лишь один год, оказавшись неудовлетворительным, но опыт сам по себе интересен.

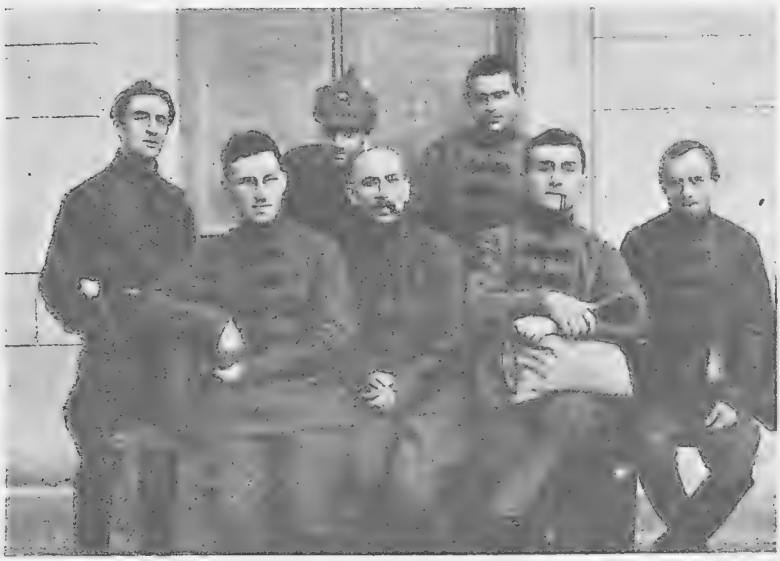
Вся работа Комиссии и ее постановления указывают, что к описываемому периоду она сумела завоевать себе прочное положение в академической жизни.

Насколько Комиссия была в курсе дела и охватывала все стороны учебной жизни Академии свидетельствует то обстоятель-

ство, что уже в конце февраля она приступает к деятельной разработке учебного плана на летний период. Бюро фракции для этой цели назначает в помощь комиссии 15 активных товарищей.

Конечно, при том масштабе работ, который развернулся перед Учебной комиссией, теми силами, которые были в ее распоряжении, она справиться не могла и мы видим, что при Учкоме создается ряд других комиссий: зачетная комиссия, впоследствии предметные комиссии и особая Основная Плановая Комиссия (ОСКОМ).

Вот что говорится в постановлении Бюро по поводу создания Оскома: „Для разработки на опыте трехлетней работы Ака-



Центральное бюро ячеек Военной Академии.

демии учебного плана избрать при Учкоме Основную Плановую Комиссию (ОСКОМ).

Комиссии к 1-му июня закончить свои работы и представить общему собранию фракции положения об условиях приема в Академию, постановки учебного дела, распределение учебного материала и методе занятий.

Комиссии предоставить право кооптации и просить комиссара предоставить ей полную возможность использования всего академического материала и аппарата для работ.

Состав комиссии:—из 9 человек с представительством всех течений".

Хотя Оскомъ и организованъ при Учкоме, по фактически в дальнейшем в своей работе он отчитывался непосредственно перед Бюро фракции. Таким образом из ведения Учкома был из'ят на время главный идейный стержень его работ и на его долю осталось выполнение отдельных заданий Бюро фракции, как-то: 1) выработка плана наиболее целесообразного использования слушателей, оканчивающих дополнительный курс Академии, 2) совместно со старостатом дополнительного курса наметить ряд кандидатов из слушателей дополнительного курса для занятия административных должностей при учебной части Академии и для подготовки к преподавательской деятельности и 3) разработка плана об использовании слушателей в течение летнего периода.

Намеченные Учкомом мероприятия в основном были выполнены. Учебный план на будущий год был создан трудами Учкома и на совместном заседании В. В. П. С. с представителями Учкома и Бюро был утвержден.

Бюро по этому поводу вынесло резолюцию: „Выразить благодарность представителям Учкома и Ц. Б. т.т. Цифферу и Белицкому за проявленную работу и успешное проведение учебного плана".

Но работы Учкома по выработке учебного плана на том не окончились; план был намечен лишь по основным вопросам, детальная разработка этого плана, особенно в части, касающейся до политического курса, была закончена лишь в августе.

Одновременно с этим стараниями Учкома был поднят и разработан вопрос о преобразовании Высшей Школы штабной службы в подготовительный курс Военной Академии.

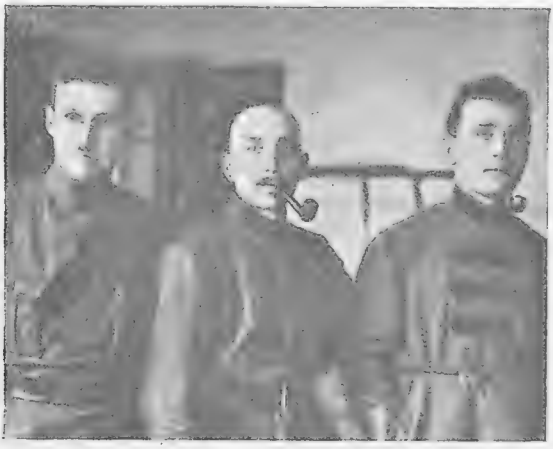
С началом нового учебного года (21/22) деятельность Учкома продолжает развиваться в прежнем духе. Работа эта упрощалась тем, что за Учкомом был уже богатый опыт, намечены были определенные пути и оставалась лишь регулировать общее направление и разрешать вопросы текущего периода.

Если на протяжении всего существования Академии одним из основных вопросов для Бюро и Учкома был метод преподавания, который так или иначе разрешался, то еще не разрешенным оставался вопрос о содержании преподаваемых дисциплин.

Эта задача была возложена на так называемые предметные комиссии. Комиссии эти создавались по основным предметам в составе трех членов из слушателей с ответственным секретарем; эти комиссии были утверждены администрацией и проведены приказом по Академии. Они в своей работе руководствовались указаниями Учкома.

Кроме разработки вопросов, касающихся содержания соответствующего предмета, в обязанность комиссий входило также присутствие в лице секретаря на зачетах в качестве полноправных членов зачетных комиссий.

1922 год, год моральных и иных потрясений в жизни Академии. В склоку, которая зародилась внутри фракции, были вовлечены ответственные партийные тов. старшего и дополнительного курсов, принимавших активное участие в органах самодеятельности, и понятно, что деловая работа во всех этих органах, в том числе и Учкома, сильно ослабела. Слушатели младшего курса, стоявшие в стороне от развившейся в среде активных



Секретариат Ц. Б. ячеек Р.К.П.

партийных работников склоки, были недостаточно опытны, чтобы справиться с разнообразными задачами органов самодеятельности. Следует также отметить, что в это же время административный аппарат значительно усилился.

В то время, как раньше не проходило почти ни одного заседания Бюро фракции без того, чтобы не обсуждалась та или иная сторона деятельности Учкома, в этот период, наоборот, на всю первую четверть 22 года падает лишь одно заседание, посвященное Учкому. На этом заседании Бюро дает Учкому ряд заданий:

а) Учкому 28 марта на общем заседании ячейки сделать доклад,

б) приступить к разработке учебного плана всех курсов на летний период,

в) в кратчайший срок наладить и усилить работу предметных комиссий,

г) разработать вопрос об ад'юнктах,

д) привлечь к работе в кабинете связи слушателей дополнительного курса в обязательном порядке,

е) еще раз обратить внимание Начальника Академии на ненормальность занятий на подготовительном курсе,

ж) принять меры к обеспечению работы в лагерях,

з) обсудить совместно с дополнительным курсом вопрос о замене 3-ей темы практическими занятиями в поле.

Вот краткий итог того, что выполнил Учком в течение весеннего и летнего периода 1922 года: 1) Разработан порядок

Курсовые Бюро ячеек.

окончания зимнего периода на весну лето и осень по старшему и младшему курсам, 2) разработано положение о военной игре, которое было полностью использовано администрацией Академии при проведении военной игры, 3) разработан план летних занятий, принятый администрацией с небольшими изменениями технического характера, 4) составлены учебные характеристики на слушателей подготовительного, младшего и старшего курсов для представления в комиссию по чистке Академии, 5) составлены характеристики преподавателей и руководителей практических занятий для чистки таковых в связи с сокращением штатов Академией, наконец, 6) составлен вчерне учебный план на 1922—23 уч. год.

Это были последние мероприятия последнего Учкома.

Какой же вывод мы можем сделать из сжатого краткого обзора деятельности Учкома?

Мы должны отметить ту положительную роль, которую сыграл Учком в деле организации учебного плана Академии, и роль эта была большая.

Могут указать, что несмотря на большую работу, проделанную Учкомами всех составов, положение учебного дела в Академии к моменту чистки было далеко не удовлетворительным. Мы на это можем только ответить, что без Учкома это положение было бы гораздо хуже: на это имеются солидные доказательства в виде протоколов и тезисов и других материалов комиссии Ц. К. Р. К. П., производившей обследование Академии во всех отношениях перед чисткой Академии.

II. Культурно-просветительный клуб Военной Академии.

Одно из важных мест в системе органов слушателей, игравших и играющих большую роль в жизни Военной Академии, занимает клуб.

К сожалению, нужно отметить, что, несмотря на огромное значение, которое должен иметь в нашей жизни клуб, несмотря на ответственную и ценную работу, которую он выполняет и на огромные задачи, которые ему предстоит выполнить в борьбе за новый быт,— слушательская масса в целом и даже в ее руководящих органах относится к клубной деятельности с непростительным равнодушием, как к чему-то постороннему, третьестепенному. Такое отношение к клубу красной нитью проходит через всю историю его жизни и деятельности.

Печатая настоящий очерк, нам хотелось, по мере возможности, дать полную картину жизни и деятельности клуба с момента его зарождения, все его достижения, которые в отдельных случаях не бьют в глаза, кажутся незначительными на всем фоне академической жизни, но в своей сумме являются большим культурно-политическим фактором, от которого могут отмахиваться лишь несерьезные люди.

Клуб всего лишь на полгода моложе самой Академии.

В первые моменты существования Академии вся общественно-политическая деятельность и интересы слушательской массы сосредоточивались в партийном коллективе, который назывался коммунистической фракцией и возглавлялся Бюро фракции. Суровая обстановка 18-го года, бедность всякими средствами на первых же порах существования Академии заставили слуша-

телей самих во многом взяться за строительство не только политической, но и хозяйственной и учебной деятельности Академии. В связи с этим возникают комиссии: Учебная, Хозяйственная и Судебная, подчиненные в своей деятельности общему собранию фракции. Этими органами на первых порах и ограничивалась самодеятельность слушателей. Но с течением времени, с постепенным налаживанием академической жизни, естественно, возникла потребность и в других органах, главным образом, культурно-просветительного и военно-научного характера. Надо полагать, что мысль о необходимости клуба неоднократно возникала и высказывалась слушателями еще до создании клуба, но первое официальное предложение исходило от комиссара Академии т. Козловского, который сделал заявление о необходимости организовать при Академии клуб на общем собрании членов РКП Академии 4-го апреля 1919 года. Собрание постановило передать вопрос на рассмотрение хозяйственной комиссии, которая должна была по этому поводу сделать общему собранию доклад.

Хозяйственная комиссия не сразу приступила к выполнению этой задачи и на общем собрании фракции коммунистов 13-го апреля член этой комиссии тов. Ефимов в докладе о деятельности комиссии ограничился заявлением о намерениях комиссии организовать клуб с „самыми широкими задачами", с секциями: библиотечной, театрально-музыкальной, экскурсионной, спортивной и проч. Указанные мероприятия, как и всякое благое начинание, конечно, получили одобрение общего собрания.

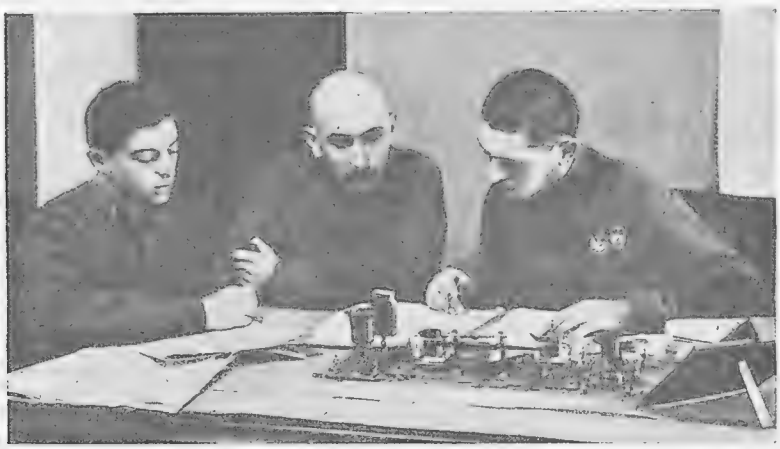
В виду отсутствия необходимых документов трудно установить, как проводила в жизнь хозяйственная комиссия намеченные ею мероприятия по организации клуба. Лишь спустя месяц, именно 18 мая, опять-таки на общем собрании фракции член контрольно-хозяйственной комиссии тов. Этингер заявляет, что трудами комиссии организован при Академии клуб; на этом же собрании было избрано Правление клуба в составе слушателей: Зеленцева, Иванова, Ковшова, Клокова, Пашевктова, Шапошникова, Носова, Голицина, Этингера, Картаева и Тарасевича.

Таким образом, 18 мая 1919 г. клуб Военной Академии получил утверждение, получил свое Правление и с этого момента фактически начинается его деятельность.

На первых порах деятельность клуба не могла быть особенно интенсивной. С одной стороны, отсутствие достаточных материальных средств, с другой стороны—другие более серьезные задачи, стоявшие перед слушательской массой, отодвигали вопрос о клубе и работе в нем на задний план.

Тяжелое положение на красных фронтах и внутреннее состояние Советской республики, главным образом, приковывали к себе внимание слушателей, из которых многие в тот период командируются на фронт. Советская Республика в целом являлась осажденным со всех сторон военным лагерем, и потому, естественно, в таком учреждении, как Военная Академия, вопросы культурно-просветительного характера не могли выдвигаться на первый план, но они не оставались и в полном забвении.

Просматривая протоколы общих собраний партийного коллектива Академии за 1919 год, можно видеть, что коллектив этот в лице Бюро фракции и общих собраний живо интересуется всеми вопросами, касающимися его быта. Главное внимание, ко-



Редакция „Красных Зорь".

нечно, сосредоточивалось на деятельности контрольно-хозяйственной и учебной комиссии, ну не оставляется без внимания и деятельность клуба.

Так, мы видим, что для усиления деятельности вводится в Правление клуба из состава Бюро фракции общим собранием 22 августа тов. Ильичев, а 31 августа общее собрание предлагает Правлению клуба к приему нового курса усилить работу всех секций; кроме того, Бюро фракции предлагается ходатайствовать о скорейшем утверждении смет клуба.

Как видно из этих постановлений, секции клуба, хотя и недостаточно, но все же действуют, живут и привлекают внимание фракции.

Одновременно с руководством работой секций на Правлении клуба совместно с контрольно-хозяйственной комиссией ле-

жала обязанность устройство вечеров по всяким торжественным случаям.

Необходимо отметить одну бытовую черту в истории Академии, связанную с периодом 1919—20 и даже 21 года—это тот интерес и внимание, которое проявлял весь коллектив Академии к устройству этих вечеров. Бюро фракции избирало обыкновенно специальную комиссию; сюда привлекались и контрольно-хозяйственная комиссия, и Правление клуба; да и все слушатели принимали в его устройстве то или другое участие, и на почве этих вечеров возникали иногда крупные недоразумения, которые с нашей точки зрения могут показаться юмористическими. Главным фокусом этих вечеров, как можно догадаться, был ужин. Скверное материальное бытие было у наших предшественников по Академии, и пустые желудки слушателей, естественно, заставляли их весьма интересоваться вечером, на котором предполагался сытный ужин.

В своей деятельности клуб руководствовался Положением о клубах в красноармейских частях, утвержденным приказом ПУР'а и руководящими указаниями Бюро фракции. Взаимоотношения с Бюро не были вполне урегулированы, но из всей деятельности клуба за 1919 год видно, что Правление клуба во всех отношениях признавало авторитет Бюро, отчитываясь перед ним и представляя на его утверждение свои мероприятия; само Правление намечалось и предварительно утверждалось Бюро фракции. Для согласованности действий Правления клуба 26 декабря даже ходатайствовало о делегировании в состав Правления одного из членов Бюро, но это ходатайство было отклонено.

В итоге своего полугодового существования с 18 мая 1919 года по 1 января 1920 года клуб, несмотря на тяжелые условия, все же оказался жизненным и в жизни слушательской массы приобрел положительное значение, хотя и не достиг подобающего развития. Не удалось, правда, клубу провести намеченные им широкие мероприятия культурно-просветительного характера.

Работа клуба в 1920 году. В 1920 году клуб намеревался расширить свою деятельность. Предполагалось открыть клуб в общежитии „Левада", т.-е. намечались те мероприятия, к осуществлению которых в действительности клуб мог приступить лишь в текущем 1923 году.

К началу 20 года клуб уже имел небольшие средства, и Бюро фракции нередко обращается в Правление клуба с просьбой об отпуске на нужды Бюро значительных по тому времени сумм.

Деятельность клуба к этому времени выходит из пределов „буфетного периода". Громоздкое Правление из 17 человек было переформировано в Клубный совет, из которого выделилось работоспособное Правление в 5 человек. Была назначена опытная заведующая клубом т. Голаденберг. Работа клуба распространилась на секции, которых было организовано 6: 1) Военно-научно-политическая, 2) Литературно-драматическая, 3) Музыкальная, 4) Изобразительных искусств, 5) Экскурсионная и 6) Физической культуры.

В ряду секций клуба, наиболее проявившую себя в начале 1920 года нужно признать Военно-политическую, состоявшую из

Правление Клуба Военной Академии.

2-х отделов: Военно-научного и Историко-политического. Секция эта была организована в конце 1919 года и является предтечей нынешнего ВНО. Работа этой секции выразилась, главным образом, в постановке докладов на военно-политические темы. Так, к 12 февраля были устроены доклады ответственных партийных товарищей: Балабановой, Петровского, Бубнова, Бабинского, Бухарина и проф. Топоркова; это доклады—политического характера; по Военному отделу доклад тов. Пятакова и серия докладов т. Крюкова по агентурой разведке. Предполагалось организовать кружковые занятия по разведке. Военный Отдел секции к этому времени связался с аудиторией „Военное Дело". По

мимо этого приступили к изучению польского и украинского языков.

Конечно, работы Военно-политической секции охватывали задачи, которые, по существу, не могли быть в полной мере осуществлены клубом. Поэтому, среди ответственных работников фракции Академии поднимается вопрос о реорганизации клуба. Между представителями клуба и членами Бюро фракции разыгрывается горячая дискуссия, главным образом, по поводу Военно-политической секции. Работники клуба и некоторые члены Бюро отстаивали существование секции при клубе, предлагая не отрывать ее от хозяйственной базы клуба. В конечном счете было принято предложение т. Венцова. Секция была переименована в Военно-Научную Комиссию при Бюро фракции; в нее были избраны товарищи: Лебедев, Райский и Яропольский. Этой комиссии было поручено составить проект организации при Академии Военно-Научного Общества.

Таким образом, Военно-Научное Общество при Академии, фактически выполняющее функции Центрального Военно Научного Общества, своим зарождением обязано клубу Академии.

Из предыдущего видно, что, несмотря на сравнительно короткий промежуток, к началу 20 года деятельность клуба значительно расширилась; работа эта проходила не изолировано, а в тесном контакте с другими органами самодеятельности; так, мы видим, что неоднократно Бюро фракции назначает совместные заседания Правления клуба и Учебной Комиссии по тем вопросам, в которых деятельность названных органов соприкасалась. Но, несмотря на внешнее расширение своей работы, по внутреннему содержанию таковой, клуб не оправдал возлагаемых на него надежд. Бюро фракции на своих заседаниях неоднократно ставит вопрос о работе клуба и предлагает Правлению последнего сделать об этом подробный доклад, видимо не удовлетворяясь его работой; так, в апреле 1920 г. Бюро фракции, заслушав отчеты Правления клуба, принимает постановление: „Признать, что для дальнейшего существования клуба необходимо коренное изменение направления его работы; поручить т.т Залетному, Ахову и Шишкевичу составить конкретный доклад с планом ближайшей работы".

Но этим дело не ограничивается. Ставится вопрос о ликвидации клуба. Самое печальное для клуба заключалось в том, что предложение о ликвидации исходило от Бюро фракции, и тяжелую борьбу пришлось выдержать Правлению, чтобы отстоять существование клуба.

Этот кризис не позволил клубу развить в полной мере свою деятельность, хотя к этому времени клуб обладал налаженным техническим аппаратом и имел необходимые финансовые средства.

И, несмотря на эти ущемления, клуб не сдавался и кое-что делал. Создается и работает Драматическая секция в составе 29-ти человек, имеется опытный режиссер, организуется секция физкультуры, работает экскурсионная секция, намечается целый ряд литературных вечеров. Устроен был кинематограф и, кроме того, при клубе функционировала касса взаимопомощи членов клуба (фактически для всех слушателей), которая за короткий период выдала займообразно до 30.000 рублей и удовлетворила почти все поданные заявления. Правление клуба не останавливалось на этих мероприятиях и намечает организацию партшколы, устройство лекций, кружков, концертов. И при всем этом Правление клуба не встречает поддержки со стороны Бюро фракции, и на докладе председателя Правления клуба т. Шишкевича о деятельности клуба мы читаем резолюцию ответственного члена Бюро фракции т. Закса: „Мое мнение: мертвое учреждение. Клуб не спасут никакие напыщенные доклады. Трата энергии впустую. Кустарничество пора бросить. Да и некогда академикам заниматься этими делами; не хватает времени для науки, а ради „буфета“ существовать стыдно“.

Не знаем, солидаризовалось ли все Бюро в целом с этой резолюцией. Повидимому — нет. Доказательством этого является дальнейшее существование клуба. Но Бюро фракции не было отзывчивым на все мероприятия клуба. В то же время Бюро фракции вмешивалось очень часто и во внутреннюю жизнь клуба. Об'яснялось это тем положением, которое занимало Бюро фракции в жизни Академии. Бюро фракции было не только партийным органом, но в некотором отношении и административным, или присвоивало себе административные функции, что имело, конечно, свое оправдание в особых условиях того периода. Бюро фракции уже по одному тому не могло решиться на ликвидацию клуба, что последний являлся тем источником, из которого оно черпало необходимые средства в трудные времена.

Считаясь с тем отношением, которое проявляло Бюро фракции к клубу, Правление последнего стремилось так или иначе выйти из под контроля Бюро, что порождало ряд конфликтов и вредно отражалось на деятельности клуба. Но в этом отношении Бюро фракции взяло твердую линию и, обнаруживая некоторые злоупотребления в работе Правления,—9-го мая 20 года

решило сделать клуб органом, подконтрольным Бюро во всех отношениях, что и утвердило своим постановлением, мотивируя это особыми условиями клубной работы в Академии Генштаба. Трудно судить, насколько это благотворно отразилось на деятельности клуба. В виду зачетов и усиленных занятий слушателей и положения на польском фронте, куда были командированы многие слушатели Академии, весенний и летний периоды 20 года отличаются сплошным затишьем в деятельности клуба. Правление клуба к средине лета по многим причинам распалось, и 20 июля Бюро фракции утвердило новое Правление в составе т. Лиздина, Трифонова, Подгорецкого, Крюкова, Евреинова, Беляева и Драгилева. Тов. Лиздину было поручено организовать это Правление, которому в кратчайший срок наметить план работы.

Новому Правлению клуба также не удалось развернуть сколько-нибудь большой работы. Причины: летние полевые работы, новый осенний набор слушателей, усиленные толки о переезде Академии в Петроград—все это тормозило не только деятельность клуба, но и других органов самодеятельности, и только в ноябре месяце, когда жизнь Академии постепенно начинает входить в колею, оживает деятельность клуба. В протоколе Бюро фракции от 16 ноября мы находим постановление: а) санкционировать секцию при клубе, передать клубу ведение политической работы, при условии полной ответственности и отчетности его перед Бюро, б) допустить организацию клубов-читален при общежитиях. Распределение газет поручить клубу".

Это постановление является первым признаком перелома в отношениях Бюро фракции и клуба. На клуб возлагается такая серьезная обязанность, как ведение политработы. В это время клуб проявляет усиленную деятельность по подготовке к празднованию второй годовщины существования Академии.

К концу 1920 года клуб Академии, несмотря на все испытания, все же окреп и постепенно приобрел права гражданства. Правление клуба имело налаженный технический аппарат, имело свою хозяйственную часть с завхозом, казначея и канцелярию, ревизионную комиссию. Специально приглашенным инженером была оборудована сцена, функционировала удовлетворительно касса взаимопомощи. Был организован ряд кружков, из которых некоторые пользовались некоторою административною самодеятельностью: так, Художественная секция (она же и Драматическая) имела председателя, секретаря, администратора и его помощника; работали кружки: политико-просветительный, шахмат-

ный и литературный. Конец года для клуба закончился некоторой персональной заменой руководителей; вместо тов. Дзедзиева временное руководство клубом было поручено т. Прокопенко.

Деятельность клуба в 1921 году. На протяжении всего 21-го года деятельность клуба в сравнении с другими органами самодеятельности слушателей остается в тени.

В предыдущем, 20-м году, на редких заседаниях Бюро фракции не стоял вопрос о деятельности клуба.

В 21-м году, наоборот—Бюро фракции как будто забыло о существовании клуба, и лишь в одном или двух протоколах его находим короткое постановление о назначении представителя от Бюро в Правление клуба или затребовать доклад о его деятельности.

21-й год в жизни Академии отличается усиленным ростом очень многих органов самодеятельности: контр-хоз., кооператив, Учком, старостат, ВНО, Судебно-следственная комиссия, Вышибком и проч. Учебная, партийная и ВНОвская работа поглощают все свободное время слушателей; клубу уделялось мало внимания.

К тому же политическое и хозяйственное положение Республики отвлекало слушателей от внутриакадемической работы. Ликвидация фронтов к конце 20 го года не решила еще вопроса о передышке. Март 21-го года ознаменовался Кронштадтом. Ликвидация Антоновского мятежа, летние командировки слушателей по округам, начало учебного года и чистка партии—все это потребовало от слушательской массы огромного напряжения и, естественно, что такие вопросы, как развитие клубной работы, должны были остаться в тени.

Клуб, конечно, не умер, но на протяжении всего 21-го года влачил тихое существование, устраивал, когда Бюро разрешало или приказывало вечера, иногда лекции, поддерживал буфет и... больше, кажется, ничего. Секции и кружки работали весьма слабо; желающих работать было мало: из секций можно отметить Драматическую, Музыкально-вокальную и Спортивную. Наиболее жизненной оказалась Драматическая секция, деятельность которой выразилась в постановке спектаклей—большею частью силами приглашаемых артистов. За период с 1-го января по 1-е апреля таких спектаклей было поставлено 10; из них силами слушателей—4; в апреле устроено 2 концерта и 2 спектакля с числом посетителей каждый до 1500 человек. В следующие месяцы количество постановок резко уменьшается и сводится почти к нулю до ноября месяца (летние полевые занятия). В те-

чение года из состава Правления выбыло много членов по различным причинам, но Бюро фракции не ставило вопроса о его переизбрании или пополнении, что об'яснялось слабой работой клуба. Новый прием слушателей в 21-м году не отразился непосредственно на оживлении деятельности клуба. 26-го декабря Бюро фракции назначило новое Правление клуба в составе т.т. Федько, Зеленцова и Шведова, но и это Правление не в состоянии было сдвинуть деятельность клуба с той мертвой точки, на которой она остановилась к концу 1921-го года.

Клуб в 1922-м году. Начало 22-го года отличается усилением деятельности клуба, благодаря притоку свежих сил. Кроме усиления секционной и студийной работы намечается издание журнала клуба трудами литературно-издательской секции, но этому благому начинанию не суждено было осуществиться в течение еще долгого периода. К этому времени в сферу деятельности клуба входит организованный ранее Детский сад при Академии для детей слушателей и сотрудников.

В докладе члена Правления клуба тов. Шведова в начале февраля месяца отмечается, что в работу секций клуба привлечено около 600 ч., клубом устраиваются еженедельно по 2 спектакля в пользу голодающих и союза молодежи; секции работают интенсивно. Мы, конечно, к цифре 600 должны отнестись несколько критически. Цифра эта имелась лишь на бумаге, но все же желающих и принимавших участие в секционной работе товарищей было значительное число. Работа секций и других учреждений клуба, как школа по ликвидации неграмотности и Детский сад, осложнялась отсутствием средств, особенно продовольствия, в связи с распоряжением ПУР'а о снятии всех клубов с казенного довольствия. Благодаря этому, клуб вынужден был перейти на полное иждивение Академии, которая многого дать не могла.

Считаем необходимым отметить, что в постановке спектаклей не было продуманного плана, и многие постановки были весьма неудовлетворительны как в художественном, так и в культурно-просветительном отношении, на что Бюро фракции обратило внимание Правления клуба.

Так продолжалась работа клуба до новых выборов Правления клуба, которые состоялись в конце апреля. В состав нового правления вошли т.т. Шведов, Стор, Горбатов, Пуськов, Зиновьев, Гордеев и один представитель Бюро для постановки при клубе агитпропагандистской работы.

Новому Правлению клуба пришлось приступить к работе в условиях тяжелого материального кризиса, который переживал к этому времени клуб. К тому же и активность слушателей в отношении клубной деятельности сильно понизилась, в виду начавшейся зачетной „лихорадки". Клуб при таких условиях не мог развить широкой деятельности и в дальнейшем даже само существование его чуть ли не стало под знаком вопроса.

Переживаемый клубом кризис этого (летнего) периода во многом напоминает кризис 20-го года. Но и на этот раз клуб устоял, благодаря огромной энергии своих работников.

Между тем, требования к клубу как со стороны слушателей, так и со стороны Бюро фракции пред'являлись весьма большие, и невыполнение этих требований рассматривалось как бездеятельность клуба.

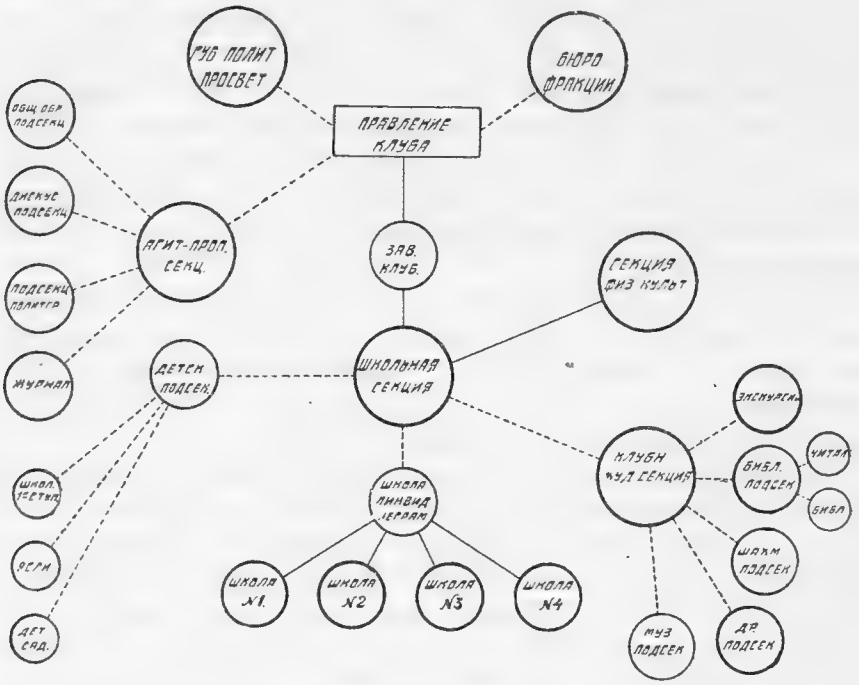
Это положение клуба остроумно характеризует Правление клуба в своем отчете Бюро фракции: „Настоящее положение культ.-просвет. клуба является аналогичным положению Сов. делегации в Генуе. Все и каждый требует от клуба, но никто и ничего не хочет дать для него".

Одним из недостатков клуба, который вредно отражался на его деятельности и в предыдущие периоды, был тот широкий размах в целях и задачах, которые ставило клубу каждое новое Правление. Несоответствие этих широких задач фактической обстановке и скудость материальных средств в конечном результате все, даже возможные, благие мероприятия сводили к нулю и, естественно, вызывали разочарование как среди клубных работников, так и в слушательской массе. Просматривая все доклады, постановления Правлений клуба, уставы, которые очень часто вырабатывались, постоянно натыкаешься на чрезвычайно широкий размах, и ни разу не видишь простого конкретного плана работ, соответствующего силам и средствам. Каждое Правление клуба свою деятельность обыкновенно начинало с широковещательной декларации и стремилось к осуществлению нужного, а не возможного. Такая постановка дела была одной из основных причин того, что клуб иногда делал не то, что говорил и обещал, а это вызывало нарекания со стороны слушателей.

Все те отрицательные условия, в которых протекала работа клуба, могли быть изжиты лишь при серьезном внимании к нему со стороны слушателей, парторганизации и администрации Академии. Но этого внимания не было, и клуб среди прочих учреждений Академии оставался на положении „незаконнорожденного ребенка".

И, несмотря на указанные выше условия, клубная работа не замирала, благодаря энергии и любви к делу небольшого числа клубных работников. Эта работа вылилась в следующие организационные формы:

Схема организации клуба Военной Академии.



В течение летнего периода работа клуба велась в 5 направлениях: 1) агит-пропагандистском, 2) школьном, 3) культурно-художественном, 4) спортивном и 5) театральных постановок.

Агитпропагандистская работа заключалась в организации экскурсий, докладов, занятий политграмотой с красноармейцами и обслуживающим низшим персоналом и подготовке к изданию журнала. Как и раньше, работа тормозилась перегруженностью слушателей учебной работой.

Школьная работа выразилась: 1) в организации среди слушателей занятий по математике, 2) занятиях с красноармейцами и низшими служащими по ликвидации неграмотности и малограмотности и 3) в наблюдении за постановкой учебного дела в школе 1-й ступени среди детей слушателей, преподавателей и служащих.

Клубно-художественная работа велась в подсекциях драматической, музыкальной, шахматной, библиотечной и спортивной.

Наиболее активной оказалась шахматная подсекция. Эта подсекция втянула в свою работу до 60 человек. Результаты работы этой подсекции выразились в организации двух шахматных турниров с Высшей Химической школой и Высшими академическими курсами, в которых шахматная подсекция Академии взяла первенство.

В драматической и музыкальной секциях работа замерла.

Библиотечная секция организовала библиотеку-читальню, получив до 3 тысяч томов по беллетристике. Хуже обстояло дело с газетами. За отсутствием средств клуб не имел возможности выписывать их в достаточном количестве. Слушатели Академии в лагерях по целым неделям не видели газет, ибо администрация Академии также не позаботилась о газетах.

Недостаток средств отразился неблагоприятно и на деятельности спортивной секции. Удалось организовать лишь футбол и охотничью секцию. В организации футбольных команд и снабжении их необходимым имуществом оказала помощь администрация Академии.

Для характеристики деятельности в области театральных постановок можно указать, что за полгода клубом было устроено 18 спектаклей, 6 концертов, 1 спорт. вечер и 1 выпускной вечер для слушателей б. школы штабной службы.

Несмотря на то, что театральные постановки в этот период являлись почти единственным источником доходов клуба, из числа указанных постановок 10 были устроены в пользу голодающих Поволжья.

Вот в кратких чертах та деятельность, которую смог развить клуб в течение зимы и лета 1922 года.

При всех неблагоприятных условиях эта работа дала удовлетворительные результаты.

Конец лета 22 года в жизни Академии ознаменовался ослаблением деятельности всех органов самодеятельности, и клуб не избежал этой участи.

В задачу настоящего очерка не входит рассмотрение этого общего для всех органов самодеятельности явления.

Внешним поводом явилась проводившаяся в это время поверка слушательского состава Академии, так называемая „чистка“, предпринятая Ц. К. Р. К. П. Основные причины лежали значительно глубже.

С начала нового учебного года некоторые органы самодеятельности были уничтожены; оставшиеся должны были выработать новые организационные формы.

В частности, клуб, ранее оторванный от административного аппарата Академии, стремившийся так или иначе обособиться даже от контроля парторганизации и от этого лишь терявший в своей работе, в новом учебном году тесно связался как с администрацией Академии, так и с Бюро ячеек. Сближение это на первых порах выразилось в введении в Правление клуба в качестве председателя такового пом. комиссара Академии т. Островского и представителя от Ц. Бюро ячеек.

Был выработан новый устав клуба и намечен план работ клуба. На выработку этого плана обратило серьезное внимание не только Правление клуба, но и Ц. Бюро ячеек. В этом плане впервые учтены были специфические условия работы клуба в академической обстановке. И клуб, и Ц. Бюро решительно отказались от культивирования клубом сценических постановок и центр тяжести перенести на культурно и политико-просветительную работу среди красноармейцев и обслуживающего персонала Академии. Правда, эти мероприятия не были сразу проведены в жизнь, так как в составе Правления клуба находились еще работники, придерживающиеся старых методов работы и отстаивавшие такие нежизненные в академических условиях организации, как драм. секцию и друг. К тому же, и Правление клуба попрежнему было еще довольно громоздким и потому — малодеятельным.

К концу года клубу окончательно удалось об'единить и наладить работу, как политико-просветительную, так и работу по детским учреждениям.

Этому же составу Правление клуба впервые удалось осуществить давно назревшую потребность в издании журнала.

Конец 22 года в клубной жизни можно охарактеризовать, как отказ от прежних широковещательных и невыполнимых программ и переход к деловой работе, работе, учитывающей наличные средства и силы. Окончательно деятельность клуба выкристаллизовалась и приняла гибкие организационные формы в следующем, 1923 году.

Клуб Академии в 1923 году. В начале 1923 г. при клубе функционировали 4 секции — шахматная, музыкальная, вокальная и театральная. Секции эти в своей работе охватывали весьма незначительный контингент слушателей, организовав лишь полтора — два десятка человек, наиболее интересующихся охватываемыми ими областями. Работа в секциях шла довольно успешно, не считая музыкальной секции, дававшей

наиболее слабый результат, — и выразилась в ряде успешных публичных выступлений.

Деятельностью этих секций и устройством периодических концертов и спектаклей и исчерпывалась основная работа Клуба.

Никакого систематического плана работ у правления не имелось и в жизни Академии клуб занимал очень небольшое место. Что касается обслуживания красноармейцев и низшего состава Академии, то оно выражалось в функционировании 5-ти школ грамоты, при которых велась выделенными Централь-

Детский Дом Академии „Красная Звездочка".

ным Бюро ячеек Академии товарищами политработа. Школы эти были разбросаны частью при общежитиях, частью при обслуживающих Академию частях.

Много внимания уделялось Клубом детским учреждениям: Детскому Дому для голодающих детей, „Красная Звездочка", Школе 1-й ступени и Детскому Саду „Малыш".

В таком, в общих чертах, состоянии была клубная работа в Академии в январе 1923 года.

Учитывая чрезвычайные трудности работы в Академии вследствие загруженности слушателей учебными занятиями, и вследствие разбросанности на значительной территории отдельных учреждений и общежитий Академии, Правление Клуба и активная группа слушателей занялись вопросом об изыскании

наиболее рациональных методов работы. Был поднят вопрос об организации клубных комнат при общежитиях Академии, в которых бы концентрировалась вся первичная клубная работа, и которые могли бы доставлять занятому слушателю потребную ему духовную пищу и отдых. Клубные комнаты должны были помимо этого вовлечь в культурно-просветительную работу семьи, в первую очередь жен слушателей. Соответствующие планы были разработаны, заготовлено некоторое количество денег, намечены подходящие комнаты в общежитии, но все это дело вскорости разбилось о переживаемый в то время Академией жесточайший жилищный кризис, так как никоим образом нельзя было добиться освобождения намеченных Клубом комнат.

Клубную комнату удалось открыть в апреле месяце только в одном общежитии „Левада". Что касается 3-х остальных крупных общежитий, то вопрос организации в них клубных комнат удалось конкретно поставить только в октябре 1923 года.

В феврале месяце Клуб был поглощен ликвидацией политбезграмотности обслуживающих Академию красноармейцев, приуроченному к торжественному празднованию 5-й годовщины РККА и организации этого празднования. Массовая работа Клуба сильно тормазилась в течение этого месяца тем, что зрительный зал Клуба (на Воздвиженке, 6) был использован для подготовляющейся к открытию юбилейной выставки Красной Армии и Флота.

Кампания ликвидации политбезграмотности и технической безграмотности среди красноармейцев прошла сравнительно успешно. На общих собраниях обучающихся были выделены красноармейцы из наиболее успевающих, которым на торжественном заседании в день празднования были вручены награды.

Начиная с марта месяца, с появлением нового завклуба т. Сосновского, жизнь Клуба значительно оживилась. Был произведен учет всех имеющихся у Клуба работников. Подверглись значительной реорганизации школы Клуба. Взамен и без того перегруженных работой и, естественно, не могущих уделять достаточного времени красноармейцам мобилизованных Ц. Б. ячеек слушателей, были привлечены к работе в школах постоянные классные политруки, из числа коммунистов, слушателей ФОНА.

Массовая работа выразилась в устройстве ряда спектаклей и литературных диспутов. В день 25-ти-летия РКП было поставлено в театральном зале клуба коллективом артистов „Бытовой театр" инсценировка, посвященная истории партии.

25-го марта состоялась организованная клубом массовая экскурсия слушателей и сотрудников Академии в театр Меер-

хольда на его новую постановку „Земля дыбом“. После спектакля т. Меерхольд сделал доклад, посвященный разбору постановки.

1-го и 4-го апреля состоялись литературные диспуты, сопровождавшиеся выступлениями поэтов и писателей Лелевича Тарасова, Родова, Доронина, Шершеневича, Мариенгофа, Воронского и др., вызвавшие большой интерес присутствовавших.

Таким образом, с этого месяца Клуб вступил в новую фазу своего развития.

Вопрос об ограничении деятельности Клуба лишь узкими рамками „отдыха и культурными развлечениями“ был решительно пересмотрен и в работу Клуба было внесено определенное со-

Столовая Военной Академии.

держание и идейное углубление, а также известная планомерность.

В этом же духе продолжало развивать дальнейшую работу вновь избранное в конце апреля Правление Клуба.

Апрель и май отличались оживленной деятельностью шахматной секции, устроившей два публичных состязания, привлекших внимание слушателей и значительно повысивших массовый интерес к шахматам.

Большой интерес вызвал состоявшийся 5 и 6-го мая организованный Клубом большой литературный диспут между группой „Октябрь“ и „Леф“, с участием главных сил обеих сторон.

Кроме того, в работу был внесен новый элемент,—это организация культурной спайки с рабочими фабрики „Красная Роза“.

Потребность тесной смычки с рабочими давно назрела в Академии, и Клуб, учитывая это, предпринял конкретные шаги, войдя в контакт с фабрикой „Красная Роза".

Рабочие, по приглашению Клуба, приняли живое участие во всех устраиваемых Клубом спектаклях, экскурсиях и проч., внося в среду слушателей бодрый пролетарский дух.

Блестяще прошел устроенный совместно с рабочими вечер, посвященный кануну 1 го Мая. Рабочие, прибывшие в зал Клуба Академии, были очень тепло встречены слушателями.

С окончанием учебного года, с неизбежным при этом сокращением клубной работы, правление, учитывая слабое значение секционной работы в академических условиях, которая никогда не может приобрести массового характера вследствие перегруженности слушателей учебной, партийной и военно-научной работой, — постановило ликвидировать музыкальную, вокальную и театральную секции.

В плане лагерных работ Клуба основное внимание было уделено спорту. В лагере, при участии учебного отдела, был создан спортивный городок, заключавший в себе площадки для игр (теннис, кегельбан, крокет и друг.) и приборы для гимнастики, тяжелой и легкой атлетики. Были организованы пять футбольных команд и секций: лаун-теннисная, тяжелой атлетики, легкой атлетики и фехтования, каковые работали интенсивно все лето, принимая активное участие в спортивных праздниках лагерного сбора, и завершили свою деятельность собственным большим состязанием с раздачей призов.

За время пребывания слушателей в лагерях были организованы две массовые научные лекции, вызвавшие живой интерес:— лекция академика Лазарева „О Курской магнитной аномалии", и лекция проф. П. С. Когана „О современной литературе". Последняя лекция вызвала оживленную дискуссию.

Попытки Клуба устроить в лагере ряд художественных вечеров, не увенчались успехом вследствие почти абсолютной невозможности собрать в определенный час значительное число свободных от занятий слушателей. Тем не менее два вечера под открытым небом были организованы и первый из них, если не считать малого количества собравшихся, прошел довольно удачно. Выступало несколько приглашенных артистов, но большая часть программы была успешно выполнена самими слушателями.

В лагере была организована и хорошо снабжаема аккуратно доставлявшейся периодической литературой клубная комната.

В течение лагерного сбора Клуб все время поддерживал живую связь с партцентром и политотделом лагсбора и технически участвовал в проведении всех кампаний, устраивавшихся организовавшейся в Академии ячейки ОДВФ.

В течение летних месяцев Клубом было уделено значительное внимание красноармейцам, обслуживающим Академию. В учебном эскадроне Академии был оборудован красный уголок, куда была выделена добытая клубом специальная библиотека из новых книг: художественных и популярно научных, а также значительное количество спортивного имущества. При красном уголке создались кружки по агрономии, ветеринарии и политический. Состоялось несколько красноармейских экскурсий в Румянцевский музей, в Третьяковскую галлерею, в Зоологический сад и т. д. К этому же времени относится учреждение при Правлении Клуба клубного совета, составляемого из представителей курсов и отделов Академии. Этот клубный совет, являющийся связующим звеном между Правлением Клуба и слушателями, вне всякого сомнения сыграет в будущем большое значение в деле развития клубной работы в Академии.

По окончании лагерного сбора, в связи с постановлением Ц. Б. ячеек Академии об использовании слушателями своего двухмесячного отпуска для агитационной работы в деревне, Клубом было выполнено задание по снабжению раз'езжающихся в отпуск слушателей соответствующей специальной и агитационной литературой. Кроме того, Клубом был организован инструктивный доклад „о работе в деревне" замнаркома земледелия, т. Свидерского, проведенный на общем собрании ячеек Академии.

С раз'ездом слушателей и прекращением учебных занятий в Академии, окончательно замерла массовая клубная работа, если не считать нескольких, проведенных клубом, экскурсий на Всесоюзную Сельско-Хозяйственную выставку, с торжественным приемом приглашенных крестьян-экскурсантов из подмосковных деревень.

Этот перерыв был использован Клубом для подготовки к наступающему новому учебному году. Произведен учет всех имеющихся рессурсов, намечен и разработан детально план широкой клубной работы, ставящий во главу угла ряд широких общественных задач; борьба за новый быт, коммунистическое воспитание членов семьи слушателя, ознакомление с достижениями науки и искусства и т. д., причем самое большое место в этом плане уделяется самодеятельности слушателей.

Кое-что из этого, с началом нового учебного года, сразу же поставлено на реальную почву. Открыт и готовится к открытию ряд клубных комнат (при Ваганьковском общежитии, при Н. Лесном, Никитском и при Востотделе). В этих клубных комнатах и будет сосредоточена вся основная, первичная клубная работа. Деятельную инициативу в организации и в работе комнат проявляет целый ряд слушателей.

В клубной комнате „Левада-Реномэ", избрано на общем собрании клубное бюро, ставящее себе целью организацию нового быта, развитие полезной общественной деятельности и политпросветительную работу, главным образом, среди женского населения общежития. В короткое время приступлено к организации общественной столовой и создан ряд кружков (политической грамоты, по изучению новых языков, кройки и шитья, машинописи, стенографии и т. д.).

В клубной комнате при Ваганьковском и Н. Лесном общежитии идет такая же работа. В ближайшем будущем, надо полагать, она разовьется при общежитиях на Никитской.

Намечается к осуществлению в ближайшее время ряд массовых экскурсий в театры, на достойные внимания новинки сезона, устройство художественных вечеров и научных эпизодических лекций в театральном зале клуба.

Чрезвычайным тормазом в работе является отсутствие достаточных денежных сумм. Организация клубных комнат, ремонт и проч., приобретение периодической и др. литературы, а также содержание функционирующих при Клубе детских учреждений, заботы об улучшении питания детей и пр. поглощают почти все денежные средства, отпускаемые в распоряжение Клуба.

В настоящее время бюджет Клуба несколько увеличен, но в связи с значительным расширением рамок клубной работы, вопросы материальной обеспеченности остаются попрежнему переменными.

В заключение необходимо отметить, что до сих пор слабой стороной клубной работы в Академии являлось отсутствие основной, кружковой, первичной работы. Специфические условия Академи создали особо тяжелую обстановку для всякой деятельности в этой области. Клубу приходится подыскивать новые методы работы, и производить ряд экспериментов по обслуживанию в культурном отношении слушателя и его семьи.

Идея организации клубных комнат, в которых должна быть сконцентрирована вся первичная работа Клуба, очевидно, является единственно правильным и реальным разрешением этого вопроса.

Начавшееся конкретное проведение в жизнь предположений Клуба самодеятельностью самых слушателей, подтверждает правильность этой идеи и дает самые лучшие надежды на ближайшее будущее.

В минувшем 1922 — 23 учебном году Клуб Академии был не органом самодеятельности слушательских масс, а скорее полубюрократическим аппаратом, вяло работавшим и часто невпопад с господствующими настроениями и желаниями слушателей. И вот теперь, с пробуждением инициативы слушателей, с развитием самодеятельности вокруг клубных комнат, основной задачей Клуба явится организация тесной спайки со своими членами.

Для этой цели должен быть широко использован Клубный Совет, который должен стать неотъемлемым руководящим органом клубного аппарата, работая в самой тесной связи с Правлением Клуба.

Заключение.

Современные условия существования Академии и ее структура не требуют вмешательства слушателей в деятельность административного и учебного аппарата и потому многие органы самодеятельности были бы бесполезны и лишь обременяли бы слушателей, отрывая их от непосредственной работы, но в свое время эти органы были необходимы.

Поэтому комиссия Ц. К. Партии в письме от имени секретариата Ц. К. Р. К. П. от 28/VII—22 года в пункте III говорит: „Комиссия считает своей обязанностью отметить настойчивость, энергию и даже героизм, которые были проявлены слушателями Академии в первые годы ее существования, когда в труднейшее время гражданской войны, в обстановке хозяйственной разрухи, голода, тягчайших эпидемий, при ближайшем участии самих слушателей, создавалась и совершенствовалась Красная Военная Академия".

Это участие и выразилось в работе органов самодеятельности.

И празднуя пятую годовщину своего существования, Красная Военная Академия должна вспомнить с глубокой благодарностью всех тех, кто самоотверженно и бескорыстно при самых тяжелых условиях отдавал все силы на ее строительство, и кирпич за кирпичом клал в ее основание.

Наша самодеятельность—наша победа.

И. Косогов.

Комплектование Военной Академии Р.К.К.А.

„Сокращая армию, мы будем, по возможности, доводить ее до состояния насыщенного раствора,— и в этом растворе Академия должна быть самым ценным кристаллом".
Троцкий.

3 ноября 1918 г. Академией Ген. Штаба (как она тогда называлась) было об'явлено в „Военном Деле" № 22 об открытии приема в Академию.

И вот, в условиях отчаянной экономической разрухи, холода и голода, эпидемий и полной необеспеченности, в условиях полного окружения и наступления извне врагов революции— начинают стекаться со всех концов необ'ятной России с бесчисленных фронтов севера и юга, Туркестана, с берегов Каспия, Черного и Белого морей в сердце революции—в Красную Москву— рабочие и крестьяне для того, чтобы познать и впитать в себя науку и искусство—побеждать врагов революции, которые, к несчастью, были много опытнее нас в военном деле.

Прибывающие в Военную Академию в 1918 г. для поступления резко отличались от старых слушателей-офицеров царской академии. Не было ни того внешнего офицерского лоска, ни того проклятого угодничества перед начальством, которое губило всякую мысль и инициативу; они своей, часто резкой прямолинейностью в речи и поведении приводили в немалое смущение и трепет „жрецов" науки, по большей части консервативных и никогда не видевших близко рабочих, их жизни и быта. Одним словом, „партизаны" гражданской войны, типичные воины революции—вот, кто пришел в Академию в 1918 году. Они—первые пионеры из рабочих — пришли познать военную науку и искусство.

Учитывая всю об'ективную обстановку периода 1918—19 г.г., особых строгостей к прибывшим для поступления в Академию пред'являть было нельзя, ибо только впервые рабочим и крестьянам был открыт доступ в высшие учебные заведения, а тем более военные. Нормальные требования, каковые пред'являлись в старой Академии к поступающим офицерам,—пред'являть было нельзя, ибо это привело бы к заполнению Академии одними бывшими офицерами и буржуазными сынками, а это последнее, конечно, не было в интересах правящего рабочего класса.

Исходя из этих соображений, от поступающих никаких формальных документов о полученном ими общем образовании не требовалось. Необходимо было лишь удостоверение с места службы, подтверждающее их боевую работу в Красной и старой армии, а также рекомендации о политической благонадежности. Такое послабление в требованиях нужно было также для лиц, имевших достаточное общее образование, так как наличие фронтов и непосредственное командирование оттуда не давало времени и возможности им подготовиться к вступительным испытаниям.

Впрочем, даже такие минимальные академические требования заставляли многих потом отказаться от слушания курса и отправиться на более живую и привлекательную работу—борьбу на многочисленных фронтах с контр-революцией. Такая участь постигла знаменитого партизана Чапаева, сибирского партизана Чеверова и многих других.

В результате таких чрезвычайно легких и доступных условий приема—в Академию попало 22% рабочих, 33% крестьян и 45% прочих. Таким образом, мы видим, что из общего числа принятых слушателей, 55%, т.-е. больше половины составляли рабочие и крестьяне, а это для того времени была крупнейшая победа. Академия получила преданный и надежный состав. В число 45% прочих—входили, главным образом (интеллигенты), бывш. офицеры; это была передовая и наиболее революционная часть старого офицерства, кровью доказавшая свою преданность делу пролетарской революции; они принимали участие в завоевании власти рабочими и крестьянами и грудью защищали свое новое пролетарское отечество. Но нельзя не отметить, что в это последнее число сумело пролезть и некоторое число авантюристического элемента, которое держалось довольно долгое время в Академии, покуда их не обнаружили и не вымели.

Мандатная комиссия под председательством военкома Академии, выполняя преподанные ей свыше директивы и руководствуясь революционной совестью, производила фильтрацию поступающих в Академию, так как фронты, (как это ни странно), не всегда присылали наиболее достойных и преданных.

Результатом такой работы явилось то, что из числа всех принятых:

коммунистов было . . . 60%,
максималистов 1%,
с. р., с. д. 4%,
кандидатов РКП . . . 20%,
беспартийных . . . . . 15%.

Более 3/4 (если включить сюда и 20% кандидатов, которые скоро стали членами партии) всего слушательского состава этого приема—члены руководящей рабочей партии и из них 21% коммунистов с дооктябрьским стажем; правда, они были слабо развиты теоретически и это позднее сказалось. Напряженнейший период гражданск. войны 18 г. и тяжелые условия жизни до революции не давал им возможности теоретически себя развить.

Подытоживая оценку первого приема с точки зрения социального и партийного подбора, следует отметить, что он в тогдашних об'ективных условиях комплектования Академии вполне удовлетворял требованиям Академии.

В отношении же общей и военной подготовки, мы имеем в первом приеме подбор весьма неудачный. По уровню своего общего развития первый прием представлял чрезвычайно разношерстную массу. На ряду с лицами, получившими высшее образование, можно было встретить еле разбиравшихся в простых арифметических действиях и умеющих едва разборчиво написать свою фамилию.

В % отношении первый прием по его общеобразовательной подготовке дает следующую картину:

Получивш. высш. обр.	Среднее.	Низшее.
5%	70%	25%

Очень большой (25%) процент лиц, поступивших в Академию с низшим образованием, конечно, тормозил и нарушал нормальный ход занятий, ибо из-за них приходилось задерживаться на элементарнейших общеобразовательных и военных вопросах. Но этого мало; к этому обстоятельству прибавилось еще то, что из 32 месяцев, положенных на прохождение курса в Академии, им удалось пробыть лишь 21 месяц. Следовательно, и без того слабые в образовательном отношении слушатели еще не полностью использовали учебный год. 11 месяцев слушатели провели на различных фронтах и не там, конечно, они могли восполнить пробел в общем развитии.

В отношении военной подготовки первый прием в большей степени удовлетворял требования, пред'являемые в то время Академией. Из всего состава, принятых лишь 12% не имели никакого военного образования, остальные же окончили военные училища и школы прапорщиков военного времени в старой армии, или учебные команды — этих было 65%. Окончивших комкурсы в красной армии—23%. Необходимо при этом отметить, что к лицам, не получившим военного обра-

зования, относятся лица, получившие среднее и даже высшее образование,—а это обстоятельство, конечно, облегчало им восприятие курса Академии.

Из поступивших в 1918 г. 90% имело боевой стаж в старой и Красной армиях; 4% имело его только в Красной армии и лишь 6% не имело никакого боевого стажа. Но и этот незначительный % не имевших боевого стажа на фронтах имели другие огромные заслуги перед революцией—это были, в большинстве, активные партработники.

Еще полнее характеризует первый прием нижеприведенная таблица о занимаемых должностях на фронтах до и во время обучения в Академии:

Нач-ки Отделов в штабах фронтов	5%
Нач-ки Отделов в штабах армий	7%
Нач-ки управлений в штабах армий	4%
Наштармы	2%
Помнаштадивы	10%
Наштадивы	8%
Начдивы	3%
Помнаштабриги	24%
Наштабриги	25%
Комбриги	6%
Комполки	4%
В тыловых частях	2%

Мы видим, что это были в большинстве ответственные работники штабов до фронтов включительно. Незначительный % работников тыла заполнялся преимущественно центральными партийными органами, которые командировали в Академию наиболее достойных и заслуженных товарищей.

Незначительный % строевых начальников дополняет сказанное выше. Если этот прием мог считаться удовлетворительным и даже хорошим по сравнению с последующими приемами в партийном и социальном отношениях,—то в отношении боевого стажа он был все же мало удовлетворителен:—85% составляли работники штабов; 2% работники тыла и только 13% составляли строевые начальники. Это, конечно, большой минус. Сравнивая эту цифру строевых начальников с последующими приемами, мы видим, что она все время возрастает; так, в третьем приеме мы имеем строевых начальников до 80%, в 4-ом—до 90%; далее эта цифра до нынешних дней держится, имея небольшую амплитуду колебаний в обе стороны.

Дополнительный прием в феврале 1919 года.

С первым приемом 1918 г., так называемым „основным“, тесно связан дополнительный прием в феврале 1919 г., получивший впоследствии название „параллельного“.

Этот прием, произведенный в спешном порядке, имел целью доукомплектовать первый прием. Следует отметить, что как международное положение Р. С. Ф. С. Р., так и внутриполитическая обстановка в феврале 1919 г. не только не улучшилась, но значительно ухудшилась.

Понятно, что произведенный в этих условиях прием не мог быть хорошим, ибо лучшие силы находились на фронтах и грудью защищали свое пролетарское отечество. В этом приеме мы наблюдаем уже значительное сокращение процента рабочих и крестьян—преобладающий % интеллигентов, часто имевших мало общего с Красной армией. Мало партийцев—всего 49% коммунистов; 23% сочувствующих и 18% беспартийных, причем коммунисты в большом числе были молодые. Вступивших в партию до октября было немного. В отношении боевого стажа новый прием был чрезвычайно слаб: так, например, с тыла было командировано около 65%; не бывших вовсе в Красной армии—11%. Естественно, что от такого состава принятых слушателей многого и нельзя было ожидать. Вскоре этот „параллельный“ спешный прием слился с первым приемом 1918 г. и составил впоследствии первый выпуск.

Второй прием осенью 1919 года.

(сентябрь—октябрь).

Осенний прием 1919 г., являющийся фактически вторым, если не считать приема февраля 1919 г. (параллельный), был в то же время первым приемом на нормальный трехгодичный курс Академии.

В числе принятых в сентябре 1919 г. в Академию мы уже имеем значительное (70%) число коммунистов; 14% сочувствующих; 2% других партий и только 14% беспартийных. Таким образом, слушатели Академии уже на $^3/_4$ состоят из коммунистов; 2% других партий и 14% беспартийных — это

честные и преданные делу пролетарской Революции товарищи, спаявшиеся в процессе гражданской войны с партией рабочих и крестьян.

Значительное улучшение наблюдается также и в отношении обще-образовательного уровня принятых. Процент лиц, получивших высшее образование, повышается до 20% против 5% первого приема; со средним образованием — 64%, остальные 16% имеют низшее и домашнее образование.

Процент лиц, не имеющих никакого военного образования, резко понизился, и таковых было принято в 1919 г. только 3% (против 12% первого приема). Окончивших школы прапорщиков и военные училища было принято 72% и краскомов—15%. Более 75% принимали участие в гражданской войне и до 80% — в мировой. Из них многие уже награждены одним и двумя орденами Красного Знамени и большинство их прибыло непосредственно с фронтов. В социальном отношении принятые в 1919 г. разделяются следующим образом:

Рабочих 22%
Крестьян 19%
Интеллигентов. . . 59%.

Сравнивая этот прием с первым, мы видим значительное повышение требований к поступающим и в то же время во многих отношениях—более лучший состав принятых. Так, напр., процент коммунистов очень большой; правда, он почти не отличен от первого приема, но квалификация их резко от него отлична. Наполовину меньше лиц с низшим образованием и не имеющих военной подготовки. Большинство командировано с фронта и т. д.

Следует отметить большой % бывш. офицеров—(72%), но значительная часть бывш. офицерства, принятая в Академию в 1919 г., была рабочего или крестьянского происхождения, и таких мы имели около 16% (это были быв. унтер-офицеры или прапорщики).

Нельзя также не отметить, что разношерстность и разнообразность поступивших также велика, как и в первом приеме; здесь наряду с бывш. гвардейским офицером „штатские“,— ответственные партийные работники, краскомы, вышедшие из пролетарской среды. Здесь лица с законченным высшим образованием—рядом с получившими низшее или домашнее образование.

Третий прием осенью 1920 г.

Осенью 1920 г. в период некоторой передышки и наступающего успокоения в Красную Академию было принято всего около 210 человек. Из них:

рабочих было . . . 25%
крестьян. 15%
интеллигентов . . . 55%
прочих . . . . . 5%.

В этих цыфрах обращает на себя внимание большой % интеллигентов—хотя, сравнивая этот прием с предшествующими, мы все же имеем сокращение числа интеллигентов на 4% (59%—55%)—это по преимуществу бывш. офицеры. Это об'ясняется тем, что в Академию поступают, преимущественно, лица, целиком отдающиеся военному делу, а такие встречаются, главным образом, в среде бывш. офицеров. Во-вторых, трудными вступительными испытаниями, одолеть которые под силу очень развитым и способным рабочим и крестьянам и, наконец, тем, что наши школы нормального типа еще не дали ни одного выпуска.

К сказанному необходимо еще добавить, что в 1920 году к прежде существовавшим требованиям к поступающим прибавились следующие пункты: 1) пребывание не менее двух лет в рядах Красной армии, 2) участие в походах и боевых действиях Красной армии, 3) наличие положительной аттестации со стороны непосредственного начальника и 4) хорошее состояние здоровья.

Повышение требований, естественно, произвело и соответствующее изменение в общем составе поступивших в этом году.

Более всего на себя обращает внимание в этом приеме—это довлеющий над всем процент коммунистов — последних было принято 90,5%, а беспартийных 9,5%. Таким образом этот прием состоял также, как и предыдущие, примерно, на 3/4 из коммунистов.

В отношении общего развития нам дадут ясное представление следующие цифры:

Общее образование.

С высшим образованием . . . 5%
с средним „ . . . 65%
с низшим „ . . . 30%.

В этой таблице обращает на себя внимание большой % лиц, получивших низшее образование. Сравнивая его с первым приемом, мы видим, что % этот почти не изменился. Но по сравнению со вторым приемом мы видим резкое увеличение—с 16% дошло до 30%.

Военное образование.

Окончивших военное училище или школу прапорщиков в воен. время	66%
Краскомов (окончив. комкурсы в Красной армии)	26%
Не имеющих военного образования . . .	8%.

Увеличился по сравнению со вторым приемом % краскомов. Вместо 15% второго приема мы получили 26%, хотя краскомы эти и ускоренных выпусков. 8 процентов, не имеющих военного образования, заполнялся преимущественно партийными работниками фронта и тыла.

Следующая таблица дает представление о боевом стаже вновь поступивших в Академии.

Награды получили:

Один орден Красного Знамени	12,5%
Два „ „ „	1,6%
Три „ „ „	0,9%,

т.-е. всего награждено орденами Кр. Знамени около 1/6 части. Следует также отметить, что подавляющее большинство прибыло с фронта; занимавших должности начдивов и приравненных к ним—*24*%; комбригов—*24*%; комполков—*35*%; комбатов—5%; штабных—12%.

Суммируя все сказанное выше об этом приеме, мы можем заключить, что этот прием можно было бы назвать „коммунистическим“, в силу подавляющего большинства коммунистов среди поступивших.

Кроме того, следует отметить, что при проверке поступающих кандидатов в Академию работа Мандатной Комиссии впервые проходила под углом зрения исключительного внимания к рабочим и крестьянам, дабы облегчить прием последним. Затем, как особенно отрадное явление, которое мы отмечаем в этом приеме—большой процент краскомов—это, собственно, первые краскомы, прошедшие краткосрочные курсы комсостава и школу гражданской войны на многочисленных революционных фронтах.

Процент принимавших участие в гражданской войне уже достиг 98% против 80% второго приема и 90% первого приема, причем в этом приеме мы уже имеем подавляющее большинство строевых начальников. Так, напр., сравнивая цифры этого приема с первым приемом, мы видим увеличение % строевых начальников с 13% до 88% и со вторым—с 60% до 88%.

Четвертый прием осенью 1921 года.

К этому времени фронты как внешние, так и внутренние ликвидируются. Р. С. Ф. С. Р. переходит к мирному строительству.

Армия также начинает постепенно переходить на мирное положение и сокращается. Среди комсостава нарастает тяга и учению. Поэтому, в приеме 1921 года мы уже имеем огромное количество прибывших для поступления в Академию кандидатов; число их доходило до $1^1/_2$ тыс. человек на подготовительный и младший курсы. В начале работ Мандатная Комиссия, не зная точно цифры ожидаемых кандидатов, отнеслась очень строго к прибывающим кандидатам; а надо отметить, что таковые начали прибывать с мая месяца 1921 года,—и в результате этого многие, очень ценные командиры были Мандатной Комиссией не приняты и откомандированы обратно в округа. В первое время Мандатная Комиссия из 25 опрошенных кандидатов допускала к испытаниям лишь от 3-х до 5-ти человек. Позднее, когда прием подходил к концу, а округа стали меньше присылать, и многие командиры, особливо из рабочих и крестьян, слыша о таких строгих требованиях к поступающим, неохотно или вовсе отказывались ехать в Академию, Мандатная Комиссия стала смягчать требования и под конец стала принимать мало-мальски пригодных, так как был недобор.

Администрация Академии, в виду некомплекта, обратилась к центральным учреждениям Москвы с предложением командировать кандидатов. В это время в Академию стали поступать уже кандидаты из центральных учреждений и даже по отдельным запискам наших старших войсковых начальников.

Из всего огромного количества прибывших кандидатов всего было принято 396 человек. Из них 125 чел. на „подготовительный" курс, 248 чел. на младший курс Академии и 25 человек на Востотдел; последние командированы НКИД.

Даже те небольшие требования периода 1921 года, пред'являвшиеся к поступающим кандидатам, были не под силу значительному количеству надежнейшего комсостава из рабочих

и крестьян, не имевших среднего и военного образования. Перед администрацией Академии и перед командованием стояла дилемма—либо закрыть доступ в Академию рабочим и крестьянам, либо совершенно изменить программу Академии. Эта дилемма была разрешена—созданием „военного рабфака" при Академии или иначе—„подготовительной" группы. По счастью, совпавшая с этим ликвидация Высшей школы штабной службы дала инвентарь, администрацию и часть преподавателей. Целью подготовительной группы была подготовка рабоче-крестьянского комсостава для поступления в Академию (срок обучения 1 год, конечно, срок до смешного небольшой, если учитывать, что на подготовительную группу принимались лица с низшим образованием).

Таким образом, признанные Мандатной Комиссией годными к поступлению в Академию, но не допущенные экзаменационными комиссиями на младший курс—125 чел. рабочих и крестьян попали на подготовительную группу.

В социальном отношении принятые в 1921 году *396* чел. подразделялись следующим образом:

На подготовительной группе:

рабочих 40%
крестьян 58%
интеллигентов . . . 2%.

На младшем курсе:

рабочих 20%
крестьян 30%
интеллигентов . . . 45%
прочих . . . . . 5%.

На Восточном Отделе:

рабочих 4%
крестьян . . . . . нет
интеллигентов . . . 80%
прочих . . . . . 16%.

Приведенные цифры достаточно ясно показывают социальный состав принятых.

В отношении обще-образовательного уровня состав принятых в 1921 году слушателей распределялся нижеследующим образом:

Общее образование:

низшее 36%	Из всего числа принятых в Академию в 1921 году,
среднее 55%	
высшее 9%	

при чем эти цифры подробнее по курсам распределяются нижеследующим образом:

На подготовительной группе:

низшее образование 100%
среднее „ . . . . нет
высшее „ . . . . нет.

На младшем курсе:

низшее образование 12%
среднее „ 75%
высшее „ . . . . 13%.

На Восточном Отделе:

низшее образование . . . . нет
среднее „ 90%
высшее „ . . . . 10%.

Таким образом, из приведенной таблицы мы видим, что подавляющее число лиц, имеющих низшее образование, ушло на подготовительную группу, а вследствие этого и % имеющих низшее образование из числа принятых на младший курс сильно сократился; так, сравнивая его с третьим приемом, мы имеем сокращение его с 30% до 12%. И в то же время увеличение с 5% до 9% лиц, имеющих высшее образование.

Военное образование.

Окончивших военное училище или школу прапорщиков 65%	Из всего числа принятых в 1921 году (396 чел.).
Окончивших курсы комсостава в Красной армии 30%	
Не имеющих военного образования. 5%	

Если рассматривать эти цифры в общей их сложности, по всем трем курсам, то мы видим опять увеличение % краскомов; так, в этом приеме 30% против 26% третьего приема и против

15% второго приема. Мы видим, как постепенно процент краскомов начинает увеличиваться, в то же время уменьшается % не имеющих военного образования. В этом приеме мы имеем всего 5% не имеющих военного образования против 8% третьего приема и 12% первого приема. Что касается отдельных курсов, то здесь мы имеем:

На подготовительном курсе:

Окончивших воен. школу или школу прапорщиков в старой армии 55%
Окончивших комкурсы в Красной армии 35%
Не имеющих военного образования 10%

На младшем курсе:

Окончивших воен. школу или школу прапорщиков в старой армии 60%
Окончивших комкурсы в Красной армии 34%
Не имеющих военного образования 6%

На Восточном Отделе:

Окончивших воен. школу или школу прапорщиков в старой армии 30%
Окончивших комкурсы в Красной армии . . . . . нет
Не имеющих военного образования 70%

Из всего числа принятых, исключая 25 чел. Восточного Отдела,—25% награждено одним орденом Красного Знамени, 10%—двумя и 0,5% тремя орденами. Почти все прибыли с фронта за небольшим исключением.

Возрастной состав их распределялся следующим образом:

В возрасте от 21 до 25 лет 26%
„ „ „ 25 „ 30 „ 49%
старше 30 „ . . . . . 25%.

В партийном отношении это был также один из сильных приемов, ибо мы имели коммунистов 75%; кандидатов 18%; беспартийных 7%. Из общего числа коммунистов 20% со стажем до Октябрьской революции.

Следует еще отметить, что в числе принятых мы имеем крупных войсковых начальников до командующего отдельной армией включительно. Нижеследующие цифры показывают должности, занимаемые до поступления в Академию.

На младшем курсе:

Строевые начальники:

Комполки	35%
Комбриги и приравненные к ним	20%
Начдивы и приравненные к ним	20%
Командармы, приравненные к ним и выше	8%
Ниже комполков	17%

На подготовительной группе:

Комдивов	5 чел.
Комбригов	10 „
Комполков	18 „
Помкомполков	18 „
Комбатов	14 „
Командиров отдельных частей	9 „
Других	26 „

Подготовительная группа состояла из 98% раб. и крестьян, 87% коммунистов и подавляющего большинства строевых начальников. Наиболее ценное ядро Академии.

В общем, этот прием по сравнению с предыдущими был наиболее сильным во всех отношениях.

Пятый прием осенью 1922 года.

Этот прием происходил в более или менее нормальных условиях.

Слушатели своевременно попали в Академию и были пропущены через ряд испытательных комиссий. В этом приеме к слушателям пред'являлись более строгие требования по сравнению с предшествующими. Это об'яснялось, с одной стороны, обстановкой мирного времени и присылкой в Академию более квалифицированных военных работников, а с другой стороны—тем, что Академия как раз накануне этого приема вышла из очень болезненного периода. В Академии к концу 1921—22 учебного года началась так называемая „чистка" слушательского состава; эта последняя вызывалась, главным образом, тем обстоятельством, что в предшествующие приемы по причине слабых требований и ненормальностей в комплектовании Академии, в последнюю попала категория лиц, не отвечающая требованиям Академии и в значительном количестве не имеющая ни достаточного боевого, ни командного, ни политического стажа.

Кроме того, число слушателей было слишком велико. В указанный период оно доходило до 737 чел., причем по курсам число их распределялось следующим образом:

На Восточном Отделе	52 ч.
На подготовительном курсе .	115 „
На младшем курсе	208 „
На старшем курсе	142 „
На дополнительном курсе . .	220 „
Всего . . .	737 чел.

Отчислено в 1921—22 учебном году.

С Восточного Отдела	30 чел.
С подготовительного курса . .	37 „
С младшего курса	62 „
Со старшего курса	62 „
С дополнительного курса . . .	69 „
Всего . . .	260 чел.

Таким образом, Академия была сокращена немного более чем на 1/3, и после чистки мы имеем на всех курсах вместо 737 только 477; из них на Восточном Отделе осталось 22 чел.; на подготовительном курсе—78 ч.; на младшем курсе— 146 ч.; на старшем курсе—80 чел.; на дополнительном курсе—151 человек.

Мандатная комиссия, имея за собой опыт этой „чистки", отнеслась сугубо серьезно к этому приему, и все несоответствовавшие по тем или иным причинам условиям приема не допускались к испытаниям. В общем, требования были повышены, и к этому приему отнеслись строже. В округах кандидаты подвергались предварительному испытанию и лишь после этого они отправлялись в Москву. Прибывшие пропускались на равных основаниях через испытательные комиссии. Последние в этом приеме также не в пример прошлым приемам,—носили не только формальный, но и деловой характер. Слушатели персонально всесторонне опрашивались, выяснялись их знания по специальным предметам—математике, географии, тактике родов оружия и общей тактике и т. д., а также и политическая их зрелость. Можно с удовлетворением отметить, что этот прием дал слушателей, хорошо политически развитых. Их теоретическая политическая зрелость в общем была много выше предшествующих приемов. В этом приеме, также как и в прежних, отдавалось из-

вестное преимущество членам РКП, но только в отношении желательности их приема. Вообще же на экзаменах различий между коммунистами и беспартийными не делалось.

К рабочим и крестьянам Мандатная комиссия относилась особо внимательно. Последние тщательно и всесторонне опрашивались, и наиболее слабые в обще-образовательном и военном отношении отнюдь из стен Академии не выпускались, а командировались на подготовительную группу.

В цифровом отношении этот прием представлял из себя нижеследующее:

Всего было принято 161 чел.; из них 106 на младший курс, 31—на подготовительный и 24—на Востотдел.

Из этой цифры 161 чел.:

рабочих было . . . 18,2%
крестьян 11,5%
интеллигентов . . 59,8%
прочих 10,5%

Общее образование:

Получивших низшее образование . .	28%	Из числа всех поступивших 161 чел.
„ среднее „ . .	70%	
„ высшее „ . .	2%	

Военное образование:

Окончивших воен. училище или школу прапорщиков (бывш. офицеры)	46,7%	Из числа всех поступивших 161 человек.
Окончивших комкурсы в Красной армии .	25,4%	
Не имеющих военного образования . . .	27,9%	

Рассматривая приведенные выше цифры, мы видим значительное увеличение % интеллигентов. Если мы имели во втором приеме 59%, в третьем—55%, в четвертом—45%, то в этом вместо уменьшения мы имеем резкое увеличение.

В числе интеллигентов мы имеем, главным образом, бывш. офицеров. Этот факт об'ясняется тем, что, во-первых, в Академию поступают преимущественно те, кто решил все свое будущее посвятить военному делу, а таких больше среди бывш. офицеров; во-вторых, трудными вступительными экзаменами, одолеть которые под силу только очень развитым и способным рабочим и крестьянам. Подготовительная же группа, в силу того, что она только первый год существует, еще не успели окончательно

оформиться ее структура и организация; без надлежащего преподавательского состава и пособий и многих других причин—она в этом приеме дала очень небольшое число годных для поступления в Академию кандидатов. В предшествующее образованию подготовительной группы время были лица даже из числа наших крупных военных руководителей, которые не надеялись на плодотворные результаты существования такой группы при Академии. Были ссылки на историю и Европу и многое другое. Это предубеждение против подготовительной группы сохранилось до наших дней. Но в начале 1922—23 учебного года начальник Штаба РККА и начальник Военной Академии П. П. Лебедев в своей вступительной речи отметил хорошие результаты работы подготовительной группы при Военной Академии. И еще раз подчеркивая необходимость и полезность подготовительной группы, отсылаем всех интересующихся к статье тов. Бойцова, помещенной в „Красных Зорях“ № 10, о результатах работы подготовительной группы, — и лишь с своей стороны напомним, что почти всегда первый блин бывает комом. Если мы в работе первого года подготовительной группы имели плохие результаты, то в работе ее второго года мы имеем блестящие результаты. Мы также надеемся, что следующие годы ее работы будут не менее плодотворны—при условии, конечно, если к подготовительной группе будет особое внимание наших руководителей; особливо, если они будут помнить, что преобладающим элементом для комплектования Академии являются бывшие офицеры, а последних не бесконечное количество, и пока на смену им придет наш краском, пройдет еще несколько лет, а эти годы будут заполняться промежуточным элементом,—что, конечно, не является желательным и допустимым. Больше внимания подготовительной группе—вот что мы скажем нашим верхам в 5-ю годовщину Военной Академии.

По курсам цифровые данные распределялись следующим образом:

Подготовительный курс.

а) Социальный состав:

рабочих 44%
крестьян 53%
интеллигентов 3%

б) Общее образование:

низшее 95%
среднее 5%
высшее . . . . . нет.

в) Военное образование:

Окончивших воен. школу или школу прапорщиков . 62%
Окончивших комкурсы в Красной армии 29%
Не имеющих военного образования 9%

Младший курс.

а) Социальный состав:

рабочих 19%
крестьян 7%
интеллигентов 70%
прочих 4%

б) Общее образование:

низшее 29%
среднее 69%
высшее 2%

в) Военное образование:

Окончивших воен. училище или школу прапорщиков 61%
Окончивших комкурсы в Красной армии 30%
Не имеющих военного образования 9%

Восточный отдел.

а) Социальный состав:

рабочих 8%
крестьян . . . . . нет.
интеллигентов 84%
прочих 8%

б) Общее образование:

низшее 30%
среднее 70%
высшее . . . . . нет.

в) Военное образование:

Окончивших воен. школу или школу прапорщиков . 16%
Окончивших комкурсы в красной армии 4%
Не имеющих военного образования 80%

Рассмотрев эти цифры, мы устанавливаем, что подготовительная группа почти целиком состоит из рабочих и крестьян, имеющих низшее образование. Но следует также отметить, что больше половины ее состава состоит из бывш. офицеров, и только 29%—из краскомов.

Сравнивая прием на младший курс с приемами предшествующих лет, мы видим, что % интеллигентов резко увеличился; % краскомов и в этом приеме возрастает, но среди этих краскомов нет еще пока ни одного окончившего нормальную школу.

В отношении лиц, имеющих высшее образование, мы замечаем уменьшение этого % по сравнению с предшествующими; это об'ясняется тем, что лица, имеющие высшее общее образование, уходят работать по своим специальностям.

Восточный Отдел по составу принятых резко отличается от приемов прошлых лет; здесь попрежнему преобладающий % интеллигентов и лиц, не имеющих военного образования. Здесь % имеющих высшее образование дошел до нуля.

В отношении командного, штабного и боевого стажа этот прием представлял из себя нижеследующее:

а) Командный и строевой стаж Красной армии:

от 1/2 до 1 года 20%
от 1 до 2-х лет 27%
более двух лет 53%

б) Штабной стаж:

от 1/2 до 1 года 18%
от 1 до 2-х лет 32%
более 2-х лет 50%

в) Боевой стаж:

менее 1/2 года 12%
от 1/2 до 1 года 32%
от 1 до 2-х лет 38%
от 2-х и более лет 18%

Из приведенных цифр мы видим, что примерно 50% из числа всех принятых занимали строевые командные должности в Красной армии и столько же штабные, причем около 40% имеют довольно большой боевой стаж (около 2-х лет) на фронтах гражданской войны. Из всего числа принятых по одному ордену Красного Знамени получило—25%; по два ордена—12% и по три ордена—1%, т.-е. более 1/3 награждено орденами Красного Знамени.

В возрастном отношении в этом приеме мы имели:

лиц от 22 до 25 лет 28%
„ от 25 до 30 лет 50%
„ и старше 30 лет 22%

Следовательно, 3/4 всего состава принятых было в возрасте старше 25 лет. Это явление вполне нормальное.

В партийном отношении этот прием мы также приравниваем к сильным; в этом приеме мы имеем 83,2% коммунистов (с значительным % из них вступивших до октября) и 16,8% беспартийных.

Сравнивая этот прием с предшествующими, мы видим, что % коммунитстов, поступающих в Академию, все время превышает 3/4 всех принятых, если не считать дополнительный прием 1919 г., где было принято 49% коммунистов.

Подводя итоги этому приему, происходившему уже в условиях мирной обстановки и наличия достаточного числа пособий, подобранного более или менее преподавательского состава и прочих благоприятных условий,—мы должны с удовлетворением отметить, что та резкая разнообразность и разношерстность, существовавшая в первых приемах, в этом приеме значительно сократилась.

Своевременное обращенное внимание округов на присылку здорового комсостава — дало свои результаты, и мы в этом приеме имеем небольшой %, отсеянных медицинской комиссией.

Шестой прием осенью текущего года.

Этот прием существенно отличается от всех предшествующих. Дело в том, что в этом году приказ РВСР № 300, устанавливающий правила комплектования Академии и учебные программы, был получен в округах своевременно, а поэтому подбор и намечание кандидатов происходили в более нормальных условиях. Этот же приказ РВСР устанавливал в округах комиссии,

которые производили первоначальный отбор кандидатов. Работа в Окружных комиссиях была поставлена на должную высоту с учетом опыта прошлогодней „чистки" и работ Мандатной комиссии прежних приемов.

Всего должно было прибыть по разверстке на округа 275 чел., но по разным причинам фактически прибыло 224 человека и не использовали полностью предоставленных им мест следующие округа: СКВО на 1/3 недобор., УКРВО – на 1/4 и Туркестан—на 40%. Всего недослано округами 67 чел.

Округа не только в отношении незаполнения предоставленных им мест оказались неаккуратными, но еще и в отношении предоставления намеченным кандидатам отпусков для подготовки. И, несмотря на ряд нажимов со стороны штаба РККА, это также не было полностью выполнено. Отпуск полагался с 1 мая, и всего только один товарищ его получил. 59,2% получили отпуска в мае—июне и 22% в июле—августе. 15% прибывших отпуска вовсе не получили и наиболее скупыми на этот счет оказались Туркестанский округ и войска ГПУ.

К особенностям этого приема следует отнести то, что Малый Академический Совет предписал в нынешнем году особенно строго отнестись к состоянию здоровья принимаемых слушателей и пропускать лишь тех товарищей, здоровье которых позволяет вынести продолжительную напряженную учебу, так как опыт прошлых лет показал, что недостаточно здоровые слушатели не могут до конца дослушать курса в Академии и вынуждены либо уходить совсем из Академии, либо слишком часто пользоваться отпусками для лечения, а это, естественно, отражалось на ходе занятий слушателей.

Исходя из этого, Медицинская комиссия должна была отсеять 17% (40 чел.) из числа всех прибывших.

Мандатная комиссия не допустила . .	23,5% (55 чел.).
Откомандировано по разным причинам	12 чел.
Оказалось принятыми на младший курс . . .	109 чел.
Подготовительный курс	13 чел.
Восточный Отдел	14 чел.
Всего	136 чел.

Из 109 чел., принятых на младший курс, 40 человек, т. е. 43,5% дала подготовительная группа, причем эти 40 чел. состоят на 98% из рабочих и крестьян; 98% коммунистов; 27% награждено 1, 2 и 3 орденами Красного Знамени. По занимаемым

прежде должностям они на все 100% состоят из строевых начальников, причем должности, занимаемые ими до поступления в Академию, были следующие:

Член РВС армии	1
комдивов	4
комбригов	10
комполков	12
помкомполков	3
комбатов	8
командиров отдельных частей	2
Всего	40 человек.

Рассмотрев состав принятых в текущем году, мы видим, что % интеллигентов по сравнению с прошлыми приемами не уменьшился—округа продолжают присылать огромный % интеллигентов.

Этот прием дал следующий состав:

а) В социальном отношении:

рабочих	22%
крестьян	13,7%
интеллигентов	52,3%
прочих	12%

б) Общее образование:

низшее	48%
среднее	51,1%
высшее	0,9%

в) Военное образование:

Окончивших воен. училище или школу прапорщиков	37%
Окончивших курсы комсостава в Красной армии	43%
Не имеющих	20%

Из рассмотрения этих цифр мы видим, что в этом приеме мы имеем больше половины принятых интеллигентов, причем все эти интеллигенты присланы из округов, ибо подготовительная группа дала 40 рабочих и крестьян. Если сравнить этот прием с предшествующими по социальному составу, то мы убедимся, что общий % присланных интеллигентов по сравнению

с прошлыми приемами сильно увеличился. Так, отбрасывая из общего числа принятых на младш. курс 109 чел.—40 чел., что дала подготовительная группа, мы получим 69 чел. и из этого небольшого числа 64,3% интеллигентов и прочих.

В отношении общего образования—из 48%, имеющих низшее образование 43% падает на тех, что дала подготовительная группа. Здесь интересно отметить то, что, несмотря на то, что слушатели подготовительной группы, поступая в 1922 году в Академию, имели всего лишь низшее образование (домашнее, церковно-приходское и сельские школы) и обучались в недостаточно нормальных условиях (отсутствие единых пособий, твердого учебного плана, твердой программы и материальные причины), они все же за один год прошли то, что нужно проходить 4—5 лет. Это, конечно, требовало страшного напряжения сил и воли, и не все смогли до конца дотянуть этот тяжелый этап их жизни. Как это ни парадоксально, но слушатели с подготовительной группы лучше отвечали по всем предметам на экзаменационных комиссиях, чем многие имеющие среднее образование—прибывшие из округов. Все экзаменационные комиссии единодушно подчеркнули это.

В отношении военного образования мы в этом приеме видим значительное увеличение % краскомов, которое уже начинает доходить до 1/2. Сравнивая этот прием в отношении военного образования с предшествующими, мы видим, что % краскомов все время возрастал; так, с 15% второго приема, 26%—3-го, 30% 4-го и 25% 5-го мы дошли до 43% шестого приема. Если учесть то, что в этом приеме мы уже имеем краскомов (первые ласточки), окончивших нормальную школу, то мы можем считать, что Академия сделала в этом отношении большой шаг вперед.

В отношении командного, строевого, штабного и боевого стажа мы имеем следующие цифры:

Командно-строевой стаж:

От 1/2 года до 1 года 20%
От 1 до 2-х лет 42%
От 2-х лет и более 38%

Штабной.

От 1/2 года до 1 года. 27%
От 1 года до 2-х лет. 21%

От 2-х лет и более. 3%
Не имеющие. 49%

Боевой.

От 1/2 года до 1 года 30%
От 1 года до 2-х лет. 49%
От 2-х лет и более. 20%
Не имеющие. 1%

Эти цифры указывают на то, что среди принятых в текущем году преобладает, главным образом, строевой командный состав, имеющий солидный боевой стаж, причем в определении этих данных мы также подходили со строгой оценкой. В общем, 96,3% имеют боевой стаж на красных фронтах. Из них 29,3% награждены орденами Красного Знамени.

В возрастном отношении принятые распределяются следующим образом:

От 22 до 25 лет. 22%
От 25 до 30 лет 60%
Старше 30 лет. 18%

Здесь мы видим, что в подавляющем большинстве это молодые, полные сил и здоровья люди, могущие затратить силы для приобретения новых знаний.

В партийном отношении мы можем считать прием этот не менее благоприятным, чем предшествующие, а это ярко подчеркивают нижеследующие цифры:

Коммунистов 81%
Беспартийных . . . 19%

Проследив комплектование Академии и делая оценку приемов за пять лет с 1918 по 1923 г.г.,—следует прежде всего отметить ту эволюцию, которую переживала Академия, а в соответствии с этим и эволюцию изменения требований к поступающим. Так, в первом приеме и нескольких последующих до 1920 г. включительно мы видим чрезвычайно слабые требования к поступающим в отношении их общеобразовательного и военного развития. Тогда республика нуждалась в честных и преданных революции товарищах, большое внимание обращалось на принятие в возможно большом числе рабочих и крестьян, и послед-

ним делались чрезвычайные послабления, подчас даже в ущерб делу, как, напр., февральский прием 1919 г. (параллельный).

Позднее Академия стала пред'являть более строгие требования, и раб.-крестьянский элемент, не смогший поступить в Академию на младший курс, шел на подготовительную группу и дополнял там пробелы прошлого.

Академия, начиная со следующего приема, еще более усилит требования, пред'являемые к слушателям; в число этих требований войдет обязательность знания для каждого поступающего одного европейского языка, так как современное развитие военного дела требует от комсостава с высшим военным образованием обязательного знания хотя бы одного из европейских языков. А значительный об'ем предметов академического курса не дает возможности слушателю хорошо изучить язык, если он до поступления хотя бы немножко его не знал.

Но, может быть, некоторые скажут, что обставление приема в Академию такими строгими требованиями означает закрытие ее дверей для рабочих и крестьян? Мы позволим себе, не согласившись с этим, указать на то, что начинающий уже поступать в Академию краском, окончивший нормальную школу, сумеет удовлетворить всем этим требованиям. А что же касается того рабоче-крестьянского комсостава, который из армии не ушел на производство и вследствие многих причин не попал и на курсы, то мы им также двери в Академию не закрываем. При Академии имеется подготовительная группа, которая из них сумеет сделать то, что она сделала в истекшем году; не надо только бояться идти в Академию, а что такая боязнь существует, мы хорошо знаем на собственном опыте пребывания в Красной армии.

Надо только пожелать нашим руководителям военно-учебной жизнью нашей Красной армии, чтобы они не только не забывали о существовании военного рабфака, но и не думали об его ликвидации, мотивируя это сокращением штатов. А, наоборот, создали бы при Академии рабфак с 2—3-х годичным курсом обучения, с соответствующим хорошо подобранным административным и преподавательским составом, с твердым учебным планом и программой. Истекший учебный год на подготовительной группе показал, что рабочие и крестьяне для того, чтобы познать сложную военную науку, работали по 16—18 часов в сутки. Многие, правда, заболели — не выдержали, но главная масса дошла до Академии и составила в ней на младшем курсе основное ядро преданного коммунистического комсостава Красной армии.

Усовершенствование подготовительной группы, а вместе с этим усиление требований к поступающим, постановка работы внутри Академии лабораторным методом,—обеспечивают нам создание наших хороших собственных красных генштабистов, которые, окончив Академию, вольются в ряды Красной рабоче-крестьянской армии и поведут ее к победе.

М. Плотников.

К истории Военно-Научного Общества.

Осенью 1920 года было основано Военно-Научное Общество. Что послужило основными причинами его возникновения? Главным образом то, что преподавание Военной Академии абсолютно не отвечало требованиям жизни. Гражданская война вступала в третий год своего развития и тем не менее ее задачи решительно игнорировались в том учреждении, которое должно было готовить высший командный состав армии. Идеологически то, что преподносилось с кафедры, было абсолютно неприемлемо для тех, которые вчера еще дрались на полях гражданской войны и которые, быть может, завтра должны будут туда возвратиться опять.

Необходимо было хотя бы в грубых чертах осознать опыт гражданской войны, при анализе этого опыта постараться применить марксистский метод, и практические результаты этого исследования немедленно использовать для усиления мощи Красной армии. Хотелось создать аудиторию, где можно было бы обменяться своими взглядами и коллективной работой наметить этапы нового военного мышления.

Слушатели Академии пытались по этому поводу собираться, пробовали создать при клубе военно-научные секции, многократно об этом говорили на заседаниях бюро фракции, но все это были меры, неудовлетворявшие никого и только характерные для того настроения, которым были полны слушатели Академии.

Необходим был выход, и этот выход намечался в том, чтобы вопрос об изучении классовых войн был поставлен в самом широком размахе и чтобы ему были приданы соответствующие организационные рамки.

Созвали совещание с представителями от ЦК партии (тов. Радек), от Пура (тогдашний нач. Пур'а Соловьев), от Всевобуча (тов. Подвойский) и ряда других ответственных товарищей. Мы изложили свою точку зрения о необходимости создания общества для изучения опыта классовой войны. Нач. Пур'а и Подвойский

горячо нас поддержали. Ругательски нас ругал тов. Радек, который очевидно усмотрел в наших попытках какой-то поход против спецов. Позднее его мнение о нашей попытке резко изменилось к лучшему, и он неоднократно помогал нам в работе. Мы хотели назвать свое общество военно-политическим, но потом остановились на том, чтобы его назвать Военно-Научным, но повсюду с прибавкой „по изучению опыта классовой войны". Это слово „классовой" первоначально отпугивало кой-кого, но вместе с тем оно заставляло всякого, кто к нам приходил, ясно определить свое к нам отношение, ибо аполитичные лозунги военной науки были нам совершенно чужды и враждебны.

Нам сейчас иногда задают вопросы: „была ли какая-нибудь идейная программа у тех, кто закладывал основание Военно-Научного Общества?" Писанной программы, конечно, не было, но общее направление нашей работы диктовалось самой жизнью. Мы хотели главным образом помочь нашей Красной армии в ее классовой борьбе. А затем, попутно, мы захотели очистить свое военное мышление от той реакционной окраски, какая густым слоем накладывалась профессурой на военную науку. Мы стремились заложить прочное основание в области применения в военном деле диалектического мышления, мы хотели, наконец, осознать то, что мы представляем для самих себя, т.-е. дать дорогу молодым силам. И в нашей безусловно дерзкой попытке мы были временами почти одиноки. За исключением нашего комиссара Академии тов. Виленского и уже вышеупомянутых Соловьева и Подвойского большинство наших ответственных военных партийных товарищей в душе нам сочувствовали, но ни в чем это сочувствие не выявляли, выжидая чем закончится вся эта затея. Вот почему первые шаги Военно-Научного Общества иногда носили такой резко полемический характер. Шла борьба за самое существование Военно-Научного Общества. Приходилось огрызаться во все стороны. Приходилось более заботиться о привлечении на свою сторону большинства, пожертвовав временно качеством.

Кто же это были наши враги? Здесь на первом плане следует поставить Военно-Историческую Комиссию. Пользуясь „автономностью" в своей внутренней научной работе, она тогда (1918—1920 г.г.) сконцентрировала вокруг себя реакционные, ограниченные и консервативные элементы. Они еще тогда не пережили те сменовеховские настроения того большого сдвига, который сейчас большинство из них перевел окончательно в советский лагерь.

Они тогда работали у нас под угрозой палки. Искусственно замкнувшись и оградив себя высокими пайками, вся эта публика занималась пережевыванием старого хлама и нередко в той или иной форме на почве „аполитичности“ военной науки под тем или иным соусом стремилась как-нибудь оплевать, высмеять и игнорировать попытки русского пролетариата в вооруженной борьбе отстоять свою независимость и право на новую жизнь. Это был буквально очаг реакционной военной мысли, и понятно, что ни один свежий

Активные участники основания В.Н.О.

К. П. Подгорецкий.

Красный ад'юнкт С. М. Белицкий.

А. П. Трифонов.

военный ум не смог ни в какой степени принять участие в этом учреждении. Руководящие наши верхи долго терпели это издевательство над Красной армией, но, наконец, их долготерпение лопнуло, и вся эта компания была разогнана. Сейчас Военно-Историческая Комиссия носит совершенно другой характер и все ее усилия целиком направлены на пользу Красной армии.

Не менее сильным врагом молодого, только что зародившегося, Военно-Научного Общества была значительная часть профессуры Академии. В сущности говоря, это были участники той же Военно-Исторической Комиссии, но только они имели тот неприятный придаток, что ко всем своим добродетелям они еще были нашими руководителями. Монополизируя военные знания и гордо драпируясь в свои „вечные и незыблемые принципы“, они с улыбкой презрения взирали на наши попытки подойти к разрешению

тех или иных военных проблем. Все наши самые искренние попытки привлечь их к нашей работе упирались в их явную враждебность. Только впоследствии, поодиночке, начались перебежки в наш лагерь, преимущественно из молодой профессуры, и лишь через год—полтора мы смогли в этом отношении констатировать кое-какие победы. Последующее расслоение профессуры на два лагеря—это есть несомненная заслуга первого периода работ Военно-Научного Общества.

Мы встречались также с ведомственными претензиями. В этом отношении Гувуз дал самый печальный пример. Когда Военно-Научное Общество стало разворачиваться, то вместо координации всех усилий на новом пути Гувуз повел свою ведомственную политику, создавая свои отдельные военно-научные кружки. Эта политика потерпела полный крах. Все эти кружки сами, в порядке добровольчества, присоединились к нашей работе и целиком с нами контактировались. Такую же ведомственную политику по отношению к Военно-Научному Обществу проводил и Высший Военный Редакционный Совет. Сам председатель этого Совета относился к Военно-Научному Обществу очень сочувственно, но весь его ведомственный аппарат во главе с Батениным и Мильманым всяческими способами тормозил печатание работ Военно-Научного Общества. Дело сейчас прошлое, и мы можем быть откровенны. Высшие руководители Полевого Штаба вначале также не совсем внимательно относились к нам. Наши штаты всегда утверждались, как „временные", денег нам, кроме как на содержание ограниченного штата сотрудников, не отпускалось ни копейки. Приходилось буквально изворачиваться из-за каждого рубля, и если бы нам в этом отношении не помогал комиссар Академии тов. Виленский, то мы задохнулись бы. Это отношение к нам высшего командования рассеялось после того, когда оно убедилось, что Военно-Научное Общество всем своим ходом работ только помогает армии. Попытки молодых генштабистов проявить свою инициативу в военно-научной области всегда встречали со стороны Реввоенсовета содействие в той или иной форме.

На кого же опиралось Военно-Научное Общество? Главным образом, на непосредственных фактических участников гражданской войны; главным образом, на слушательский состав Военной Академии. Мешало ли это учебе, т.-е. не имел ли здесь место кустарнический подход к овладению техническими знаниями по управлению войсками? И здесь мы смело можем сказать, что все те, которые активно работали в Военно-Научном Обществе, одно-

временно являлись самыми полезными учениками Академии, ибо стремление в области искания новых путей заставляло более вдумчиво относиться ко всему тому, что нам осталось от старой науки, позволяло легче усваивать военно-научные дисциплины.

В своем внешнем проявлении организационные формы развития Военно-Научного Общества шли от самой Академии через создание таких же Военно-Научных Обществ в других Академиях, и затем через организацию гарнизонных и областных отделений Военно-Научного Общества к массовым кружкам в частях и учреждениях Красной армии. Через несколько месяцев после создания Московского Военно-Научного Общества мы стали получать сведения со всех сторон об открытии Военно-Научных отделений и кружков. Польза Военно-Научного Общества была настолько велика и его авторитет в массах командного и политического состава Красной армии стал настолько значителен, что сама жизнь стала подсказывать необходимость какого-то общего руководства. Места инстинктивно стали тянуться за справками и советами к нам, в нашу Академию, ибо мы на своей спине уже имели реальные следы опыта первой организационной работы. Наши товарищи, выезжавшие на места в силу тех или иных причин (командировка, стажировка, назначения), получали от нас задания по организации кружков и отделений на местах. Тов. Смоленцев заложил такую ячейку на Запфронте, тов. Беленький в Скво, тов. Зеленцов в Сибири, тов. Анулов и Подгорецкий на Украине. Это потребовало какого-то оформления и нам удалось провести через Реввоенсовет „Положение“ об отделениях Военно-Научного Общества на местах.

Внутри самой Академии в организационном отношении мы стремились вовлечь в работу всякий вновь поступающий младший курс и после того, как он овладевал общим ходом работ, ему почти целиком передавалась первоначально техническая, а затем и организационная работа.

Как же мы вовлекали слушателей в ход военно-научной работы? Наиболее ответственные наши товарищи делали доклады и отчитывались на общих собраниях. Больше всего, конечно, действовал личный пример. Появление в печати статьи какого-нибудь товарища и одобрительные отзывы о ней читателей служили не малым ободряющим мотивом и толчком к дальнейшей работе других.

Но в первое время было очень трудно найти охотников сделать публично доклад или написать статью. Более способные товарищи в этом отношении помогали более слабым. Коллектив-

ный принцип применялся во всю. Нередко бывали случаи, когда редакторская рука из присланной статьи оставляла только одну подпись.

Но это так нужно было и это было верно по существу.

Мы, конечно, в своей работе не достигли бы никаких результатов, если бы нас все время не поддерживал партийный коллектив Академии. В самые тяжелые минуты мы приходили в Бюро фракции, требовали людей, просили помощи и всегда ее получали. С своей стороны, Бюро фракции всегда поддерживало с нами теснейший союз и было в курсе всех наших начинаний. Дабы все время не терять контакта со слушательской массой и быть в курсе всех ее настроений и желаний, Военно-Научное Общество активно принимало участие и в других органах самодеятельности. Во всех торжествах, на все политические события в той или иной форме Военно-Научное Общество реагировало всегда. К нему привыкли, без него нельзя уже было обойтись.

Как же мы проводили свои идеи и результаты работ в гущу армии? Здесь на первом плане первоначально была аудиторная работа. Если мы сейчас привыкли к аудиторной работе, то в первое время каждый доклад ВНО был для нас целым событием. Мы стремились отвечать на все животрепещущие вопросы текущего момента. Только недавно ликвидировался десант Врангеля на Кубани, а в Военно-Научном Обществе уже доклад на эту тему тов. Подшивалова. Не успел Врангель доехать из Крыма в Константинополь, как Главнокомандующий делает сообщение в Военно Научном Обществе о ликвидации Врангеля. Чем интересуется Красная армия, чем она живет—на что она ждет ответа—вот содержание наших докладов. Мы их давали еженедельно, и привлекли на них командный состав гор. Москвы. Этими докладами мы создали себе большую популярность. Впоследствии эта работа приняла более организационные формы, уточнилась и по сей день составляет основное содержание военно-научной работы на местах.

Как же Военно-Научное Общество реагировало на изучение опыта гражданской войны? От Свечинской Военно-Исторической Комиссии мы бежали. Военные специалисты—лучшая профессура Академии—ее бойкотировали. Существовала комиссия тов. Подвойского, которая только разрабатывала весьма широкие планы, но конкретно так же мало давала. Мы решили стать на реальную почву и начать с докладов по отдельным операциям; мы решили добиться того, чтобы в курс Военной Академии были включены лекции по истории гражданской войны, чтобы среди тем по во-

енно-историческим событиям были включены несколько тем из истории гражданской войны. И, наконец, в своих печатных органах мы всегда стремились в той или иной форме, но обязательно затронуть вопросы гражданской войны. Если что-либо и сделано в области изучения опыта гражданской войны и ее описания— то это работа вновцев.

По мере того как мы росли, все более и более вставал перед нами вопрос о печатном органе. Нам нужна была более широкая аудитория. Здесь мы пошли вначале по двум путям. Мы создали „Сборник трудов ВНО", в котором главным образом помещались более или менее крупные статьи по гражданской войне, носящие характер исследования. Первый наш сборник был довольно пестрый, но тем не менее представлял большой интерес. Последующие сборники стали принимать более организованный с методологической стороны характер.

Понятно, что это нас не удовлетворило, и мы затеяли журнал „Красная Армия". Первые номера были чрезвычайно бойкие, очень резкие по своему содержанию, но свое дело сделали. Внимание к Военно-Научному Обществу еще более возросло. Всем стало ясно, что молодые активные силы, вышедшие из рядов армии, способны к самостоятельному научному творчеству и что их освещение событий и подход к разрешению текущих задач являются вполне реальными и четкими. С каждым номером наш журнал „Красная Армия" улучшался и, по мере осознания нами своих ошибок, становился все более и более квалифицированным. В своем развитии он дошел до той точки, когда все без исключения признали, что он гораздо полезнее и интереснее, чем официальный журнал „Военная Наука и Революция". Этим же самым и была решена судьба журнала „Красная Армия". Под флагом экономии средств и фактически перед боязнью конкуренции журнал „Красная Армия" был Высшим Военным Редакционным Советом закрыт. И до сих пор Военно-Научное Общество бьется в попытках возобновить свой орган и рано или поздно, какие бы препоны этому ни были, постоянный журнал у Военно-Научного Общества будет. Из этого ненормального положения все равно так или иначе придется выйти.

Мы всегда стояли на реальной почве и понимали, что поднятие квалификации армии, ее культурного уровня составляет одну из насущнейших задач Военно-Научного Общества. Но здесь мы упирались в тот факт, что большинство нашего командного состава не знает иностранных языков и тем самым богатейший опыт мировой войны, который выявлен уже на Западе и к кото-

рому русские военные мыслители старой школы даже и подойти толком не смогли, что этот опыт останется для нашего комсостава неизвестным. Отсюда более поздняя идея создать наш третий журнал — „Военный Зарубежник", в котором в сокращенном виде излагаются те или иные статьи из лучших заграничных военных журналов. К этим статьям мы присоединили обзоры иностранных армий, кой-какую хронику и библиографию, и тем самым стали на верный путь. Первые номера „Военного Зарубежника" были довольно корявые, но постепенно на опыте мы приходили все к лучшим и к лучшим номерам. По журналу, который создан был слушателями Академии и в котором большинство работ принадлежит перу этих же слушателей, по этому журналу училась и переучивалась наша профессура. Сейчас общепризнано, что журнал „Военный Зарубежник" является одним из лучших журналов в нашей Республике. Его необходимость и актуальность на лицо. Сильно нам в этом помог и помогает проф. Б. О. Доливо-Добровольский.

Деятельность Военно-Научного Общества была многообразна. Она выражалась иногда в том, что Общество участвовало через своих представителей в различных комиссиях, подготовляло материалы к тому или иному с'езду, организовывало цикл лекций в Свердловском университете и т. д., и т. д.

Почему мы выжили? Ведь зловещего каркания при нашем зарождении было не мало. Потому, что в основу нашей работы был положен коллективный метод ее выполнения. Мы все время опирались не на личные дарования того или иного члена ВНО, а на результаты общих усилий. Если взглянуть внимательно на кружок старых русских монополистов военного знания, то в силу ограниченности числа его участников, все их взаимоотношения и удельный вес каждого давно определились. Строго замкнутая и ограниченная каста. У нас же каждый новый день, каждая новая статья, каждый новый доклад выдвигал все новых и новых работников. Мы не знали и не знаем, что нам подарит в этом отношении завтрашний день. И в этом коллективном массовом стремлении всех активных работников Красной армии к военно-научному творчеству и лежит основа нашего успеха.

Мы, как молодые работники, не были очень самолюбивы, мы не боялись ошибок, мы не боялись, когда нас ругали, ибо нам нечего было терять. Хуже того, что нам давало кафедра, быть не могло. Но вместе с тем мы были самыми строгими критиками своей работы и в силу этого каждый новый номер журнала, каждый новый доклад был обязательно лучше предыдущего. Мы

учились на своих ошибках и сейчас нам своего прошлого стыдиться нечего, ибо то, что мы делаем сегодня, то что мы будем делать завтра—есть логическое и прямое продолжение той основной идеи, которая нами руководила в первые же часы создания Военно-Научного Общества. Мы не можем работать плохо, ибо по своему существу мы неразрывно и тесно связаны с Красной армией. Любовь к ней, стремление ее квалифицировать всегда руководили нашими действиями. И, в сущности говоря, успех роста Военно-Научного Общества это есть только отражение того общего роста, который переживает Красная армия в своем историческом процессе. Наши ошибки были ошибками роста, а не ошибками упадка или вырождения.

Мы должны были выжить, ибо мы всегда стремились в основу своих работ положить марксистский метод.

Мы все время держали беспрерывную связь с партией. Выполняя ее директивы, мы стремились разложить реакционную военную среду старых военспецов. Мы очень часто прибегали к помощи военных специалистов. Для них никогда двери Военно-Научного Общества не были закрыты, но руководство деятельностью Военно-Научного Общества всегда было и будет в руках партии. И сейчас Военно-Научное Общество является одной из идеологических высот, находящихся в твердых руках нашей партии. И то, что нам приходилось нести на себе такие тяжелые задачи идейного порядка, привело к тому положению, что внутри самого Военно-Научного Общества отдельным секциям, отдельным работникам мы предоставляли максимальную инициативу, проявляли по отношению к ним самый широкий демократизм, но в вопросах основных, относящихся к области направления всей политики Военно-Научного Общества, мы придерживались строжайшего централизма. Мы самым жестоким образом пресекали всякие попытки либо использовать Военно-Научное Общество для своих личных целей, либо позволить ему взять неправильный уклон, либо сдать завоеванные позиции. И сейчас мы стоим перед фактом, что Военно-Научное Общество Красной армии есть большая реальная сила. Это признают и наши враги и наши друзья. Последних с каждым днем становится все больше и больше, а первых историческая метла постепенно одного за другим сметает с нашего пути.

С. Белицкий.

Из дневника Военно-Научного Общества.

Учение Маркса—дитя буржуазной науки; но рождение этого дитяти стоило матери жизни.
Р. Люксембург.

I.

Военная Академия празднует свой пятилетний юбилей. Метрическая выпись Военно-Научного Общества хранится в стенах Академии. Оба учреждения вышли из недр Красной армии, а последняя—творение Партии Социальной Революции. Пять лет—слишком короткий срок для юбилейных праздников, но логика истории запечатлевает на них звание эпохи, предоставив нашему времени мыслить „морями и континентами", шагать „семимильными шагами"... Мы не переменили летоисчисления, но наша эпоха имеет на это больше прав, чем Великая Французская Революция.

Необычен здесь исторический фон, необычны и привычные схемы. На полке исторической жизни человеческого общества наша эпоха займет более почетное место, чем электричество в технической культуре людей. Минувшая эпоха бледнеет перед пламенными знаменами новой, а грандиозность фронтона грядущего социального здания неумолимо довлеет над всей его деятельностью. Седая эпоха еще не склонила знамен перед грядущей на смену, но социальные ураганы прибой за прибоем уже победно штурмуют старые твердыни.

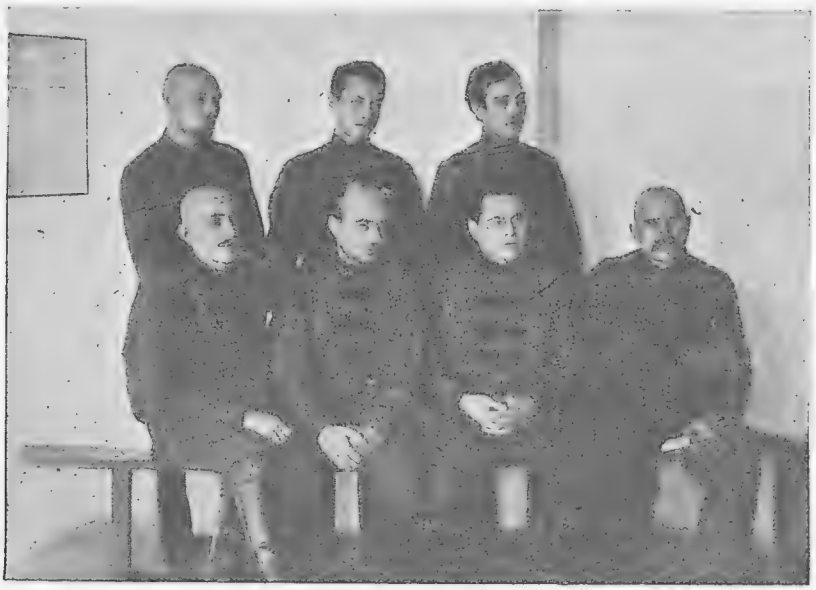
Честь первого победоносного штурма и торжественного шествия по новой столбовой дороге истории принадлежит нашей Великой Партии и ее вооруженной силе Красной армии. На гребне этой вооруженной силы выросла Академия, а в ее недрах родилось ВНО.

Такова внутренняя связь ВНО, Академии, Красной армии и партии. Только в такой связи становится понятным революционное существо Военно-Научного Общества; только революционная генеалогия дает ключ к пониманию его идеологии, его военно-научных, методологических принципов; только она раскрывает сущность борьбы нового со старым, отживающего с народившимся.

Чтобы понять историческую правомерность существования ВНО, надо ни на минуту не забывать характера эпохи, в которой приходилось жить и действовать, т. к. от нее зависели

не только цели и задачи военно-научного движения, но и его тактика.

Революция не только властно сдернула вуаль с общественной физиономии, вскрыв подлинное лицо этого общества и распределив его с оружием в руках на два враждующих лагеря, но и поставила на путь распада и отмирания многочисленные институты и дисциплины, выросшие в недрах старого общества. Но революция—не только распад; это один из наименее сложных вопросов революционного процесса; целевое устремление революции уже само по себе выдвигало бесконечный ряд совершенно



Президиум Военно-Научного Общества.

новых вопросов и проблем по всем линиям вновь строющегося общества. Решение этих новых проблем было уже прямой задачей нового революционного класса, нового общества. Оно, и никто другой, обязано было взвалить на свои плечи разрешение задач новой эпохи, властно требовавшей от строителей новой жизни немедленного ответа. Только творчество „энтузиастов" могло быть решающим фактором победы в этом вызове истории. Справиться с новыми задачами означало решить творческую проблему революции; означало в процессе распада, среди хаоса материального разрушения и гибели буржуазной идеологии увидеть не только контур нового здания, но найти средства и методы для его строительства.

Основной проблемой революции, таким образом, являлось нахождение и установление соответствия между революционным заданием и его выполнением. Эта задача в целом ложилась на партию революции, и как видим, она разрешена победоносно. Вековые шаблоны общественных навыков, методов и научных дисциплин уходящего с исторической сцены класса были побеждены творчеством революции. Методы революции оказались сильнее, могущественнее, и главное, более соответствовали целям и средствам призванных к борьбе революционных масс, чем методы идеологии старого общества.

II.

Основным орудием победоносной революции была ее армия. Здесь, в армии надо искать, и можно найти секрет новых методов и средств, которыми оперировала революция в своем победоносном шествии. История Красной армии будет всегда неиссякаемым источником исследования методов революционной борьбы, учебником грядущих революций. Было бы непоправимым несчастием для борющегося класса и его армии, если бы попытка обосновать свою революционную доктрину на фундаменте старых „незыблемых" принципов военной науки, увенчалась успехом. Это означало бы, что революционное существо армии исходит не от революции, а от методов и средств старого общества, так позорно провалившегося на этом великом экзамене классовых битв. Во-вторых, это означало бы, если не торжество жречества в науке, то во всяком случае шаг на месте, реформизм и прочие атрибуты, в лучшем случае свойственные предреволюционному военно-научному либерализму, который неожиданно, хотя бы в качестве военного „сменовеховца", мог занять неподобающее ему место и влияние.

Попытки такого извращенного толкования революционной сущности армии принимали наиболее реальную оболочку, наиболее четкое выражение в стенах Военной Академии в первые два года ее существования, с подмостков ее оффициальных кафедр. В то время, когда новая армия давно уже прорвала идеологические плотины, и на этом прорыве основала свои победы, академические кафедры продолжали „мужественно" отстаивать незыблемость плотин; эта идеологическая жвачка безапелляционно звала назад, к слепым традициям, школьному послушничеству, вещам, совершенно несвойственным революционной армии, вещам, на отрицании которых армия как раз-то и по-

строила свои победы. В лучшем случае, кафедра обозначала безнадежный шаг на месте, беспочвенность, повторение мертвым языком осужденных на смерть истин.

Вся трагедия адептов старой военной догматики заключалась в том, что революционный скачок в науке являлся для них непосильным заданием: эпоха коварно насмеялась над богами дореволюционного военного знания, еще ранее разбив их скрижали на полях мировой войны; понять, что революция пришла не склеивать эти осколки, не ремонтировать научное здание, а призвана *создать наново*, было для них закрытой книгой за

Редакционный Совет Военно-Научного Общества.

семью печатями. А для этого нужны были не шаблон, не консерватизм традиции, а *творчество*, природа которого не допускает ни фетишизма, ни раболепия. Но творчество немыслимо без революции, ибо оно прежде всего означает разрыв традиций, отрицание, и, следовательно, борьбу. Галилей утвердил переворот в науке своей смертью, полной революционного пафоса, жертвы и борьбы. „Не милости, а жертвы“ надо было, чтобы доказать правоту своих идей; а на это способны были только „апостолы“ новой веры, как бы ни неграмотны они были. „*Практикой должен доказать человек истину своего мышления*“ (Маркс); кто оказался на высоте этой задачи,— революция уже давно ответила на этот вопрос.

Невидимая надпись, начертанная рукою кафедры на фронтоне старой Академии Ген. Штаба—„вход только для геометров“ (Платон) читалась, может быть, по-складам, переступающим академический порог слушателем по-своему: „lasciate ogni speranza!“ („Оставьте всякую надежду“—Данте); ибо „каждый вновь поступающий в Академию слушатель разочаровывается в ней через несколько дней“ *(Трифонов*—„Протокол перв. засед. ВНО“). „Два года мы чертили, учили, зубрили уроки, но это было все не то, что нам надо“ *(Закс*—там же).

„До сих пор Академия Генерального Штаба, или то место, где она находилась, была чемоданной мастерской, где начиняли слушателей всякой дрянью, ненужной на фронте“ (*Н. Подвойский*—там же).

Военно-Научное Общество явилось в результате бездны противоречий между обветшалой теорией старой науки и требованием революционного фронта, между традицией и творчеством, шагом на месте и движением вперед, между статической незыблемостью и революционной динамикой.

„Не Академия должна родить Общество, а Общество—Академию“ *(Подвойский*—там же) — вот лозунг, которым ВНО манифестировало свое выступление на военно-научном поле в 1920 г.

III.

Если указанный лозунг ныне потерял свою злободневность, то в те времена он имел самое актуальное значение. Однако, все документы и воспоминания, относящиеся к тому времени, в один голос свидетельствуют, что вмешательство ВНО в постановку преподавания в Академии, в ее учебный план, совершенно отличались от приемов Учкома; если последний представлял орган п р я м о г о воздействия слушателей на учебную жизнь Академии, то ВНО избрало совершенно другой путь, „кладя в основу своих работ теорию революционного марксизма, при условии всестороннего использования и учета достижений военной науки и техники, применительно к новым условиям классовой обстановки“; ВНО со дня рождения взяло на себя задачу идти по совершенно непроторенному пути, „на который не вступал еще ни один военный авторитет („К итогам первого года“).

Сознание глубокого утопизма того, что преподносилось кафедрой под именем „военной науки“, обоснованной на принципах идеалистической теории, неизбежно толкало ВНО на путь борьбы за новую основу военного знания. Верная своему рево-

люционному активизму и поставленным задачам ВНО-вская корпорация повела широкое наступление, подчас весьма резкое, критически отрицательное ко всему тому, что так или иначе связывалось с представлением защиты и покровительства старым догматам.

Это был период стихийной критики, безудержного наступления „без закрепления пройденных рубежей", постановки широчайших целей, глубокого врезания еще молодого критического плуга в еще нетронутую теоретически, но уже взрыхленную практикой революции толщу военно-научного наследства.

Ответственные секретари секций Военно-Научного Общества.

„Перед нами стоит проблема войны и революции. Кто возмется за разрешение этой величайшей проблемы, которая вытекает из основной предпосылки марксизма, что освобождение трудящихся от гнета капитализма есть дело самих трудящихся масс?"—писал в то время один из основоположников ВНО, тов. Виленский-Сибиряков. Военная наука как таковая была не в состоянии ответить на этот вопрос; более того, она категорически открещивалась от вмешательства политики в военное дело; и если это было не лицемерием, то аполитичность военного человека была самой украшающей добродетелью. Понятия солдата и гражданина стояли в самом резком и непримиримом противоречии.

Задачу синтеза этих понятий взяло на себя ВНО. Теперь это не кажется смелостью. В моем представлении этот факт самое яркое свидетельство большого успеха.

„Лишь только марксистский метод, только трезвый взгляд и оценка событий позволяют правильно поставить военную цель", писал *М. Н. Тухачевский* („*Красная Армия*" № 3—4, журн. ВНО). Ставить цели, осуществлять их, оказывается можно только под углом устойчивого политического зрения, соответствующего задачам и целям целого. Военная мысль, военная наука приобщалась в качестве неотъемлемого звена к системе общих задач революции. Теперь это не новость: политически неграмотного командира, „аполитического" солдата и вождя наша армия не желает иметь в своих рядах. То, что четыре года назад ставилось как проблема, сегодня—уставное положение.

Не солдатская муштра, не „бесстрастная" ученость (техника войны) спеца дали победу революции, а революционное (общественное) сознание гражданина-бойца; не техника и знание, а воля к победе и сознание задач своего класса, были решающими факторами победы. Для слушателя Академии, командира-революционера это было истиной и основой мышления, утвержденной практикой и победой. Исходить из другого основания, это означало выворачивать революционную душу армии наизнанку; ставить логику вверх ногами.

Борьба шла, как видим, вовсе не в плоскости известной исторической тяжбы, домашней ссоры „отцов и детей". Это наследие дореволюционной хромоногой общественности попало в революционный баланс наравне со счетами всех общественных отношений старого общества. Революция менее всего нуждается в „отеческом" благословении старого общества, и если ищет свою генеологию, то прежде всего, разумеется, в недрах своего класса. „Отцы и дети" военного знания никакого отношения не имеют к пролетариату, который в военном деле, как и во многом другом, не собирался, не был и не будет—„сыном" „отцов", уходящего с исторической сцены общества. Тяжба „детей" с „отцами" старого общества за новые основы военного знания накануне революции не пошла далее кисло-сладкого головинского либерализма, ставшего в момент революции одной ногой на сторону последней, другой—на сторону контр-революции (Головин и К°). Таким образом, даже знаменитые военные либералы, эти подававшие надежду „вундеркинды", перешли в новое общество не

без ломки и колебаний, тогда как „отцы“ попали в новое общество, в большинстве просто в силу обстоятельств.

Красному военспецу эта тяжба была совершенно чужда; он ее даже не знал, и бледно-розовую окраску „вундеркиндов“ заметил гораздо позже, почти к исходу гражданской войны. Вначале как будто загоралась надежда на взаимное понимание, на возможность общего языка; но знания „детей“ не шли далее мобилизационной техники и комбинаторского уменья из пяти книг состряпать шестую, а их социальные корни искали питания не у истоков революции, а ползли в глубину „отеческой“ мудрости. Конечно, и здесь, как и везде, не без исключений; но речь идет не о единицах, а о фарватерах.

Вот почему ВНО не могло идти по стопам киевских славян... Наоборот, оно само пришло вместе с революцией, со своими целями, методами и организационными приемами, испробованными в великих классовых битвах. „Варяги“ были не только завоевателями, но в первую очередь организаторами новой государственности, новой общественной мысли.

ВНО искренно приветствовало всякого, кто способен был понять это и идти по этому новому пути, и никогда сектантски не закрывало дверей перед друзьями новой общественности и военно-научной мысли. Но мужество „званых“ никогда, за самыми редкими исключениями, не подымалось за минувшие годы на высоту задач новой эпохи. Индивидуализированная, разобщенная, приученная по-рабски „по одежке протягивать ножки“, старая военная мысль, оглядываясь назад, пугливо смотрела вперед и, как двуликий Янус, была весьма ненадежным, вернее—безнадежным попутчиком при решении новых задач нового класса. В таких условиях „наивный реализм“ коллективистов и индивидуалистический идеализм обречены были с самого начала в лучшем случае на сосуществование, на техническое сотрудничество, но не на радужную ассимиляцию, идейное единство и взаимное понимание.

IV.

Цель, поставленная Военно-Научным Обществом—*„изучение опыта классовых войн“*—не раз в диспутах и в печати вызывала упреки в узости и, так сказать, в революционном патриотизме. Если поверить в искренность этих упреков или если очистить их от порядочной доли лицемерия, то этот факт является самым ярким свидетельством полнейшей неспособности упрекаю-

щих подняться на высоту предстоящих задач и целей борющегося за свое освобождение класса. Прежде всего, совершенно очевидно, что предметом исследования дореволюционной военной мысли никогда не было и не могло быть (так как это не входило в задачу правящего класса) изучение организации и проведения восстания; скорее наоборот—изучение подавления их организованной армией. Где, в каком квалифицированном учебнике могло найти ВНО этот революционный повстанческий опыт? Опыт, от правильного учета которого зависит судьба не только русской революции, русских трудящихся масс, но и судьба мирового рабочего движения?

Президиум Кавалерийской секции Военно-Научного Общества.

Политическая победа революции взросла на учете исторического опыта минувших революций, на тщательном, кропотливом изучении производительных сил общества и общественных отношений. Поколения виднейших представителей революционного движения с нечеловеческим упорством разрешали эту вековую задачу, создав блестящую доктрину общественного развития и непоколебимую общественно-экономическую научную школу. Русский пролетариат первый победоносно воспользовался этим блестящим оружием. Не знание военного искусства, не учебники национальных войн, а изучение классовой структуры современного нам общества и его антагонизмов привели русский пролетариат к победе. Победа пришла, оказалось, вовсе не с той

стороны, откуда могла ожидать (конечно, она об этом никогда не мечтала) дореволюционная военная мысль! Классовая война оказалась непредусмотренной в заплесневелом учебнике военного дела...

ВНО поставило своей целью не пополнить одной главой этот пробел в учебнике, а пересмотреть, переработать, его, если хотите,—создать наново, под совершенно новым углом зрения грядущих классовых войн. Пролетариат не чуждается изучения вообще минувшей борьбы, но он берег это только для решения своих сегодняшних и ближайших задач будущего.

Кавалерийская секция Военно-Научного Общества.

Чем определяется характер ближайших военных задач? Характер ближайших войн?

Производительные силы современного общества одновременно со своим ростом неизбежно влекут глубочайшие изменения в общественной структуре капиталистических обществ. Капиталистическая основа зиждется ныне на эксплоатации огромных трудовых масс, с совершенно противоположными интересами—экономическими, политическими и духовными.

Наличие классовых антагонизмов усиливается параллельно росту промышленности. Столкновения классов, классовая борьба есть факт сегодняшнего дня в любом капиталистическом организме.

Идея нации, народности, общности классовых интересов, национальной обороны теряют свой смысл. Идея национальной

романтики, несмотря на чудовищное одурманивание трудящихся масс капиталистами, ныне правящим классом, развеивается вместе с дымом фабричных труб.

Владельцы стали, железа и свинца и рабочий класс промышленно-технически развитых стран ведут непримиримую борьбу не на жизнь, а на смерть. Стремление капиталистов отвлечь внимание рабочего класса идеей национальной независимости, идеей родины, встречается рабочим классом возражением отрицания родины, ибо для рабочего—„отечество—весь мир".

„Вооруженный народ" и „народная война" фон-дер-Гольца соответствовали эпохе неразвитого капитализма—заре классовой войны; войну 1914—18 г.г. можно назвать „народной войной" лишь по массе участвовавшего в ней народа; „народную войну"—мировую можно назвать народной лишь по признаку количества, а не единства народных устремлений; германский империализм вел „народную войну" до тех пор, пока классовое сознание пролетариата не раскрыло целей и смысла войны; как только германский рабочий понял смысл и цели войны, несовпадающие с интересами его класса,—война кончилась, и могущество германской военной школы потеряло свою грозную силу; то же случилось и с русским солдатом.

9 ноября 1918 г. в Германии и 7 ноября 1917 г. в России положили конец национальным иллюзиям единства и понятию национальной „народной" войны с тем, чтобы воскресить это понятие в новом свете социалистического идеала на многочисленных фронтах русской революции. Собранную до 18 миллионов царскую армию для ведения „народной войны" в середине 17-го года могла взять одна—две немецкие дивизии; армия Революции при отсутствии мобилизационного аппарата выросла в 19-ом году—в $5^1/_2$ миллионов! Мобилизационный порыв вырос на сознании революционным классом своих интересов.

Вызвать сочувствие призываемых масс к затеваемой войне будет самой трудной и неразрешимой проблемой империалистов; это возможно будет лишь в стране, где национальная романтика еще не вытеснена производственными факторами.

Машинизированная армия потребует массы бойцов и еще большей массы в тылу армии промышленной. И тыл и фронт нуждаются в массе материальных средств войны, изготовление которых падает на пролетариат. Цели современных империалистических войн никогда не совпадут с классовыми целями пролетариата. Политическая пропасть между капиталистами и пролетариатом создает пропасть на всех

звеньях государственного и армейского организмов, что ведет к неизбежному разрыву капиталистической армии, так как внутри нее сосредоточены все антагонизмы враждебных классов.

Материальный фактор (военная техника) весьма легко может очутиться на службе новым целям—борьбы пролетариата за свое освобождение (как это и случилось у нас).

Сознание бойца („дух“) интересов своего класса поставит его для борьбы у пулемета и пушки за свои классовые, а не „народные“ (капиталистические по существу) идеалы.

Работа капитализма над сознанием бойца в настоящее время, собственно, моральная обработка является насущ-

Пехотная секция Военно-Научного Общества.

нейшей задачей, так как „секрет победы кроется прежде всего в основательной моральной подготовке солдата“ (маршал *Петен* – „Пехота“—„Revue d'infanterie“ май, 1920 г.), т.-е. в извращении его классового сознания. Это, как видим, уже поняли и ветераны империалистических армий.

Но растущее сознание масс давно уже положило начало систематическому и повсеместному лозунгу—война войне... Советская Республика уже не раз избежала войны, именно благодаря этому лозунгу, вытекающему из существа нынешнего классового общества.

Для нашей Республики нет и не будет уже иных войн, как войн классовых, столкновения армий капиталистических с армией Революции.

Вот прямая практическая задача ближайшего будущего, к которой должна готовиться наша армия и которую предварительно должна решить, по мере сил, наша военно-научная мысль „Изучение опыта классовых войн“ и говорит об этой военно-научной тенденции, чтобы приковать исследовательскую мысль к разрешению практических первоочередных задач по организации, воспитанию и обучению Армии Революции, а не армии вообще. С этой точки зрения, проблема милиционной армии, которую ВНО выдвигало и защищало в 20-м году, имеет более глубокий смысл, чем простое решение финансовых затруднений.

Вот почему ВНО стремилось к созданию *кафедры гражданской войны*. Если последняя для многих, непричастных к этой войне представителей дореволюционной военной мысли, и до сих пор является „эпизодом“, то для нас она всегда будет неиссякаемым и, пожалуй, единственным и наиболее свежим источником для изучения революционной сущности нашей армии, этой революционной гордости восставших масс.

Для классовой войны одна борьба с Юденичем в сотни раз поучительнее всей русско-японской кампании, точно так же, как и революционный командир, сражавшийся на подступах к Петрограду, неизмеримо ценнее русско-японских ветеранов. Этого мало понять—это надо почувствовать.

V.

Душой революционных армий всегда были два единственно им присущие качества—самодеятельность и инициатива. Нельзя сказать, чтобы армии капитализма отрекались от этих качеств. Но вся суть заключалась в том, что инициатива и самодеятельность масс в армиях капитализма всегда стоят в противоречии с угнетательскими стремлениями командного класса. Вызвать к жизни эти качества равносильно самоубийству правящего класса. Опираться на эти качества, призвать к жизни и действию неисчерпаемую энергию угнетенных слоев общества может только армия революции.

Бесповоротно решаться может только тот, кому нечего терять, у кого все пути отрезаны. Колебания, наоборот, свойственны золотой середине, идеологическому распутью, тем, у кого есть, может быть, и худший, но все же выход. Воля к победе принадлежит тому, у кого с победой связана жизнь, перед кем нет другого выхода. Отсюда—энергия революционных масс, чув-

ство ответственности за судьбу своего класса, отсюда—каждая частная задача вырастает до пределов решающей.

ВНО родилось под знаком самодеятельности и инициативы. Из глубин действующих армий революции оно перенесло этот огонь, это творческое начало, на свой военно-научный пост. Этот факт самодеятельности и инициативы зажжен был со дня основания ВНО для того, чтобы его негаснущим светом вновь озарить не только пройденный, но и грядущий путь военно-научного движения.

Фонарь Диогена и факел революции... Индивидуальные раскопки при тусклом свете и могучее искание масс... Комфортабельный кабинет „ученого“ и массовая аудитория... Безапелляционный, мелко-обидчивый, самовлюбленный индивидуализм и критический, об'ективный, суровый язык масс... Как далеки и враждебны эти противоположные методы!

ВНО решительно отбросило первый и выдвинуло второй.

Скептикам и пессимистам, на заре возрождения ВНО, а это было около 4-х лет назад, пророчествовавшим невозможность в той бытовой обстановке армии создать какое бы то ни было военно-научное движение, приходится не без конфуза спрятать свои пророчества в карман.

Самодеятельность масс придала такой размах военно-научному движению, какого не знает и не знала ни одна империалистическая армия.

В этом случае, как и в других областях нашего общественного развития, скептиками были в военной среде группы не всегда социально и духовно родственные основному революционному кадру армии.

Деятельными силами и в этом новом деле,—небольшой части общего советского строительства, в тысячу первый раз оказались все те же многочисленные кирпичики огромного советского здания—рабочие и крестьяне в красноармейских шинелях, часто солдаты и унтер-офицеры царской армии, ставшие по воле исторической обстановки „маршалами революции“. Без оглядки на историческую традицию, без руководства и поддержки, без методологического опыта, но с упорством революционера и верой в творимое дело, они бережно сносили накопленное достояние—богатейший в истории человечества—свой непосредственно-боевой опыт. Опыт небывалых в истории военных операций мировой и гражданской войн! Так создались военно-научн. кружки, так на

базе самодеятельности и инициативы естественно и неудержимо росло и ширилось военно-научное движение.

Попытки явных и тайных противников ВНО набросить на него тень узости и сектантства, упреки в замкнутости, стремление установить генеологию ВНО от академич. „молодежи", терпят жестокое разочарование: ибо в академическом происхождении ВНО обнаруживается только один, может быть, наиболее мощный корень; тысячи корней и побегов надо искать в том же живом теле революционной армии, выделившей в Академию, естественно, свои лучшие кадры.

Однако, если силою действительности, военный обыватель вынужден был признать, что военно-научное движение в армии является неотъемлемым фактором военного образования, фактором самодеятельности, рожденным, как и политработа, революцией, то на стремление ВНО штурмовать научные высоты методом марксизма, он посмотрел, как на прямое посягательство на его же жреческо-монопольное профессиональное руководство наукой.

Метод ВНО—метод диалектического материализма стал не только тактическим приемом ВНО-вского движения, но и его основной платформой, понятно по самому существу своему глубоко враждебной обывательскому представлению сторонников статических „вечных, неизменных принципов военного искусства".

Решающим фактором научного развития любой научной дисциплины всегда был и будет ее метод. Любое систематизированное знание подчиняется в своем внутреннем развитии вполне определенным принципам—правилам и приемам исследования. Наука не терпит эклектизма, и научное исследование явлений того или иного цикла человеческих знаний не может итти по разным методологическим рельсам. Многообразие методов в науке приводит в конечном счете к тем же выводам, к каким пришел дуализм в вопросах общественных наук—к ряду внутренних неразрешимых противоречий. Кризис военно-научной мысли, обнаружившийся во всей наготе, одновременно с мировой войной может быть разрешен только на основе исторического материализма, ибо согласование противоречий по самой природе своей недоступно никакому другому методу.

Трагедия германского поражения в мировой войне—поражения одного из наиболее организованных центров военно-научного мышления—не может быть понята без вскрытия основного противоречия в системе германской военной мысли—полной несогласованности вопросов политики и стратегии. Блеск и сила

военно-теоретического мышления германской школы, вне связи с вопросами существа развернувшихся событий, потеряли на $^3/_4$, то научное обаяние, перед которым в почтительной позе полстолетия стояло русское военное мышление.

И поражение Германии, и наша революция с неопровержимой убидительностью доказали, что фактором, решившим победу с одной стороны в пользу антанты, с другой—в пользу революции, было во всяком случае, не превосходство теорий военного искусства победителей, а понимание существа событий во всем

Президиум Артиллерийской секции Военно-Научного Общества.

об'еме их культурного и общественного значения. Победу дало в обоих случаях согласование противоречий политики и стратегии.

Жрецы-монополисты военной науки оказались несостоятельными разрешить не только политическую, но и военную проблему. Более того, победу торжествовал не жрец военного искусства Гинденбург, а гражданский профессор Дельбрюк [1]), для которого военное искусство не было самодовлеющей дисциплиной, способной разрешать любые общественные и национальные конфликты

[1]) *Прим. автора.* Гинденбург и его предшественники Мольтке и Шлиффен—сторонники стратегии сокрушения; Дельбрюк — стратегии измора; мировая война показала, чей прогноз и в этом отношении оказался правильным.

и проблемы. У нас победу торжествовали не жрецы-профессионалы военного знания, а многоликий революционер-солдат, победы которого совершались на основе понимания сущности войны, как явления общественного прежде всего.

Самодовлеющее значение войны, а следовательно, и военных знаний с логической стороны стало нонсенсом. Война и революция прошлись пожаром не только по материальной структуре человечества, но главное, по его идеологии, сжегшей в первую очередь заплесневелые скрижали завета военного жреца-профессионала.

В методологическом смысле победителем оказался монистический принцип, взгляд на войну с точки зрения целого, как на явление общественное, а следовательно, исторически обусловленное. Только диалектический метод, метод исторического материализма давал ключ к разрешению военно-научного кризиса, четко размежевывая в явлениях войны и военного знания две сущности: технически прикладную и общественную; мало того, только он провел грань между прикладными (техническими) и общественными моментами в соответствующих военных дисциплинах.

Разве после этого ВНО могло отказаться от применения диалектического метода, купленного и проверенного такою ценою — опытом грандиозных военных и революционных потрясений?

На военно-научном поле ВНО успело уже дать в этой плоскости одно крупное и победоносное сражение. Пусть оно было угловато и резко; но мягко картавить—это вообще не революционный язык. Я разумею известную дискуссию по вопросу—*что такое военное знание—наука, искусство или ремесло?* Здесь во всей наготе предстали лицом к лицу жрецы статических истин, „вечных и неизменных принципов военного искусства“ и противники вновцы-коллективисты, для которых диалектический материализм был основным исходным методом суждения по этому вопросу. Ту же приблизительно историю в общественном смысле потерпела и дискуссия о военной доктрине.

Чем далее отходишь от этого времени, тем все более и более убеждаешься, что для военно-научного движения и для развития ВНО эти дискуссии имели глубокий смысл, определивший на много лет вперед пути военно-научного движения и его идеологию. Стало совершенно очевидным, что нет никакого основания рассматривать военное знание (как знание исключительно прикладное и исторически обусловленное) вне связи с общим состоянием общественного развития; а поскольку оно подчиняется

законам исторического материализма, постольку последний берется ВНО, как метод своего исследования. Марксизм, как революционный прожектор осветил и здесь все темные углы застоявшейся военно-научной жизни, окончательно, повторяю, проведя грань между моментами общественного и технического порядка. Даже кастово-жреческому мышлению стало до очевидности ясно, что если „по марксистски нельзя сесть на коня", то только уменьем сесть на коня нельзя все же достигнуть победы.

Вспыхнувшая попытка „ревнителей военных знаний" [1]) подсунуть свою „деловую" (научную?) методологию—платформу, была не более ни менее, как попыткой поставить на ноги идеологического паралитика, разбитого на всех фронтах нашей великой эпохи.

По существу за этими „деловыми" методами скрывались идеологические группировки, со всеми прелестями независимости военно-научного движения, монополизации научного военного знания; отмежевания от общественного значения военного знания, этой по существу глубоко общественной дисциплины.

Военно-Научное Общество перешагнуло через подкидыша, предоставив последнему вариться в собственном соку. Из всех „шагов", по-моему, это был самый тактический, свидетельствующий если не о зрелости, то во всяком случае о росте, что, разумеется, лучше самой седой заплесневелой мудрости.

VI.

Внутренняя природа военной науки исключает возможность ее существования в бесклассовом обществе. Социалистическое общество не будет нуждаться в ее кровавых, но неизбежных услугах. Служебная роль военной науки социалистическим идеалам возводит ее ныне, в нашей реальной обстановке, на степень необычайно практической дисциплины, а военно-научные институты—на степень первоочередных государственных учреждений трудящихся масс. Это стало понятным, пожалуй, для всех. ВНО—это прежде всего один из многочисленных институтов Советской страны, на знамени которого неразрывно соединены лозунги Октября и грядущей культуры социалистического общества.

Диалектика истории такова, что дореволюционное военное знание, служа опорой угнетения, рабства, символом порабощения

[1]) *Прим. автора.* Такие „ревнители" существовали в Петрограде и в Харькове; их деятельность ознаменовалась лишь длительной и довольно упорной попыткой создать „независимое" и параллельное ВНО движение. Как организации, „ревнителей" ныне нет.

одного человека другим, ныне становится символом освобождения, средством поднятия человеческого общества на высшую ступень своего развития—социалистической культуры.

Безумие капитализма так очевидно, что даже наши бывшие враги становятся исподволь, но искренно нашими друзьями. И если гражданские ученые только на седьмом году революции подчинили свою деятельность задачам и целям нового общества, то в военной среде этот перелом в лучшей ее части случился все же гораздо раньше и, пожалуй, более действенно. Однако, подчинить свою деятельность задачам нового класса, — это еще не значит жить его психологией, его идеалами с одной стороны, как и не означает отказа от применения иных методов исследования в соответствующих областях военного знания с другой. Трудящиеся массы лучше юбилейных или иных экспертов умеют распознавать своих друзей и своих врагов не по внешним признакам и формам научных достижений, а по их соответствию задачам новой эпохи, новой общественности.

„Трудящимся массам не нужна пригонка законов науки к заранее формулированным тезисам. Но нам всем очень и очень нужна новая ориентировка деятелей науки, пригонка их внимания, интересов, их усилий к задачам и потребностям новой общественности“ (*Л. Троцкий*). Вот за что Республика труда ставит памятники одним и предает остракизму других.

Военная наука находится ныне в более благоприятных условиях, чем другие научные дисциплины. Из горнила гражданской войны она вышла обогащенной опытом, очищенной методологически от индивидуалистической накипи, вышла из-под опеки жречества и монополии, стала достоянием широких трудящихся масс. Сеть военно-научных организаций, покрывших в $3^1/_2$ года огромную Советскую страну, лучше всего свидетельствует о необычайном размахе этого движения, о бурном активизме масс. Это лучший залог того, что семена Военно-Научного Общества нашли небывало плодородную почву.

Уже есть определенный могучий фарватер общественности, есть буйные побеги свежей, сочной, полнокровной мысли, будет и не менее буйный урожай!

Всех, кто искренно хочет быть в русле этого движения, кто отбросив предрассудки, хочет быть участником грядущего военно-научного расцвета, кто хочет быть на этом действительном празднике науки, — мы, забывая былые распри, как и пять лет тому назад, искренно зовем в свои ряды.

И. Клочко.

Современные организационные формы ВНО.

Военно-научное движение Красной армии возникло, как результат столкновения двух совершенно противоположных воззрений на военное дело. Это произошло в стенах нашей Академии в 1920 году, когда „вечные незыблемые принципы“ статического мировоззрения, взращенного на основе опыта национальных войн, одних,—столкнулись с диалектически-материалистическими принципами других, прошедших искус классовой войны.

Возникнув, „как первая попытка организованного протеста против схоластики казенной военной мысли, преподносимой в Академии преподавателями старой школы“, ВНО между прочим и по сие время является тем органом самодеятельности, которое обеспечивает за слушателями активную проработку всех научных сведений, воспринимаемых в Академии.

Этим и определяется, в значительной степени, роль ВНО при Военной Академии в отношении его внутренней работы.

Таково же значение всех отделений ВНО при других Академиях, высших школах и других военно учебных заведениях.

Укрепляясь и расширяясь в своем развитии, ВНО смогло в дальнейшем направить значительную часть своей деятельности в научно-исследовательскую сторону, последствием чего явилось издание своих трудов.

Одновременно с этим происходит постепенное расширение деятельности ВНО, благодаря непрерывно возникающим отделениям ВНО при округах, армиях и фронтах, основной задачей коих ставится „расширение и укрепление военных знаний и всемерная популяризация их среди личного состава частей и трудового населения“.

Такая ограниченная и в то же время крайне утилитарная задача первых военно-научных организаций вполне отвечала состоянию и запросам Красной армии, обусловив быстрый рост военно-научных организаций.

Эта постепенная организация военно-научных отделений и кружков на местах в значительном большинстве проводилась бывшими слушателями Военной Академии, которые и завязывали добровольную связь местных военно-научных организаций с ВНО при Военной Академии, которое постепенно приобретало значение Всесоюзного Центрального ВНО. С другой стороны, сами военно-научные организации, возникавшие в результате самодея-

тельности мест тянулись за советом и помощью во ВНО при Военной Академии.

Таким образом и создалась та широкая сеть военно-научных организаций, пропитывающих весь организм Красной армии, начиная со своих первичных ячеек—кружков военных знаний, до Центрального ВНО при Военной Академии.

Необходимо отметить, что вся эта широкая организационная работа проводилась при непосредственном и деятельном содействии в центре и на местах ПУР'а и командования.

В цели настоящей статьи не входит задача обсуждения принципиальных сторон военно-научного движения, об'ема его работы, методологии и общественно-политического значения. Мы преследуем задачу, гораздо более скромную, набросать в общих чертах размах его современного состояния в отношении организационных форм, указав, как вывод, на его ближайшие перспективы в этом отношении.

Мы полагаем, что вместе с тем сообщаемый нами материал мог бы послужить в качестве руководящей справки о проведенной работе к предстоящему в скором времени перевыбранию Правления ВНО.

ВНО в центре.

До сего времени общая конструкция ВНО и его исполнительных органов, осуществляющих задачи, намечаемые в том или ином порядке, не были точно юридически обоснованы и соответственным образом регламентированы в положении о ВНО РККА и Флота.

Старое положение, по которому и доныне осуществляет свою деятельность ВНО, значительно устарело и не соответствует сложившимся в процессе развития формам ВНО. Поэтому, говоря о ВНО в центре, мы будем указывать на те его организационные формы, которые фактически существуют, хотя бы и вне какого-либо законодательного установления.

Идейным руководящим органом ВНО, направляющим его деятельность, является Президиум, выделяемый из состава Правления, которое в свою очередь ежегодно избирается на общем собрании членов ВНО.

В отношении внутренней работы в стенах Академии работа его проводилась в контакте с ЦБ ячеек РКП, а в отношении внешней работы по руководству местными отделениями ВНО—с ПУР'ом РВСР (схема № 1).

Практически область ведения Президиума определилась так: осуществление всех мероприятий, связанных с текущей деятель-

ностью ВНО; принятие тех или иных решений в области военно-научной работы как в центре, так и для проведения на местах; сношение с высшими центральными командными и политическими органами РККА по вопросам, требующим установления известного единого принципиального мнения, а также и представительство во всех тех государственных центральных учреждениях, где по выяснившейся необходимости требовалось участие работников ВНО.

Схема внутренней организации ВНО

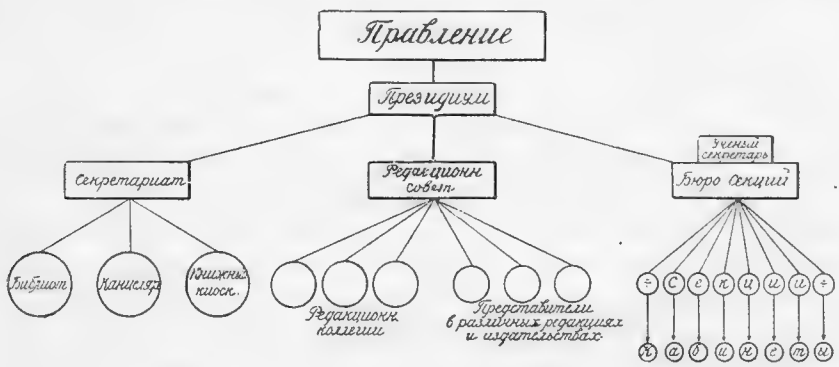


Схема № 1.

В порядке несения административных обязанностей за Президиумом установилось право выбирать для замещения вакансий всех должностных лиц, включая ученого и ответственного секретарей, членов Редакционного Совета, ответственных секретарей секций и проч.

Ближайшей очередной задаче является, учтя и всемерно взвесив опыт прошлого, внести необходимые коррективы в работу Президиума путем устранения организационных недочетов, выявившихся в течение последнего периода.

Общая деятельность Президиума, осуществлявшаяся на основе полномочий Правления, проводилась при непосредственном участии ученого и ответственного секретарей.

На обязанности ученого секретаря лежало осуществление мероприятий, на основании полномочий и под наблюдением Президиума, обеспечивающих планомерность ученой работы секций ВНО. С этой же целью в помощь ученому секретарю с началом текущего учебного года было создано Бюро секций, которое, кстати сказать, как теперь выяснилось, не отвечало особой жиз-

ненной необходимости и в настоящее время работа в секциях производится через непосредственный контакт с соответственными секретарями, путем обмена мнений и установления единых взглядов на общих собраниях секретарей секций. Не получила достаточно полного осуществления и идея создания лекторского бюро, целью коего, как предполагалось, должно было явиться согласованное и планомерное разрешение вопросов, связанных с постановкою докладов, устройством дискуссий, лекций и т. п.

На ученом секретаре, кроме того, лежала обязанность выполнения отдельных работ научного характера, по поручению Президиума, разработка программ и докладов, инструктирование местных отделений и вообще—общее согласование научной деятельности ВНО.

Президиумом и ученым секретарем закончено ныне положение, составленное по тезисам, принятым на недавнем Всесоюзном с'езде политработников РККА и Флота. Оно преследует цель—дать, в конце концов, юридическое оформление необычайно разросшемуся военно-научному движению, придав ему строго определенные организационные формы, установив между всеми военно-научными организациями правильные и ясные взаимоотношения.

Принятием этого положения в Р.В.С.Р. будет закончено организационное оформление военно-научного движения.

В связи с переходом Академии на новый метод преподавания — лабораторный и семинарский — в этом году чрезвычайно интенсивно развивается работа секций. Особенно энергично в настоящее время работают секции: пехотная, артиллерийская, кавалерийская, воздухфлота и по изучению иностранных армий.

Успешной работе секций чрезвычайно благоприятствует создание в этом году научных кабинетов, возглавляемых профессурой с помощниками из членов ВНО. Таким образом, вопросы, теоретически разрабатываемые секциями, до известной степени могут практически иллюстрироваться в кабинетах, путем экспериментов и показных занятий. Вместе с тем, кабинеты являются наиболее совершенной смычкой между учебной работой Академии и самодеятельной научной работой во ВНО.

Финансовая и административно-организационная деятельность ВНО осуществлялась под непосредственным руководством ответственного секретаря и канцелярии ВНО, имеющей соответственный штат технических работников.

Библиотека ВНО насчитывает в настоящее время около $1^1/_2$ тысячи названий современной наиболее ценной военно-научной и политической литературы. В ближайшем будущем предпо-

ложено путем закупок значительно увеличить как военную, так и политическую литературу.

В течение истекшего года библиотека неоднократно производила снабжение литературой в пределах возможности и выяснявшейся необходимости местные отделения и кружки ВНО.

В настоящее время, для удобства пользования и более планомерного учета имеющейся литературы, она перешла на карточную систему.

Что касается киоска, недавно вновь организованного, то им заключен ряд договоров с ВВРС'ом и рядом других издательств о кредитном отпуске литературы с последующей оплатой при скидке до 30%.

Это обеспечивает его постоянным поступлением новой литературы, давая возможность по минимальным ценам снабжать таковой слушателям Академии.

Наиболее важная часть работы ВНО—редакционно-издательская деятельность осуществлялась посредством Редакционного Совета, в область ведения коего входило: направление всей редакционно-издательской работы ВНО в отношении постановки отдельным редакциям определенных задач, наблюдение за точным и своевременным исполнением договорных обязательств, заключаемых от имени Президиума ВНО, составление Редакционных Коллегий и программ, в случае какого-либо издания, редактирование, составление и подготовка к печати трудов, установление связи с военными и другими издательствами в целях информации и взаимного необходимого обмена материалами.

В настоящее время Редсоветом издается „Сборник Трудов ВНО", проводится реорганизация, согласно полученных директив, „Военного Зарубежника", производится подготовка материала и принимаются меры к ускорению выхода брошюр „Библиотеки Красноармейца", подготовляется ко второму изданию сборник „Иностранных армий". Закончены работы и скоро выйдут „Справочники" по артиллерии и воздухфлоту. Редсовет имеет своих представителей в редакциях и издательствах: „Техника и Снабжение Красной Армии", „Молодая Гвардия" и друг.

ВНО на местах.

Процесс роста и оформления военно-научного движения на местах происходил чрезвычайно сложными путями.

В одних административно-военных подразделениях этот процесс развивался, охватывая сначала мелкие строевые части, за-

тем перекидывался на более крупные и в конце-концов замыкался в окружном отделении ВНО. (В понятие Округа мы включаем армии, фронты и краевые военкоматы).

В других, наоборот — этот процесс происходил путем возникновения ОВНО при каком-либо учреждении окружного масштаба, а затем, постепенно распространяясь по периферии, захватывал все более и более мелкие подразделения, пока не достигал полков или равнозначащих им частей.

В большинстве же случаев, этот процесс происходил путем одновременного развития сверху и снизу и только после своего завершения он отливался в более или менее определенные организационные формы.

Роль ВНО при Военной Академии в период этого стихийного брожения военно-научного движения сводилась к всемерному поддержанию всякой возникавшей военно-научной организации, вне зависимости от ее квалификации. По мере же постепенного оформления военно-научного движения на местах, производилось его постепенное выравнивание путем установления связи в порядке обмена мнений с внесением руководящих начал на основе научной авторитетности.

Любителям устойчивых схем со взаимоотношениями, построенными на подчинении в приказном порядке, может показаться странным и нецелесообразным подобное взращивание военно-научного движения. Между тем, действительность наглядно показала, что только таким путем и можно было развить и упрочить военно-научное движение до настоящих его размеров.

Однотипность организационных форм ВНО на местах не могла быть достигнута, не только в силу различных местных условий, но и благодаря неравномерному размещению научных сил по территории СССР (не говоря уже о том, что движение, основанное на самодеятельности, не могло и вырасти иначе, как с допущением известной свободы в выборе организационных форм).

Важнейшими стремлениями при выравнивании организационных форм ВНО на местах были: сохранение известной преемственности в работе военно-научных организаций, на основе деловых и вместе с тем автономных взаимоотношений, с обеспечением необходимого влияния командования и политических учреждений в соответствии со служебными и политическими требованиями.

Вообще, к настоящему моменту определились 4 основных типа организации ВНО на местах:

1) Кружки полкового масштаба, работающие непосредственно при клубах с сохранением известной внутренней автономности и соприкасающиеся с красноармейской массой посредством кружков военных знаний, осуществленных в порядке приказа ПУР'а.

2) Центральные кружки при дивизиях и равнозначащих частях.

3) Отделения при Штабах корпусов или Отделения гарнизонного масштаба, об'единяющие научную работу всех частей, школ и учреждений гарнизона и губернские отделения ВНО.

4) Отделения окружного масштаба при соответственных штабах и отделениях при Академиях, Высших школах и Центральных учреждениях.

По горизонтали все эти организации об'единяются в Окружные Отделения ВНО; часто помимо этого они об'единяется и по вертикали по линии специальности. Нужно констатировать, наконец, и факты чисто сепаратного существования некоторых организаций.

Целесообразность систем первого и второго порядка оспаривать не приходится, в отношении же третьего остается недоумевать, в результате каких соображений считается целесообразным такое изолированное существование.

Президиум ВНО, считая в общем и целом процесс развития военно-научного движения на местах завершенным, поставил себе целью с августа текущего года провести ряд мероприятий, направленных к упорядочению военно-научного движения и введению его в определенное русло.

С этой целью было предпринято изучение и систематизация материала, дающего возможность точно и определенно выяснить организационные формы ВНО на местах. Вместе с тем, была выработана и разослана всем известным ВНО организациям „Всесоюзная анкета для военно-научных организаций РККА и Флота", с целью собрать на этот предмет возможно полный информационный материал.

В результате всего этого, несмотря на то, что не все запрошенные организации (даже ОВНО) ответили на анкету, удалось путем обработки материала, имевшегося во ВНО, частично путем добывания такового из тех или других местных руководящих печатных органов, выяснить в достаточной степени детально и полно организационную структуру ВНО на местах во всем многообразии существующих форм его.

Завершением всех этих мероприятий и работ является „Положение о ВНО РККА и флота", долженствующее в скором

времени в порядке приказа РВСР получить свое практическое осуществление.

Положение по нашему мнению, придаст необходимую ясность и стройность организационным формам ВНО на местах, устранив необходимость со стороны ВНО руководить работой нескольких сот отделений, связь с коими в этих условиях неизбежно принимала эпизодический характер.

На примере Кавказской Краснознаменной армии, по отчетам, присланным Армейским Клубом Военных Знаний, мы иллюстрируем фактически существующую организационную систему работы военно-научных организаций на местах (схема № 2) и предполагаемую меру к упорядочению и руководству военно-научными организациями (схема № 3).

(По схемам видно, что в Закавказьи совершенно нет вышеупомянутых военно-научных организаций третьего типа).

Мы считаем необходимым подчеркнуть наиболее характерные разновидности организационных об'единений Военно-Научных Организаций в пределах того или иного округа, указывая одновременно на причины, которые, по нашему мнению, послужили в своей основе к созданию этого разнообразия организационных форм ВНО на местах.

Прежде всего, мы хотели бы указать на Петроградский Военный Округ, как на крупнейший центр сосредоточения военно-научных сил.

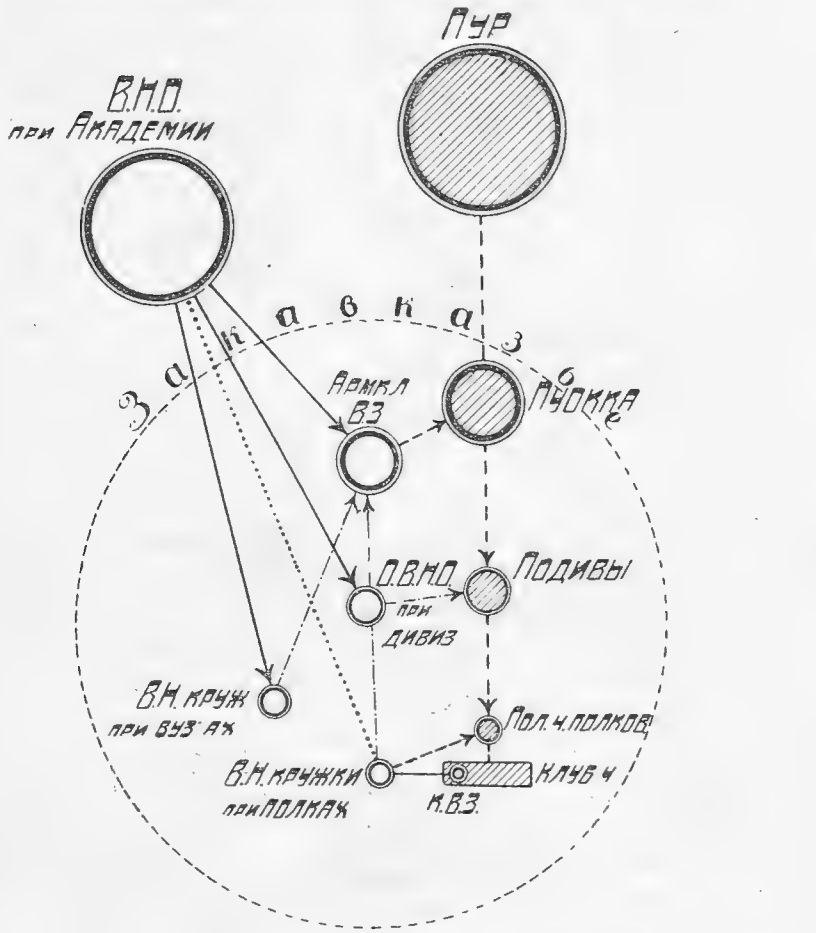
Об'единение всех существующих в Петроградском Военном Округе отделений ВНО достигается в лице Правления Петроградского Окружного Об'единения ОВНО. Таким образом, главенство в округе в отношении военно-научной работы принадлежит органу, созданному совместным представительством целого ряда военно-научных организаций.

Округ, имеющий на своей территории таких сильных представителей военно-научной мысли, как Академии: Артиллерийская, Военно-инженерная, Военно-хозяйственная, Военно-электротехническая и Морская и ряд других весьма значительных отделений строевых частей, не мог создать никакого иного органа для об'единения научных усилий всех своих организаций как только существующего.

Вместе с тем ВНО при Военной Академии стоит перед необходимостью и впредь поддерживать самую живую связь с отделениями при названных Академиях, так как задачи и цели рассматриваемого об'единения по существу сводятся к административно-организационому руководству.

Характерной особенностью Московского Военного Округа является то, что все его военно-научные организации об'едия-

Фактически существующая организационная система.

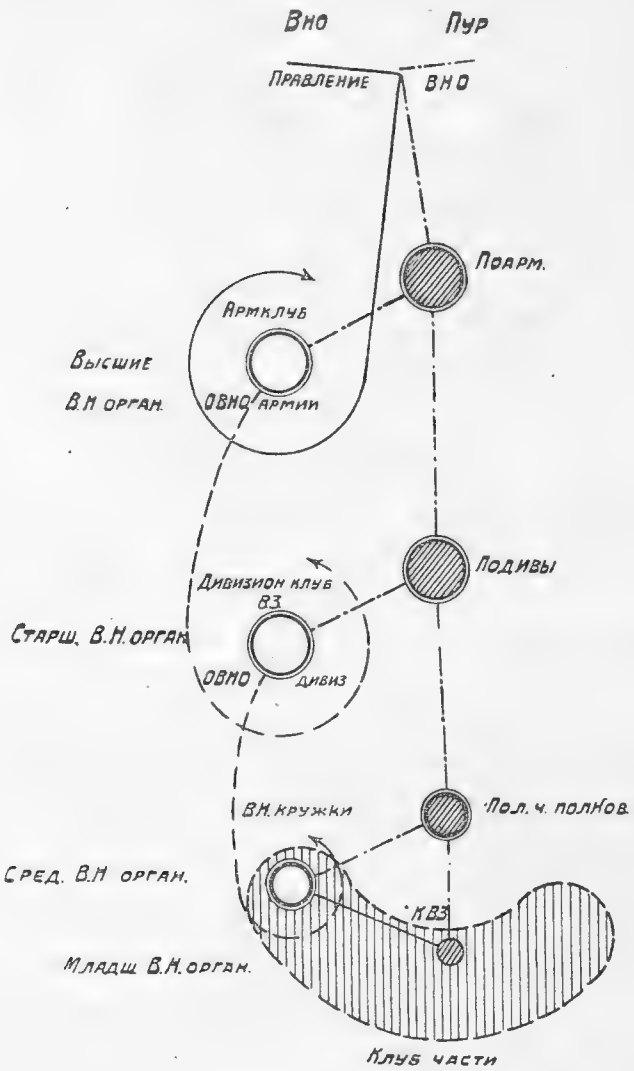


_____ Непосред. руководство со стор В.Н.О.
_ _ _ _ _ _ _ _ _ _ Непосред. идейное руководство по политич. линии.
..... Эпизодич. руководство со стор В.Н.О
_ . _ . _ . _ . _ Информацион. связь необязательн. характера.

Схема № 2.

ются непосредственно ВНО при Военной Академии. Это об'ясняется, с одной стороны, причинами аналогичными, имеющимися в ПВО, благодаря наличию Академии Воздухфлота и Военно-

Предполагаемая мера к упорядочению руководства Военно-Научных организаций.



———— Непосред. руководство по линии ВНО и со стор ВНО.

— — — — — — Руководство местами со стор. Окр ВНО и ВНО див.

———·———·———— Непосредств. руководство пол. ч. и обязательн. связь

Схема № 3.

Академических курсов старшего комсостава РККА, и ряда отделений при Высших Школах и Центральных учреждениях РККА, с другой стороны, тем, что ВНО при Военной Академии с первых же дней своего существования стало распространять свое влияние на всю Красную армию.

Что касается ВНО при ВАК'е, то его взаимоотношение с ВНО при Военной Академии складывались под знаком сотрудничества, однако, особо тесной связи достигнуто не было. В отношении возможной об'единяющей роли ВНО ВАК'а в том или ином масштабе трудно что-либо сказать, ибо в анкете такового, присланной во ВНО Академии коротко значится: „Военно-Научное Общество ВАК на об'единение и возглавление каких бы то ни было военно-научных организаций не пошло". Роль ВНО при Академии в отношении ВКА'а ограничилась, таким образом, лишь кредитованием.

В будущем может быть признано целесообразным создание в пределах Московского Военного Округа какой-либо об'единяющей организации по примеру Петроградского Окружного об'единения.

Совершенно своеобразной формой существования ОВНО Окружного масштаба является нахождение их при клубах, непосредственно подведомственных ПУР'у; здесь достигнуто удивительно эластическое и весьма полезное автономное сотрудничество обоих учреждений.

Наиболее полного организационного соединения в этом отношении достиг Армейский Клуб Военных Знаний К. К. А., образовавшийся из слияния ОВНО с клубом спорта и военной пропаганды. Менее определенно это выявлено в отношении УКРВНО и Дома Красной армии и совершенно для нас осталось неустановленным, какова внутренняя сущность в этом отношении Центрального Военно-научного Клуба Запфронта [1]).

Вопросы наименования не играют, конечно, никакой роли и однообразная терминология является лишь формальным моментом и поэтому такое сосуществование ОВНО с клубами по нашему мнению вполне допустимо и таковое везде неизбежно будет, где общественно-политическая сторона военно-научного движения получит одно из превалирующих значений.

Мы полагаем, что и этого сравнительно беглого обзора достаточно для того, чтобы иметь более или менее полное и цель-

[1]) *От редакции.* К сожалению, по независящим от автора причинам не могла быть помещена цифровая сводка сведений об ОВНО окружного масштаба с необходимым цифровым материалом. Это позволило бы более полно и подробно выяснить современное состояние ВНО на местах.

ное представление о размерах современного военно-научного движения на местах.

Таким образом, ВНО в центре и на местах располагает значительно развитою сетью военно-научных организаций, пропитывающих всю толщу армии от красноармейских—первичных—ячеек до высшего своего завершения: Военной Академии РККА.

Самодеятельность ВНОвской работы стала всеобъемлющей практической школой Красной армии, мощным фактором внедрения в нее военно-научных знаний.

„...Секрет здесь далеко не только в большом желании, воле и энергии инициативной группы слушателей Академии, а в том, что эта группа, попавшая в стены высшего военно-учебного заведения из рядов Красной армии, отражала настроения и желания большинства комсостава (мы хотели бы сказать просто Красной армии). Заслуга инициаторов ВНО заключается только в том, что они сумели претворить желания большинства в жизнь, создать организационные формы и направить бьющую энергию красных командиров по определенному руслу“ (Военный Работник изд. Шт. ПРИВО № 6—1923 года „Картинка из жизни ВНО“).

Желание армейской массы проведено в жизнь. Организационные формы Военно-Научного Общества созданы: привлечены многочисленные кадры работников, крепко привязанных к ВНОвской работе.

Эта работа за истекший период военно-научного движения проходила в плоскости своего организационного развития, доминирующим же фактором в собственно военно-научной работе была ее учебно-образовательная сторона.

Общественно-политическая и научно-исследовательная стороны еще не получили необходимого напряжения и развития, но современное состояние военно-научного движения и характеризуется тем, что оно вплотную подошло к положительному решению этих вопросов.

Отсюда выявляется необходимость для ВНО усилить свой контакт с команд., ПУР'ом и Всевобучем, усилить процесс „перевода военной науки на рельсы марксистской революционной идеологии“, постоянно памятуя, что современная военно-научная мысль должна быть направлена на разрешение практических вопросов, в настоящее время необходимых для Красной армии и Республики.

Мы выражаем твердую уверенность, что военно-научное движение Красной армии сумеет в лице ВНО и всех его подразделений разрешить все стоящие перед ним вопросы. За это гово-

рит и непрерывная динамичность военно-научного движения и его непрерывное обрастание все большими и большими кадрами военно-научных работников.

К. Калиновский.

Редакционно-издательская деятельность ВНО.

I.

Редакционно-издательская деятельность ВНО возникла почти одновременно с основанием Общества; однако, первые работы вышли в свет только во 2-й половине 1921 года. Причиной задержки было полное отсутствие средств на издание трудов. Первый год существования ВНО абсолютно не имело ни копейки не только на издательство, но даже на оплату докладчиков; на втором году оно добилось незначительных канцелярских штатов, облюбовало в академических помещениях мансарду—одну необычайно длинную и узкую комнату,—где в довольно художественном беспорядке разместило свой „апарат": машинистку, делопроизводителя, ответственного секретаря ВНО, членов Правления, редакции различных предполагавшихся изданий, и курьера, оставшегося, между прочим, и доныне верным своему посту. Комната ВНО была нечто вроде военно-научного клуба, где с утра до вечера, под треск машинки, шли нескончаемые споры на самые смелые, злободневные темы того времени: о перспективах гражданской войны, о реорганизации армии, роли генштаба, об академической схоластике, рейдах конных масс, живых и мертвящих центрах революции... Здесь рождались новые мысли, кипучие мысли, бурные, как сама революция, не всегда ровные, со скачками в далекое будущее, как сама революция; искали более широкой трибуны, большей аудитории. Уже накоплялись литературные работы, ценные доклады о свежих только что законченных операциях гражданской войны. В таких условиях родилась мысль о собственном журнале „Красная Армия".

Однако, первым изданием ВНО надо считать „Сборник" к двухлетию Академии, изданный на средства последней и, хотя не носящий имени ВНО, но на $^3/_4$ посвященный последнему и целиком составленный слушателями-вновцами. Странно, но ни одно профессорское имя не украшает этого все же официального „Сборника"... Сборник давно забыт. Но найти в другом месте такую свежесть революционной мысли, закаленной в боях уве-

ренности в победе и на этом поле, найти такую четкую постановку задач красного военспеца, я затрудняюсь.

„Военно-Научное Общество, — писал в этом „Сборнике“ тов. Трифонов,—состоит из людей, вышедших из глубины социалистической армии; таким образом, живые идеи, новые способы борьбы... будут непосредственно передаваться по всем направлениям Красной армии. Круг работ ВНО должен охватить все командные курсы, разбросанные по всей Республике, об'единить их единством мысли... Революция сильна инициативой, самодеятельностью, коллективным творчеством, выявлением огромных, неиспользованных сил, лежащих под спудом... Это будет трудная и требующая огромного напряжения работа. Но мы, воодушевляемые великим стремлением трудящихся достигнуть нового мира, самоотверженной гибелью за эту цель десятков тысяч рабочих и крестьян, отдавших свою жизнь на полях гражданской войны за освобождение человечества от вековых страданий,—мы беремся за эту работу и выполним ее так, как позволяет это наше разумение“... (курсив мой, И. К.).

Хорошо ли, дурно ли выполняло ВНО свою работу—это не наша задача; но что оно остается верным своим задачам и не скользит по извилистому фарватеру, что самостоятельность мысли, активизм и вера в новую социалистическую общественность остаются его платформой, это не подлежит сомнению.

II.

Первый номер „Красной Армии“ (Вестник ВНО), этого первого основного оффициального органа ВНО, вышел небольшой книжкой в 4 печат. листа в июле месяце 1921 года. Неизвестно по каким соображениям Отдел Военной Литературы при Р.В.С.Р. весьма туг был на разрешение увеличивать формат журнала более 2-х печат. листов в месяц. Это сразу же поставило ВНО и редакцию в весьма тяжелое положение, так как пришлось первоначальную довольно широкою программу журнала сузить до простой информации, хроники ВНОвской жизни, общей постановки вопросов, без разработки, углубления и соответствующего научным работам масштаба. Это положило первую и довольно долго неизживаемую густую тень в отношениях ВНО и впоследствии ВВРС.

На первой же странице журнал ставил себе четкие задачи: „впереди лежит эпоха новых схваток между пролетариатом и его классовыми врагами... Красная армия—основной кадр вооружен-

ных сил революции... Поэтому изучение боевого и организационного опыта Красной армии... нужно не только для нас самих, но и для западно-европейского пролетариата. В крестьянской стране нужно внимательное изучение социальных изменений внутри Красной армии.., в которой рабочий костяк из-за отлива коммунистических рабочих элементов сделался тоньше... Воспитание, обучение и подготовка красных бойцов и комсостава—

основная предпосылка крепости и боеспособной устойчивости Красной армии... Учет опыта Красной армии, систематизация особенностей военного искусства в условиях классовой борьбы на базе теории революционного марксизма является единственно верным путем к разрешению поставленных задач.

Такая платформа, на какую стал журнал ВНО, еще не была известна в истории военно-научной мысли... В нашей Республике еще ни один журнал не ставил себе подобных задач. Это была, действительно, революционная дерзость, на которую способна только Революция. Булыжник, брошенный с размаху в тихие

заводи военной науки, как и следовало ожидать, сразу же нарушил это кажущееся благодушие, мир и тишину, переведя все эти добродетели на положение перманентного сражения за основы, принципы и проблемы военно-научного знания. Отсюда—и знаменитая „доктрина“ и „что такое военное дело?“ и прочие военно-научные водовороты, в которых с перепугу тонули даже такие солидные редакции, как „Военная Наука и Революция“, взявшая после таких встрясок под подозрение „науку“ и благовидно заменив сие крамольное слово скромной „мыслью“...

„Красной Армии“ это обошлось дешевле; наоборот, необычайно расширился круг читателей, посыпались запросы, корреспонденции из армии, увеличился тираж, увеличилось количество друзей и еще более выросло число врагов.

Во главе журнала стояла вначале Редакционная Коллегия в составе т.т. Саблина, Жигура, Мищенко; состав последней часто менялся; впоследствии входили в коллегию т. т. Белицкий, Казаков, Подшивалов, Подгорецкий и др. Ответственным редактором вначале был тов. Саблин; с 10-го номера пишущий эти строки. Но работа Редакции всегда носила коллективный характер и на ответственного редактора падала скорее техническая работа.

Сотрудниками с начала и до конца на 99% был красный комсостав, преимущественно слушатели Академии, за исключением неизменно поддерживавшего статьями и советами и материальной помощью тов. Виленского-Сибирякова, Л. Клюева и проф. В. Ф. Новицкого. Последний, как видно из протоколов ВНО и отчасти его статей, неизменно сочувствовал военно-научным стремлениям слушательской массы, чем и заслужил искреннее и прочное уважение.

Журнал должен был быть двухнедельником; этим и об'ясняется его парная нумерация, так как фактически журнал выходил в начале 1 раз в месяц.

Выход в свет первых книжек журнала показал, однако, что практически—прикладная сторона содержания чрезвычайно хромает, что публицистика, которая и так наводняла журналы и вообще литературу того времени, занимает непропорционально много места, что программу надо приблизить к практическим потребностям армии, отказаться совершенно от литературной перебранки, общих мест, взять курс на рядового массового командира. Однако, провести эту программу оказалось чрезвычайно трудным: не хватало навыков, глубины проработки. Вот почему к концу 21 года ВНО усилило работу на другом фронте—по линии докладов и работы секций, с целью путем коллективной проверки

Таблица № 1.

Содержание №№ журнала „КРАСНАЯ АРМИЯ".

№№ журнала. / Классификация статей.	а Обращ. ВНО.	б Воен.-полит.	в Акад. жизнь.	г Воен. образ.	д Орган. управл. и снаб. Красн. Армии.	е Организ. Армии.	ж Обуч. и воспит. Красн. Армии.	з Опер. и истор. Красн. Армии.	и Жизнь (быт) Красной Армии.	к Воен. Искусств.	л Тактика.	м Воен. техника.	н Вопросы НОТ.	о Методология.	п Иностр. армии.	р Статьи и отзывы об иностр. книгах и журналах.	с Тоже о русских изданиях.	т Хроника ВНО.	у Разные (от редакц., политич. и др.).	ф Страниц в №.	Примечания.
1—2	3	1	—	—	4	1	—	1	1	1	—	1	1	—	3	1	15	10	2	68	1) 9 номеров вышли в 1921 г.; остальные в 1922 г.
3—4	1	—	4	2	2	1	—	1	—	1	—	—	1	—	1	4	23	9	2	64	
5—6	2	1	2	1	3	—	—	3	2	3	1	1	1	—	2	11	12	6	2	95	
7—8	—	2	—	—	—	1	—	2	—	—	1	—	1	—	8	7	8	4	2	80	
9	1	3	—	1	—	—	1	7	—	1	—	—	—	—	—	2	7	6	—	100	
10—11	1	1	—	—	—	—	—	3	2	3	5	—	—	—	3	4	5	8	1	138	
12	1	—	—	—	1	—	1	3	1	1	—	1	—	2	—	4	5	5	3	148	2) Формат журнала 1/8 л.
13	1	—	—	—	1	—	2	3	2	2	3	—	—	—	2	2	—	3	—	98	
14—15	1	1	—	—	1	—	3	6	—	5	3	—	2	—	—	3	5	14	—	168	
16—17	1	—	—	—	1	—	1	1	—	4	6	1	1	3	4	—	7	5	2	207	3) Тираж—от 2 до 8 тысяч.
18—19	1	5	—	—	—	—	1	4	2	4	2	1	—	—	—	2	3	10	3	224	
Итого: 11	13	14	6	4	13	3	9	34	10	25	21	5	7	5	23	40	90	80	17	1390	

Всего 11 книг, 1.390 стр. 419 статей.

установить, как правильность постановки вопросов, так и углубление их. Аудитория, доклады и секции ВНО стали методом работы, лабораториями; и в начале 22 года журнал обогатился новыми и уже более практическими статьями.

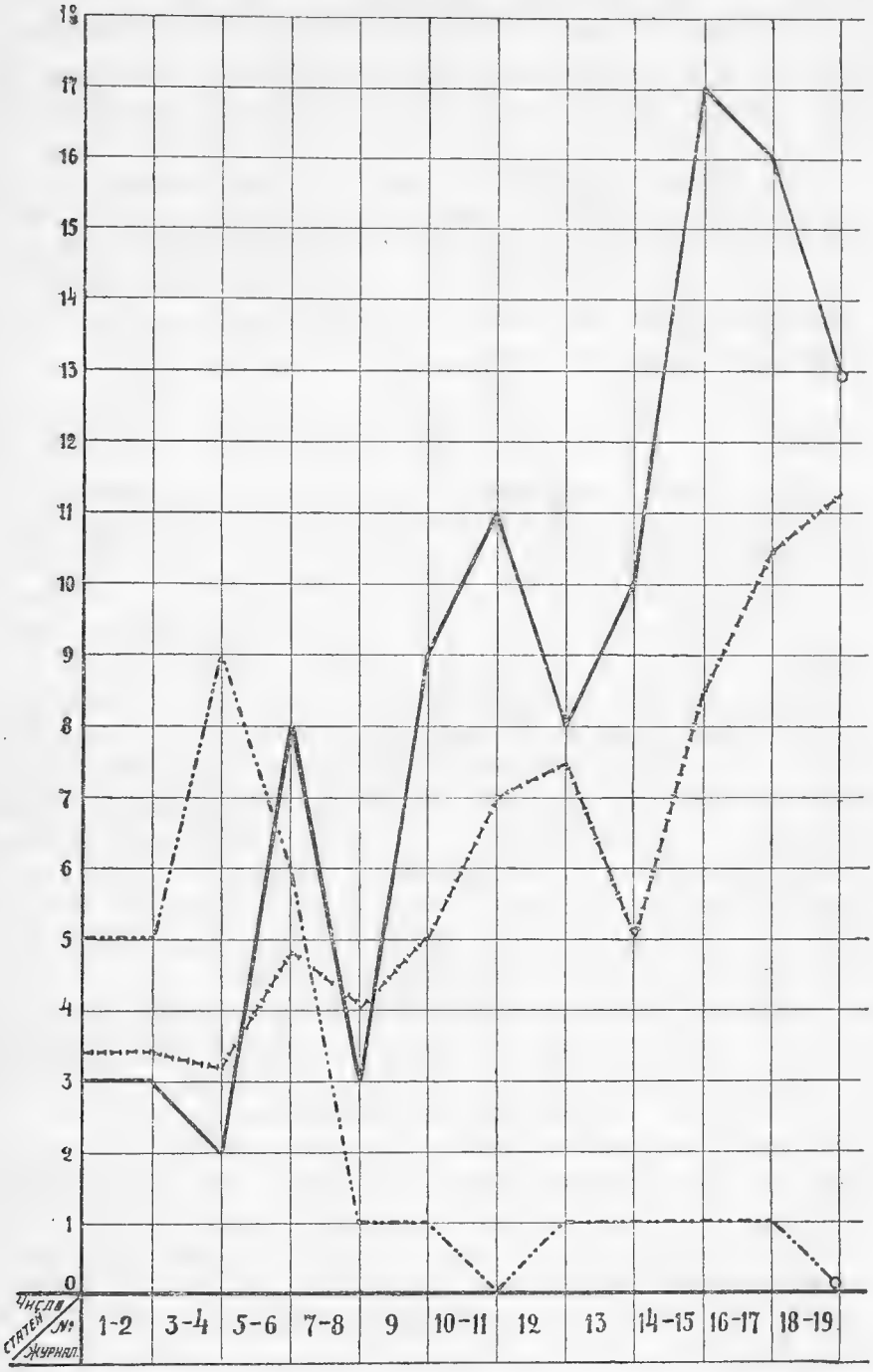
Вышеприведенная таблица № 1 (см. стр. 387), не претендуя на научную классификацию, дает однако представление о росте и тенденциях развития журнала.

Из таблицы явствует крайняя разбросанность содержания первых девяти номеров, отсутствие концентрации внимания, неуменье выделить актуальные вопросы дня. В то время, когда академической жизни, военному образованию, НОТ'у (вопросу не первоочередному в то время), военно-политическим темам уделяется чрезмерное внимание, первоочередные вопросы программы журнала—обучения и подготовки, тактики, военного искусства, методологии и даже операции Красной армии или вовсе не имеют места в журнале, или же допускаются в аптекарской дозе. Продолжение журнала в таком духе грозило обратить его в разряд гувузовских школьных журналов.

Если бы критика того времени, вместо того, чтобы подмигивать в сторону ВНОвской платформы, указала бы „Красной Армии" все эти пробелы, она доказала бы свою зрелость, во-первых, и во-вторых, сделала бы полезное дело. Но... критика стоила журнала.

У ВНО нашлось достаточно мужества, чтобы путем самокритики перевести журнал на новые рельсы. Из таблицы и диаграммы видно, что девятый номер круто меняет направление, сурово концентрируя внимание на первоочередных вопросах тактики, воспитания и обучения, военного искусства, операциях и истории Красной армии, параллельно проверяя свои выводы на иностранных источниках, на опыте иностранных армий, подкрепляя в дальнейшем вопросами достижений техники и общенаучной методологии. Этот курс неуклонно, как видно, проводился во всех последующих номерах, достигнув в последнем и основательности статей по разработке, и величине, и приличного соотношения основных отделов.

Журнал рос и выравнивался на глазах во всех отношениях. Последние номера его получили много лестных отзывов в печати. Мы имели большое количество запросов с мест, недоумевающих по поводу его приостановки. Он становился наиболее практическим военным органом, ближе многих толстых ведомственных ежемесячников подошедшим к военно-научным и практическим запросам армии. Хорошо ли, дурно ли, но он п е р в ы й поставил



Примечание.

линия ——— означает развитие отделов: ж, з, к, л, м и о;

-·- -·-·-·- -·- -·- -·- в, г, д и е;

-·- -·-·-·- -·- рост в печатных листах

вопрос об отделенном командире, как и выдвинул и другой не менее важный в военно-научном смысле вопрос—о методе военных наук.

Мы судим „мертвеца“ потому, что мы убеждены в его воскресении, так как и до сих пор в военной периодической печати его никто еще не заместил. Это вакантное место попрежнему остается за ВНО, за коллективом, составляющим ныне в армейском организме живую действенную сеть нервов-проводников военно-научного знания.

III.

Между тем, перед ВНО стоял еще другой специальный вопрос, о котором много говорилось в печати, но чего-либо основательного, научного еще не появлялось,—это вопрос изучения опыта гражданской войны.

Несмотря на то, что Академия кишела участниками революционной войны, все же трудность задачи значительно превышала наличие опыта научной обработки военно-исторических документов. ВНО не имело методологического опыта. Это была довольно глухая тропа и в дореволюционной военной мысли, которая, как известно, далее анализа операций национальных войн не шагнула. Однако, даже и этот опыт у ВНО отсутствовал. Между тем, классовая война усложняла методологический вопрос до необычайных трудностей. Но и здесь ВНО действовало по революционному: вопрос назрел, задачу решить надо, пути неизвестны,—выбирай кратчайший: садись за работу.

Мероприятия по подготовке материала заняли весь 20 и 21 годы. Это был период процесса методологического накопления ВНО, его первые детские шаги в этом направлении. За это время ВНО предприняло ряд практических мероприятий, по существу пока только подготовительных. В этом деле оно также оказалось без поддержки как профессуры, так и некоторых учреждений.

Военно-историческая комиссия стояла в стороне от этой новой распашки военно-научного поля; ее опыт, приемы работы никогда не сделались бы достоянием новых наследников, если бы последние не повели энергичного штурма на эту уцелевшую твердыню.

Архив Красной армии, помимо того, что в нем недоставало многих документов, представлял склад мертвого груза, ни в малейшей степени не напоминая о своей научной роли.

Кронштадтский мятеж и антоновщина, как последние раскаты минувшей грозы, еще держали в напряжении революционное внимание армии, не позволяя решительного поворота на учебу.

Комиссия по исследованию опыта гражданской войны работала вяло. Среди этого неустоявшегося моря только немногим одиночкам дореволюционной военной мысли хватало энергии для работы и веры в торжество новой общественности. Среди последних особенно выделялся проф. В. Ф. Новицкий, неизменно помогая ВНОвцам в их военно-научных стремлениях.

Создалось много различных органов ВНО по собиранию материала, упорядочению их, „толкачей" по приведению в порядок архивного хаоса; родились отделы—исторический, военного искусства, изучения бандитизма, оперативный, бюро по постановке докладов по операциям Красной армии.

К этому же времени относится и основание диалектического кружка ВНО. Он возник, как результат методологических стремлений ВНО осмыслить военное дело под углом зрения единства науки, установления единого метода в разрешении многочисленных проблем разных разобщенных военно-научных дисциплин Замкнутость военного дела, оторванность от общих успехов научного знания, даже от такой дисциплины, как история экономики, явно ставили преграды на пути развития и исключали возможность понимания эволюции военного искусства. Благодаря кружку и был поставлен на широкое обсуждение вопрос о методе военных наук, долго не сходивший со страниц военной печати.

К концу 21 года ВНО уже имело более 30 разработанных и поставленных в аудитории докладов по истории гражданской войны. Это поистине была самая доподлинная, самая интересная, не конфирмированная кафедра гражданской войны!

ВНО особым „воззванием" обратилось к армии за содействием по собиранию, хранению и присылке материалов. ВНО создало сеть членов-корреспондентов по всей армии и высшим военно-учебным заведениям.

В таких невероятных муках родился „Сборник Трудов ВНО". Это была первая попытка систематического изучения истории гражданской войны.

Однако, этих мероприятий было недостаточно. ВНО разработало до 100 тем по истории гражданской войны, предложив разработку отдельным авторам. Но абсолютное отсутствие средств закрывало всякую возможность разрабатывать их в конкурсном порядке, как это естественно должно было бы быть. ВНО настояло

также перед Академией, чтобы исторические темы дополнительного курса брались бы не из японской, а из гражданской войны. Все это дало свои результаты, правда, далеко непропорционально затраченной энергии.

Прилагаемая таблица № 2 иллюстрирует отчасти основное содержание „Сборников".

Как видно по размеру статей (26 стр. в среднем) надо было ожидать довольно солидных работ. Однако, методологическое младенчество сказалось чрезвычайно сильно. Первые два номера, по существу, представляли сборники академических тем, разработанных под сильным влиянием обычных „введения, изложения и заключения".

ВНО чувствовало тяжесть этой „триединой методологии", но исправить это можно было только исподволь, и оно не стало втупик перед новой задачей. Десятки работ подвергались самой суровой коллективной редакции, обсуждению, новой переработке. Это был труд, оплачиваемый только верой в торжество молодой военно-научной силы. Последние номера достигли значительного улучшения во всех отношениях, и это было не малой и заслуженной наградой. Каждый вновь выходящий номер, несомненно, лучше прежнего—это вернейший признак роста и расцвета.

„Сборники" уже имеют небольшую, но известную традицию; армия знает их; это единственные наиболее полные материалы по гражданской войне. „Сборники"— еще не история гражданской войны; но кто хочет чему-нибудь научиться у нашей революционной армии и кто хочет дать соответствующую ее духу тактику, организацию, кто работает на основе свежего опыта,—без „Сборников" не обойдется, ибо ничего другого, что бы могло заменить их, пока нет.

Редакционная работа падала на колллегию, состоящую вначале из бывших слушателей Академии т.т. Штродаха, Семенова, Нилова; однако, через какой-нибудь месяц состав редакции пришлось увеличить до 7 человек; затем впоследствии во главе редакции был т. С. Белицкий и в последнее время — тов. М. Рыбаков.

IV.

Как всем известно, три года назад военная литература носила значительный отпечаток политической злободневности, что вполне соответствовало требованию момента, но что совершенно не отвечало задачам систематического введения образования командира в углубленное научное русло. Мало того, замыкание

Таблица № 2.

Содержание „Сборников Трудов ВНО".

Содержание / № Сборника.	Обращения ВНО.	Стратегия.	Общие вопросы военного искусства.	Организация армии и управления.	Тактика.	Психология.	Военная история. Гражданской войны.	Военная история. Мировой.	Размер номера в страницах.	Примечание.
I	3	1	1	2	2	1	3	—	245	**Вышло из печати:**
II	—	—	1	—	—	—	5	2	288	в 1921 г. I т.
III	—	—	1	—	—	—	7	1	217	„ 1922 г. II и III т.
IV	—	—	1	—	—	—	6	—	217	„ 1923 г. IV т.
Итого . . .	3	1	4	2	2	1	21	3	967	
Всего . . .	4 книги, 967 стр. 37 статей.									

своего кругозора в рамки собственного опыта могло весьма вредно отозваться на подготовке комсостава неизбежным созданием в таких условиях однобокости учета, узости военно-научного исследования, оторванности от достижений заграничных армий.

Сознавая жгучую потребность периодического ознакомления армии с состоянием военно-научного развития за границей, ознакомления с военной мыслью и жизнью иностранных армий, ВНО в 1921 году решило приступить, рядом с вышеуказанными журналами, к изданию нового журнала ВНО „Военный Зарубежник". Эта мысль была встречена ВВРС без особых препятствий.

Военно-Научному Обществу, как и всем нам, известно, что наш красный комсостав очень нескоро будет знать иностранные языки в такой мере, чтобы можно было ими пользоваться для использования иностранной литературы, да, кстати сказать, и интервенция давала себя чувствовать на доставке литературы из за-границы; за исключением центральных работников рядовой комсостав обрекался в этом смысле на очень длительную голодовку, еще и потому, что расчитывать на переводную литературу не приходилось. Между тем, Академия сравнительно с другими учреждениями была в этом отношении в неизмеримо выгодных условиях: заграничную периодическую и повременную литературу доставать было сравнительно легко, наличие переводчиков из среды преподавателей языкознания также было облегчением, наконец, слушательская масса также имела, хотя и небольшой процент, но все-же знающих тот или иной язык; кроме того многие кое-как уже научились языку и в Академии; все это было учтено, и ВНО настойчиво приступило к осуществлению журнала.

Первый номер журнала вышел в конце 21 года; он представлял собою довольно пеструю смесь переводных, отчасти обработанных статей, рецензий и пересказов по самым различным вопросам военного дела. О системе трудно было думать вначале. Тем не менее последующие номера быстро увеличивались в об'еме, содержание усложнялось и уточнялось, и с 8 или 9 номера „Зарубежник" завоевал приличную известность в армии; правда, главным образом, среди старшего комсостава.

Однако, стало выясняться, что содержание журнала все-же не совсем подогнано к уровню и практическим потребностям рядового среднего командира. Усилия на этом пути привели в нынешнем году к значительной перемене направления в сторону

снижения с общих и довольно отвлеченных проблем заграничной военно-научной мысли на рельсы практических вопросов. Это еще пока не достигнуто, но все же крен в эту сторону заметен.

К сожалению, „Зарубежник“ был обречен почти на 8-ми месячный перерыв; тем не менее, в 18 первых номерах удалось дать следующее (см. прилагаемую таблицу).

Работа в „Зарубежнике“, помимо общего значения изучения иностранных источников, принесла членам ВНО весьма практическую пользу по усвоению иностранных языков, так как для обработки 660 статей требовалось по меньшей мере обследовать и изучить в десять раз больше сырого материала.

Коллективный принцип обработки здесь завоевал себе прочное место. Немало труда по работе в журнале положено было его ответственным редактором проф. Б. О. Доливо-Добровольским, членами Редколлегий и заведующими секциями иностранных армий ВНО т.т. Н. Потаповым, Узданским, Афанасьевым, Кохановским, Шармановым, Сахновским и многими другими.

V.

Так шла редакционно-издательская деятельность

Содержание 18-ти номеров журнала ВНО — „Военный Зарубежник“

Раздел	Характер содержания статей	
Количество NN и томов	NN	18
	томов	10
Военное искусство	Политика и стратегия	21/26
	Тактика	47/13
	Вопросы военного воспитания	7/14
	Организация и мобилизация	18/7
	Вооружение и снабжение	5/1
	Воен.-санитарн. и ветеринарн. дело	2/1
	Военная техника	78/11
	Военная психология	2/2
Военная история	Миров. война 1914-1918 г.	31/128
	Русско-польская война	8/8
	Гражданская война	4/7
	Войны до 1914 г.	0/7
Сведения об иностран. армиях и флотах	Организация и мобилизация	86/0
	Воспитание обучение и уставы	45/4
	Вооруж. и снабж. Военная промышленн. и техника	24/0
	Бюджет	21/0
Военн. география и статистика		25/2
Отзывы иностранцев о Красной армии		0/5
Итого	Статей в тексте	424
	Отзывов о книгах и журнальн. статьях	236
Всего статей и отзывов		660
Число страниц в 1/8 печатн. листа		1374

Примечание: Числитель дроби означает число статей в тексте; знаменатель — отзывов об иностранных книгах и журнальных статьях.

ВНО до конца 1922 года. К началу 23-го года выход журнала „Красная Армия“ приостановился; приостановился и „Зарубежник“. Причиною было то, что ВНО никогда не имело средств для самостоятельного издательства, в силу чего издателем трудов Общества все время был Высший Военный Редакционный Совет; он же, по праву издателя, и распоряжался всеми нашими изданиями. Мы никогда не были уверены в аккуратном распространении наших изданий, а что дело это было не совсем благополучно, в этом теперь сомневаться не приходится. Незначительное количество предоставляемых в наше распоряжение экземпляров каждого нашего издания распространялось нами как среди слушателей, так, главным образом, по всем отделениям и кружкам ВНО в армии. Запросы мест о высылке нашей литературы ставили нас в крайне нелепое положение, так как мы не только не распоряжались распространением, но даже не имели возможности повлиять в этом направлении на ВВРС.

Это создавало довольно угловатые взаимоотношения между нами и ВВРС, связав нас по рукам и ногам. Кроме того, наше зависимое положение изменялось соответственно финансовой устойчивости и настроению самого ВВРС, постоянно грозя свести на нет все наши усилия.

Все это послужило поводом к стремлению создать самостоятельное издательство в особенности, когда 22-й год поставил перед ВВРС, как и перед всеми советскими учреждениями, вопрос о полном переходе на самоокупаемость. Отсюда и возникли неудачные попытки ВНО путем открытия книжного магазина проложить себе дорогу к самостоятельному издательству. Это неудачное предприятие, выходящее за пределы научной работы, отвлекло не мало усилий и энергии у вновских работников. Нам казалось, что ВВРС не справится с переходом на новые рельсы, и поэтому связывать свою судьбу с „тонущим кораблем“ не открывало никаких радужных перспектив. Однако, к общему удовольствию, ВВРС все же справился со своими задачами, точно также, как и нэп со своими: ВВРС после 8-ми месячного перерыва вновь включил нас в издательскую смету, а нэп в более короткий срок проглотил наши „предприятия“.

Эта длительная заминка дала возможность ВНО более тщательно учесть практические требования армии и соответственно приспособить свой аппарат к новым редакционно-издательским задачам.

Если до 23 года эта работа ВНО носила довольно раздробленный характер, не имея ни определенного календарного

плана работ, ни четкого организационного руководства редакционно-издательской работой, то с начала нынешнего года все эти вопросы получили более или менее законченное и довольно стройное разрешение.

Так, в целях руководства всеми редакционными работами ВНО, намечения производственного плана, распределения редакционных заданий и координации работы между многочисленными редколлегиями, был учрежден Редакционный Совет ВНО, в который вошли все члены редколлегий и ученый секретарь; председатель Редсовета выделялся из состава президиума Правления ВНО.

VI.

Редсовет наметил план работ, распределив их между соответствующими органами ВНО, редколлегиями и отдельными лицами. Если до нынешнего года редакционная работа ВНО концентрировалась на периодических органах, то в этом году она получила совершенно новое направление в сторону издания отдельных книг. Характер последних целиком определялся современными практическими требованиями армии; эти требования мало походили на требования минувших лет. Военно-научный рост армии, требование мирных условий подготовки значительно повысили потребность к качеству книги, к ее содержанию. „Пулеметчики-молодчаки“ уже не могли удовлетворить не только командира, но и красноармейца.

На эти требования жизни Редсовет ВНО ответил рядом книг как для командира, так и для красноармейца. Прежде всего нужно было дать ряд практических справочников по всем вопросам военного дела, а красноармейцу поднести систематическую библиотеку военных знаний. Такого рода попытки в военной литературе были и прежде, но ни одна из них не достигла успеха.

Первым трудом ВНО в этом направлении была книга „Иностранные армии“; мы стремились сведения об иностранных армиях сделать достоянием не только узкого круга высшего комсостава, но и всей армии; мы хотели дать в руки командира и на полку полковой библиотеки книгу, которая раскрыла бы перед армией стремления империалистических стран к бешеному вооружению своих армий, к насыщению их могуществом современной военной техники. Над книгой работало до 30-ти человек; размер ее более 30-ти печатных листов; содержание—судить не нам, но лестный для нас рекомендательный приказ Главкома

свидетельствует, что наши труды были не напрасны; прошел месяц после издания, а уже пришлось приступить к подготовке 2-го издания этой книги.

Значение артиллерии по всем данным в будущих войнах будет значительно превосходить то внимание, которое уделяется в нынешней литературе этому роду войск. Чтобы раскрыть командиру не артиллеристу вероятную роль и значение артиллерии на современных полях сражения, ВНО составило „Сборник по артиллерии“. Однако, артиллериста эта книга не удовлетворит; поэтому ВНО поручило артсекции издание артиллерийского журнала. 3-й номер „Красной Артиллерии“ уже вышел из печати; дальнейшее продолжение несколько затормозилось переговорами с ГАУ, которое решило, правда, задним числом взяться за дело, о котором следовало бы подумать года на два раньше.

Развитие вооруженных сил вероятных противников и перспективы воздушной войны поставили перед ВНО вопрос об издании „Справочника по воздухфлоту“ также для комсостава других родов войск. Справочник, в 15 печатных листов, на-днях выходит из печати.

В отношении конницы, сыгравшей такую огромную роль в гражданской войне, наша литература необычайно бедна. Франция, сведшая конницу почти на нет, имеет кавалерийский журнал, тогда как наша страна с огромными конскими запасами и чудовищными фронтами до сих пор не уделяла должного внимания развитию кавалерийской мысли. ВНО пыталось создать журнал, но те же финансовые причины привели к возможности издавать только — „Сборник трудов — Красная Конница“, первый номер которого уже вышел из печати.

Не менее бедна и библиотека нашего пехотного командира в отношении практически-прикладной тактики.

Западные армии при наличии могущественной техники и других материальных благоприятных условий, несомненно, ушли дальше, создав в этом отношении ряд весьма практических книг по тактике. ВНО пересмотрело их и остановило свой выбор на трех работах:

Хёфль—„Новые тактические задачи“;

Франциус—„20 тактических задач“ и

„Ofene Worte“ (издат-во)—9 тактических задач.

В этих работах, уже переведенных, обработанных, дополненных и на-днях выходящих из печати, командир найдет прикладную тактику от звена до отряда в составе полка пехоты, артиллерии, конницы и технических команд. Цель этих „задач“—

пробудить самостоятельность тактической мысли в условиях современных нам вооруженных сил западно-европейских армий, ознакомить их с применением техники, научить отдаче приказаний, связи, управлению, а также методам противодействия технике машинизированных армий.

Еще большая бедность военной библиотеки красноармейца, условия краткосрочной службы, необходимость пропаганды военных знаний в толще трудовых масс, частичный территориальный принцип, необходимость поставить допризывника в наилучшие условия быстрого усвоения военных знаний,—все это побудило ВНО к составлению систематической, научно-популярной серии книг „Библиотеки Красноармейца“; она насчитывает до 40 книг военного знания. Редсовет ВНО стремился как содержанием, так и внешним видом заинтересовать красноармейца к наиболее легкому усвоению знания полевого устава и всех видов войсковой службы. ВНО привлекло для этой работы до 70 авторов, непосредственно перенесших опыт войны и теоретической подготовки. (См. таблицу № 3, стр. 400).

Вот в кратких чертах редакционно-издательская деятельность ВНО в центре[1]). Однако, не имея возможности подробнее осветить эту деятельность ВНО в армейском масштабе, что несомненно представляет большой интерес и заслуживает отдельной темы, надо сказать, что ВНО принимало и принимает сейчас участие в различных периодических изданиях делегированием отдельных членов в соответствующие редакции (напр. в редакцию—„Молодой Гвардии“, журнала М. В. О.—„Учеба“, в „Техника и Снабжение“ и мног. друг.) или путем отсылки статей в другие многочисленные ВНОвские издания на периферии (напр. „Армия и Революция“, в которой член редколлегии—член правления ВНО, „Война и Революция“, „Красный Работник Туркестана“ и др.), а также в гражданских периодических изданиях.

Не входит в настоящую статью и вопрос о производственном плане текущего дня; упомяну лишь о составлении ВНО многочисленных библиографических указателей по отдельным

---

[1]) Между прочим, иностранная литература, судя по появляющимся все чаще заметкам, весьма внимательно следит за журналами ВНО и вообще за развитием нашей военно-научной жизни. Стремление основать сеть военно-научных кружков в армии особенно резко проявилось у поляков; однако из устава их Общества видно, что это не более, как офицерское „Казино“. Попытки к изданию своих работ доселе у польского „ВНО“ кончались неудачей.

Таблица № 3.

ИЗДАНИЯ ВНО ПО ГОДАМ.

(В книгах и печатных листах).

Названия изданий. / Годы.	В печатных листах.												Итого в печатных листах.	Общее количество книг.
	„Красная Армия".	„Сборник трудов".	"Воен. Зарубежник".	„Сб. Красная конница".	„Красная артиллерия".	Справ. по артиллерии.	Справ. по воздухфлоту.	Иностр. армии.	Хёфль.	Французс.	Offene Worte.	„Библиотека Красноармейца".		
1921	25	15	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40	11
1922	62	31	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	164	28
1923	—	14	48	8	7	15	15	33	11	4	3	50	208	44
Итого	87	60	123	8	7	15	15	33	11	4	3	50	416	83

научным дисциплинам, по гражданской войне (эта работа частично выполнена в 22 году), по иностранным армиям, что является насущнейшей потребностью образованного к-ра, ибо разобраться в военно-литературном потоке, а тем более непосредственно освоить его—задача по многим причинам весьма трудная; составление иностранных „толмачей“ также входит в нынешнюю работу ВНО.

Велик ли удельный вес всех этих работ среди многочисленной военной литературы,—судить не нам; время покажет, что окажется наиболее жизненным, соответствующим запросам армии.

Труды вышли на 95% из рук красного комсостава, окуренного дымом гражданской войны, одухотворенного великими задачами и будущей ролью Красной Армии в грядущих классовых битвах, верящего в конечную победу социальной революции, в торжество грандиозных задач нашей эпохи.

Началом, конечной целью и душой всей своей деятельности для ВНО была и будет наша революционная Армия, ее славное прошлое и великое будущее, во имя которого оно живет и работает по мере своих сил и разумения.

И. Клочко.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Начальники Академии.

1. **Климович**, Антоний Карлович.

Род. в 1869 г. Образование получил высшее в Академии Ген. Штаба. Участвовал в мировой войне на различных должностях Ген. Штаба в рядах 3 и 4 армий на Западном фронте. Февральская революция застала его на должности Начальника 6 пех. дивизии. После Октябрьской революции принимал участие в работах войсковых комитетов и Советов на фронте с начала революции по апрель 1918 г., затем занял должность Военрука в Козловском уезди. комиссариате, где работал по формированию частей Красной армии и по отправке их на фронт. Далее получил должность Помощника Начальника Учебного отдела Гувуза и 7 окт. 1918 г. назначен Начальником Академии Ген. Штаба. 23 июля 1919 г. получил назначение Ученого хранителя Музея Красной армии и флота.

Снесарев, Андрей Евгеньевич.

Род. в 1865 г. Образование получил высшее: общее в Московском университете — кандидат чистой математики—и военное в Академии Ген. Штаба. Участник Мировой войны, начав таковую в должности Начальника Штаба кав. дивизии и окончил ее командиром корпуса. Имеет боевые отличия, в числе их Георгиевское оружие, Георгиевские кресты 4 и 3 степени. После Октябрьской революции был военным руководителем Северо-Кавказ. в. окр. и участвовал в гражданской войне, получив в командование Западную (XVI-ю) армию. 24 авг. 1919 г. назначен Начальником Академии Ген. Штаба; сдал Академию 25 июля 1921 г., оставаясь профессором ее и получив назначение главного руководителя Восточного Отдела В. Академии.

Ученые труды его: 1) „Северо-индийский театр". 2 т. Изд. 1903 г. 2) Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе (переведен на иностр. язык). Изд. 1906 г. 3) Восточная Бухара. Изд. 1906 г. 4) Военная география России. Изд. 1910 г. 5) Введение в В. Географию. Изд. 1922 г. 6) Афганистан. Географическо-политический очерк. Изд. 1921 г. Кроме того, много переводных трудов с иностр. яз., главнейшие: 1) Кафиры Гинду-Куша Робертсона, 1906 г. Перев. с англ. 2) О войне будущего Бернгарди, 1921 г. Перев. с немец. 3) Германский устав, Изд. 1923 г. Перев. с немец. 4) Курс общей тактики Кюльмана. Изд. 1923 г. 3 т. Перев. с франц. 5) Верховное командование Фалькенгайна. Перев. с немец. Кроме того, большое количество статей в журн. публичных лекций и т. п.

Тухачевский, Михаил Николаевич.

Родился в 1893 г. Окончил Александровское военное училище. Участник Мировой войны на строевых должностях в гвард. пех. полку. За боевые отличия награжден орденом св. Георгия 4 ст. В конце 15 года попал в плен, делал три попытки бежать из плена и в 1917 г. после Октябрьской революции ему побег удался. Получил назначение комиссара Воен. руков. в Московск. окр. С началом гражданской войны принял командование группы, а затем 5 армии в борьбе с Колчаком. Во время Муравьевскаго восстания был арестован и приговорен к расстрелу, но освобожден советскими войсками. После поражения Колчака был назначен командующим Кавказским фронтом. После поражения Деникина в апреле 20 г. переведен на Западный фронт, которым командовал во время Польской кампании В марте 1921 г. был руководителем подавления восстания в Кронштадте. Летом этого года назначен ликвидировать банды Антонова в Тамбовской губ. 27 авг. 1921 г. назначен Начальником Военной Академии. 27 ноября 1921 г. вновь назначен командующим Западным фронтом и в марте месяце 1922 г. освобожден от должности Начальника Военной Академии. Имеет боевые отличия—орден Красного Знамени и Почетное оружие. Член РКП.

Ученые труды его: 1) Война классов (статьи 1919—1920 г.). Изд. 1921 г. 2) Красная армия и Милиция. Изд. 1921 г. 3) Бой пехоты. Изд. 1923 г. 4) Поход за Вислу. Изд. 1923 г. и др.

Геккер, Анатолий Ильич.

Родился в 1888 г. Образование получил высшее. Имеет аттестат зрелости и окончил курсы I-й очереди Военной Академии в 1917 г. В Февр. революцию избран Председат. Комитета Штаба 33 корп. и командирован делегатом в Петерб. Совет. По возвращении избран Нач. Штаба 33 корп., а затем Нач. Штаба 8 армии и членом Армревкома; командирован в Брест-Литовск для доклада Мирной делегации о положении армии; по возвращении назначен командующим 8 армии, затем последовательно занимал целый ряд должностей в Красн. армии. Командирован для подавления Ярославского восстания, командовал 13, 11 и Отд. Кавказск. армиями; отбыл целый ряд командировок на Кавказский фронт. 24 янв. 1922 г. назначен Заместителем Нач. Военной Академии, а затем 29 марта утвержден в должности Начальника ее. Награжден орденом Красного Знамени Российской Совет. Республики, Азербайджанской и Армении. За самоотверженную работу 1920 г. награжден ценным подарком. 19 апр. 1922 г. назначен Членом Высш. Воен. Редакционного Совета.

Лебедев, Павел Павлович.

Бывш. генерал-майор Генштаба. Родился в 1872 году, окончил Николаевскую Академию Генштаба. Обер-офицер для особых поручений при Штабе 15-го армейского корпуса. Начальник отделения главного управления Генштаба. Начальник отделения главного штаба. Начальник отделения управления кварт. штаба. Командующий армией Юго-Западного фронта. Генерал для поручений при Главнокомандующем армии Юго-Западного фронта. Помощник ген.-кварт. штаба армии Северо-Западного фронта. Генерал-кварт. штаба армии Западного фронта. И. д. начальника штаба 3 армии.

В Красной армии: Начмобупр. Всероглавштаб. Наштаба Востфронта. Начальник Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии с 13 июля 1919 года и Начальник Военной Академии РККА с августа 1922 г. Член Реввоенсовета СССР. Награжден орденом Красного Знамени.

Комиссары Военной Академии.

Козловский, Эмилий Иванович.

Родился в 1881 г. Образование получил среднее. Член РКП с 1904 г. Военный Комиссар по адм.-хозяйственной части В. Академии с 15 октября 1918 г. по 12 июня 1920 г. В настоящее время занимает должность Тамбовского губернского прокурора.

Максимовский, Петр Николаевич.

Род. в 1892 г. Студент Московск. Высш. Техн. училища. Занимал должности во время Гражданск. войны в 8 армии, комиссара Штаба дивизии, управлял делами Революц. совета армии, комиссара штаба армии; В должности Комиссара Академии пробыл с 12 ноября 1920 г. по 5 февраля 1921 г.

Залежский, Владимир Николаевич.

Род. в 1880 г. Образование получил среднее. В партии с 1902 г.; работал во многих организациях и на ответственных постах, исполняя партийные поручения. За принадлежность к Р. С. Д. Р. П. был в административных ссылках в 1903 г. в Архангельской губ., в 1906 г.—в Астраханской губ., в 1913 г.—в Нарымском крае; в 1915 г. предан военному суду в Петрограде и осужден по 102 ст. Освобожден Февральской революцией. В 1917 г. в Финляндии был избран вице-председателем Областного Исполнительнительного Комитета Советов. 25 ноября 1917 г. назначен комиссаром В. Академии по политической части с должности Замнаркомпочтеля. Пробыл на должности по 21 дек. 1919 г.

Пятаков, Юрий Леонидович.

Род. в. 1890 г. Образование получил высшее по естественному факультету. До революции занимался подпольно-политической работой, провел много времени в ссылке и тюрьме. С 17-го года вел крупную партийную советскую работу на Украине. Состоял комиссаром Госбанка. В 1919 г. ушел рядовым пулеметчиком на фронт для принятия личного участии в Гражданской войне. 21 дек. 1919 г. назначен Комиссаром В. Академии по политической части, ушел 6 февр. 20 года на должность председателя Совета трудовой армии на Урале, после был членом Ревсовета 16 армии. Пред. Ц. П. К. П. В 21 г. председ. Главтопа и затем Зампред. Госплана. В 1922 г. был Председ. Трибунала во время процесса с.-рев. и в настоящее время занимает ряд должностей: Зам. Пред. ВСНХ (СССР), Председателя Главн. Концессионного Комитета при Совнаркоме, Члена Центр. Комитета РКП, Члена Президиума ЦИК'а СССР и Члена Исполн. Комитета Коминтерна.

Виленский-Сибиряков, Владимир Дмитриевич.

Род. в 1888 г. Окончил Техническое училище. Работал в качестве рабочего (литейщика) на заводах в течение ряда лет. В 1908 г. арестован за принадлежность к соц.-дем. организации и присужден к каторжным работам. По окончании каторги отбывал ссылку в Якутской области до 1917 г. После Февр. революции был председателем Якутского Совета Раб. Депутатов. Позднее членом Президиума ЦИК Советов Сибири. В 1919 г. был назначен в комиссию при Совнаркоме по сибирским делам и затем уполномоченным РСФСР на Дальнем Востоке. Член ВЦИК'а.

На пост политического комиссара Академии Ген. Штаба РККА был назначен по возвращении с Дальнего Востока 8 октября 1920 года и про-

был в этой должности до сентября 1921 г., когда получил назначение в Чрезвычайную Дипломатическую комиссию по переговорам с Японией и Китаем.

В настоящее время занимает должность ответственного секретаря редакции „Известий ЦИК СССР и ВЦИК". Кроме того, состоит Замстаростой Общества бывш. политических каторжан и ссыльно-поселенцев и редактором журнала „Каторга и ссылка".

Макошин, Константин Алексеевич.

Род. в 1895 году. Образование получил среднее, окончил ускоренный выпуск воен. училища. До Февральской революции был на военной службе. В Февральскую революцию принимал активное участие в борьбе, в Киеве, в декабре 1917 г. В Октябрьскую революцию был назначен членом коллегии народн. образования и затем заведывающим внешкольным образованием в г. Серпухове; работал в союзе работников просвещения на должности заместителя председателя Союза. Затем принял участие в Гражданской войне на должностях: военкома Оперупра Южн. фронта в 1919 г., Комиссара Штаба южн. фронта по июль 1920 года. Участвовал в боях на южн. фронте; ранен. Награжден орденом Красного Знамени. Член РВС 2 конной армии по 1 января 21 г. 5 февр. 1921 г. назначен комиссаром Военной Академии по политической части, после чего получил назначение Пом. Начальника Главвоздухфлота. В настоящее время Главн. Комиссар Снабжения РККА.

Печерский, Лев Филиппович.

Род. в 1885 г. Образование получил высшее. Был делегатом 7 и 8 С'ездов Советов, был членом Саратовского и Ростовского Совета, Назначен 16 августа 1921 г. Помощником по политической части Начальника В. Академии; избран членом Московск. Совета Р. К. и К. Д. 22 февр. 1922 г, назначен заместителем ПУР'а по вопросам работы В. В. У. З. 17 окт. 1922 г. назначен членом Р. В. С. Туркфронта с отчислением от должности Пом. Нач. В, Академии по политической части.

Муклевич, Ромуальд Адамович.

Род. в 1890 г. в Белостоке, в семье фабричных рабочих. После окончания народной школы в 1904 г. поступил на фабрику в качестве рабочего-текстильщика. В 1904—09 г.г. работал в Белостоке на сук. фабриках Вельтера, Гасбаха и Лунского. В 1909—12 г.г.—в Лодзи на фабриках А. Мейстера и Я. Штейгердта. В 1912 г. призван на военную службу и служил рядовым в 22 и 23 пограничных бригадах, затем в Черноморском и Балтийском флотах и в школе моторных машинистов в Петрограде. Во время военной службы находился под жандармским надзором.

В партию вступил в 1906 году. В 1907—09 году был секретарем белостокского комитета партии и секретарем профсоюза текстильщиков. В 1907 году сидел три месяца в белостокской тюрьме за организацию забастовки. В 1912 году был секретарем Лодзинского окружного комитета партии.

Принимал активное участие в февральской и Октябрьской революции в Петрограде и был членом питерского совета с мая 1917 г. по февраль 1918 г. Во время наступления немцев на Петроград участвовал рядовым в отряде Дыбенко в боях на линии Ревель—Нарва. В ноябре 1918 г. участвовал в отряде Фабрициуса в боях с белогвардейцами под Псковом, в апреле 1919 года в уличных боях в Вильне и на линии Вильна—Свенцяны.

В Красной армии с момента ее основания. Последовательно занимал должности: комиссара части, Виленского и Минского помгубвоенкома, начальника штаба Свенцянской группы Западной армии, члена совета укрепленных узлов Минск и Бобруйск, комиссара штаба 16 армии, председателя Виленского ревкома, члена Реввоенсовета Запфронта и друг. 17 августа 1922 г. назначен комиссаром Военной Академии РККА.

По партийной линии во время революции был секретарем Виленского комитета партии, членом заграничного Ц. К. Компартии Польши, членом заграничного бюро компартии Литвы, делегатом III конгресса Коминтерна и др. Был членом ВЦИК 9-го созыва.

Главные руководители.

Верховский, Александр Иванович.

Родился 1886 году. Общее и специальное военное образование получил в Пажеском корпусе. За сочувствие, выраженное в беседе с товарищами, движению рабочих и установлению представительного строя в России разжалован 28-го марта 1906 г. из камер-пажей и направлен вольноопределяющимся в действующую против Японии армию. За отличие награжден солдатским Георгием и произведен в офицеры. В 1911 году кончил первым Военную Академию с присуждением конференцией Академии премии за лучшую стратегическую тему и командирован с научной целью за границу. В должности старшего ад'ют. Финляндской стрелк. бригады выступил в поход против Германии, который провел весь на различных должностях Генерального Штаба; награжден Георгиевским оружием и Георгием 4-й степени. Февральская революция застала его на должности Нач. штаба дивизии в Севастополе; избран офицерской секцией в Совет С. и Р. депутатов. В Совете избран тов. председателя. В мае 1917 г. назначен командующим Московским воен. округом. В августе—военный министр во Временном правительстве. 19-го октября оставил правительство. Расходясь с Советской властью в вопросах о Брестском мире и о внутренней политике военного коммунизма до первой германской революции не участвовал в работе. С декабря 1918 г. начал службу при Советском правительстве Начальн. оперативного отдела в штабе Петроградского воен. округа и с мая 1920 г. состоял в должности главного инспектора ГУВУЗ'а, а с сентября 1922 г.—главным руководителем по тактике в Военной Академии. В 1922 г. приглашен экспертом по воен. делам в состав нашей делегации в Генуэ и на Московск. конферен. по разоружению

Ученые труды его: 1) Управление корпусом. Изд. 1911 г. 2) Подготовка унтер-офицеров. Изд. 1913 г. 3) История сербско-турецкой войны Изд. 1913 г. 4) Россия на Голгофе. Изд. 1918 г. 5) Сокращенная тактика для командных курсов. Изд. 1919 г. 6) Тактика и метод ее преподавания на 4 месячных командн. курсах. Изд. 1920 г. 7) История Военного Искусства в России. Изд. 1921 г. 8) Пособие по общей тактике. Изд. 1922 года.

Главрук по стратегии и истории военного искусства.

Свечин, Александр Андреевич.

Родился в 1879 г. Образование получил высшее в Академии Генерального Штаба. Участник японской войны 1904—1905 г.г. Отказавшись от

перевода в Ген. Штаб, командовал ротой в 22 В. Сиб. стр. полку. В Мировую войну начал службу в Ставке, затем командовал 1½ года 6-м стр. полком; после чего ему поручено сформировать Черноморскую дивизию для десанта в Константинополе. Февральская революция помешала исполнению этой операции, и он назначен Начальником Штаба 5-й армии. За атаку герм. пех. полка, последствием чего был захват 3 германских батарей, получил боевое отличие—орден св. Георгия 4 ст. Тяжело ранен. В Красную армию поступил в марте 1918 г. на должность Военрука Смоленского района, где сформировал 4 красн. дивизии; в августе того же года назначен начальником Всероссийского Главн. Штаба и через 3 месяца перешел на научную работу в Академии Ген. Штаба, будучи назначен первым ее профессором, где сначала занял кафедру по службе Ген. Штаба, затем по Истории военного искусства и с января 1922 г. назначен Главруком по Истории военного искусства, а с учебн. 1923 г. и по стратегии. Одновременно с Академией был с 1918 по 1921 г. Председателем Военно-Историческ. Комиссии.

Военно-литературная работа его началась 25 лет тому назад; перу его принадлежит масса научных статей в различных военных и общих журналах и, кроме того, выпущен ряд ученых трудов его: 1) Война в горах. Изд. 1907 г. 2) В Восточном отряде. Изд. 1908 г. 3) Русско-японская война 1904—05 г. Изд. 1910 г. 4) Воздухоплавание в Германии. Изд. 1910 г. 5) Тактические уроки Русско-японской войны. Изд. 1912 г. 6) Предрассудки и боевая действительность. Изд. 1917 г. 7) История военного искусства в 3-х частях. Изд. 1922 г. (Некоторые из его трудов переведены на иностр. языки). Под его редакцией вышло несколько переводных трудов; из последних — Людендорф „Мои воспоминания".

Главрук по военной истории.

Новицкий, Василий Федорович.

Родился в 1869 г. В бытность в Михайловск. Артиллерийск. Учил. за „вольнодумство" был сослан на 4 года в Туркестанск. арт. бригаду, но через 2 года был возвращен в училище и произведен в офицеры в 1889 г. Образование получил высшее. Окончил Академию Генерального Штаба. За отличные успехи в науках в Академии награжден серебряной медалью с занесением имени его на мраморную доску и командирован с научной целью за границу—в Британскую Индию для ознакомления с англо-индийской армией. В 1900 г., командуя ротой в Туркестанской бригаде, принял участие в Джаркентском походе (китайском). В 1904—05 г.г. участвовал в войне с Японией, находясь в Штабе 2-й Маньчжурской армии. В мае 1912 г. избран конференцией Военной Академии профессором по кафедре военного искусства, но 2 года не был утверждаем в этом звании по соображениям „внутренней политики". С началом войны 1914 г. сдал полк и принял бригаду в той же дивизии, с которой и совершил поход в Вост. Пруссию в составе 1-й армии. Затем последовательно занимал на фронте должности: ген. квартирмейстера 1-й армии, начальника 5-й стр. бригады и начальника 73 пех. дивизии, участвуя в многочисленных боях и операциях 1914, 1915 и 1916 г.г. на северном и западном фронтах. В начале марта 1917 г. вызван Временным правительством в Петроград и назначен помощником Военного Министра. По оставлении этой должности в мае, назначен командиром 2-го Сиб. корпуса, с которым принял участие

в осенних боях 1917 г. под Ригой. В начале ноября назначен командующим 12-й армией, а вскоре после этого—Главнокомандующим армиями Северного фронта и флотом Балтийского моря. На этой должности, по постановлению фронтового солдатского с'езда, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда был освобожден по распоряжению Совнаркома. В конце декабря 1917 г. вернулся в старую Академию на должность профессора; при эвакуации Академии в Екатеринбург весной 1918 г. остался в Петрограде и в октябре этого же года вызван в Москву, где назначен профессором во вновь сформированную Академию Генерал. Штаба и военным руководителем высшей военной инспекции. По расформировании последней сосредоточил свою деятельность в Академии, где стал читать лекции по Мировой войне. В 1922 г. назначен главным руководителем по кафедре Военной истории. В том же году состоял военным экспертом наших делегаций на Генуэзской и Московской по разоружению конференциях. За время службы в старой армии неоднократно был командирован как военным ведомством, так и Географическим Обществом с научной и разведывательной целями в Индию, Монголию, Тибет, Бухару, на Кавказ, в пограничные области Афганистана, Персии и др. места.

С молодых лет принимал участие в литературе и журналистике, будучи постоянным сотрудником „Руси", „Речи", „Русского Инвалида" и др. газет и журналов. В 1905 г. в числе нескольких офицеров издавал военно-общественную газету „Военный Голос", закрытую правительством за свое „революционное" направление. Был одним из инициаторов и главных редакторов „Военной энциклопедии", начатой в 1910 г. и вышедшей до 1914 года в 18 томах.

Ученые труды его: 1) Военные очерки Индии. Изд. 1901 г. 2) Из Индии в Фергану. Изд. 1903 г. 3) Поездка в хребет Петра Великого в 1903 г. Изд. 1904 г. 4) В горах Кавказа. Изд. 1903 г. 5) Стратегич. очерк наступления 2 Маньчжурской армии в январе 1905 г. Изд. 1906 г. 6) По Восточной Монголии. Изд. 1907 г. 7) На пути к усовершенствованию государственной обороны. Изд. 1909 г. 8) Японцы о боях у Сандепу. Изд. 1908 г. 9) Путешествие в Монголии, совершенное в 1906 г. Изд. 1911 г. 10) От Шахэ к Мукдену. Изд. 1912 г. 11) Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 г. Изд. 1920 г.

Главрук по кафедре военной администрации.

Щолоков, Иван Иванович.

Родился в 1873 г. Образование получил высшее, окончив Академию Генерального Штаба. По службе Ген. Штаба последовательно прошел через должности в штабах: дивизии, корпуса, округа и Главном Управлении Ген. Штаба. Занимал должности начальника Мобилизационного и Оперативного Отделений Главного Управления Генерального Штаба, по подготовке к войне.

Участник Русско-Японской и Мировой войны. В Мировую войну ведал первые два года оперативной частью штаба Верховного Главнокомандующего, был нач-ком Штаба русских войск во Франции и помощником представителя русской армии при Франц. Главной Квартире. Командовал на русском фронте 11 Сибирским стрелковым полком. Занимал должность начальника Управления по демобилизации Северного фронта.

В Красной армии занимал должности: начальника Штаба Ярославск. военного округа и начальника Мобилизационного Управления Всероссийского Главного Штаба. С 1922 года преподавал в Воен. Академии историю Мировой войны и читал лекции по вопросам подготовки государства к войне и мобилизации. С 1923 г.—штатный руководитель по кафедре Воен. Администрации.

Ученые труды его: 1) Краткий стратегический очерк Мировой войны. 2) Подготовка России к войне и 3) Мобилизация государства и армии. Изд. 1923 г.

Главрук по военной географии.

Снесарев, Андрей Евгеньевич.

С марта 1923 г. назначен и. д. Главрука по военной географии. (Сведения о нем см. в перечне Начальник. Академии).

Ученые труды его: См. стр. 403.

Главрук по артиллерии.

Смысловский, Евгений Константинович.

Родился в 1868 г. Образование получил высшее в Михайловской Артиллерийской Академии. Служил в строю, последовательно пройдя все должности до командира артиллерийской бригады.

С 1912 по 1915 г. занимал должности помощника Начальника ГАУ. Участвовал в Германской войне, занимая с 1916 года должность инспектора артиллерии Особой армии. В ноябре 1918 г., по приглашению т. Подвойского, поступил на службу в Высш. Воен. Инспекцию РККА. С августа 1920 г.—Председателем Артиллерийского Комитета, каковую должность исполняет и доныне; кроме того, состоит членом Малого и Высшего Академического Советов, руководителем по тактике артиллерии Высших Военно-Академических курсов, главным руководителем по кафедре артиллерии Единой Военной Академии и членом Стрелкового Комитета. Состоит редактором Артиллерийского отдела журнала „Техника и снабжение Красной армии".

Ученые труды его: Современная полевая скорострельная артиллерия. Полевой счислитель. Стрельба дивизиона. Трансформированная панорама. Ряд отдельных статей в „Русском Инвалиде", „Военном Сборнике, „Артиллерийском журнале". Сотрудничает в журналах „Военный Вестник", „Военное Знание", „Военная Мысль и Революция" со времени их основания, помещая статьи по артиллерийским и стрелковым вопросам, по вопросам техники и военного образования. Написал брошюры и статьи для красноармейцев и младшего командного состава: Обязанности артиллериста. Организация артиллерии, Орудийный начальник, „Артиллерия стреляет—пехота наступает", конспект лекций по тактике артиллерии на ВАК.

Главрук по Воен.-Инженер. делу.

Невский, Георгий Георгиевич.

Род. в 1891 г. Образование получил высшее. Участвовал в Германской войне по своей специальности до сент. 1917 г., когда был команди-

рован в Инженерную Академию, которую и окончил в 1918 г., получив права военного инженера. После Октябрьской революции поступил добровольно на службу в Красную армию на должность командира инженерного батал. (который сформировал); с 1919 г. занимал должность начальника Инженерного Снабжения Западного фронта, а в 1920 г. назначен помощником Начальника Главного Военно-Инженерного Управления. С 1922 г. приглашен в Воен. Академию на должность Главного руководителя по Фортификации.

Ученые труды его: 1) Полевое Военно-Инженерное Дело. Изд. 1921 г. 2) Таблицы организации инж.-технических войск РККА. Изд. 1922 г. 3) Вопросы заблаговр. подготовки страны. 4) Боевое применение инженерных войск. 5) Опыт исследования современных форм заблаговрем. укр. (крепости). 6) Групповое укрепление и ряд статей в различных военных журналах.

Главрук по социально-экономическим наукам.

Горев, Борис Исаакович.

Род. в 1874 г. Получил высшее образование в Петербургском университете по естественному факультету. С самого начала 90 х годов примкнул к соц.-демократ. движению и в середине 90-х годов был одним из руководителей Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса", основанного Лениным. После того, был членом Р. С. Д. Р. П. с самого ее основания, а с 1917 г.—членом ее Ц. К. Состоял в организации меньшевиков до 1920 г., после чего, являясь по убеждению революционным марксистом, т. е. коммунистом, остается формально вне партии.

Много раз при царском правительстве сидел в тюрьме за с.-д. деятельность, четыре раза был в ссылке в Вост. Сибири. Годы тюрьмы. ссылки и эмиграции использовал для пополнения своего образования, причем специализировался на теории и истории социализма.

С 1918 г. преподает в высш. учебных заведениях, в том числе и в военных. С 1920 г.—читает лекции в Военной Академии. В настоящее время, кроме Академии, состоит профессором 1-го Московского Государственого Университета. С 1922 г. член Социалистической Академии.

До 1917 г. сотрудничал в нелегальных и легальных с.-д. журналах. В 1917 г. был редактором петербургской меньшевистской газеты.

Важнейшие печатные труды: 1) „Анархические течения в первой русской революции". 2) „Бакунин". 3) „Бланки". 4) „Плеханов" 5) „От Томаса Моора до Ленина". 6) „Материализм—философия пролетариата". 7) „На идеологическом фронте" (сборник статей) и 8) „История социализма".

Кроме того, ряд статей, напечатанных в журналах „Печать и Революция", „Красная Новь", „Под знаменем марксизма", „Каторга и ссылка" и друг.